

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

I Минские криминалистические чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 20 декабря 2018 г.)

В двух частях

Часть 2

Минск
Академия МВД
2018

УДК 343.98
ББК 67.52
М62

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук,
доцент *М.П. Шруб* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук, доцент *П.В. Грідюшко*;
кандидат юридических наук, доцент *В.М. Логвин*;
кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*;
кандидат юридических наук *И.В. Пашута*;
кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Тукало*

I Минские криминалистические чтения : материалы Меж-
М62 дунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учрежде-
ние образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.:
М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018.
ISBN 978-985-576-161-8.
Ч. 2. – 466, [2] с.
ISBN 978-985-576-163-2.

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы уголовного процесса, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности.

Издание рассчитано на преподавателей, научных работников, адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов, студентов, слушателей учреждений высшего образования юридического профиля, практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.98
ББК 67.52

ISBN 978-985-576-163-2 (ч. 2) © УО «Академия Министерства внутренних
ISBN 978-985-576-161-8 дел Республики Беларусь», 2018

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.98

О.А. Адамович

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ЭЛЕМЕНТОВ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

XXI век отличается стремительным развитием информационных технологий, которые представляют собой комплекс программного и аппаратного обеспечения и предназначены для реализации определенных функций и задач. Совершенствование информационных технологий приводит к изменениям во всех сферах жизни и повышению уровня комфорта для каждого человека. Привычные сегодня виды услуг – образование и медицинское обслуживание, финансовые сервисы переходят на цифровой формат и становятся более качественными и удобными. В настоящее время за Республикой Беларусь прочно закрепилась репутация ведущей IT-страны в Восточно-Европейском регионе.

Внедрение новых информационных технологий в деятельность государственных органов, а также в сферу уголовного судопроизводства (предварительного расследования) является неизбежным ответом на запросы современного общества и государства.

Внимание законодателя к созданию электронного документооборота и развитию информационного общества обращено еще в 2000 г., с момента принятия Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 357-З «Об электронном документе», регламентирующего отношения государственных органов, организаций и физических лиц в сфере обращения электронных документов и электронной цифровой подписи. С учетом дальнейшего развития электронного документооборота 28 декабря 2009 г. издан Закон Республики Беларусь № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», которым признан утратившим силу первый закон.

В целях последовательного совершенствования информационного общества 8 ноября 2011 г. издан Указ Президента Республики Беларусь № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», согласно которому в состав Совета по разви-

тию информационного общества при Президенте Республики Беларусь были включены Председатель Следственного комитета и Министр внутренних дел Республики Беларусь; государственным органам и иным государственным организациям, в том числе подчиненным Конституционному Суду, Верховному Суду, Высшему Хозяйственному Суду, Комитету государственного контроля, Генеральной прокуратуре, были поручены приобретение (разработка, модернизация) до 1 января 2015 г. ведомственных систем электронного документооборота, принятие мер по поэтапному сокращению к 2016 г. количества документов на бумажных носителях (согласно изменениям и дополнениям, внесенным Указом Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2013 г. № 157).

С 1 июня 2016 г. функционирует специальный портал Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по администрированию электронных счетов-фактур, которые с указанной даты являются обязательным электронным документом для всех плательщиков налога на добавленную стоимость. На официальном сайте Верховного Суда Республики Беларусь уже в 2017 г. был создан раздел «Электронное судопроизводство», в котором после прохождения процедуры регистрации возможно получить доступ к банку данных судебных постановлений, расписанию судебных заседаний, картотеке дел по экономическим делам.

Вместе с тем в настоящее время в сфере уголовного судопроизводства (предварительного расследования) элементы электронного уголовного дела и информационные технологии используются недостаточно, что не в полной мере отвечает уровню их развития.

Проработка вопросов внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство активно осуществляется во многих странах постсоветского пространства: в Российской Федерации – с 2010 г., в Республике Казахстан – с 2013 г. С ноября 2016 г. в Азербайджанской Республике на базе Министерства налогов запущен в работу модуль «Электронное уголовное дело». Применение автоматизированной информационной системы «Уголовное преследование: Е-дело» стало обязательным для сотрудников прокуратуры Республики Молдовы с 1 июля 2017 г. Следственным комитетом Республики Армения в практической деятельности используются системы «Электронное следствие» и «Оцифровка уголовных дел» [1, с. 73].

В настоящее время Следственным комитетом Республики Беларусь изучаются зарубежный опыт ведения досудебного производства в электронном виде и возможность его применения в белорусском уголовном процессе.

Внедрение в отечественный уголовный процесс электронного уголовного дела либо отдельных его элементов в условиях прогрессирующих информационных технологий неизбежно.

Так или иначе, большинство документов по материалу доследственной проверки либо уголовному делу создается следователями с использованием персональных компьютеров (постановления, протоколы следственных действий, запросы, справки и т. д.). Некоторые уголовные дела в силу сложности расследования, многочисленных судебных экспертиз, большого числа свидетелей и потерпевших являются достаточно громоздкими. При этом бумага как носитель информации не защищена от повреждения и уничтожения, что может привести к бесследному исчезновению доказательств. В связи с этим возникает необходимость перехода на новую форму уголовного дела.

Вопрос о необходимости использования в уголовном судопроизводстве информационных технологий, в том числе электронных уголовных дел, обсуждается многими российскими учеными: Л.Г. Халиуллиной, Ю.Н. Познанским, В.А. Сарлыбаевым, А.А. Сарапуловым, А.В. Аносовым, В.В. Сасом и др. [2–7].

Актуальность данной темы подтверждается также практической деятельностью отечественных следователей.

Так, еще до того, как УПК Республики Беларусь был дополнен ст. 224¹ и 343¹, регламентирующими порядок производства следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (5 января 2016 г.), следователи на практике осуществляли допросы участников уголовного процесса, находившихся за пределами республики, с использованием программы Skype. Они были вынуждены оформлять такие следственные действия, как проведение проверки показаний свидетеля, который располагал интересующей следствие информацией, ставшей известной от участника уголовного процесса, находившегося за границей. По мнению отдельных юристов, производство указанного следственного действия не в полной мере отвечало требованиям УПК. Вместе с тем такая форма процессуального оформления показаний была обусловлена желанием ускорить установление фактических обстоятельств по расследуемому уголовному делу, не дожидаясь результатов исполненных международных просьб.

Наиболее оптимальным вариантом внедрения в отечественный уголовный процесс элементов электронного уголовного дела является создание программного обеспечения, позволяющего следователю осуществлять производство по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, уголовным делам в электронном виде с возможностью помещать в него отсканированные бумажные документы, электронные файлы, а также представляющего доступ к нему сотрудников, осуществляющих ведомственный контроль.

Функционирование в Следственном комитете Республики Беларусь данного программного обеспечения видится следующим образом:

установление соответствующего программного обеспечения на персональных компьютерах всех следователей, сотрудников, осуществляю-

щих процессуальный контроль по материалам доследственных проверок и уголовным делам;

предоставление следователям, сотрудникам, осуществляющим ведомственный процессуальный контроль, логинов и паролей для доступа к системе, а также электронной цифровой подписи;

формирование в программном обеспечении личных кабинетов сотрудников, имеющих доступ к системе;

заведение сотрудником, которому поручено проведение проверки по заявлению (сообщению) о преступлении либо принятие решения о возбуждении уголовного дела и осуществление предварительного расследования, соответствующей электронной папки материала проверки либо уголовного дела (номера дел либо материалов проверки присваиваются программой автоматически);

максимальное использование загруженных в автоматизированную систему шаблонов процессуальных решений (постановлений), принимаемых по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, а также в ходе предварительного расследования, и других используемых документов (запросов, сопроводительных, справок и т. д.);

наличие в программном обеспечении параметров, позволяющих автоматически установить информацию, представляющую интерес для следствия, содержащуюся в других папках материалов проверок и уголовных дел (сведения о других заявлениях (сообщениях) о преступлениях, уголовных делах в отношении этого же гражданина, о сходных предметах преступного посягательства, аналогичных способах совершения преступления, разыскиваемых гражданах, похищенных предметах, изъятых аналогичного рода психотропных веществах и т. д.);

автоматическое напоминание системой об истекающих процессуальных сроках по материалу проверки либо уголовному делу;

учет и систематизация в режиме реального времени, а также по отчетным периодам необходимых статистических сведений (о количестве находящихся в производстве материалов проверок, уголовных дел, принятых решений о возбуждении, отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении, прекращении предварительного расследования, передаче дела прокурору для направления в суд, квалификации преступлений, сроках доследственной проверки и расследования уголовного дела и т. д.).

При данной модели программного обеспечения следователь, используя предоставленные ему логины и пароли, создает соответствующую электронную папку по материалу проверки либо уголовному делу.

Создание такой папки осуществляется в личном кабинете пользователя путем введения в соответствующий раздел программы данных

о поступившем заявлении (сообщении) о преступлении либо создании постановления о возбуждении уголовного дела (в случае невозможности создания постановления о возбуждении уголовного дела непосредственно в программном обеспечении в папку загружается отсканированная версия бумажного носителя).

Все процессуальные документы по материалу проверки либо уголовному делу создаются следователем в системе, в исключительных случаях в программу загружаются отсканированные бумажные документы (постановления, протоколы и т. д.).

При вводе в систему процессуального решения программное обеспечение должно автоматически предлагать варианты (шаблоны) всех возможных процессуальных решений, принимаемых по данной категории дел (материалов проверок). После выбора шаблона программа заимствует необходимые сведения (фабулу, Ф.И.О. фигурантов и т. д.) из других электронных документов по данному делу (материалов проверки).

Например, при создании постановления о назначении экспертизы система заимствует фабулу из постановления о возбуждении уголовного дела и предлагает на выбор всевозможные варианты вопросов, которые можно поставить перед экспертом, в зависимости от вида экспертизы и квалификации преступления.

При создании постановления о привлечении в качестве обвиняемого программа также предлагает имеющиеся в банке данных образцы постановлений по данной категории дел со сходным способом совершения преступления. Работая в программном обеспечении, следователь не сможет создать постановление о привлечении в качестве обвиняемого без указания в нем времени, места, способа совершения преступления и других обязательных данных, предусмотренных ст. 241 УПК.

При этом программное обеспечение должно обеспечить невозможность создания процессуального документа при наличии в нем ссылок на неверные нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также несоответствия логики по отношению к другой имеющейся в программном обеспечении информации.

Выбрав наиболее подходящий вариант, следователь создает (редактирует) соответствующий документ, заверяя его персональной электронной цифровой подписью.

Материалы проверки либо уголовного дела распечатываются на бумажный носитель при необходимости ознакомления с ними участников уголовного процесса, передаче дела прокурору для направления в суд, запросе в другие ведомства.

Ведомственный процессуальный контроль по материалу проверки либо уголовному делу осуществляется путем входа уполномоченного

сотрудника в личный кабинет пользователя посредством ввода логина и пароля. Согласование решений осуществляется путем соответствующих отметок в программном обеспечении, выполнение которых возможно только самим сотрудником, осуществляющим процессуальный контроль. При несогласии с процессуальным решением уполномоченный сотрудник выносит соответствующее решение об отмене, работая непосредственно в самой системе и заверяя документ электронной цифровой подписью, либо загружает в систему отсканированный вариант бумажного носителя постановления.

Современные приложения к мобильным устройствам и компьютерам позволяют преобразовывать живую речь в текст. Например, приложение RealSpeaker способно распознавать не только аудиофайлы, но и живую речь, наговариваемую на камеру устройства. За счет специального видеорасширения программа считывает движение губ, тем самым улучшая процесс распознавания речи до 20–30 %, поддерживает 11 языков: русский, английский (американский и британский диалекты), французский, немецкий, китайский, корейский, японский, турецкий, испанский, итальянский и украинский.

Установление подобных программ на персональные компьютеры следователей существенно облегчит их труд при производстве с использованием компьютера следственных действий. Например, при проведении допроса, очной ставки программа переводила бы живую речь в текст и следователю необходимо было бы только проверить правильность данного перевода и отредактировать текст. При этом следователь был бы сосредоточен непосредственно на следственном действии, не отвлекаясь на набор текста.

Производство по уголовному делу в электронном виде имеет ряд преимуществ:

- существенное сокращение сроков предварительного расследования и доследственных проверок;
- единообразный подход к систематизации материалов уголовного дела или доследственной проверки;
- снижение рисков фальсификаций материалов уголовного дела, ошибок при составлении процессуальных документов;
- возможность осуществления процессуального контроля по материалу проверки либо уголовному делу в режиме реального времени;
- автоматизация ведения статистики по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, уголовным делам;
- сокращение финансовых расходов.

Таким образом, в настоящее время имеются все предпосылки внедрения в отечественный уголовный процесс элементов электронного уголовного дела и новейших достижений информационных технологий.

Вместе с тем полная замена привычного варианта осуществления доследственной проверки и предварительного расследования на электронную модель возможна лишь в случае обеспечения ее должной защиты от вирусов, вредоносных программ, а также хакерских атак.

1. Саргосян Г.М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения // Предвар. расследование. 2017. № 2.
2. Халиуллина Л.Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4.
3. Познанский Ю.Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Тр. Акад. упр. МВД России. 2015. № 1.
4. Сарлыбаев В.А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2.
5. Сарапулов А.А. Информационные технологии в уголовном процессе: история, современное состояние, перспективы // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. «Право». 2013. № 2.
6. Аносов А.В. Электронное правосудие как инструмент развития информационной функции государства // О-во и право. 2013. № 1.
7. Сас В.В. «Электронное правосудие» как элемент «сетевое общества»: теоретические проблемы // Юрид. наука. 2012. № 2.
8. Бычков С.С., Попов А.М. Обеспечение информационной безопасности в системах электронного документооборота // Решетнев. чтения. 2013. Т. 2, № 17.

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Каждое государство имеет собственное законодательство, которое отличается от других. Это касается и однородных отраслей права. Подобная тенденция не обошла стороной и страны СНГ, несмотря на их общее прошлое в составе СССР.

Проанализируем и сравним применение меры пресечения в виде заключения под стражу в Республике Беларусь, Российской Федерации и Азербайджанской Республике.

Заключение под стражу регламентируется соответственно УПК Республики Беларусь 1999 г., УПК Российской Федерации 2001 г. и УПК Азербайджанской Республики 2000 г. В Беларуси и России данная мера уголовно-процессуального принуждения называется заключением под стражу (ст. 116 УПК Беларуси и ст. 98 УПК России), в Азербайджане – арестом (ст. 154 УПК Азербайджана). Во всех государствах данная мера является наиболее строгой.

В Беларуси и России заключение под стражу может применяться как к обвиняемым, так и к подозреваемым (ст. 126 УПК Беларуси и ст. 108 УПК России), а в Азербайджане – только к обвиняемым (ст. 154 УПК Азербайджана). Полагаем, что в этой связи права и свободы лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию, в Азербайджане более защищены. Подтверждением указанного довода является то, что «если для постановки лица в положение подозреваемого достаточно такое количество данных, которое порождает возникновение у органа уголовного преследования обоснованного предположения о совершении лицом деяния, содержащего признаки преступления (т. е. подозрения), то для привлечения в качестве обвиняемого ему необходимо наличие достаточных доказательств виновности этого лица в инкриминируемом ему деянии, позволяющих органу уголовного преследования утверждать этот факт» [1, с. 164–165]. Безусловно, это означает, что при предъявлении обвинения у органов уголовного преследования имеется высокая степень достоверности, что лицо совершило конкретное преступление. В этом случае досудебное лишение его свободы выглядит оправданной, чем при возникновении подозрения.

Основания для применения заключения под стражу в исследуемых УПК сходны: наличие достаточных оснований полагать, что лицо может скрыться от органов уголовного преследования и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу, продолжить заниматься преступной деятельностью, а также противодействовать исполнению приговора (ст. 117 УПК Беларуси, ст. 155 УПК Азербайджана, ст. 97 УПК России). В то же время в ст. 126 УПК Беларуси содержатся специальные основания применения заключения под стражу. Первым является подозрение или обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против мира и безопасности человечества, государства, военного преступления, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека. Второе применяется в исключительных случаях к лицам, подозреваемым или обвиняемым в менее тяжких преступлени-

ях против порядка осуществления экономической деятельности. Нельзя не согласиться с доводами Л.Л. Зайцевой, что «специальные основания применения данной меры пресечения и установленные при ее избрании исключения и запреты сформулированы законодателем чрезвычайно широко и довольно противоречиво. Это позволяет органам уголовного преследования и суду использовать предоставленное им право на применение заключения под стражу в отношении значительного числа подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений различной степени тяжести» [2, с. 56–57]. Как видим, уголовно-процессуальное законодательство России и Азербайджана в этом вопросе более либерально.

В общем порядке в Азербайджане и Беларуси данная мера пресечения может применяться к лицам, подозреваемым или обвиняемым в преступлениях, за которые в качестве уголовного наказания предусмотрено лишение свободы на срок свыше 2 лет, в России – 3 лет. При этом вышеуказанные нормы не действуют, если лица не имеют постоянного места жительства или их личность не установлена (в России и Беларуси), а также для пресечения сокрытия лица от органов уголовного преследования и воспрепятствования им производству по уголовному делу (в Азербайджане).

В анализируемых УПК содержатся нормы об обстоятельствах, учитываемых органами уголовного преследования при избрании мер пресечения (ч. 2 ст. 117 УПК Беларуси, ч. 2 ст. 155 УПК Азербайджана, ст. 99 УПК России). Их сравнение позволяет выделить общее – личность лица, заключаемого под стражу, его возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное положение. В Беларуси и Азербайджане дополнительно учитывается имущественное положение лица, в отношении которого избирается данная мера пресечения. Считаем это не совсем корректным в связи с имеющимися в УПК обеих стран норм-принципов о равноправии лиц перед законом (ст. 20 УПК Беларуси и ст. 11 УПК Азербайджана). Также в Беларуси и Азербайджане учитываются факт наличия постоянного места жительства, характер и условия совершения деяния (в УПК Беларуси характер подозрения или обвинения). В России и Азербайджане тяжесть преступления включена в вышеуказанные обстоятельства, а не является основанием применения меры пресечения, как в Беларуси. В Азербайджане факт совершения лицом ранее преступления либо применения к нему меры пресечения также учитывается при взятии лица под стражу.

Порядок применения заключения под стражу в этих государствах на стадии предварительного расследования кардинально различается. В Азербайджане и России заключение под стражу избирается судом путем вынесения постановления. При этом данный вопрос разрешается по

ходатайству следователя и представлению прокурора в Азербайджане, в России – по ходатайствам следователя (с согласия его руководителя) или дознавателя (с согласия прокурора). В Беларуси в общем порядке на стадии предварительного расследования установлен санкционный порядок применения заключения под стражу (согласно ч. 2 ст. 119 УПК Беларуси на это уполномочен прокурор или его заместитель по ходатайству следователя или органа дознания). Подчеркнем, что прямой судебный контроль за заключением под стражу в полной мере соответствует международным нормам права, содержащимся в ст. 9 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах и ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Отметим, что в УПК Беларуси сохранена преемственность норм УПК БССР 1960 г. о санкционировании рассматриваемой меры пресечения на стадии предварительного расследования прокурором (ст. 91). Полагаем, что это не в полной мере обеспечивает защиту прав и свобод лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию, так как прокурор при даче санкции либо непосредственном применении заключения под стражу может выступать в суде стороной обвинения, что создает предпосылки к отсутствию объективности при принятии им решения. Кроме того, в Беларуси председатели Комитета государственной безопасности и Следственного комитета уполномочены на принятие решений о применении исследуемой меры пресечения, поскольку данные должностные лица являются органами уголовного преследования. П.В. Мытник предполагает, что включение в их компетенцию ограничения конституционных прав (в том числе применение рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения) «обусловлено стремлением усилить и активизировать борьбу с коррупцией. В уголовном процессе других государств руководители следственных ведомств подобными „сверхполномочиями“ не обладают» [3, с. 106]. С этим доводом нельзя не согласиться, так как не исключено наличие определенной субъективности при принятии этими должностными лицами решений о применении заключения под стражу. Следует согласиться с доводами Л.Л. Зайцевой о том, что законодательная реализация санкционирования рассматриваемой меры пресечения судом способствовала бы уменьшению количества необоснованного ее применения на практике [4, с. 112].

Правовая регламентация сроков содержания лиц под стражей и продления действия этой меры уголовно-процессуального принуждения в Беларуси, России и Азербайджане различна. Согласно ст. 127 УПК Беларуси срок содержания лиц под стражей составляет не более двух месяцев, при этом предусмотрена возможность его продления. На стадии предварительного расследования продление срока производится

уполномоченным прокурором или его заместителем соответственно до трех и до шести месяцев. Допускается продление срока содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, до 18 месяцев. Свыше этого срока лицо может быть лишено свободы для его выдачи Республике Беларусь, для окончания предварительного расследования по уголовному делу после выдачи (но не более чем на 6 месяцев), а также в случае необходимости ознакомления обвиняемого и его защитника с уголовным делом при исчерпании предельного срока содержания под стражей (допустимо продление срока действия меры пресечения Верховным Судом до 6 месяцев). На судебных стадиях уголовного процесса продление сроков содержания лиц под стражей ежемесячно осуществляется судом, рассматривающим уголовное дело (до 6 месяцев, а при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях – до 12 месяцев). Допускается продление указанных сроков по согласованию с Председателем Верховного Суда Республики Беларусь до 6 месяцев. Нормы о сроках содержания под стражей в УПК России аналогичны нормам УПК Беларуси. Однако субъектом, уполномоченным на продление действия меры пресечения, является суд. Помимо этого в России нет предельного срока содержания лиц под стражей при ознакомлении их и их защитников с материалами уголовного дела. На судебных стадиях уголовного процесса срок содержания под стражей составляет 6 месяцев. По уголовным делам по факту совершения тяжких и особо тяжких преступлений он может продлеваться судом каждый раз, но не более чем на три месяца (т. е. норма о предельных сроках отсутствует). В этой связи следует с положительной стороны оценить вышеуказанные нормы права о содержании лиц под стражей в Беларуси. Наличие предельных сроков действия меры пресечения на судебных стадиях уголовного процесса, согласование их продления с Верховным Судом Республики Беларусь способствуют в большей степени, чем в России Федерации, обеспечению прав и свобод лиц, взятых под стражу. В Азербайджане существует иной подход к данному вопросу. Сроки действия заключения под стражу определяются в зависимости от категории преступления, в котором обвиняется лицо (ст. 158–159 УПК Азербайджана): 2 месяца по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности; 3 месяца по преступлениям небольшой тяжести; 4 месяца по тяжким и особо тяжким преступлениям. Продление этих сроков осуществляется судом до 1 месяца по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности; 2 месяцев по преступлениям небольшой тяжести; 3 месяцев по тяжким и 4 месяцев по особо тяжким преступлениям. Допускается повторное продление действия меры пресечения до 2 месяцев по преступлениям небольшой

тяжести, до 3 месяцев по тяжким преступлениям, до 5 месяцев по особо тяжким преступлениям. Согласно ст. 158 УПК Азербайджана на судебных стадиях предельный срок содержания под стражей по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, составляет 3 месяца, небольшой тяжести – 5 месяцев, тяжким – 7 месяцев, особо тяжким – 9 месяцев. Считаем, что установление сроков действия этой меры пресечения в зависимости от категории преступления является положительным моментом. Ведь наличие общих сроков заключения под стражу (как в Беларуси и России) не способствует индивидуальному подходу к праву на свободу передвижения лиц, подвергнутых ее лишению. В правоприменительной практике это означает, что лицо, подозреваемое либо обвиняемое в совершении менее тяжкого преступления, может находиться в местах лишения свободы то же время, что и лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, однако степень общественной опасности вменяемых им деяний различна.

Что касается обжалования применения рассматриваемой меры пресечения и продления срока ее действия, в Беларуси, России и Азербайджане предусмотрен судебный порядок разрешения этого вопроса (ст. 144–145 УПК Беларуси, ст. 157 УПК Азербайджана, ст. 108 УПК России). В то же время согласно УПК Азербайджана эта правовая процедура осуществляется через апелляционную судебную инстанцию, решение которой является окончательным. В УПК Беларуси и России допускается дальнейшее разрешение данного вопроса в вышестоящей судебной инстанции.

Таким образом, проведя сравнительно-правовой анализ УПК Беларуси, России и Азербайджана по вопросу применения заключения под стражу, мы можем прийти к следующим выводам. В законодательстве указанных государств закреплен порядок досудебного лишения лиц свободы, который в целом соответствует современным реалиям, наделен как общими, так и отличительными чертами. По сравнению с Беларусью в России и Азербайджане с формальной точки зрения эта мера гуманнее и в большей степени соответствует общемировым стандартам ее применения (касательно оснований и субъектов, уполномоченных на решение данного вопроса). В связи с этим уголовно-процессуальное законодательство нашего государства в вопросе применения заключения под стражу требует совершенствования, в процессе которого следует учесть опыт России и Азербайджана. Считаем, что в первую очередь это касается передачи суду полномочий об избрании рассматриваемой меры пресечения.

1. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько. Минск, 2012.

2. Зайцева Л.Л. Основания заключения под стражу в Республике Беларусь // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Данилевич [и др.]. Минск, 2017.

3. Мытник П.В. Следственные действия: смена парадигмы? // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 1. С. 104–110.

4. Зайцева Л.Л. Заключение под стражу как мера пресечения: основания и порядок ее применения // Меры пресечения по уголовному процессу Украины, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Молдова : сб. науч. тр. / Нац. акад. прокуратуры Украины ; ред.: Т.И. Помазанова, З.В. Пономаренко. Киев, 2018. С. 102–114.

УДК 343.1

Я.П. Алексина

ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Противодействие преступности является одной из важнейших государственных задач, для решения которой разрабатываются и используются различные меры, в том числе направленные на правовое стимулирование позитивного поведения лиц после совершения ими преступления.

Отечественное законодательство совершенно обоснованно предусмотрело совокупность уголовно-правовых норм поощрительного характера, применяемых к лицам, совершившим преступление. Такие нормы представляют собой институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности.

Рассматриваемый правовой институт сформирован еще в советском уголовном процессе, однако он по-прежнему соответствует современным направлениям развития уголовной политики, так как воплощает в себе проявление принципов справедливости, дифференциации ответственности, гуманизма и процессуальной экономии. В то же время с учетом современных реалий институт находится на пути своего дальнейшего реформирования и подвергается исследованиям с различных позиций.

В контексте рассуждений о сущности исследуемого института дискуссионными являются вопросы законности решений о прекращении

производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования.

Одни исследователи уголовного процесса настаивают на упразднении института освобождения от уголовной ответственности, усматривая его противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности. Другие ученые считают, что прекращение производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности должно осуществляться только в судебном разбирательстве. Отдельные исследователи предлагают использовать различные процессуальные конструкции, дабы сгладить противоречие с указанным конституционным принципом.

В.П. Божьев утверждает, что при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам следователь невольно берет на себя функцию разрешения вопросов вины и ответственности. Эти действия вступают в противоречие с конституционным принципом [1, с. 22]. Л.В. Виницкий полагает, что прекращение уголовного дела хотя и предполагает освобождение от уголовной ответственности, но расценивается как основанная на материалах уголовного дела констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитации лица [2, с. 14].

П.В. Мытник предлагает при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности на стадии предварительного следствия вообще не использовать понятие «освобождение от уголовной ответственности», а заменить его такими понятиями, как «отказ от уголовного преследования» либо «прекращение уголовного преследования» [3, с. 6].

В.М. Хомич отмечает, что презумпция невиновности не может быть сохранена и при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности на стадии рассмотрения уголовного дела, так как виновность в совершенном преступлении признает суд только посредством вынесения обвинительного приговора. Говорить же об освобождении от уголовной ответственности после вынесения обвинительного приговора суда уже поздно, здесь уже имеет место освобождение от наказания. В.М. Хомич полагает, что вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности может быть решен судом только после удаления в совещательную комнату посредством вынесения акта об освобождении от уголовной ответственности [4, с. 4].

Ряд исследователей определяют институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности как одну из форм альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта.

В свете повышения эффективности механизмов защиты личности, ее прав и свобод в науке уголовного процесса стали активно обсуждаться

методы восстановительного правосудия, которое противопоставляется традиционному «карательному» правосудию. Исследователи уголовно-правовых конфликтов ссылаются на то, что наказание как одно из средств разрешения уголовно-правового конфликта не всегда является эффективным методом борьбы с преступностью, так как в его основе лежит принудительный характер исполнения. В теории восстановительного правосудия предполагается иная реакция государства на совершенное общественно опасное деяние. Преступное деяние не остается без последствий, но эти последствия наступают вне рамок классической уголовной юстиции, т. е. без уголовного преследования, уголовной ответственности и наказания [5, с. 119–127].

В рамках теории восстановительного правосудия отдельные ученые делают вывод о сходстве оснований применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов с основаниями, при наличии которых возможно прекратить производство по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности, в связи с чем относят исследуемый нами институт к альтернативам уголовного преследования.

Так, Л.В. Головкич отмечает, что по своей правовой природе освобождение от уголовной ответственности есть альтернатива не наказанию или чему-то еще, а уголовному преследованию. По мнению Л.Л. Зайцевой, институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности с полным правом может быть отнесен к альтернативам уголовного преследования [6, с. 26].

Решение о прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности вправе принять не только следователь с согласия прокурора, но также сам прокурор и суд. Как верно отметила С.Ю. Солонина, в отличие от следователя суд не может ни осуществлять, ни непосредственно прекратить уголовное преследование, так как уголовное преследование – это функция не суда [7, с. 882].

Введенная в уголовно-процессуальное законодательство Беларуси правовая конструкция «прекращение уголовного преследования» дала возможность прекращать производство в отношении конкретных лиц – подозреваемого или обвиняемого в случае недоказанности их участия в совершении преступления (ч. 2 ст. 250 УК), а также в отношении отдельных подозреваемых, обвиняемых, если основания к прекращению уголовного преследования относятся не ко всем из них (ч. 3 ст. 250 УК).

При прекращении уголовного преследования доказательств причастности лица к совершенному преступлению не имеется или их недостаточно для предъявления лицу обвинения. В таком случае лицо считается не совершавшим преступление и, соответственно, говорить об освобождении от уголовной ответственности нельзя.

Как верно отмечает И.А. Горвая, на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого уголовное преследование уже завершено. По ее мнению, при прекращении уголовно-процессуальной деятельности по основаниям, предусмотренным ст. 30 УПК, прекращается не уголовное преследование, а обвинение [8, с. 53].

Полагаем, что прекращение производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности является самостоятельным правовым институтом с собственными предметом и методами правового регулирования. Предметом данного института является обособленная группа общественных отношений, которые могут возникнуть как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. Нормы исследуемого института обособлены в стадии отдельной статье (ст. 30 УПК), отсылающей к положениям материального права (ст. 20, 86, 87, 88, 88¹, 89 и 118 УК). Порядок прекращения предварительного расследования с освобождением от уголовной ответственности предусмотрен в соответствующих главах УПК в зависимости от стадии уголовного процесса.

Заслуживает внимания и поддерживается нами позиция отдельных исследователей в области науки уголовного права, которые рассматривают институт освобождения от уголовной ответственности и его процессуальную регламентацию в виде прекращения производства по уголовному делу как комплексный межотраслевой институт [9, с. 4; 10, с. 8].

Прекращение уголовного преследования также является отдельным самостоятельным правовым институтом, пределы действия которого ограничены стадией предварительного расследования. Институт прекращения уголовного преследования регулирует иные по своей природе общественные отношения, нежели рассматриваемый нами правовой институт.

По нашему мнению, сформированный в действующем УПК институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности нельзя относить к альтернативам уголовного преследования. В то же время при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности по отдельным основаниям (в частности, примирение с потерпевшим, где в качестве одного из условий является примирение и заглаживание преступного вреда) происходит своего рода разрешение уголовно-правового конфликта, где решающее значение играет воля потерпевшей стороны.

1. Божьев В.П., Русман Г.С. Прекращение дел на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 1996. № 5. С. 21–22.

2. Виницкий Л.В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела / под ред. Н.И. Мацнева. М., 2011.

3. Мытник П.В. О некоторых проблемах прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности [Электронный ресурс] // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2006. Вып. 17. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19921/1/20_%D0%BC%D1%8B%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

4. Хомич В.М. Институт освобождения от уголовной ответственности и институт прекращения (отказа от) уголовного преследования требуют разной правовой формы процессуального разрешения [Электронный ресурс] // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2016. Вып. 27. URL: http://www.lawinstitute.bsu.by/upload/image/Biblio/chomich_1/13.pdf (дата обращения: 28.08.2018).

5. Зайцева Л.Л. Прекращение производства по делу с освобождением от уголовной ответственности: спорные вопросы правоприменения // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность : Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н.И. Порубова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 дек. 2015 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск, 2015. Ч. 1 / редкол.: И.В. Данько (отв. ред.) [и др.].

6. Зайцева Л.Л. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному преследованию // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2006.

7. Солонина С.Ю. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий // Молодой ученый. 2015. № 9.

8. Горвая И.А., Шостак М.А. Прекращение уголовного преследования / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». Минск, 2017.

9. Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2008.

10. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2015.

УДК 343.1

Ж.В. Байдак, Н.Ю. Веселов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Следователь – должностное лицо органа досудебного расследования, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной УПК Украины, осуществлять предварительное расследование уголовных правона-

рушений. Согласно ст. 40 УПК Украины следователь несет ответственность за законность и своевременность осуществления процессуальных действий. При этом, осуществляя свои полномочия в соответствии с требованиями закона, следователь является самостоятельным в своей процессуальной деятельности, вмешательство в которую лиц, не имеющих на то законных полномочий, запрещается.

Реформа украинского уголовного процессуального законодательства 2012 г. существенно ограничила процессуальные права следователя в самостоятельности принятия ряда процессуальных решений и проведения процессуальных действий. Законом Украины от 3 октября 2017 г. № 2147-VIII в УПК Украины были внесены изменения (вступили в силу 15 декабря 2017 г.) о порядке привлечения в досудебном расследовании эксперта. Эксперт привлекается при наличии оснований для проведения экспертизы по поручению следственного судьи или суда, предоставленному по ходатайству стороны уголовного производства. Соответственно следователь или прокурор обязаны обратиться с ходатайством к следственному судье для проведения экспертизы (ст. 242–244 УПК Украины). О.А. Кипер небезосновательно замечает, что подобные тенденции могут привести к тому, что следователь будет выполнять лишь волю контролирующих и надзорных субъектов, не имея права на собственное мнение, на внутреннее убеждение, т. е. превратится в оформителя следственных действий и исполнителя процессуальных решений прокурора, следственного судьи, руководителя органа досудебного расследования [1, с. 1]. Следовательно, вопрос о процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессуальном законодательстве Украины является достаточно острым и актуальным.

Как отмечают А.А. Ляш и О.В. Баулин, принимая во внимание положения нового института следственного судьи, УПК Украины установил тройной процессуальный контроль деятельности следователя, что не может гарантировать его процессуальной самостоятельности [2]. В целом можно согласиться с целесообразностью введения такого участника досудебного расследования, как следственный судья. Введение института следственного судьи на стадии досудебного расследования является дополнительной гарантией соблюдения прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса. Однако перегрузка полномочиями следственного судьи не только сужает процессуальную самостоятельность следователя, но и обременяет его излишними процессуальными процедурами, которые требуют не только дополнительных усилий, но и сроков, таким образом препятствуя оперативному всестороннему расследованию преступлений и нарушая один из принципов уголовно-процессуального права – разумности сроков.

Указанная тенденция прослеживается при применении мер обеспечения уголовного производства и производстве ряда следственных действий. Так, меры обеспечения уголовного производства применяются на основании постановления следственного судьи или суда, за исключением вызова следователем. Однако, по нашему мнению, не во всех случаях разумно применять указанную процессуальную форму.

Например, часто в ходе досудебного расследования уголовных правонарушений применяется такая мера обеспечения уголовного производства, как временный доступ к вещам и документам (гл. 15 УПК Украины). Данное действие, если не планируется изъятие указанных вещей или документов, предполагает минимальную степень вмешательства в права человека при применении такой меры. Исключением может являться лишь доступ к вещам и документам, к которым запрещен доступ, а также содержащим охраняемую законом тайну. В иных случаях процедуру получения соответствующего разрешения целесообразнее было бы упростить. Право санкционирования данного действия логичнее было бы предоставить прокурору в рамках осуществляемого им процессуального руководства и контроля.

Следователь либо прокурор обязаны руководствоваться требованиями норм гл. 16 УПК Украины «Временное изъятие имущества» и гл. 17 «Арест имущества» при временном изъятии вещей и документов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они: 1) подысканы, изготовлены, приспособлены или использованы как средства или орудия совершения уголовного преступления и (или) сохранили на себе его следы; 2) предназначались (использовались) для склонения лица к совершению уголовного преступления, финансирования и (или) материального обеспечения уголовного преступления или вознаграждения за его совершение; 3) являются предметом уголовного преступления, в том числе связанного с незаконным оборотом; 4) получены в результате совершения уголовного преступления и (или) являются доходами от них, а также представляют собой имущество, в которое они были полностью или частично преобразованы.

Процессуально неоправданным является применение исключительно по определению следственного судьи такой меры пресечения, как личное обязательство (ст. 179 УПК Украины). Если при избрании данной меры пресечения на подозреваемого возлагаются лишь такие обязанности, как: прибывать к следователю с установленной периодичностью; не отлучаться из населенного пункта, в котором он зарегистрирован, проживает или находится без разрешения следователя; уведомлять следователя об изменении своего места жительства и (или) места рабо-

ты, то решение о личном обязательстве мог бы принимать следователь самостоятельно. Тем более, у подозреваемого остается гарантированное право обжаловать данное решение прокурору или следственному судье (для чего необходимо всего лишь дополнить ст. 303 УПК Украины «Решения, действия или бездействие следователя или прокурора, которые могут быть обжалованы во время досудебного расследования, и право на обжалование»).

Отдельное внимание следует уделить вопросу экспертизы. Назначение экспертизы в ходе досудебного расследования по решению следственного судьи существенно затягивает и осложняет процедуру осуществления данного следственного действия. Тем не менее, проведение ряда экспертиз (их результаты) является неотъемлемым компонентом для правильной квалификации уголовного правонарушения, что обуславливает многие иные аспекты уголовного производства. Кроме того, в полномочия следственного судьи в этом вопросе теперь входит выбор по своему усмотрению вопросов, ответы на которые должен предоставить эксперт. Иными словами, если следственный судья не посчитает нужным включить те или иные вопросы, указанные следователем в ходатайстве о проведении экспертизы, они не будут поставлены перед экспертом.

Таким образом, необходимо найти приемлемый компромисс между дополнительным гарантированием прав и интересов участников уголовного производства (чем обоснованы активное участие следственного судьи в принятии решений на стадии досудебного расследования, воплощение принципа состязательности) и процессуальной самостоятельностью следователя. Сейчас на практике можно наблюдать чрезмерную загруженность судов и не уступающую ей занятость следователей, что приводит к совершенно противоположным результатам, нежели те, которые анонсировал законодатель, реформируя УПК Украины. Соответственно для экономии времени, материальных и человеческих ресурсов решение ряда процессуальных вопросов на стадии досудебного расследования необходимо вернуть под юрисдикцию следователя или прокурора с возможностью обжалования решений последних следственному судье в установленном законом порядке.

1. Кипер О.О. Процесуальна самостійність слідчого як гарантія всебічного, повного й неупередженого розслідування у кримінальному провадженні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нац. ун-т «Одес. юрид. акад». Одеса, 2017.

2. Ляш А.О., Баулін О.В. Процесуальна самостійність і незалежність слідчого за новим КПК України [Електронний ресурс] // Часоп. Акад. адвокатури України. 2013. № 1. URL: <http://e-pub.aau.edu.ua/index.php/chasopys/article/view/167/189> (дата звернення: 05.10.2018).

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ДОСТУПА К ВЕЩАМ И ДОКУМЕНТАМ СОГЛАСНО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕСУ УКРАИНЫ

УПК Украины предусмотрена такая мера обеспечения уголовного производства, как временный доступ к вещам и документам, которая активно используется в практической деятельности органами досудебного расследования при уголовном производстве.

Отдельные аспекты применения временного доступа к вещам и документам исследовали Ю.М. Грошевой, И.В. Гловюк, М.А. Погорецкий, А.Ю. Татаров, Л.Д. Удалова, В.И. Фаринник, С.С. Чернявский и др. Однако несмотря на значительный вклад ученых, значительная часть проблемных вопросов указанного института в уголовном процессуальном законодательстве Украины остается нерешенной.

Временный доступ к вещам и документам состоит в предоставлении стороне уголовного производства лицом, во владении которого находятся такие вещи и документы, возможности ознакомиться с ними, сделать их копии и удалить их (осуществить их выемку). Временный доступ к электронным информационным системам или их частям, мобильным терминалам систем связи осуществляется путем снятия копии информации, содержащейся в таких электронных информационных системах или их частях, мобильных терминалах систем связи, без их изъятия (ст. 159 УПК). Временный доступ к вещам и документам осуществляется на основании постановления следственного судьи, суда по ходатайству стороны уголовного производства. Содержание такого ходатайства определено ч. 2 ст. 160 УПК Украины.

Существуют определенные проблемы, возникающие при практической реализации института временного доступа к вещам и документам, в частности касающиеся соблюдения прав и свобод человека. К таким относится неопределенность срока, в течение которого изъятые на основании постановления следственного судьи (суда) вещи и документы могут находиться у лица, выполняющего решение. Ведь согласно п. 7 ч. 1 ст. 164 УПК Украины в постановлении о временном доступе к вещам и документам определено только то, что срок действия права доступа не может превышать одного месяца со дня вынесения решения. Именно в течение этого срока можно осуществить временный доступ к вещам и документам.

Сотрудники правоохранительных органов считают, что это как раз и есть тот срок, в течение которого они могут держать изъятые вещи и документы с определенной целью (например, проведение экспертизы). Однако, по нашему мнению, такая позиция является ошибочной, что, наверное, вызвано отсутствием четкой законодательной нормы (Абламский С.Е. Актуальные вопросы обеспечения прав, свобод и законных интересов личности в уголовном производстве // Актуальные вопросы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы : материалы межведомств. науч.-практ. конф. (Киев, 24 нояб. 2017) : в 2 ч. / Нац. акад. внутр. дел ; редкол.: В.В. Черней [и др.]. Киев, 2017. Ч. 1. С. 65). Отсутствует процессуальный механизм содержания и возврата временно изъятых вещей и документов, а также их статус в целом. Также целесообразно предусмотреть определенные права лица, указанного в постановлении о временном доступе к вещам и документам, как владельца последних. По нашему мнению, следует внести изменения в ст. 160, 164 УПК, а именно: ст. 160 УПК дополнить п. 8: «срок, на который следует применить доступ к вещам и документам»; ст. 164 УПК дополнить п. 9: «срок, на который следует применить доступ к вещам и документам».

Поскольку процессуальная форма предусмотрена уголовным процессуальным законом, а ее нарушение всегда означает нарушение закона и может повлечь отмену или изменение принятого решения, соблюдение ее при осуществлении временного доступа к вещам и документам имеет важное значение для правоприменительной деятельности, способствуя ее единству, соблюдению прав и свобод человека в ходе уголовного производства, а также возможности формирования правовой позиции сторон уголовного производства.

УДК 343.123.3

Н.А. Богданович

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В науке уголовного процесса существуют различные подходы к соотношению понятий «прекращение предварительного расследования» и «прекращение уголовного преследования». УПК Республики Беларусь не содержит их дефиниций, однако исходя из содержания п. 26 ст. 6 УПК прекращение предварительного расследования свидетель-

ствует об окончании процессуальной деятельности по делу в целом. Напротив, по смыслу п. 48 ст. 6 УПК под прекращением уголовного преследования, соответственно, понимается прекращение процессуальной деятельности в отношении конкретного подозреваемого, обвиняемого.

Прекращение предварительного расследования содержит множество аспектов, включающих в теории уголовно-процессуального права различные признаки. В частности, В.Т. Томин и И.А. Зинченко прекращение предварительного расследования рассматривают в следующих правовых плоскостях: 1) в качестве одной из форм окончания предварительного расследования; 2) как юридический факт; 3) как процессуальную гарантию против необоснованного привлечения к уголовной ответственности; 4) в значении процессуального акта (действия); 5) в качестве самостоятельного правового института [1]. Сложно согласиться с последней позицией. Самостоятельный правовой институт, скорее, можно расценивать как объединение первых четырех правовых плоскостей для рассмотрения такого процессуального явления, как «прекращение предварительного расследования», и их институализацию.

В настоящее время среди ученых-процессуалистов не сформировано единое мнение об определении сущности прекращения предварительного расследования. Значительное внимание к данным вопросам было уделено такими учеными, как Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин [2, с. 304], Б.Т. Безлепкин [3], О.В. Волынская [4, с. 16], В.В. Иващенко [5, с. 182], С.А. Касаткина [6], С.А. Шейфер [7, л. 37–39]. Обобщив различные научные точки зрения, сущность предварительного расследования можно изложить: как окончание производства по уголовному делу на этапе досудебного производства и разрешение этого дела по существу; прекращение дальнейшего производства по уголовному делу; решение органа дознания, следователя, прокурора об окончании процессуальной деятельности, завершающее производство по делу [8, с. 180]; процессуальный акт, выражающий решение уполномоченного на то должностного лица; окончание предварительного расследования в силу наличия обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по уголовному делу, либо оснований для освобождения лица от уголовной ответственности.

Таким образом, под прекращением предварительного расследования следует понимать решение органа дознания, следователя, прокурора об окончании процессуальной деятельности, завершающее производство по уголовному делу в силу наличия предусмотренных законом обстоятельств либо оснований для освобождения лица от уголовной ответственности, а также разрешение вопросов, вытекающих из принятого решения по существу уголовного дела.

В отличие от прекращения предварительного расследования прекращение уголовного преследования невозможно отнести к заключительному этапу предварительного расследования в целом. Как таковое понятие «прекращение уголовного преследования» УПК не содержит. В п. 48 ст. 6 УПК раскрывается содержание лишь уголовного преследования, которое определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения.

В УПК прекращение уголовного преследования допускается при недоказанности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств. При этом согласно ч. 1 ст. 250 УПК прекращается уголовное преследование в связи с несовершенным подозреваемым или обвиняемым того предусмотренного уголовным законом деяния, которое им выдвигалось в подозрении или обвинении.

В научной литературе, как и в отношении института прекращения предварительного расследования, нет единого подхода к определению прекращения уголовного преследования. В своих работах В.Т. Томин и И.А. Зинченко [1, с. 654], О.В. Волюнская [9], Л.И. Кукреш [10, с. 108] высказывали различные точки зрения. Однако наибольший интерес представляет позиция, высказанная И.А. Горовой и М.А. Шостаком, которые под прекращением уголовного преследования понимают действия органа уголовного преследования по завершению процессуальной деятельности, направленной на изобличение подозреваемого в совершении преступления либо установление совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, невменяемым при наличии обстоятельств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, исключающих ее дальнейшее осуществление [8]. Очевидно, указанный подход следует поддержать, поскольку он раскрывает более полно все признаки, присущие данному правовому явлению:

1) в изложенном определении подчеркнут характер только процессуальной деятельности, которая подлежит прекращению;

2) процессуальное действие включает в себя решение, принимаемое компетентными должностными лицами государственных органов при наличии обстоятельств, исключающих уголовное преследование. Формой принятия такого решения выступает постановление о прекращении уголовного преследования;

3) прекращение уголовного преследования выступает в качестве юридического факта, поскольку представляет собой событие, порождающее определенные правовые последствия, например предусматривает реализацию реабилитационной функции – полного восстановления в правах в случае прекращения в отношении лица уголовного преследования (не уголовного дела).

Каждый из обозначенных признаков является обязательным в процедуре прекращения уголовного преследования, однако отражает лишь определенный аспект, не позволяя полностью охарактеризовать сущность прекращения уголовного преследования. Напротив, их совокупность может позволить отобразить сущность этого многогранного явления.

Не отрицая теоретическую безупречность идеи независимого существования названных институтов, следует обратить внимание на несовершенство ее процессуальной реализации. Главным разграничительным критерием не могут быть конкретные основания прекращения предварительного расследования либо уголовного преследования. Исключение может составить только одно основание, которое предусмотрено ч. 2 ст. 250 УПК: при недоказанности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, против них прекращается уголовное преследование в связи с несовершенным ими того предусмотренного уголовным законом деяния, которое им выдвигалось в подозрении или обвинении. Оно может быть только основанием прекращения уголовного преследования, так как в любом случае в ходе дальнейшего расследования требуется установить лицо, причастное к совершению преступления.

По итогам проведенного исследования выявлены очевидные различия между понятием «прекращение уголовного преследования» и «прекращение предварительного расследования», которые сводятся к следующему:

1) «прекращение предварительного расследования» является более широким правовым понятием, чем «прекращение уголовного преследования». Эти понятия можно соотносить только как целое к частному: прекращение предварительного расследования всегда автоматически влечет прекращение уголовного преследования; напротив, прекращение уголовного преследования в отношении конкретного лица допускает прекращение предварительного расследования лишь в исключительных случаях;

2) прекращение предварительного расследования с необходимостью влечет прекращение уголовного преследования;

3) формой окончания предварительного расследования может выступать только прекращение предварительного расследования (причем не в части, а в целом), но не прекращение уголовного преследования, так как в последнем случае расследование, по общему правилу, продолжается.

1. Томин В.Т., Зинченко И.А. Уголовный процесс: проблемные лекции. М., 2013.
2. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в уголовном процессе. М., 1965.
3. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения: 07.06.2018).
4. Волынская О.В. Некоторые подходы к формулированию понятия «прекращение уголовного дела» // Рос. следователь. 2006. № 3.
5. Иващенко В.В. Определение понятия «прекращение уголовного дела» как формы окончания предварительного расследования по уголовным делам // О-во и право. 2009. № 2.
6. Касаткина С.А. Признание обвиняемого [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».
7. Шейфер С.А. Прекращение дела в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Куйбышев, 1963.
8. Горовая И.А., Шостак М.А. К вопросу о понятии «прекращение уголовного преследования» [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/101237> (дата обращения: 30.04.2018).
9. Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. URL: <http://www.disscat.com/content/prekrashchenie-ugolovnogo-dela-i-ugolovnogo-presledovaniya-teoreticheskie-i-organizatsionno-0> (дата обращения: 10.05.2018).
10. Кукреш Л.И. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие. Минск, 2000.

УДК 343.13

Н.А. Борисенко

КОПИИ ДОКУМЕНТОВ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В юридической и иной литературе термин «документ» определяется в зависимости от области знаний, в которой он употреблен.

В переводе с латинского языка документ (*documentum*) означает доказательство, свидетельство. В русском языке документ толкуется как деловая

бумага, служащая доказательством чего-нибудь, подтверждающая право на что-нибудь (проездной документ, расходные документы); письменное официальное удостоверение, свидетельствующее о личности предъявителя (паспорт, документ для получения посылки, проверка документов); акт, письменное свидетельство о чем-либо (исторические документы).

Петр I употреблял слово «документ» в значении «письменное доказательство», и, по мнению отдельных исследователей, именно он ввел такое понятие в русский язык [1, с. 10].

В юридической литературе под документом понимается: материальный носитель информации, в котором должностное лицо или гражданин зафиксировали сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела [2, с. 186]; материальный объект, на котором с помощью знаков, символов и тому подобных элементов естественного или искусственного языка зафиксированы сведения о фактах [3, с. 121].

Документ прежде всего представляет собой материальный носитель информации, которым может быть бумага, кино-, видео-, фотопленка, CD-, DVD-диск, флеш-карта и другие объекты. В них фиксируются сведения различного содержания в зависимости от области их применения (юриспруденция, экономика, медицина и т. д.).

В уголовном процессе широко используется термин «процессуальный документ». В юридической литературе встречаются различные определения процессуальных документов, однако в целом по своему содержанию они не противоречат, а лишь в той или иной части дополняют друг друга [4, с. 5; 5, с. 7; 6, с. 664; 7, с. 28]. Каждый процессуальный документ в различных аспектах отражает содержание уголовно-процессуальной деятельности и влечет за собой возникновение, изменение либо прекращение тех или иных уголовно-процессуальных отношений, что является для них общей характерной чертой [8, с. 52–53; 9, с. 43].

Таким образом, объединяя разные позиции относительно определения процессуальных документов, можно заключить, что они представляют собой приобщенные к материалу и уголовному делу материальные объекты, на которых фиксируются обстоятельства, имеющие значение для разрешения заявлений и сообщений о преступлениях и уголовного дела.

В отечественном уголовном процессе к процессуальным документам относят только бумажные объекты, все остальное в соответствии с п. 14 ст. 6 и ст. 100 УПК рассматривается как другие носители информации либо предметы [10, с. 455].

Наряду с процессуальными документами в уголовном процессе нередко используются их копии.

По общим правилам доказывания использование копий возможно в случаях, когда вовлечение в уголовный процесс первоисточника невоз-

можно [11, с. 188; 12, с. 42; 13, с. 124]. В таких случаях закон прямо предусматривает обстоятельства, при которых допускается использование копий, например при выделении уголовного дела (ч. 8 ст. 165 УПК). Восстановление материалов и уголовных дел также является тем случаем, когда в уголовном процессе могут быть использованы копии документов, поэтому законодатель предусмотрел обязательное вынесение постановления о восстановлении, которое служит основанием использования в рамках общего производства по материалам и уголовному делу сохранившихся копий.

Порядок использования копий при восстановлении материалов и уголовных дел в правоприменительной деятельности приводит к определенным трудностям, так как отдельные моменты их применения в восстановительном производстве требуют дополнительного разъяснения. В частности, возникают вопросы, связанные с механизмом использования в процессе доказывания по восстановленному уголовному делу электронных копий протоколов следственных и иных процессуальных действий. Уяснение правовой сущности копий, использования их в уголовном процессе и правоприменительной деятельности позволит разработать, по нашему мнению, действенный механизм восстановительного производства.

В русском языке под копией понимается точный список с какого-нибудь текста, точное воспроизведение чего-нибудь; картина, рисунок, точно срисованные с другой картины, рисунка. Копия может изготавливаться при помощи различных технических средств и вручную.

В источниках по делопроизводству и юридической литературе под копией документа понимают: документ, полностью воспроизводящий информацию подлинного документа и все его внешние признаки (часть их); всякий носитель, воспроизводящий содержание того или иного документа, независимо от того, каким способом он изготовлен [14, л. 81].

Оригиналом (подлинником) официального документа является первый или единственный его экземпляр [15, с. 11].

Копия документа может быть факсимильной и свободной. Факсимильная точно воспроизводит ряд внешних признаков письменного документа (содержит все реквизиты и освещает особенности их расположения, фиксирования и оформления). Свободная копия содержит все реквизиты подлинного документа, но не обязательно повторяет его форму.

Разновидностями факсимильной копии обычно выступают фотокопия и ксерокопия.

Фотокопия – это копия с какого-либо документа, рукописи, сделанная способом фотографии. Ксерокопия получается посредством ксерографии на бумаге.

Неоспоримым преимуществом фотокопий и ксерокопий выступает возможность отражения в них подлинника документа в первоначальном виде, т. е. они полностью соответствуют оригиналу как по содержанию, так и по форме.

С развитием компьютерных технологий особое значение приобретают документы, изготовленные с оригинала и в последующем сохраненные в PDF-формате. Изготовление таких документов может производиться путем цифрового фотографирования, а также с использованием сканеров и другой подобной техники. Хранение файлов в PDF-формате осуществляется в компьютерах, и после их распечатывания на бумажный носитель они приобретают вид ксерокопии документа. Преимуществами файлов, сохраненных в PDF-формате, являются относительная их защищенность от внесения изменений в первоначальное содержание, а также точность отображения содержания и реквизитов подлинного документа.

Кроме указанных можно выделить электронную копию документа. Часто при производстве следственных действий используются компьютеры для подготовки процессуальных документов (протоколы допросов, очных ставок, осмотров и т. д.). Созданный документ распечатывается и после подписания его участниками уголовного процесса приобретает статус подлинника. Электронный вариант документа может сохраняться следователем в базе данных ПЭВМ, обычно его сохранение происходит в формате Word. Такая сохраненная электронная копия документа отражает содержание текстовой либо графической информации подлинного документа, но не отражает его внешних реквизитов (подписи, дополнения и замечания участников уголовного процесса). Кроме того, в отличие от PDF-формата в документ формата Word можно внести изменения и сохранить его еще раз. Это может поставить под сомнение достоверность отраженных в сохраненной копии сведений.

Копиями, исходя из определения копии, могут быть документы, воспроизводимые по памяти. Подобный способ воспроизведения утраченного документа не обеспечивает достоверности полученных данных и может граничить с фальсификацией. Поэтому использование копий документов, воспроизведенных по памяти, в восстановительном производстве недопустимо.

Наряду с понятием «копия документа» встречаются такие категории, как «выписка», «дубликат» и «экземпляр».

Выписка представляет собой копию официального документа, воспроизводящую его часть и заверенную в установленном порядке.

Дубликат – второй или следующий экземпляр какого-либо письменного документа, имеющий в отличие от копии, одинаковую с подлин-

ником юридическую силу [16, с. 94]. Таким образом, дубликат, имея определенные сходства с копией, не является ее разновидностью и по смыслу приравнивается к оригиналу документа.

Экземпляр также не является разновидностью копии, так как по своему смыслу и содержанию он представляет собой оригинал документа, воспроизведенный в нескольких количествах одним лицом. Однако экземпляры документа могут считаться копиями, если в подлинном документе отражены сведения о их количестве, проставлены номера на каждом из них, а также если они скреплены подлинной подписью лица, изготовившего оригинал. Вместе с тем, на наш взгляд, в случае несоблюдения указанной процедуры экземпляр документа может быть приравнен к копии.

Использование копий документов в уголовном процессе весьма разнопланово. Например, копии процессуальных решений о применении, изменении и отмене меры пресечения вручаются подозреваемому и обвиняемому. Им же вручают копии протоколов о производстве следственных и иных процессуальных действий с их участием (обыск, выемка и т. д.). Обвиняемый, его законный представитель и защитник в процессе ознакомления с уголовным делом с разрешения следователя имеют возможность копировать интересующие их материалы уголовного дела. Кроме того, в процессе доказывания по уголовному делу копии документов могут быть использованы в качестве вещественных доказательств (ст. 96 УПК), а также иных документов (ч. 1 ст. 100 УПК).

1. Пальчикова М.В. Новая форма процессуальных документов как следствие информатизации суда // Информ. право. 2009. № 3.
2. Советский уголовный процесс : учебник / Л.М. Карнеева [и др.] ; под общ. ред. Л.М. Карнеевой. М., 1980.
3. Рубис А.С., Исютин-Федотков Д.В. Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя. Минск, 2007.
4. Гуляев А.П. Процессуальные документы и сроки : лекция. М., 1992.
5. Манаев Ю.В., Репкин Л.М. Составление процессуальных актов предварительного следствия : учеб. пособие. Волгоград, 1981.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин [и др.] ; под общ. ред. Н.В. Жогина. 2-е изд. М., 1973.
7. Томин В.Т., Якупов Р.Х., Дунин В.А. Процессуальные документы, сроки и судебные издержки в уголовном судопроизводстве : лекция / М-во внутр. дел СССР, Ом. высш. шк. милиции. Омск, 1973.
8. Строгович М.С. Вопросы теории правоотношений // Совет. гос-во и право. 1964. № 6.
9. Тиновичкий И.Д., Венгеров А.Б. Документ, ЭВМ, право // Совет. гос-во и право. 1975. № 10.

10. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько ; М-во внутр. дел. Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск, 2012.
11. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
12. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. в 2 ч. М., 1967. Ч. 1.
13. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1940.
14. Ефремова Н.П. Восстановление утраченных уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
15. Фельзер А.Б., Миссерман М.А. Делопроизводство : справ. пособие. Киев, 1988.
16. Юридический энциклопедический словарь / А.Я. Сухарев [и др.] ; под общ. ред. А.Я. Сухарева. М., 1984.

УДК 343.98

Д.А. Бородич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Современные IT-технологии развиваются ускоренными темпами. Технически совершенная техника, «умные» дома и т. д. – все это не только улучшает быт человека, но и высвобождает дополнительное время для исполнения своих трудовых и служебных обязанностей. Не является исключением и правоохранительная сфера деятельности, о чем свидетельствует принятие новых нормативных правовых актов, в частности касающихся производства по материалам уголовных дел. Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-3 внесена законодательная новелла – УПК Республики Беларусь дополнен ст. 224¹ «Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи».

Однако применение систем (средств) видеоконференцсвязи в своей деятельности впервые осуществили суды Республики Беларусь, рассматривающие экономические дела [1, с. 49–54].

Так, в экономическом суде Могилевской области с начала 2013 г. установлена система видеоконференцсвязи для проведения судебных заседаний. «Такое нововведение – не дань моде. Видеоконференцсвязь даст возможность, как по „Скайпу“, вести судебные допросы во время процесса, не вызывая свидетелей из отдаленных районов области. Это значительно экономит и время, и материальные ресурсы. Например,

при рассмотрении кассационных жалоб заявителю не нужно будет лично являться в суд, необходимые разъяснения он может дать по видеосвязи. Правда, для того, чтобы новшество заработало, необходимо установить аппаратуру во всех районных судах. Дело это недешевое. Но, как говорят, игра стоит свеч. Да и жизнь требует», – прокомментировал данное нововведение в 2013 г. председатель Могилевского областного суда [2].

В последующем данное нововведение было закреплено на законодательном уровне в 2014 г. путем внесения изменений и дополнений в ХПК Республики Беларусь, который дополнен ст. 176¹ «Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи».

Одновременно с этим судьей экономического суда Могилевской области кандидатом юридических наук, доцентом Т.А. Корень была опубликована статья, в которой рассматривались преимущества, направления и проблемные вопросы применения систем видеоконференцсвязи экономическим судом, а также выработаны практические рекомендации судьям и сторонам по использованию систем видеоконференцсвязи [3, с. 300–302].

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве применение систем видеоконференцсвязи может быть осуществлено при допросе потерпевшего, свидетеля, проведении очной ставки или предъявлении для опознания лиц и (или) объектов с участием потерпевшего или свидетеля и осуществляется в трех случаях, определенных в ст. 224¹ УПК Республики Беларусь.

Целями и задачами внедрения систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе, являются: производство следственных действий дистанционно; повышение эффективности проводимых следственных действий, так как при их производстве осуществляется не только фиксация вербальной информации, но и фиксация мимики, жестов, поведения лиц; более оперативное принятие решения после получения информации, связанной с производством указанных следственных действий; снижение времени на переезды и связанные с этим транспортные и командировочные расходы.

Однако при имеющихся положительных моментах использования систем видеоконференцсвязи существует и негативный фактор организации видеоконференцсвязи.

Это выражается в осуществлении передачи служебной информации посредством открытых сетей Интернет с использованием свободно распространяемой программы Skype, сервер которой расположен за пределами ведомственной (корпоративной) сети, аккаунты которой периодически подвергаются взлому с целью получения конфиденциальной информации.

Такую конфиденциальную информации составляют служебные сведения, получаемые в ходе производства указанных в ст. 224¹ УПК Республики Беларусь следственных действий.

Также следует отметить, что процесс организации видеоконференцсвязи является затратным в финансовом плане мероприятием. Высокой стоимостью определяются работы по проведению выделенного канала оптоволоконной связи, который будет обеспечивать защиту данных и стабильную работу, предоставление соответствующего оборудования и т. д.

Например, данную услугу по организации видеоконференцсвязи с использованием защищенных каналов связи осуществляет РУП «Белтелеком».

Достоинства при использовании системы видеоконференцсвязи достигаются при ее формировании на базе ведомственной сети Следственного комитета Республики Беларусь в соответствии с приказом председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 31 августа 2012 г. № 245 «О порядке использования ведомственной сети передачи данных и глобальной компьютерной сети Интернет в Следственном комитете Республики Беларусь», одной из целей создания которой является использование современных телекоммуникационных и информационных технологий.

С нашей точки зрения, некоторые технические доработки в плане организации рабочих мест, а именно имеющиеся компьютеры, подключенные к ведомственной сети, которая обеспечивает постоянную и стабильную скорость передачи данных, дополнительно оборудованные внешними веб-камерами с достаточно высоким разрешением на штативах и выносными микрофонами, позволит обеспечить требование ч. 4 ст. 224¹ УПК Республики Беларусь о надлежащем качестве видеоизображения и звука.

Также для осуществления видеоконференцсвязи необходимо и программное обеспечение, которое позволит осуществить сам процесс связи и общения между рабочими местами, и проведение записи видеоконференции без применения сторонних видеозаписывающих устройств (например, TrueConf и т. п.). Такое отображение информации с помощью технических средств визуализации аудиовизуальной информации является одним из наиболее эффективных видов представления доказательств.

В дальнейшем возникает вопрос об оформлении протокола проводимого следственного действия. Для его составления необходимо выполнить требования ст. 218 УПК Республики Беларусь «показания записываются от первого лица и по возможности дословно», а также «вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место при допросе». В связи с чем излишняя детализация, «дословность» в протоколе отражаемых событий, происшедших в ходе производства следственного действия, приводит к затрачиванию следователем значительного количества времени при его составлении, иногда

несколько дней, что, в свою очередь, порой влияет на принятие решения о производстве следственного действия с использованием видеозаписи. Кроме того, необходимо учесть и тот факт, что протокол следственного действия с применением средств видеозаписи или видеоконференцсвязи, как правило, не составляется непосредственно после окончания следственного действия и подписывается всеми его участниками только после его составления.

Изменение указанных требований на законодательном уровне приведет к упрощению не только осуществления следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи, но и при производстве других следственных действий с использованием видеозаписывающих устройств.

Развитие IT-технологий коснулось не только технического развития, но и программного обеспечения к нему. Изучение информации в сети Интернет позволяет сделать вывод, что разработаны и используются программы по транскрибации (перевод речи из аудио- или видеозаписи в текст). Используя данные разработки (программы), можно достаточно быстро и качественно следователю, лицу, исполняющему поручение об оказании содействия, составить протокол проводимого следственного действия.

Таким образом, можно сделать вывод о возможности технологии организации видеоконференцсвязи в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь при производстве следственных действий.

Осуществление данной технологии возможно путем закупки недостающей материально-технической базы и программного обеспечения для оборудования рабочих мест «точка-точка» (двухсторонняя видеоконференция) при соблюдении требований ведомственного нормативного правового акта, регулирующего порядок использования ведомственной сети передачи данных и глобальной компьютерной сети Интернет в Следственном комитете Республики Беларусь.

1. Шкаплеров Ю.П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь // Предвар. расследование. 2017. № 2.

2. Допрос – по скайпу [Электронный ресурс] // СБ – Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/article/dopros-po-skaypu.html> (дата обращения: 15.10.2018).

3. Корень Т.А. Видеоконференцсвязь в экономическом суде как элемент электронного правосудия [Электронный ресурс] // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015) : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: pravo.by/conf2015/files/proceeding_of_the_conference_2015.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Российская Федерация – самая богатая и уникальная своими водными биологическими ресурсами страна. Величина сырьевой базы, потенциально доступной для отечественного рыболовства, в которую включены ресурсы в зоне национальной юрисдикции Российской Федерации, квоты в исключительных экономических зонах (ИЭЗ) зарубежных стран и ресурсы открытого моря Мирового океана, составляет в настоящее время около 7 млн т, тогда как среднесезонный вылов – 4,2 млн т (в 2017 г. – 4,8 млн т). В то же время мировой улов рыбы в последние два десятилетия стабилизировался на уровне 88–96 млн т. По объему добычи рыбы Россия в последние годы занимает 6-е место в мире после Китая, Перу, Индонезии, США и Японии.

Однако общий уровень освоения доступной сырьевой базы всех районов промысла в 2017 г. составил 59 %, в том числе в ИЭЗ России – 83 %, в ИЭЗ зарубежных стран – 63 %, в открытом море – 45 %. Причина низкого освоения сырьевой базы за пределами российской ИЭЗ в первую очередь связана с тем, что в России недостает современного крупнотоннажного флота для экспедиционного промысла. Почти 90 % рыболовных судов – физически и морально устаревшие суда, построенные по проектам 70–80-х гг. прошлого века. Обновление флота в последние годы практически остановилось.

Таким образом, нынешняя система хозяйствования может привести к сокращению рыбопромыслового флота более чем в 2 раза в 2020 г. Упадут объемы вылова водно-биологических ресурсов, и, как следствие, наступит неминуемое банкротство значительной части субъектов хозяйствования, сокращение рабочих мест, резкое снижение производственного потенциала отрасли и полный захват рынка зарубежными производителями.

Эксперты мирового рыболовства считают, что российская рыбная отрасль сегодня, как и 20 лет назад, находится на пути экстенсивного развития. На протяжении последних 25 лет системно разрушается промышленно-сырьевая база рыбной отрасли. Наиболее значимым по своим последствиям разрушением является снижение объемов общих допустимых уловов традиционных видов промысловых рыб: минтая, североатлантической и дальневосточной трески, терпуга, пикши, тихоокеанской сельди, сайры. Отечественные рыбопромышленники, наделенные ежегодными долями в общих допустимых уловах на освоение

250 видов водных биологических ресурсов, осваивают только 50 из них. При этом основные объемы добычи приходятся на 12–15 видов, которые востребованы на рынках иностранных государств.

Еще одной проблемой является избыточность в российских портах контрольно-надзорной деятельности (пограничный, таможенный, ветеринарно-санитарный, транспортный контроль), которая делает обработку судов менее конкурентной в сравнении с иностранными портами. Так, заход-выход с оформлением документов одних и тех же судов в иностранных и российских портах различается несколькими сутками не в пользу России. Поэтому рыбные порты стали переориентироваться с обслуживания рыбопромысловых судов на перевалку различных видов грузов, включая уголь, металлолом, строительные материалы, автомобили, контейнеры, и ничем не отличаются от торговых портов. Например, во Владивостоке и Находке доля рыбы в грузообороте бывших рыбных портов упала ниже 5 %.

Поэтому еще раз подчеркнем, что сохранение и обеспечение рационального использования биологических ресурсов в значительной степени зависят от антропогенного воздействия на экосистемы. В то же время анализ криминальной обстановки и многочисленные публикации указывают на рост преступлений в сфере оборота водных биоресурсов России и на значительность причиняемого экологии и государству ущерба, хотя официальная статистика свидетельствует об ином. Например, по данным Государственного информационно-аналитического центра МВД России, в 2017 г. зарегистрировано 76 преступлений экономической направленности, следствие по которым обязательно (–36 % к аналогичному периоду прошлого года), в 2016 г. – 119 (–24 %). За последние десять лет динамика преступлений в рыбной отрасли характеризуется устойчивым снижением (количество преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, снизилось в 12 раз).

Такое положение дел не следует связывать с фактическим уменьшением криминального интереса к водным биоресурсам или с пассивностью правоохранительных и контролирующих органов. Эксперты считают, что спрос рынка на рыбную продукцию, как и прежде, активизирует браконьерство. Именно спрос заставляет не только удовлетворять потребности прибрежного населения, но и формирует гипертрофированные объемы нелегального бизнеса в густонаселенных промышленных центрах.

На малую эффективность правоохранительных мер указывает то, что большинство преступлений, регистрируемых по ст. 256 УК РФ, направлены в суд по первой части (86 %), а справедливые, на наш взгляд, публикации в средствах массовой информации о том, что в отрасли действуют

организованные группы и даже преступные сообщества, не находят подтверждения в статистической отчетности органов внутренних дел. Преступлений по ст. 256 УК РФ с квалифицирующими признаками группой лиц по предварительному сговору и организованной группой в течение десяти лет выявлялось всего по 0,3 % от общего числа зарегистрированных.

Такому положению способствует несовершенство норм действующего уголовного законодательства, главным образом ст. 256 УК РФ. Считаем, что данная норма должна быть самым серьезным образом переработана и в качестве уголовного наказания следует предусмотреть только промышленное браконьерство, а бытовое перевести в разряд административных правонарушений. Из проанализированных нами 600 приговоров, по которым обвинялись 750 человек в совершении преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, к реальным срокам (двум годам лишения свободы) был приговорен лишь один подсудимый в Астраханской области.

Негативно влияет на рыбную отрасль сырьевая направленность экспорта. В 2014–2016 гг. доля мороженой рыбы (5,2 млн т) составила 86,6 %, а филе – 6 %. Высокая доля отечественной мороженой рыбы вполне уместна на внутреннем рынке, задачей которого является обеспечение населения качественной и доступной рыбой. Для экспорта высокая доля мороженой рыбы допустима только в том случае, если эта рыба является конечным продуктом на потребительском рынке. Если же эта рыба перерабатывается на внешнем рынке, то она служит источником добавленной стоимости и рабочих мест, донором которых становится страна-экспортер, в данном случае Россия.

Сырьевой портрет российского рыбного экспорта формируется в основном за счет мороженого минтая, объем экспорта которого в 2014–2016 гг. составил 2,1178 млн т – 48 % общего объема мороженой рыбы. Причина такого положения кроется в том, что практически веськупаемый мороженный минтай перерабатывается и служит источником создания рабочих мест и добавленной стоимости для импортирующих его стран, из которых лидирует Китай, который получает 72,7 % поставляемого на внешний рынок российского минтая. Поэтому импортеры обеспечивают опережающий рост цены на мороженный минтай по сравнению с ценой его филе, что делает доход на одну тонну улова при производстве филе на экспорт меньшим по сравнению с таковым при экспорте мороженой рыбы.

При этом экспортеры, пользуясь пассивностью правоохранительных органов и центрального органа управления отраслью, активно используют серые схемы экспорта рыбной продукции. Например, в 2017 г. камчат-

скими предприятиями экспортировано 29 тыс. т нерки в свежемороженом виде. Основными ее покупателями традиционно стали японские предприятия, которые, судя по документам, заплатили в среднем 3 долл. США (160–170 рублей) за один килограмм свежемороженой рыбы. В то же время оптовая ее цена на отечественном рынке колебалась от 550 до 600 рублей за один килограмм, причем качеством ниже, чем экспортная рыба.

Сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, используя возможности сети Интернет, в режиме реального времени могли увидеть фактические цены на указанный товар на трех азиатских биржах, включая Токийскую, которая составляла не менее 10 долл. США за килограмм, т. е. те же 600 рублей, что и на российском рынке. Зная объемы экспорта нерки в 2017 г., нетрудно посчитать сумму, которую недополучило государство. Аналогично обстоят дела и по другим видам: за треску заплатили не более 40 % от реальной стоимости, минтай – на уровне 60 %, икра минтая – 40 %, сельдь – 50 %.

Увеличение поставок отечественной рыбной продукции на внутренний рынок достигается лишь за счет увеличения объемов вылова, но эти поставки по своим масштабам не могут компенсировать падение импорта. Надо понимать, что переориентация уловов отечественных предприятий с экспорта на внутренний рынок противоречит интересам как крупного рыбного бизнеса, который ориентирован на экспорт сырья и выступает против развития береговой инфраструктуры, так и интересам китайских, корейских и американских компаний. Например, 2 июля 2013 г. был принят Федеральный закон № 148 «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате действий экспортноориентированных компаний в его текст попал пункт, касающийся прибрежного рыболовства, благодаря которому разрешено «при прибрежном рыболовстве осуществлять перегрузку уловов водных биологических ресурсов и производство на судах рыбопромыслового флота рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов».

Напомним, что ранее в целях инициирования развития береговых заводов Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» предписывал доставку всех прибрежных уловов на российский берег. Поэтому предприниматели строили заводы, создавали рабочие места, и медленно оживали поселки вдоль морского побережья России. В результате же вышеуказанных нововведений, установленных законом № 148, рыбаки стали поставлять прибрежные уловы не на российский берег, а за рубеж. Причем не всегда с соблюдением российских законов. В результате такой

деятельности часть береговых рыбоперерабатывающих заводов просто закрылась, а часть работает на грани рентабельности. Таких примеров принятия экономически невыгодных для государства законов достаточно, например, о дрифтерном лове, о закреплении долей по историческому принципу и закреплении нерестовых рек за одним хозяином и т. д.

Как показывает анализ складывающейся обстановки, несмотря на усилия российских властей, кардинальных изменений в развитии отечественной рыбной отрасли за последние десять лет не произошло. Отрасль, как и прежде, в инвестиционном плане не является привлекательной. В ней сильны традиции теневого бизнеса, влияние иностранных финансовых групп, рыбного лобби. Поэтому Россия, страна, входящая в десять самых богатых водными биоресурсами государств мира, в обеспечении собственного народа товарами морского промысла зависит от иностранных поставщиков, а отечественный рыбохозяйственный комплекс все еще не способен обеспечить потребности населения в товарах морского промысла.

По нашему мнению, при осуществлении комплекса мер по декриминализации рыбной отрасли следует обратить особое внимание на повышение эффективности правовых мер борьбы с преступлениями путем устранения в нормативных правовых актах лазеек для недобросовестных рыбодобывающих компаний (особенно связанных с неограниченным экспортом), ужесточить уголовную ответственность за незаконную добычу водных биоресурсов (с существенным повышением размера штрафов), а также активизировать работу по выявлению преступлений, следствие по которым обязательно, в том числе фактов нецелевого расходования бюджетных средств, выделяемых на развитие отрасли и модернизацию отраслевых предприятий.

УДК 343.1

Н.Ю. Веселов

ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УГОЛОВНЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Сегодня СМИ являются мощным социальным институтом, который прямо или косвенно влияет на формирование социальных ценностей, динамику общественных процессов, а также отношение населения и отдельных лиц к деятельности государственных органов в различных сферах общественных отношений. Воздействие на общественное мнение,

массовое сознание, правовую культуру индивидуальных и коллективных субъектов настолько велико, что СМИ подчас называют четвертой ветвью власти. Это, безусловно, вызывает интерес со стороны ученых-правоведов, поскольку современное общество полностью зависит от информации, ее источников.

Целью данного оклада является освещение отдельных проблем корреляции задач журналистики и правовых норм, регулирующих деятельность журналистов, с уголовно-процессуальным законодательством.

Журналистика – это деятельность по сбору, оценке, созданию и презентации новостей и прочей информации. СМИ выступают активным защитником прав человека и демократизации страны, а также медиатором для деэскалации и урегулирования конфликтов посредством сбора и распространения объективной информации. Традиционная роль «хорошей» работы журналиста заключается в беспристрастном предоставлении обществу возможности принимать осознанные решения [1, с. 11]. Существенное внимание журналистов во всем мире отводится освещению проблем преступности и мер по борьбе с нею. Масс-медиа распространяют информацию о совершенных преступлениях, результатах их расследования, розыске преступников и т. д. Следует также отметить участие журналистов в выявлении преступлений по результатам так называемых журналистских расследований.

Международная журналистская практика в реальной демократии выделяет несколько особенностей, которые уже нашли отражение во многих профессиональных кодексах поведения. Они содержатся в резолюции № 2 IV Европейской конференции министров по политике в области средств массовой коммуникации «Журналистские свободы и права человека» и включают: уважение права общественности быть правильно информированным относительно фактов и событий; сбор информации честными способами; правдивое представление информации, комментариев и критики без неоправданных посягательств на неприкосновенность частной жизни, диффамации и необоснованных обвинений; опровержение любой опубликованной или распространенной информации, которая впоследствии оказалась очевидной ложью; сохранение профессиональной тайны в отношении источников информации; препятствование любому насилию, ненависти, нетерпимости или дискриминации.

В ст. 25 Закона Украины «Об информации» закреплены гарантии деятельности СМИ и журналистов, а именно: право журналиста при исполнении профессиональных обязанностей осуществлять письменные, аудио- и видеозаписи с применением необходимых технических средств,

за исключением случаев, предусмотренных законом; право беспрепятственно посещать помещения субъектов властных полномочий, открытые мероприятия, которые ими проводятся, и быть лично принятым в разумные сроки их должностными и служебными лицами, кроме случаев, определенных законодательством; право не раскрывать источник информации или информацию, которая позволяет установить источники информации, кроме случаев, когда журналист обязан это сделать решением суда на основе закона; право после предъявления журналистом документа, удостоверяющего его профессиональную принадлежность, собирать информацию в районах стихийного бедствия, катастроф, в местах аварий, массовых беспорядков, военных действий, кроме случаев, предусмотренных законом; право распространять подготовленные материалы (фонограммы, видеозаписи, письменные тексты и т. д.) за собственной подписью (авторством) или под условным именем (псевдонимом).

К тому же, пользуясь положениями Закона Украины «О доступе к публичной информации», журналист может получать публичную информацию путем запроса, доступа к заседаниям коллегиальных субъектов властных полномочий, кроме случаев, предусмотренных законом, использовать публичную информацию в форме открытых данных (такая информация является разрешенной для дальнейшего свободного использования и распространения). Сбор, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации о лице может осуществляться с его ведома и согласия.

Вместе с тем особенности осуществления уголовного производства вносят определенные коррективы в общие положения регулирования деятельности журналистов по сбору, оценке, созданию и презентации информации, связанной с расследованием преступлений.

В соответствии с принципом публичности уголовного производства прокурор, следователь обязаны в пределах своей компетенции начать досудебное расследование в каждом случае непосредственного обнаружения признаков преступления или в случае поступления заявления (сообщения) о совершенном преступлении, а также принять все предусмотренные законом меры для установления события преступления и совершившего его лица (ст. 25, ч. 1 ст. 214 УПК Украины). Впрочем, как справедливо замечает Ю.В. Стеценко, специфика основной работы оперативного уполномоченного, следователя, прокурора не содержит в себе элемента поиска информации из газет, журналов, теле- и радиопередач, интернета [2, с. 23]. Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» (ч. 1 ст. 6) содержит условие достаточности такой информации (в том числе сообщений СМИ) для осуществления соответствующих

мер реагирования, поскольку ее не всегда можно считать достоверной. Соответственно надо уметь отделять сплетни и сенсационные трюки представителей СМИ от информации, которая действительно указывает на признаки преступления.

На практике любое процессуальное реагирование (начало уголовного производства или заведение оперативно-розыскного дела) происходит, как правило, только после обращения журналиста с заявлением в правоохранительные органы. Это не противоречит требованиям ч. 1 ст. 60 УПК Украины, где отмечается, что заявителем является физическое или юридическое лицо, обратившееся с заявлением или сообщением об уголовном правонарушении в орган государственной власти, уполномоченный начать досудебное расследование, и не являющееся потерпевшим. Впрочем, в отличие от обычного гражданина заявление со стороны представителя СМИ приобретает, так сказать, публичный характер, а иногда вызывает общественный резонанс.

Во многих случаях заявление о преступлении со стороны представителя СМИ является результатом проведенного им журналистского расследования. Надо констатировать, что украинское законодательство не содержит правовой дефиниции этого термина и регламентации данной деятельности, но создает определенные гарантии для осуществления журналистских расследований (например, приведенные выше права журналиста). Этого иногда оказывается вполне достаточно, чтобы собрать необходимый для публикации журналистский материал или создать сюжет телепередачи. Но достаточно ли этого для использования полученных доказательств в уголовном производстве? Ведь процедура доказывания в уголовно-процессуальных отношениях характеризуется высокой степенью формализации (для гарантирования достоверности и объективности этого процесса).

Уголовно-процессуальный закон закрепляет пока единую позицию относительно того, что обязанность доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве (событие преступления, виновность обвиняемого и пр.), возлагается на следователя, прокурора и в установленных УПК случаях – на потерпевшего. Сбор же доказательств осуществляется сторонами уголовного производства, потерпевшим, представителем юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 93 УПК Украины. Таким образом, закон напрямую не наделяет журналистов возможностью собирать доказательства в уголовном производстве. Но такая информация и материалы после предварительной проверки и выявления признаков преступления могут быть основанием для начала

уголовного производства. В дальнейшем следователем или прокурором должны быть соблюдены процедурные аспекты – материалы журналистского расследования могут быть истребованы и приобщены к материалам уголовного производства, сам журналист, его информаторы, другие задействованные лица – допрошены в качестве свидетелей (с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства). При этом следует помнить, что журналисты не могут быть допрошены в качестве свидетелей о сведениях, содержащих конфиденциальную информацию профессионального характера, предоставленную при условии неразглашения авторства или источника информации (ч. 2 ст. 65 УПК Украины). Такая информация может быть предоставлена ими только с их согласия.

Вместе с тем часть мероприятий в рамках так называемых журналистских расследований не коррелирует с действующим законодательством. Например, журналисты не имеют права записывать разговор или интервью с респондентами и распространять такую информацию без их на то согласия. Они не имеют права осуществлять скрытое фото-, видеонаблюдение, прослушивание телефонных разговоров, провоцировать на совершение преступления и т. п. Многие из этих действий закон разрешает проводить только уполномоченным подразделениям в целях раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, противодействия терроризму, контрразведывательной деятельности по решению следственного судьи или суда. Полученные таким образом сведения журналистов не будут иметь доказательной силы (являются недопустимыми доказательствами), а сами действия вообще можно считать нарушением закона.

Следующим не менее важным и актуальным вопросом, касающимся взаимоотношений журналистов с правоохранительными органами и судами, является недопустимость разглашения сведений досудебного расследования. Сведения досудебного расследования можно разглашать только с письменного разрешения следователя или прокурора и в том объеме, в котором они признают возможным. Следователь или прокурор предупреждает лиц, которым стали известны сведения досудебного расследования в связи с участием в нем, об их обязанности не разглашать такие сведения без его разрешения (это следует из требований ст. 222 УПК Украины). Незаконное разглашение сведений досудебного расследования влечет за собой уголовную ответственность, установленную законом. Но гл. 3 УПК Украины не упоминает журналистов среди участников уголовного производства. Кроме того, получение ими информации об обстоятельствах преступления и подробностях его расследования часто не связано с непосредственным участием журналистов в уголовном про-

изводстве. Таким образом, под установленное уголовно- процессуальным законом требование о недопустимости разглашения сведений досудебного расследования журналисты формально не подпадают.

Тайна предварительного расследования законом относится к публичной информации с ограниченным доступом (секретной информации). Это определяет право субъектов властных полномочий (правоохранительных органов) ограничивать право доступа к такой информации. Вместе с тем подобное правовое урегулирование указанных правоотношений не полностью защищает от самостоятельного получения соответствующих сведений. Что касается деятельности журналистов, то они могут присутствовать (осуществлять фотосъемку или видеозапись) при проведении осмотра места происшествия в публичных местах, самостоятельно интервьюировать потерпевшего, свидетелей, получать конфиденциальную информацию от адвоката, другую информацию справочного характера и т. п. Согласно Закону Украины «О доступе к публичной информации» даже информация с ограниченным доступом может быть распространена, если она является общественно необходимой, т. е. предметом общественного интереса, и право общественности знать эту информацию перевешивает потенциальный вред от ее распространения. Однако закон не дает четкого ответа на вопрос о субъекте оценки вышеуказанного соотношения. Поэтому профессиональный интерес журналиста, стремящегося обеспечить право общественности знать информацию о подробностях досудебного расследования, очень часто не совпадает с позицией следователя или прокурора в этом вопросе, а иногда и наносит существенный вред интересам следствия.

Приведенные примеры – проблемы (противоречия) в правовом регулировании реализации принципа гласности (воплощающегося в деятельности журналистов) и особенностей уголовного производства, осуществляемого органами досудебного расследования, оперативными подразделениями и прокуратурой, определяют актуальность комплексного и углубленного исследования этих общественных отношений, внесение (в перспективе) соответствующих изменений и (или) дополнений в действующее законодательство, наработку практических методик по защите интересов следствия, а также полезного использования в уголовном производстве возможностей СМИ.

1. Журналистика в условиях конфликта: передовой опыт и рекомендации : пособие. Киев, 2016.

2. Стеценко Ю.В. Науково-методичні засади використання засобів масової інформації при розслідуванні злочинів : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акад. адвокатури України. Київ, 2006.

О МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данном докладе будет сделана попытка определить сущность понятия «механизм уголовно-процессуального регулирования» сквозь призму общей теории права, уголовного права и уголовного процесса.

В правовой науке существуют различные этому подходы к пониманию механизма правового регулирования.

Воздействие права общественные отношения, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, осуществляется всей системой юридических средств, совокупность которых принято именовать механизмом правового регулирования. В теории права существует множество определений понятия «механизм правового регулирования».

Первым среди ученых-юристов выдвинул идею воздействия права на общественную жизнь Н.Г. Александров [1, с. 183–213]. А.В. Малько считает механизмом правового регулирования систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. Ученый рассматривает механизм правового регулирования как борьбу с препятствиями, а главную цель механизма видит в беспрепятственном удовлетворении интересов субъектов [2, с. 57].

Наиболее значимой для исследования данной проблемы стала работа С.С. Алексева. Он писал, что под механизмом правового регулирования следует понимать взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения. Этот подход к пониманию механизма правового регулирования можно назвать классическим. Многие ученые в своих работах используют труды С.С. Алексева [3, с. 10]. Тем не менее ученые-теоретики предлагают свои определения понятия «механизм правового регулирования». Взгляды ученых на механизм правового регулирования имеют по своей сути несущественные отличия, им свойственны дополнения, но тем не менее они не могут привести к единому определению понятия «механизм правового регулирования» и, соответственно, способствуют дискуссиям.

Механизм правового регулирования охватывает всю совокупность юридических средств, включая не только нормативные правовые акты, но и акты их реализации. Механизм уголовно-процессуального регулирования – это именно единая система правовых средств, которая состо-

ит из норм уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальных отношений, применения уголовно-процессуальных норм, уголовно-процессуальных правоприменительных актов, обеспечивающих эффективное правовое регулирование и воздействие в сфере уголовного судопроизводства. Для уголовного судопроизводства весьма важна реализация прав и обязанностей. Она должна протекать в строго установленной законом форме. В противном случае цели и задачи уголовного судопроизводства не будут достигнуты. Реализация норм уголовно-процессуального права в подавляющем большинстве случаев протекает в специфической форме, именуемой применением права.

В всего Конституции РФ предусмотрен общий механизм реализации прав и свобод человека и гражданина. В соответствии со ст. 21 Конституции РФ государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (ч. 2 ст. 17, ст. 18 Конституции РФ). Из этого следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права относится всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Согласно ст. 18 Конституции РФ именно права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления». Основным средством, обеспечивающим непосредственное действие этих прав и свобод, является правосудие.

Большинство ученых считают, что основным звеном механизма правового регулирования являются процессуальные нормы. Устанавливая для участников уголовного судопроизводства охраняемые и гарантируемые государством субъективные права и юридические обязанности, норма права придает данным отношениям правовой характер.

А.С. Бахта отмечает, что механизм уголовно-процессуального регулирования – это именно единая система правовых средств, которая состоит из норм уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальных отношений, применения уголовно-процессуальных норм, уголовно-процессуальных правоприменительных актов, обеспечивающих эффективное правовое регулирование и воздействие в сфере уголовного судопроизводства [4, с. 4].

По мнению Л.Б. Зуся, «механизм уголовно-процессуального регулирования есть реальное правовое явление, которое состоит из уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающих правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства» [5].

Л.Б. Алексеева отмечает, что механизм уголовно-процессуального регулирования – понятие, с помощью которого воспроизводятся структура и динамика правового регулирования [6, с. 89].

З.З. Зинатуллин указывает, что механизм уголовно-процессуального регулирования – это система сложных, взаимообусловленных уголовно-процессуальных правовых средств, при помощи которой обеспечивается воздействие уголовно-процессуального права на общественные отношения регулирования в области уголовного судопроизводства [7, с. 118].

Из приведенных формулировок можно заключить следующее. Механизм уголовно-процессуального регулирования представляет собой систему закрепленных в нормах уголовно-процессуального права правовых средств регулирования деятельности, правовых инструментов, характеризующихся своими способами регулирования и воздействия уголовно-процессуального права на общественные отношения, возникающие в сфере уголовного судопроизводства.

Также можно сказать, что механизм уголовно-процессуального регулирования – это такая система средств, которая позволяет направлять явления уголовно-процессуальной действительности, связанные с возбуждением уголовного дела, на достижение целей уголовного судопроизводства, борьба главная из которых – защита прав и законных интересов участников общественных отношений, пострадавших от преступлений.

В механизм уголовно-процессуального регулирования входят следующие определяемые законом процессуальные средства регулирования: задачи деятельности; полномочия, права и обязанности участников уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальные правоотношения; уголовно-процессуальная форма; санкции и ответственность. Что касается традиционно включаемых в механизм процессуального регулирования норм права, а также индивидуальных актов реализации права в форме соблюдения, исполнения, использования и правоприменения, то они не являются самостоятельными элементами указанного механизма.

С.В. Власова отмечает, что «механизм применения уголовного закона должен быть исключительно судебным. Состязательная процедура должна определять порядок правоприменения, привлечения к уголовной ответственности» [8, с. 68–72; 9, с. 115–116].

На основании изложенного можно сделать вывод, что совершенствование правоприменения обеспечивает действие механизма уголовно-процессуального регулирования, при этом его основой являются интересы человека. Сочетание законотворчества и правоприменительной деятельности придает эффективность правовому регулированию. Повышение правовой культуры участников права имеет непосредственное влияние на качество уголовно-процессуального регулирования и на процесс укрепления законности достижение и правопорядка.

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развернувшегося строительства коммунизма. М., 1961.
2. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2.
4. Бахта А.С. Механизм правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
5. Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования (общая характеристика основных элементов) : учеб. пособие / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 1976.
6. Алексеева Л.Б. Принуждение и ответственность в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вопр. борьбы с преступностью : сб. ст. / Все-союз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности ; редкол.: К.Ф. Скворцов [и др.]. Вып. 30. М., 1979. С. 89.
7. Зинатуллин З.З. Понятие и структура механизма уголовно-процессуального регулирования // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 16–17 окт. 2003 г.) : в 3 ч. / Башкир. гос. ун-т; под ред. З.Д. Еникеева. Уфа, 2003. Ч. 2.
8. Власова С.В. К вопросу о понимании уголовно-процессуального механизма применения норм уголовного кодекса // Актуальные проблемы права на современном этапе развития российской государственности : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 23 ноября 2017 г.) / Междунар. центр инновац. технологий «Омега Сайнс» ; редкол.: А.А. Сукиасян (отв. ред.) [и др.]. Уфа, 2017.
9. Власова С.В. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного закона // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 2 февр. 2018 г.) : в 2 ч. / Барнаул. юрид. ин-т МВД России ; редкол.: Ю.В. Анохина [и др.]. Барнаул, 2018. Ч. 1.

УДК 343.123

С.В. Власова

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ВЫДВИЖЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ

Продолжая тему, связанную с уголовно-процессуальным механизмом применения норм уголовного закона, в данном докладе мы подвергнем анализу один из элементов данного организационно-правового механизма применения уголовного закона. Это порядок выдвижения обвинения, порядок приведения в движение судебного механизма правоприменения.

Двигательным началом процесса согласно классическим канонам является обвинение, уголовный иск [1, с. 112; 2, с. 106–112]. В широком

смысле надо говорить об исковой организации обвинительной власти и деятельности, т. е. круге субъектов, уполномоченных готовить, выдвигать обвинение и поддерживать его в суде, а далее (после удовлетворения уголовного иска) реализовывать исполнение решения суда о применении нормы уголовного закона.

Мы выступаем за децентрализацию и деформализацию институтов обвинения и деюрократизацию обвинительной власти. Идея народного обвинения может быть вполне реализована в информационных технологиях [3, 4]. Технология блокчейн может быть заложена в фундамент организации обвинения типа «Народ против гражданина «X».

В качестве основной идеи мы выдвигаем мысль о предъявлении в суде уголовного обвинения любым лицом против того, кого данное лицо считает нарушившим уголовный закон. Об институте народного обвинения можно сказать, что он выступает в качестве дополнительного, конкурирующего с официальным институтом обвинения.

В качестве субсидиарного народного обвинителя может выступать любое физическое или юридическое лицо, непосредственно являющееся потерпевшим от преступных действий лица, или лицо, которое обладает сведениями о совершении преступления. Суд наделяется правом принятия к производству уголовного иска от любого лица (это может быть непосредственно лицо, которому преступлением причинен тот или иной вред, это может быть и представитель юридического лица или ассоциации граждан, которые объединились для осуществления уголовного преследования) и наделяется данным лицом правами обвинителя, позволяющими ему предъявить обвинение и требовать наказания преступника.

Подобного рода таксономическая единица находит свое отражение в ст. 3.5 Доктринальной модели «Общественное (народное) субсидиарное уголовное обвинение». Авторы Доктринальной модели указывают на то, что «суд вправе принять к производству уголовный иск „общественного обвинителя“ – любого человека, в том числе жертвы преступления или представителя юридического лица или ассоциации граждан, объединившихся для осуществления уголовного преследования, и наделять его правами стороны для содействия прокурору в поддержании обвинения и доведения до суда мнения об общественной опасности расследуемого преступления и преступника».

Процессы гуманизации и депенализации уголовной политики ведут к преобладанию и господству штрафных санкций за большее количество преступлений, в частности преступлений против собственности.

Мы полагаем, что пройдет немного времени, и мы сможем сами приводить в действие механизм правосудия, заходя на платформу электронного правосудия и совершая действия, которые связаны с формулированием и выдвиганием уголовного обвинения или гражданского иска, требовать материальную компенсацию и применения штрафных санкций к нарушителям закона.

Являясь сторонниками судебного права, мы полагаем, что правила рассмотрения судами тех или иных споров должны быть одинаковыми. Суды должны придерживаться единой процедуры применения материального закона. Требование лица о защите своего права, признание права, адресованного судебному органу, должно быть универсальным. Оцифровке подлежит, по сути, не только модель подачи и регистрации сообщений о преступлениях, но и модель обвинения. Любой гражданин государства должен обладать правом доступа к подобному рода государственным услугам. Успешные разработки технологии блокчейн вскоре дадут возможность реализовывать данную модель.

У любого гражданина на портале государственных услуг есть свой личный кабинет, являющийся блоком в цепи, – закольцованный в общую цепь (блокчейн) всех пользователей государственными услугами, в нашем случае правосудия. Гражданин формулирует и выдвигает обвинение в суде по какой-то статье против другого лица, совершившего, по его мнению, преступление. Данная операция будет являться частью общей программы обвинения, доступной всем гражданам, юридическим лицам и требующей консенсуса.

В дальнейшем происходит активация судебной власти, в процессе которой определяются время и место для встречи оппонентов (потерпевшего и обвиняемого), где в дальнейшем происходит судебное предъявление обвинения – очная персонализация, неотъемлемая часть процедуры предъявления обвинения. Органы прокуратуры могут подключаться к обвинению, если считают необходимым в том или ином случае государственное обвинение. Судебное разбирательство проводится по общим канонам справедливого судебного разбирательства, которые не подлежат пересмотру. Если уголовный иск признан стороной, то судьей выносится обвинительный приговор или по согласованию сторон предлагается альтернативный вариант разрешения спора.

Как следствие этого у нас есть еще одно предложение о введении нового института (судебного права): уголовного иска в гражданском процессе.

На эту идею нас натолкнуло предложение, сделанное в свое время сопредседателем «Деловой России», депутатом Государственной Думы

Андреем Назаровым о передаче уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, под юрисдикцию арбитражных судов [5]. Мы считаем, что если при рассмотрении гражданско-правового спора будут установлены признаки преступления (мошенничества), то истец вправе предъявить обвинение в отношении ответчика. После заявления истцом ходатайства о предъявлении уголовного обвинения судья объявляет перерыв в судебном заседании для формулировки и предъявления обвинения и подготовки ответчика к защите. Далее обвинение предъявляется и суд принимает окончательное решение по делу, в котором находят комплексное разрешение как гражданско-правовая, так и уголовно-правовая составляющие спора.

Поскольку предпринимательские преступления против собственности наказываются штрафом, криминализация содеянного приведет только к увеличению штрафа, а также утрате деловой репутации, что в бизнесе весьма важно.

1. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927.
2. Полянский Н.Н. К вопросу о юридической природе обвинителя перед судом // Правоведение. 1960. № 1.
3. Гуцев В.Е., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде : учеб. пособие. Н. Новгород, 1998.
4. Александров А.С. Субсидиарный уголовный процесс. Н. Новгород, 1999.
5. Эксперты обсудили предложения по изменению уголовного законодательства в целях защиты бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2015/04/eksperty-obsudili-predlozheniya-po-izmeneniyu-ugolovnogo-zakonodatelstva-v-celyax-zashhity-biznesa/> (дата обращения: 18.10.2018).

УДК 343.98

Е.М. Войтович

ОБЗОР И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Институт судебного контроля является относительно новым в современном уголовно-процессуальном законодательстве Украины.

В более ранних работах нами предложено следующее определение: судебный контроль в уголовном процессе выражается в непосредственной проверке следственным судьей, а в случаях, предусмотренных законом, судом апелляционной инстанции законности и обоснованности ре-

шений, действий и бездействия должностных лиц органов досудебного расследования на досудебной стадии уголовного производства с целью оперативного реагирования на нарушения прав человека.

В этой связи следует обратить внимание на развитие указанного института.

С момента приобретения Украиной суверенитета развитие уголовно-процессуального законодательства шло по пути внесения изменений в УПК УССР, который был принят законом Украинской ССР от 28 декабря 1960 г.

Первые составляющие судебного контроля появились в уголовно-процессуальном законодательстве еще в период существования СССР, когда законом УССР от 15 июня 1984 г. была введена в действие ст. 23² УПК УССР о праве суда выносить частное определение. Следует, однако, отметить, что такое право было предоставлено суду лишь по результатам рассмотрения уголовного дела судом, т. е. не на стадии досудебного (в тот момент предварительного) расследования.

Только законом Украины от 21 июня 2001 г. в УПК Украины были внесены изменения, в соответствии с которыми суду было представлено право принимать решения на стадии досудебного расследования. Указанным законом было установлено исключительное право суда избирать меру пресечения в виде содержания под стражей на стадии досудебного расследования, продлевать действие такой меры пресечения, а также возможность обжаловать такое решение в суд вышестоящей инстанции. Этим же законом субъектам процесса было предоставлено право обжаловать в местный суд (суд первой инстанции) решение прокурора об отказе в применении мер безопасности для участников уголовного процесса, а также предусмотрена возможность наложения ареста на корреспонденцию и снятия информации с каналов связи только с санкции апелляционного суда (суда второй инстанции).

Более важным представляется то, что указанным законом было представлено право обжаловать в суд первой инстанции решения следователя или прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о возбуждении уголовного дела (поскольку на тот момент в процессе существовала стадия возбуждения уголовного дела), а также о прекращении уголовного дела.

К недостаткам этого, безусловно, важного в развитии института судебного контроля в уголовном процессе закона следует отнести отсутствие четкой процедуры подачи обращений субъектов процесса в суд по вышеуказанным вопросам, отсутствие детальной регламентации

рассмотрения их судом первой инстанции, а также возможности и механизма обжалования судебных решений. Кроме того, внесение многочисленных изменений в такой концептуальный документ, как УПК, порой приводит к утрате внутренней логической связи между правами и обязанностями субъектов на различных стадиях процесса, что неизбежно влияет на важнейшую черту права – формальную определенность.

Наиболее важным стало принятие УПК Украины законом от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI. В этом законодательном акте элементы института судебного контроля в уголовном процессе получили дальнейшее развитие: законодательно введена должность следственного судьи, в обязанности которого входит осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве; определен порядок назначения следственных судей, обращения к ним, механизм рассмотрения обращений (ходатайств и жалоб), права и обязанности участников рассмотрения таких обращений, результат их рассмотрения следственным судьей; установлены решения, подлежащие апелляционному обжалованию, определен порядок такого обжалования; однозначно регламентирован механизм и результаты такого обжалования.

Прогрессивным следует считать также и то, что уголовный процессуальный закон устанавливает обязанность следственного судьи самостоятельно принимать меры к устранению нарушений прав человека в случае выявления такой информации из любого источника (ст. 206 УПК Украины).

В дальнейшем институт судебного контроля в уголовном процессе был несколько изменен, в частности, право обращения с жалобами к следственному судье получили лица, не являющиеся непосредственными сторонами уголовного производства, – свидетели, заявители, собственники изъятого имущества и др., была установлена обязательность видеофиксации рассмотрения следственным судьей ходатайств стороны обвинения о проведении обыска.

Изменения же, которые претерпел институт судебного контроля вследствие принятия закона от 3 октября 2017 г. № 2147-VIII, сложно оценить однозначно. Так, на следственного судью возложен ряд функций, не относящихся к сфере судебного контроля, в частности принятие решений о назначении экспертиз в ходе расследования по ходатайству стороны обвинения. Кроме того, стороне защиты предоставлено право обжаловать законность уведомления о подозрении (что по существу является аналогом постановления о привлечении в качестве обвиняемого в уголовном процессе УССР, поскольку в действующем процессуальном

законе предъявление обвинения на стадии досудебного расследования не предусмотрено). Таким образом, фактически следственному судье предоставляется право оценить существо подозрения и его законность до стадии судебного рассмотрения, что не свойственно носителю права, осуществляющему судебный контроль именно на стадии досудебного расследования.

Таким образом, последние изменения, внесенные в уголовное процессуальное законодательство, непосредственно касающиеся института судебного контроля, вызывают сомнения в их соответствии доктрине права. Тем не менее практическое применение уголовного процессуального закона в дальнейшем позволит оценить эти изменения и определить направления дальнейшего развития указанного института.

УДК 343.7

Е.В. Горенская

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Незаконное предпринимательство является противоправным деянием, ответственность за которое предусмотрено в уголовных кодексах Российской Федерации (ст. 171) и Республики Беларусь (ст. 233).

Ежегодно в России и Беларуси выявляются факты незаконного предпринимательства, как правило, связанного с осуществлением без лицензии деятельности по хранению, перевозке, реализации нефти и горючесмазочных материалов, эксплуатации магистральных газонефтепроводов, добыче нефти, реализации товаров на потребительском рынке, передаче и распределению тепловой энергии, погрузочно-разгрузочной деятельности на транспорте, а также строительно-монтажных работ, автомобильных перевозок и т. п. Например, в 2017 г. в России органами внутренних дел было выявлено 238 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 171 УК РФ, из них почти 98 % совершено в крупном или особо крупном размере, 9 % – организованной группой.

Российская Федерация и Республика Беларусь, участники Содружества Независимых Государств, при разработке и принятии нормативных правовых актов ориентируются на рекомендательные законодательные

акты Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. В уголовно-правовой сфере таковым для них является Модельный уголовный кодекс, в котором незаконное предпринимательство определено как «осуществление предпринимательской деятельности без регистрации либо без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, сопряженное с получением дохода в крупном размере, или причинение крупного ущерба интересам граждан, коммерческим или некоммерческим организациям либо государству – преступление средней тяжести» (ст. 255 «Незаконное предпринимательство»). Нормы Модельного уголовного кодекса призваны способствовать созданию единого правового поля Содружества Независимых Государств.

Внимательное ознакомление с текстами ст. 171 УК Российской Федерации и ст. 233 УК Республики Беларусь позволило выявить ряд различий между ними, несмотря на то, что обе нормы устанавливают ответственность за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований законодательства.

Статья 171 УК РФ называется «Незаконное предпринимательство», а ст. 233 УК Республики Беларусь – «Незаконная предпринимательская деятельность». В первом случае название полностью соответствует Модельному уголовному кодексу, во втором – законодателем предлагается расширенный синоним. В целом использование первого термина рекомендуется, второго не запрещается.

Статья 171 УК РФ состоит из двух частей без примечаний. Статья 233 УК Республики Беларусь состоит из трех частей и двух примечаний. Таким образом, различия в структуре данных норм достаточно значительные. Статья российского уголовного кодекса в большей степени соответствует тексту нормы Модельного уголовного кодекса. Статья УК Республики Беларусь придерживается заданного Модельным кодексом направления.

Обе рассматриваемые нормы включают в себя как признак состава преступления осуществление деятельности без регистрации либо без лицензии, когда такая лицензия обязательна. Однако статья УК Республики Беларусь более объемная, предусматривает ответственность за предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной¹.

¹ В ряде уголовных кодексов государств – участников СНГ также встречаются подобные формулировки. Например, в ст. 214 УК Республики Казахстан закреплена ответственность, в том числе, за занятие запрещенными видами предпринимательской деятельности).

Аналогично обстоит дело с указанием на последствия. Так, в ч. 1 ст. 171 УК РФ закреплено: если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (примечание к ст. 170.2 УК РФ). УК Республики Беларусь в ч. 1 ст. 233 также указывает на получение дохода в крупном размере, однако крупный ущерб не упоминается, как и категории лиц, которым он может быть причинен (примечание к ст. 233 УК Республики Беларусь).

Таблица 1

Квалифицирующие признаки

Часть статьи	Статья 171 УК РФ	Статья 233 УК Республики Беларусь
Вторая	совершение организованной группой	совершение лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное настоящей статьей
		с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляются полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан
	извлечение дохода в особо крупном размере	получение дохода в особо крупном размере
Третья	–	совершение организованной группой

Российское законодательство устанавливает два квалифицирующих признака, белорусское – четыре признака (табл. 1). Два признака в статьях совпадают. Квалифицирующий признак «сопряженные с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляются полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан» связан, очевидно, с явлением финансовой или иной пирамиды, которое в России чаще всего квалифицируется как мошенничество.

Санкции

Часть статьи	Статья 171 УК РФ	Статья 233 УК Республики Беларусь
Первая	штраф в размере до 300 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет	штраф
	обязательные работы на срок до 480 часов	лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью
	арест на срок до шести месяцев	арест ограничение свободы на срок до двух лет лишение свободы на срок до трех лет со штрафом или без штрафа
Вторая	штраф в размере от 100 тыс. до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет	штраф
	принудительные работы на срок до пяти лет	ограничение свободы на срок до пяти лет
	лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового	лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения
Третья	–	штраф лишение свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения

На первый взгляд, обе статьи содержат одинаковое количество санкций – пять (табл. 2). Однако совпадают только три из них – штраф, арест и лишение свободы. В остальном очевидно, что законодательство Рес-

публики Беларусь (относительно ст. 233) строже: в нем используется наказание в виде ограничения свободы, а максимальный срок лишения свободы может достигать семи лет. В данном случае мы согласны с законодателем: общественная опасность незаконного предпринимательства часто недооценивается, поэтому возможность назначения более строгого наказания может и не отвратит лицо (лиц) от реализации преступного замысла, однако, несомненно, заставит призадуматься.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что законодатели России и Беларуси при разработке статей уголовных кодексов об ответственности за незаконное предпринимательство учли в большей или меньшей степени нормы Модельного уголовного кодекса.

Несмотря на достаточно большое количество различий ст. 171 УК РФ и ст. 233 УК Республики Беларусь служат одной цели – привлечению к уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность.

На наш взгляд, законодателям обеих стран целесообразно рассмотреть возможность совершенствования статей уголовных кодексов.

Статью 171 УК РФ и ст. 233 УК Республики Беларусь следует дополнить квалифицирующим признаком «совершение группой лиц по предварительному сговору». Данное предложение, основанное на мнении сотрудников органов внутренних дел, занимающихся борьбой с преступлениями в сфере экономической деятельности, позволит привлекать к ответственности преступные группы, доказать организованность которых не представляется возможным.

Часть 3 ст. 35 УК РФ рекомендуется изложить в следующей редакции: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а равно членом организованной группы во исполнение ее задания». Возможно, аналогичное дополнение следует внести также в ст. 18 УК Республики Беларусь. В такой редакции нормы будут в большей степени соответствовать ч. 3 ст. 38 Модельного уголовного кодекса.

УДК 343.16

П.В. Гридюшко

ДРУГ СУДА (AMICUS CURIAE) – НОВЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Постоянные процессы поиска возможностей совершенствования уголовно-процессуальной деятельности нередко заставляют нас обратиться

к зарубежному опыту в той или иной сфере, изучить его и рассмотреть вопрос о целесообразности формулирования сходных правовых норм. Естественно, эти процессы достаточно сложны, многоаспектны и неоднозначны. Учет системы национального права, ментальности, традиций может в конце концов заставить отказаться от ряда на первый взгляд логичных и целесообразных новаций.

В целом необходимость изучения международного опыта никогда и никем не ставилась под сомнение как в среде ученых, так и в практической деятельности. Суждения обратного характера звучат в случае слишком больших масштабов такого изучения и последующего внедрения.

Так, среди положений «Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» звучало: «Для разработки правовых новаций необходимо тщательно изучить существующий зарубежный опыт организации уголовного судопроизводства; выбрать наиболее оптимальную для нашей страны модель; определить комплекс требуемых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство и с учетом экономической составляющей процесса перехода на нее обсудить такую возможность со всеми заинтересованными ведомствами – участниками уголовно-процессуальных отношений, широкой общественностью» [1]. Такая категоричная постановка вопроса отчасти была подвергнута критике, и В.С. Джатиев, анализируя указанные пункты, называет одной из основных болезней уголовного процесса болезнь бездумного увлечения зарубежными заимствованиями [2]. А как высказался министр внутренних дел Республики Беларусь И.А. Шуневич, «отринуть вековой опыт, забыть все, что наработано, уложить машину правоохранительной системы в чужую матрицу и заставить ее шестеренки слаженно крутиться – это не удалось никому. Ни-ко-му» [3]. Согласимся, что вести речь о выборе и внедрении наиболее оптимальной зарубежной модели уголовного судопроизводства не совсем корректно. Однако изучение зарубежного опыта построения точечных правовых институтов, вне всяких сомнений, должно вести к позитивному результату.

Одной из подобных правовых норм, в своем чистом виде неизвестной национальному уголовному процессу, является норма о таком участнике уголовно-процессуальных отношений, как друг суда. УПК Грузии 2009 г. ввел его в уголовный процесс, а ст. 55 УПК Грузии так и именуется: «Друг суда (Amicus Curiae)». Согласно ей:

заинтересованное лицо, не являющееся стороной рассматриваемого уголовного дела, вправе не позднее чем за 5 дней до рассмотрения дела по существу, представить в суд свои письменные соображения по данному делу;

целью представления письменных соображений должна быть не поддержка какого-либо участника процесса, а стремление помочь суду соответствующим образом оценить рассматриваемый вопрос. Если суд признает, что письменные соображения составлены без соблюдения требований ст. 55 УПК, он оставит их без рассмотрения;

суд не обязан соглашаться с аргументами, приведенными в письменных соображениях;

письменные соображения по объему не должны превышать 30 страниц. Они должны быть составлены в 3 экземплярах, 2 из которых вручаются сторонам, а один остается у судьи;

суд правомочен по собственной инициативе (и) или по предварительному согласию сторон и автора письменных соображений до рассмотрения дела по существу вызвать автора письменных соображений для дачи устных объяснений.

Итак, сама идея, несомненно, вызывает интерес. В сложных вопросах, требующих знаний в различных отраслях, у судей появляются помощники, которые, несомненно, будут предоставлять ценную информацию для принятия решения. Неспроста судебные системы значительно количества государств предусматривают такие правовые институты.

Напомним, что институт *amicus curiae* известен еще со времен римского права. Начиная с IX в. он вошел в английское право, получив там большое распространение к XVII–XVIII вв. В настоящее время он достаточно популярен в США, Англии, иных государствах (в том числе романо-германской правовой системы). Нередко прибегают к его услугам в международных судах (например, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека) и в международных организациях (например, ВТО).

Под *amicus curiae* можно понимать физическое или юридическое лицо, которое, не являясь представителем стороны обвинения или защиты, по собственной инициативе, желая оказать содействие суду в решении рассматриваемого вопроса, в письменном виде подает свои умозаключения (*amicus curiae brief*). Основная идея *amicus curiae* заключается в том, что суд может не владеть всей информацией, а заявление стороннего эксперта или экспертной организации помогает судьям разобраться в деталях сложного дела (например, если суду необходимо ответить на вопросы о влиянии насильственных видеороликов на психику детей, ему желательно услышать мнения экспертов, и краткие справки независимых «друзей» должны оказывать помощь в этом). В идеале информация должна быть нейтральной, непредвзятой.

При этом научные организации или граждане, которые хотят выступить в качестве друга суда, могут опираться только на собственные

данные и не вправе требовать предоставления судом материалов дела для подготовки инициативного научного заключения. В этом и состоит основное отличие друга суда от привлеченного консультанта, который работает по запросу суда, а не высказывается по личной инициативе [4].

Однако в правоприменительной практике государств, где институт *amicus curiae* насчитывает вековую историю, не все так однозначно. И в научных трудах зарубежных ученых в последние годы усиливается критика рассматриваемого правового института. Среди основных проблем можно выделить две ключевые.

Первая состоит в том, что классическое понимание друга суда в последние годы теряет свою актуальность. Пользуясь интернетом, любой желающий может претендовать на роль *amicus curiae*, отыскав нужную информацию в сжатые сроки и оформив в качестве заключения друга суда. В результате суды загромождены десятками заключений, часто содержащих непроверенные факты, и судьи вынуждены их выслушивать.

Так, профессора Э.О. Ларсен и Н. Дэвинс отмечают, что заключения друзей суда приобщаются к 98 % дел Верховного суда США (подаются свыше 800 заключений во время каждой сессии). За последние 60 лет количество таких заключений возросло на 800 %, а за последние 20 – на 95 %. Количество заключений по одному делу может не иметь границ. Так, при рассмотрении громкого дела о доступности медицинского обслуживания было подано 136 заключений, дела о законодательстве штата Техас по вопросу абортов – более 80, а при рассмотрении дела об однополых браках друзья суда представили 148 заключений (новый рекорд) [5].

При рассмотрении судом резонансного уголовного дела по факту гибели рядового Коржича в качестве свидетеля в суде был допрошен заведующий кафедрой судебной медицины БГМУ, который, основываясь на данных из учебной и научной литературы, описывал случаи, когда самоубийцы связывали себе руки и ноги перед повешением, отмечая общую вычурность обстоятельств, которая, по его мнению, может говорить о самоубийстве. При этом в его практике не было случаев, чтобы самоубийца связывал себе ноги. Про подобные истории, описанные зарубежными коллегами, ему не известно [6]. В случае существования института *amicus curiae* в суды могли бы поступать десятки заключений, в которых «друзья суда» просто излагали бы свое (часто предвзятое) мнение по этим вопросам, скорее всего, со ссылками на интернет-источники. Содержание подобных заключений можно представить, прочитав и соответствующие форумы (в том числе *talks.by*), на которых один за другим появляются многочисленные «специалисты», высказывающие ничем не подтвержденные суждения.

Вторая проблема – то, что *amicus curiae* перестает быть независимым другом суда, представляя интересы той или иной стороны судебного процесса [7, 8]. Если ранее друзья суда действительно были третьей стороной, заинтересованной в справедливом разрешении дела, являлись независимыми и бескорыстными, то сегодня под видом *amicus curiae* каждая из сторон приглашает специалистов (и не только), чтобы те усиливали ее позиции.

Вышеупомянутые Э.О. Ларсен и Н. Дэнвинс приводят этому многочисленные примеры. Так, решение по делу *King v. Burwell* повлияло на реформу здравоохранения, отголоски которой известны и нам. Во время разбирательств правительство привлекло к делу юриста, задача которого состояла в том, чтобы находить друзей суда и координировать их действия в свою поддержку. Большое количество сходных примеров позволяет говорить о том, что сегодня институт *amicus curiae* становится прекрасным инструментом судебного лоббирования. В настоящее время стороны, готовящиеся к рассмотрению дела в суде, привлекают новых членов: *amicus wrangler* (крикуны или ковбои) и *amicus whisperer* (сплетники или шептуны). Задача первых – решать, что должны услышать судьи, находить и координировать работу вторых в подготовке заключений друзей суда, а те, в свою очередь, «нашептывают» судьям нужную информацию. Именно этот разработанный механизм и предлагается именовать машиной *amicus* [5].

Заключения друзей суда в подавляющем большинстве случаев начинают дублировать и усиливать аргументы, представляемые той или иной стороной судебного процесса. А придание этим доводам статуса сторонней экспертной оценки, несомненно, оказывает дополнительное влияние на судей. Люди, которые утверждают, что являются друзьями суда, практически без исключения являются друзьями одной из сторон по делу [9].

Достаточно сходным по своему содержанию и также могущим преследовать цель влияния на судей можно назвать ведение правовых блогов адвокатами. В них могут размещаться и заключения друзей суда, что угрожает беспристрастному отправлению правосудия и будет систематически ущемлять ту или иную сторону. Несмотря на то что феномен правовых блогов насчитывает меньше двух десятилетий, они уже способны оказать существенное влияние на судебный процесс [10].

И все же у института *amicus curiae* в его классическом виде, пожалуй, больше достоинств, чем недостатков. И даже заинтересованность друга суда может выполнять функцию выражения мнения той или иной части общества по важным, общественно значимым вопросам, которые являются предметом судебного разбирательства. При этом институт *amicus curiae* может иметь место в конституционном праве, некоторых

других отраслях, но вести речь о введении его в уголовный процесс, по нашему мнению, нецелесообразно или как минимум преждевременно. Уголовно-процессуальное законодательство в настоящее время обладает достаточным набором инструментов для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Тем не менее считаем полезным более детально изучить данный правовой институт, найти четкие отграничения друзей суда от свидетелей, специалистов, экспертов. Друг суда – отчасти эксперт, отчасти адвокат, однако он не тождествен ни первому, ни второму. Особо пристального внимания заслуживают законодательство и правоприменительная практика тех государств, где *amicus curiae* имплементирован именно в уголовный процесс, но при исследовании этих вопросов, чтобы сформировать объективное суждение, отрицательному опыту должно уделяться не меньше внимания, чем положительному. В противном случае мнение судейского корпуса будет соответствовать мнению, присущему и ряду зарубежных судей. Один из авторитетнейших членов Верховного суда США Дж.П. Стивенс, занимавший свой пост с 1975 по 2010 г., после выхода в отставку сказал: «Обычно я даже не читал заключения *amicus*. Это была одна из задач, которые я поручил своим судебным клеркам». Его коллега А. Скалия, выступая в Чикагско-Кентском колледже права, выразился более остро: «Мои судебные клерки читают все заключения друзей суда. И только если они увидят „спрятанный трюфель“, то обратят на него мое внимание» [9].

1. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2013. 4 февр. URL: <https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html> (дата обращения: 09.10.2018).

2. Джатиев В.С. О «болезнях» современного российского уголовного процесса // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 9–10 апр. 2014 г.) / Акад. упр. МВД России. М., 2014. Ч. 1.

3. Порядок гарантирую. Игорь Шуневич: разговор о прошлом, настоящем и будущем [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. 2017. 25 февр. URL: <https://www.sb.by/articles/poryadok-garantiruy.html> (дата обращения: 09.10.2018).

4. Голубкова М. В регламенте высшего судебного органа РФ закреплён институт *amicus curiae* [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2017. 19 окт. URL: <https://rg.ru/2017/10/19/reg-szfo/konstitucionnyj-sud-zakrepil-v-reglamente-institut-druzej-suda.html> (дата обращения: 02.10.2018).

5. Larsen A.O., Devins N. The *amicus* machine [Electronic resource] // Virginia Law Review. 2016. 1 dec. URL: <http://www.virginialawreview.org/sites/virginialawreview.org/files/Larsen%26DevinsOnline.pdf> (date of access: 02.10.2018).

6. Борисевич К. «Самоубийцы не знают все механизмы смерти и связывают себе руки». По делу Коржича выступил эксперт [Электронный ресурс] // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/610737.html> (дата обращения: 08.10.2018).

7. Banner, S., The Myth of the Neutral Amicus: American Courts and Their Friends, 1790–1890 [Electronic resource] // University of Minnesota Law School. Scholarship Repository. 2003. URL: <https://scholarship.law.umn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2060&context=concomm> (date of access: 03.10.2018).

8. Larsen A.O. The Trouble with Amicus Facts [Electronic resource] // Virginia Law Review. 2014. 24 nov. URL: http://www.virginialawreview.org/sites/virginialawreview.org/files/Larsen%26Devins_Online.pdf (date of access: 03.10.2018).

9. Liptak A. Study Shows How Much Work It Takes to Be Supreme Court's Friend // The New York Times. 2016. March 7. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/08/us/politics/study-shows-how-much-work-it-takes-to-be-supreme-courts-friend.html> (date of access: 05.10.2018).

10. Lee R.C. Ex parte blogging: the legal ethics of supreme court advocacy in the internet era machine [Electronic resource] // Stanford Law Review. 2009. URL: <http://www.stanfordlawreview.org/wp-content/uploads/sites/3/2010/04/RLee.pdf> (date of access: 10.10.2018).

УДК 343.13(470)

Д.А. Гришин

ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Российский уголовный процесс характеризуется стадийностью эволюции соответствующей деятельности при производстве по уголовному делу. Деление уголовного судопроизводства на стадии позволяет упорядочить и оптимизировать деятельность правоохранительных органов, консолидировать однородную деятельность соответствующих должностных лиц. Любое уголовное дело должно пройти определенные этапы. На каждом этапе решаются определенные задачи для достижения установленной цели. Переход от одной стадии к другой оформляется соответствующим процессуальным решением, без которого невозможно начало последующего этапа.

Собственно говоря, основная часть уголовно-процессуальной деятельности возможна исключительно после возбуждения уголовного дела. Поэтому мы считаем, что возбуждение уголовного дела, отграничивая преступное от непроступного, является правовым и организационным началом в уголовном процессе, позволяющим вести речь о всех остальных стадиях.

Возбуждение уголовного дела – самостоятельная и необходимая стадия уголовного процесса, представляющая собой процессуальную форму, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования или судебного разбирательства [1, с. 6]. Часто деятельность в рамках рассматриваемого этапа представляется неэффективной, так как в условиях низкого уровня информационной осведомленности должностных лиц правоохранительных органов осуществляется большое количество действий, результаты которых в последующем остаются невостребованными.

Уголовно-процессуальная деятельность возможна как до, так и во все без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Здесь следует обратить внимание на осмотр места происшествия, на предварительную проверку информации о преступлении и непосредственно на решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

При этом вызывает вопросы сама стадия возбуждения применительно к своему качественному составу. Большинство мнений сходится в том, что данная стадия включает в себя предварительную проверку сообщения о преступлении и вынесение соответствующего решения по ее результатам. Является ли данная деятельность процессуальной? Безусловно. Такая позиция в первую очередь подтверждается тем, что данная деятельность регулируется УПК РФ. Несмотря на то, что процесс сбора доказательств в рамках возбуждения уголовного дела ограничен, активность должностных лиц на данной стадии относится к уголовному судопроизводству и должна рассматриваться в качестве уголовно-процессуальной.

Сложившаяся правоприменительная практика вызывает некоторую озабоченность относительно эффективности уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе. Мы считаем, что в некоторых случаях предварительная проверка нарушает право граждан на доступ к правосудию, провоцируя неоправданную задержку производства непосредственного расследования. На данный момент по поступающим сообщениям проводится как минимум 10-дневная проверка, что, в свою очередь, влечет потерю драгоценного времени. Результаты исследования отказных материалов и уголовных дел позволяют говорить о том, что в 90 % случаев осуществляется продление установленного УПК РФ первоначального трехдневного срока предварительной проверки поступающих сообщений о совершенных преступлениях. Бесспорно, в некоторых случаях проверка необходима (экономические дела, обнаружение трупа

без видимых телесных повреждений или повреждений, не имеющих явно криминального характера), но необходимость повсеместного ее проведения, тем более в такие сроки, вызывает сомнения. Поэтому при наличии явных признаков совершенного преступления положительный эффект будет иметь незамедлительное возбуждение уголовного дела, после которого следует немедленно приступить к расследованию.

Действительно, возбуждение уголовного дела в соответствии со ст. 140 УПК РФ возможно при наличии повода и основания. В некоторых случаях это имеет место изначально при обращении в соответствующий орган дознания (например, заявление и объяснение гражданина, где излагаются обстоятельства произошедшего, отсутствие имущества, наличие телесных повреждений и т. д.) При этом оперативно-розыскные мероприятия, имеющие целью установление лиц, причастных к совершению преступления, могут проводиться и в рамках возбужденного уголовного дела, например посредством оперативного сопровождения или выполнения отдельных поручений следователя.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация обусловлена формулировкой ст. 140 УПК РФ. Согласно второй части данной статьи основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Эта явно оценочная категория влечет за собой отсутствие единообразного применения уголовно-процессуального законодательства. В ряде случаев в рамках предварительной проверки сообщения о преступлении обнаружение и фиксация этих данных не представляются возможными. По данному событию орган дознания располагает лишь поводом к возбуждению уголовного дела и его подтверждением, полученным в результате опроса граждан. Ввиду этого следует расценивать как наличие основания данные гражданином объяснения, которые свидетельствуют о совершенном в отношении его преступлении. Невозможность установления основания для возбуждения уголовного дела не должно являться поводом для отказа в этом.

При этом мы предполагаем возможные нарушения со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые связаны с отказом в возбуждении уголовного дела при отсутствии достаточных данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления (ч. 1 ст. 148 УПК РФ).

Безусловно, данный негативный момент осложняется и вследствие ослабления надзорной функции прокурора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Это связано прежде всего с лишением его права на возбуждение уголовного дела. При нежелании руководителей следственных ор-

ганов возбуждать уголовное дело прокурор не способен принять какие-либо действенные меры реагирования. Согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ прокурор, признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Однако никто не мешает представителям следственного органа вновь отказать в возбуждении уголовного дела, должным образом мотивировав свою позицию.

Несмотря на то, что мы поддерживаем изменения УПК РФ, связанные с выводом прокурора из орбиты осуществления деятельности по расследованию преступлений, считаем необходимым оставить для данного должностного лица возможность возбудить уголовное дело в случае неоднократного вынесения органом дознания, следователем незаконного постановления об отказе в этом. Возбужденное уголовное дело должно быть незамедлительно направлено в уполномоченный орган для производства предварительного расследования.

Сложившаяся ситуация позволяет резюмировать следующее: во многих случаях при проверке сообщения о преступлении деятельность должностных лиц правоохранительных органов направлена на изобличение во лжи заявителя, а не на поиск лиц, совершивших преступление. Безусловно, возможны случаи сообщения ложных сведений, однако из-за этого не должны страдать интересы законопослушных граждан, и без того претерпевших от совершенного в отношении их уголовно наказуемого деяния.

Определенные особенности, связанные со спецификой деятельности, присущи стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным на территории ИУ либо на прилегающей режимной территории.

Следует подчеркнуть, что под расположением ИУ понимается не только территория колонии (тюрьмы), ограниченная системой инженерно-технических средств охраны, но и территория, прилегающая к охранным сооружениям, где устанавливаются режимные требования, границы которой органы местного самоуправления определяют своим решением [2, с. 60].

Обращая свое внимание на вопрос уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений УИС, мы приходим к некоторым выводам, которые позволяют нам более детально исследовать стадию возбуждения уголовного дела.

Во-первых, органы и учреждения УИС, в частности ИУ, являются органами дознания, а если быть более точным, то в качестве органа дознания выступает их начальник. Ввиду этого возникает необходимость делегирования соответствующих полномочий тем или иным должностным лицам. Данная ситуация связана прежде всего с тем, что в системе органов и учреждений УИС нет штатных должностей дознавателей. Таким образом, наделение полномочиями дознавателя конкретного сотрудника оформляется приказом начальника учреждения.

Во-вторых, органы и учреждения УИС не вправе производить дознание. Сотрудники ИУ полномочны использовать лишь институт неотложных следственных действий, которые фактически предшествуют производству предварительного следствия в определенных случаях (как правило, невозможность оперативного прибытия следователя на место). Рассматриваемая деятельность является для органов и учреждений УИС исключительной и не осуществляемой на постоянной основе. Поэтому реализация таких полномочий должна быть обусловлена крайней необходимостью, связанной с отсутствием уполномоченных должностных лиц и невозможностью их незамедлительного привлечения.

Данный институт является достаточно спорным и вызывает много вопросов. Например, к какой форме предварительного расследования следует причислить неотложные следственные действия органа дознания [3, с. 83]? Мы убеждены, что неотложные следственные действия в смысле ст. 157 УПК РФ являются этапом предварительного следствия. Признание их в качестве самостоятельной формы расследования и тем более в качестве разновидности дознания не имеет каких-либо оснований. Недопустима подмена одной формы расследования другой [4, с. 83], а также соответствующая трансформация дознания в предварительное следствие при производстве расследования одного уголовного дела. Неотложные следственные действия производятся по делам, по которым предварительное следствие обязательно, и, соответственно, должны входить в структуру предварительного следствия.

В случае совершения преступлений, которые расследуются в форме дознания, сотрудники ИУ не правомочны возбуждать уголовное дело и осуществлять иную уголовно-процессуальную деятельность. По сути, они должны вызвать следственно-оперативную группу и обеспечить охрану места происшествия до ее прибытия.

В-третьих, сотрудники ИУ, находящиеся в непосредственной близости от крупных населенных пунктов, вовсе не осуществляют уголовно-процессуальную деятельность: не выносят постановления об отказе в

возбуждении уголовного дела, направляя материалы проверки в органы полиции, не возбуждают уголовных дел и не производят неотложные следственные действия даже в тех случаях, когда это непосредственно допускается уголовно-процессуальным законодательством. Для подавляющего большинства органов и учреждений УИС актуальными остаются оперативное сопровождение расследования [5, с. 53–55], взаимодействие с должностным лицом, его производящим. Такая позиция представляется оправданной и позволяет наиболее качественно осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Таким образом, можно сделать ряд значимых выводов:

1. Несмотря на некоторую не востребованность уголовно-процессуальной сферы досудебного производства в практической деятельности органов и учреждений УИС, их должностные лица должны быть способны реализовать предоставленные им УПК РФ полномочия, поскольку промедление может негативно влиять на эффективность дальнейшего расследования совершенного преступления, повлечь утрату информации, имеющую доказательственное значение.

2. С учетом потребностей правоприменительной деятельности целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, дополнив ее пунктом следующего содержания: «возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом», а также изложить ч. 1 ст. 146 в следующей редакции: «При наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, прокурор в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление».

1. Копылова О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С.-Петербург. ун-т. СПб., 1999.

2. Минеев И. Дознание в исправительных учреждениях // Рос. юстиция. 2001. № 8.

3. Мичурина О.В. Является ли проведение органом дознания неотложных следственных действий разновидностью дознания? // Законодательство. 2005. № 6.

4. Жарко Н.В., Новикова Л.В. Верховенство принципа законности в уголовном судопроизводстве // Меры уголовно-процессуального принуждения: вопросы теории и практики : материалы науч.-практ. конф. Рязань, 30 мая 2017 г. / Ряз. фил. Моск. ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя. Рязань, 2017.

5. Мальчук О.И., Нуждин А.А. Оперативно-разыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых членами организованных преступных групп в исправительных учреждениях // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2018. № 2.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ЛИЦАМ, ПОСТРАДАВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обеспечение конституционных прав и законных интересов граждан является основополагающей задачей органов внутренних дел Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 утверждена государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (далее – государственная программа). Целью ее является повышение качества и результативности противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, обеспечения общественной безопасности и безопасности дорожного движения. Достижение этой цели будет способствовать повышению доверия населения России к органам внутренних дел.

Одним из целевых индикаторов государственной программы является удельный вес возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по уголовным делам, оконченным органами предварительного расследования.

Государственная программа предусматривает ежегодное достижение органами внутренних дел показателя удельного веса возмещенного ущерба от фактически причиненного за счет повышения эффективности работы следователей и дознавателей. Ожидаемым результатом исполнения государственной программы является увеличение удельного веса возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по оконченным уголовным делам.

Анализ работы органов предварительного следствия и дознания системы МВД России показал, что за период с 2012 по 2016 г. органам предварительного расследования не удалось достичь целевых индикаторов государственной программы в части возмещения потерпевшим причиненного ущерба. Основными причинами недостижения плановых показателей явились как объективные, так и субъективные обстоятельства.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 г. № 385 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации „Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности“ и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и их отдельных положений»

в государственную программу внесен ряд существенных изменений, одним из которых явилось снижение целевых индикаторов возмещения материального ущерба.

Лишь в 2017 г., после внесения изменений в государственную программу и снижения плановых показателей, только органам дознания удалось достичь целевого индикатора – 59,1 % (плановый – 31,5 %).

Руководством МВД России ежегодно определяются конкретные задачи на предстоящие периоды работы по реализации комплекса мер, направленных на совершенствование работы по возмещению ущерба, а также обеспечение исполнения подпрограммы «Предварительное следствие» государственной программы.

Часто принимаемые руководством следственных подразделений и подразделений дознания меры по восстановлению нарушенных конституционных прав потерпевших недостаточно эффективны. Органы предварительного расследования не принимают исчерпывающих мер по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба. Отсутствует должная организация работы сотрудников следственных подразделений с сотрудниками органов дознания при документировании преступной деятельности и реализации материалов оперативно-розыскных разработок. Как следствие, каналы перемещения похищенного или изъятого из оборота имущества, денежных средств, ценных бумаг не устанавливаются, действия по легализации преступных доходов не пресекаются, мероприятия по определению имущественного состояния заподозренных лиц, их родственников и близких людей не проводятся, сделки и регистрационные действия с похищенным имуществом не фиксируются. На стадии расследования уголовного дела не всегда обеспечиваются планирование и производство следственных и иных процессуальных действий по установлению видовых характеристик, стоимости похищенного имущества, а также поиску и обеспечению сохранности похищенного. Ненадлежащим образом осуществляется розыск полученных в результате легальных операций с похищенным имуществом средств, своевременно не принимаются меры по наложению ареста на имущество, его изъятию и передаче на ответственное хранение. Обысковые мероприятия по установлению местонахождения и изъятию имущества, на которое может быть наложен арест, не проводятся, выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, не совершаются.

Одним из способов возмещения ущерба является работа сотрудников органов предварительного следствия и органов дознания с обвиняемыми и их родственниками по разъяснению положений уголовно-процессуаль-

ного законодательства о смягчении наказания в случае добровольного возмещения ущерба. Однако часто следователи и дознаватели используют указанный способ недостаточно активно. Мероприятия, направленные на обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением, как правило, проводятся на завершающей стадии расследования.

В ряде случаев лица, нарушившие закон, пользуясь несовершенством законодательства, умышленно уклоняются от добровольного возмещения причиненного ущерба, а также активно пытаются скрыть имеющее в их собственности имущество. Только своевременное принятие мер, направленных на установление имущества, на которое может быть наложен арест, позволяет обеспечить конституционные права лиц, пострадавших от преступлений, на возмещение причиненного ущерба.

Названные факторы негативно сказываются на достижении планового показателя государственной программы и реализации одной из главных задач уголовного процесса – защиты лиц от преступлений, восстановления нарушенного права в части возмещения материального ущерба.

Как показывает практика, в большей степени проблемы с возмещением ущерба возникают по преступлениям экономической направленности. Причиненный ущерб по уголовным делам данной категории в большинстве своем исчисляется миллионами рублей и составляет наибольшую часть общего причиненного ущерба по всем оконченным уголовным делам.

Своевременное принятие мер обеспечительного характера, в том числе в виде наложения ареста на имущество подозреваемых (обвиняемых) лиц, существенно влияет на показатель возмещения ущерба в целом.

Положительным опытом по возмещению ущерба, причиненного преступлением, и наложению ареста на имущество обвиняемых, находящихся за пределами Российской Федерации, явилось уголовное дело, возбужденное 4 сентября 2014 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, в СЧ по РОПД СУ УМВД России по г. Новокузнецку Кемеровской области.

В ходе расследования установлено, что в период с 19 октября 2006 г. по 31 января 2013 г. преступная группа в составе генерального директора ООО «***» Г. и главного бухгалтера предприятия К. при пособничестве со стороны ряда сотрудников под предлогом начисления и выдачи заработной платы, производства расчета за оказанные услуги с аффилированными организациями без фактического их исполнения совершила хищение путем присвоения и растраты денежных средств ООО «***» в особо крупном размере. Кроме того, Г., являясь генеральным директором ООО «***», используя возложенные на нее полномочия, при пособничестве главного бухгалтера К. вопреки законным интересам орга-

низации в целях извлечения выгод и преимуществ для себя заключила две возмездные сделки, связанные с арендой и ремонтом помещения, находящегося в ее собственности, оплатив произведенные расходы денежными средствами ООО «***». Для придания правомерного вида владению, использованию и распоряжению похищенными денежными средствами Г. и К. легализовали их путем конверсии (преобразования) в объекты недвижимости и земельные участки, расположенные в г. Новокузнецке и за рубежом.

В целях принятия мер, направленных на возмещение причиненного преступлением ущерба, обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и возможной конфискации имущества органами предварительного следствия исследовано имущественное положение обвиняемых. Изучением материалов аудиторской проверки деятельности ООО «***», проведенным учредителями предприятия, установлены факты регистрации виновными лицами юридических лиц и приобретения ими недвижимого имущества на территории стран Европейского союза. Согласно выпискам торговых реестров Австрии и Чехии Г. и К. владели долями капиталов зарубежных фирм. Кроме того, в собственности указанных лиц на территории Австрии и Чехии находились объекты недвижимости в виде земельных участков общей площадью свыше 1,5 тыс. м² с залоговым правом на максимальную сумму в 6 млн евро.

3 декабря 2014 г. перед судом Центрального района г. Новокузнецка возбуждено ходатайство о наложении ареста на указанное имущество Г. и К., которое удовлетворено. В целях реализации судебного решения компетентным органам Австрии и Чехии направлены поручения об оказании правовой помощи, в ходе исполнения которых на имущество виновных лиц наложен арест.

Кроме того, в ходе предварительного следствия наложен арест на имущество третьих лиц, находящееся на территории Российской Федерации, поскольку имелись достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий обвиняемых. Общая стоимость арестованного имущества в пересчете на валюту Российской Федерации составила свыше 378 млн р.

В ходе расследования вина лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, доказана в полном объеме, им предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160, ч. 1 ст. 201, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. В октябре 2017 г. уголовное дело успешно направлено в суд.

Результаты расследования данного уголовного дела являются примером успешного применения органами предварительного следствия

в системе МВД России исчерпывающего комплекса уголовно-процессуальных и организационно-практических мероприятий, направленных на возмещение ущерба, причиненного преступлениями, защиту прав и законных интересов лиц от преступных посягательств.

Следует признать и наличие ряда обстоятельств, не зависящих от деятельности правоохранительных органов, но влияющих на показатели возмещения ущерба, характерных для большинства органов предварительного следствия и дознания: несвоевременное обращение потерпевших с заявлениями о совершенном преступлении либо раскрытие преступлений прошлых лет; неплатежеспособность лиц, совершивших преступления; исчисление вреда, причиненного лесным хозяйствам в результате незаконной вырубki леса, где применяются таксы исходя из качественных характеристик лесных насаждений, в результате чего причиненный ущерб многократно превышает стоимость древесины, а ее реализация не обеспечивает полного возмещения ущерба.

Немаловажным фактором, влияющим на достижение органами предварительного расследования планового показателя государственной программы в части возмещения ущерба, является недостаточно объективное формирование статистических данных по указанному направлению деятельности. В частности, показатель суммы наложенного ареста на имущество является самостоятельным и не включается в показатель возмещенного ущерба.

Так, определенный государственной программой показатель «доля возмещенного ущерба от фактически причиненного по оконченным уголовным делам» охватывает только такие формы возмещения ущерба, как добровольно возмещенный подозреваемым (обвиняемым) ущерб либо изъятие следователем похищенного имущества у указанных лиц и возврат его потерпевшему. Возможности следователя и дознавателя повлиять на добровольность возмещения подозреваемым (обвиняемым) потерпевшему причиненного ущерба ограничены и сопряжены с коррупционными рисками.

В ходе предварительного расследования уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность защиты нарушенных имущественных прав граждан также путем принятия следователем и дознавателем мер обеспечения предъявленного гражданского иска посредством наложения ареста на имущество. Поскольку в настоящее время стоимость имущества, на которое наложен арест, не включена в размер возмещенного ущерба, данное положение не отражает фактически проделанную органами предварительного расследования работу по

обеспечению имущественных прав потерпевших и гражданских истцов, направленную на обнаружение имущества, денежных средств, на которые может быть наложен арест, не учитывает предоставленную суду реальную возможность компенсации причиненного ущерба путем обращения взыскания на арестованное имущество.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что причины относительно низких показателей возмещения ущерба часто обусловлены организационными просчетами руководителей следственных подразделений и подразделений органов дознания. Именно руководители обязаны в полной мере использовать предоставленные им уголовно-процессуальным законом и ведомственными нормативными правовыми актами полномочия для упорядочения деятельности подчиненных сотрудников по возмещению ущерба на всех стадиях досудебного производства и на всех этапах расследования уголовного дела.

УДК 343.13

С.О. Заика

О НЕКОТОРЫХ ПОЗИТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ УКРАИНЫ 2012 г.

Формирование в Украине правового государства с целью обеспечения надежной и эффективной защиты прав, свобод и интересов каждого человека, государства, в котором будет существовать ответственность не только граждан перед государством, но и государства перед своими гражданами, является важной предпосылкой создания в Украине демократического общества.

Это главное направление государственной политики предусматривает принятие соответствующих мер по совершенствованию уголовного процессуального законодательства, дальнейшей демократизации его положений и приведению его в соответствие с Конституцией Украины и международными (европейскими) правовыми стандартами.

20 ноября 2018 г. исполнилось шесть лет с момента вступления в силу УПК Украины. В уголовное процессуальное законодательство Украины был введен ряд новых институтов и инновационных процедур, таких как Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР), а также установлены разумные сроки, негласные следственные (розыскные) действия, специальное досудебное расследование, уголовное производ-

ство на основании соглашений, производство в суде присяжных, уголовное производство в форме частного обвинения. Новым УПК были ликвидированы стадия возбуждения уголовного дела и институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, введен новый субъект уголовного производства – следственный судья и т. п.

Основными направлениями реформирования досудебного расследования стали:

обеспечение процессуального равенства и состязательности сторон в уголовном производстве, повышение гарантий защиты прав подозреваемых и других участников уголовного производства;

усовершенствование общих основ досудебного расследования; расширение судебного контроля на стадии досудебного расследования; оптимизация системы мер обеспечения уголовного производства; совершенствование порядка производства негласных следственных (розыскных) действий;

введение особых видов производства для обеспечения эффективного и оперативного расследования уголовных правонарушений (упрощенная форма расследования, уголовное производство на основании соглашений, расширение уголовного производства в форме частного обвинения).

За период действия УПК уже стали очевидными положительные и эффективные нормы, касающиеся досудебного расследования. Хотелось бы тезисно остановиться на некоторых из них.

1. Важной новеллой УПК является положение об отказе от института возбуждения уголовного дела. При таких условиях граждане могут реализовать право на защиту своих интересов сразу после поступления заявления или сообщения о преступлении.

У потерпевших увеличились шансы защитить свои права и привлечь виновных к ответственности: автоматическое открытие уголовного производства по заявлению (уведомлению) потерпевшего гарантирует ему, что расследование будет проведено (как минимум начато).

Позитивные последствия нового порядка расследования уголовных правонарушений являются весьма значительными. Например, пускай и не существенно, но увеличилось количество оправдательных приговоров. Так, во время действия УПК 1960 г. доля оправдательных приговоров составляла приблизительно 0,2 % всего количества приговоров¹, но со времени принятия УПК 2012 г. этот показатель достигает приблизительно 0,9 %.

Конечно, сегодняшние показатели не позволяют рисовать радужные перспективы, поскольку и правоохранительные органы, и суды до сих пор скептически относятся к доказательствам стороны защиты, чем

подтверждают свой обвинительный уклон. Анализируя позитивную динамику увеличения количества оправдательных приговоров, мы надеемся, что суды будут справедливо и принципиально относиться как к стороне защиты, так и к стороне обвинения, ведь от этого выиграет лишь общество, поскольку уровень профессиональной подготовки участников процесса будет существенно повышаться.

2. Досудебное расследование является одним из важных институтов уголовного процесса. Это деятельность уполномоченных на то органов для начала судебного разбирательства и суда. В уголовном процессе Украины понятие «досудебное расследование» охватывает две формы расследования уголовных правонарушений: дознание и досудебное следствие, что, с одной стороны, должно подчеркивать наличие конкретных особенностей, а с другой – характеризовать их общность.

Сегодня досудебное расследование заключается в деятельности уполномоченных лиц, осуществляемой под надзором прокурора и контролем следственного судьи относительно собирания, проверки и оценки доказательств с целью установления обстоятельств уголовного правонарушения; лиц, которые его совершили; характера и размера ущерба, причиненного преступлением. Значение этой стадии заключается в подготовке уголовного производства для рассмотрения в суде, т. е. для обеспечения надлежащего и эффективного осуществления правосудия.

Стадия досудебного расследования по УПК Украины начинается с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в ЕРДР и заканчивается закрытием уголовного производства или направлением в суд обвинительного акта, ходатайства о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности.

3. Еще одной из особенностей стадии досудебного расследования является то, что согласно предложенной в УПК процедуре уголовного производства процессуальное руководство расследованием осуществляет прокурор, который дает поручение следователям (сотрудникам органов Национальной полиции, органов безопасности, органов, осуществляющих контроль за соблюдением налогового законодательства, органов Государственного бюро расследований, детективам Национального антикоррупционного бюро) и принимает или согласовывает ключевые процессуальные решения (сообщение лицу о подозрении, обращение с ходатайствами к следственному судье, составление обвинительного акта и т. п.).

Кроме того, функция по представительству публичного обвинения в суде по конкретному уголовному производству возложена именно на

¹ Имеется в виду период с 1992 по 2012 гг.

того прокурора, который осуществлял надзор за соблюдением законов органами, проводившими досудебное расследование.

Процессуальное руководство досудебным расследованием осуществляется прокурором с использованием властно-распорядительных полномочий по организации законности уголовных производств, определению наиболее эффективных направлений проведения досудебного расследования, активизации усилий органов дознания и досудебного расследования, направленных на полное, всестороннее, объективное и достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и обеспечение соблюдения в процессе расследования требований законодательства Украины.

4. На современном этапе судебной и правовой реформы в Украине, которая осуществляется в направлении реализации принятой государством обязанности защиты прав и законных интересов человека и гражданина, особая роль принадлежит судебной власти. Тенденции развития уголовного процессуального законодательства свидетельствуют об усилении гарантий прав лиц, участвующих в уголовном процессе, и постепенном расширении полномочий суда на стадии досудебного производства по уголовному делу.

Специфика выполняемой судом функции на стадии досудебного производства предопределяет необходимость ее осуществления отдельным субъектом судебной власти, к компетенции которого не будет относиться разрешение дела по существу. Таким субъектом является следственный судья, различные модели которого известны современному законодательству иностранных государств. Наличие такого судьи способствует состязательности на досудебном производстве, специализации и дифференциации уголовного судопроизводства, разгрузке судов общей юрисдикции и повышению эффективности судебной защиты конституционных прав и свобод человека.

В ст. 132 УПК Украины определено, что на основании постановления следственного судьи применяются меры обеспечения уголовного производства. Следственный судья во время досудебного расследования или суд во время судебного производства имеют право осуществить судебный вызов, принять решение о приводе, наложении денежного взыскания, временном ограничении в пользовании специальным правом, отстранении от должности, временном доступе к вещам и документам, временном изъятии имущества, аресте имущества, задержании лица, проведении негласных следственных (розыскных) действий, назначении экспертизы и т. п.

Таким образом, следственный судья – это судья, уполномоченный обеспечивать законность и обоснованность ограничения конституционных прав и свобод человека на досудебном производстве.

5. Следует сказать, что работа по усовершенствованию УПК с учетом данных следственной и судебной практики продолжается.

Так, за последние три года в кодекс внесен ряд изменений и дополнений, касающихся, в частности, усовершенствования процедуры наложения ареста на имущество; специального досудебного расследования; усовершенствования доступа к правосудию лиц, которые содержатся в местах предварительного заключения и исполнения наказаний; изменений в связи с принятием Закона Украины «О Высшем совете правосудия»; изменения исчисления суммы залога и денежных взысканий исходя из размера прожиточного минимума для работоспособных лиц; процедуры временного отстранения от проведения правосудия судьи в связи с привлечением к уголовной ответственности; функционирования в новом формате Верховного Суда; процедуры назначения экспертизы; усовершенствования обыска в жилище или другом владении личности; фиксации судебного заседания и процессуальных действий с помощью звуко- и видеозаписывающих технических средств (данное изменение вступает в действие с 1 января 2019 г.).

УДК 343.1(476)

В.П. Зайцев

**О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ НЕТОЧНОСТИ
в ч. 1 ст. 132 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
«НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО»**

В соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК Республики Беларусь в целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, возможной конфискации имущества, специальной конфискации орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность «за их действия».

Соглашаясь в основном с редакцией этой нормы, обратим внимание на тот факт, что ответственность лиц, несущих по закону материальную ответственность только за действия подозреваемого или обвиняемого, как нам представляется, входит в определенное противоречие с положениями общей теории права и требует более детального рассмотрения.

Уголовный процесс относится к разновидности правоотношений, а подозреваемый и обвиняемый выступают носителями субъективных прав и обязанностей, являясь участниками уголовно-процессуальных правоотношений. С общетеоретической точки зрения процессы возникновения, изменения и прекращения правоотношений не могут обходиться без наличия оснований в виде юридических фактов, к которым относят события и деяния. В рамках обозначенной нами проблемы события рассмотрению не подлежат, так как являются юридическими фактами, наступление которых не зависит от воли субъектов права, в данном случае подозреваемого, обвиняемого (чрезвычайная ситуация природного характера, естественная смерть и т. д.). С точностью до наоборот стоит посмотреть на деяния – акты волевого поведения, которые могут быть как правомерными, так и неправомерными, выражаться в действиях и бездействии [1, с. 342–348].

О каких же действиях говорится в ч. 1 ст. 132 УПК? Указывая на неправомерные акты поведения, смысл законодательного закрепления можно свести не иначе как к преступлению или общественно опасному деянию невменяемого. Особенная часть УК Республики Беларусь указывает на то, что наряду с уголовно наказуемыми действиями существует и уголовно наказуемое бездействие. Современный УК насчитывает 19 статей (ст. 137, 159, 160, 161, 174, 175, 225, 226³, 230, 267, 307, 308, 406, 423, 425, 428, 439, 455, 465¹), предусматривающих ответственность за уголовно наказуемые деяния в форме бездействия, что мы считаем возможным назвать пассивно-виновной формой. Если же в ч. 1 ст. 132 УПК под действиями подозреваемого, обвиняемого подразумевается обыденное повседневное правомерное поведение, то и здесь не обойтись без действенной и бездейственной форм его проявления. Так, известные белорусские ученые А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский правомерные деяния подразделяют на юридические акты и юридические поступки. Под первыми понимаются такие деяния, которые изначально и прямо направлены на достижение определенного правового результата. В случаях с юридическими поступками принято говорить о действиях, которые прямо не направлены на достижение каких-либо правовых последствий, но при определенных обстоятельствах могут вызывать такие последствия независимо от намерений совершивших их лиц [1, с. 344]. Однако использовать во всех случаях или вести речь о самостоятельности правомерного действия (юридического поступка) в качестве основания наступления материальной ответственности не совсем точно. Связано это с тем, что статус подозреваемого, обвиняемого предполагает совершение им (подозрение или обвинение в совершении) противоправного действия либо бездействия, т. е. деяния. В противном случае вести речь об уголовно-процессуальных правоотношениях нельзя.

Приведенная теоретико-правовая неточность может способствовать искажению применительной практики наложения ареста на имущество, удалению от целей применения данной меры уголовно-процессуального принуждения.

Полезным опытом видим разработки законодателей отдельных стран СНГ. Согласно ч. 3 ст. 123 пока не вступившего в свою законную силу УПК Кыргызской Республики наложение ареста должно применяться в отношении имущества подозреваемого, обвиняемого, лица, ответственного за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда. Сходная позиция заложена в ч. 2 ст. 116 УПК Республики Таджикистан, в соответствии с которой наложению ареста подвергается имущество подозреваемого, обвиняемого или материально ответственных лиц. В УПК Республики Молдова (ч. 1 ст. 204) и Республики Узбекистан (ч. 1 ст. 290) регламентировано наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и (или) гражданского ответчика. В каждом из приведенных УПК законодатели обошли описываемую нами проблему, отказавшись от использования общетеоретических связей «за действия», «за деяния» [2].

В уголовном процессе Республики Беларусь лицами, несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемых, обвиняемых, являются их законные представители (п. 8 части первой ст. 6, ст. 56 УПК), а в случае заявления гражданского иска – гражданский ответчик (ч. 1 ст. 54 УПК). При буквальном понимании проблемного, с нашей точки зрения, положения ч. 1 ст. 132 УПК наложение ареста не может быть применено в отношении имущества лиц, несущих по закону материальную ответственность за бездействие подозреваемого, обвиняемого.

Решением описанной нами неточности может стать замена в тексте ч. 1 ст. 132 УПК термина «действия» на «деяния» либо исключение из ее текста термина «действия» с изложением указанной нормы в следующей редакции: «... орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за них», что несколько упростит текст указанной нормы, исключит ее неверное понимание, повысит уровень эффективности восстановления нарушенных прав собственности физических и юридических лиц, гарантированных государством.

1. Вишневецкий А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учебник / под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». 3-е изд., пересмотр. Минск, 2017.

2. Уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spinform.ru/index.fwx> (дата обращения: 17.09.2018).

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА УПРОЩЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В настоящее время проведение дифференциации в сторону упрощения уголовно-процессуальной формы является общепризнанной мировой тенденцией. В ряде рекомендаций, касающихся отправления правосудия в государствах – членах Совета Европы, предлагается, исходя из национальных традиций, предусмотреть упрощенные процедуры разбирательства дел, затрагивающие как досудебные, так и судебные стадии уголовного процесса.

В юридической науке существуют различные основания для выделения упрощенных форм судопроизводства, среди них степень общественной опасности преступления, санкция за его совершение, степень сложности установления фактических обстоятельств дела и т. д. Наиболее дискуссионным основанием процессуальной дифференциации выступает отсутствие материально-правового спора между сторонами, т. е. отсутствие у представителей обвинения и защиты различных точек зрения по поводу любых обстоятельств совершенного преступления (виновности обвиняемого, квалификации и объема обвинения, отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств и т. п.). Указанная ситуация может возникнуть лишь тогда, когда обвиняемый полностью согласен как с описанием имевших место фактов, так и с юридической оценкой совершенного им преступления; признание им своей вины не оспаривается другими участниками процесса; у органа дознания, следователя, прокурора и суда отсутствуют причины не доверять этому признанию [1, с. 12].

Таким образом, признание обвиняемым своей вины предоставляет ему возможность влиять на ход судопроизводства, самому выбирать процедуру разбирательства уголовного дела. Обвиняемый становится полноценным субъектом правоотношений как равноправная сторона в правосудии, что является еще одним позитивным результатом применения упрощенного порядка наряду с сокращением времени и затрат на его осуществление.

В УПК Республики Беларусь предусмотрено несколько упрощенных судебных процедур, основанных на отсутствии материально-правового спора между сторонами. Это сокращенный порядок судебного следствия (СПСС) и ускоренное производство.

СПСС применяется тогда, когда допрошенный в судебном заседании обвиняемый признает свою вину и это признание не является вынужденным, не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает сомнений у суда. При наличии указанных условий суд с согласия сторон вправе ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые укажут стороны, либо объявить судебное следствие законченным и перейти к судебным прениям. При этом суд должен разъяснить сторонам, что отказ от исследования доказательств влечет недопустимость обжалования или опротестования приговора по этому основанию (ст. 326 УПК). Данный порядок не действует при рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, а также о преступлениях, за совершение которых по закону могут быть назначены лишение свободы на срок свыше 10 лет или смертная казнь, и в случаях, когда хотя бы один из обвиняемых не признает своей вины и дело в отношении его невозможно выделить в отдельное производство.

Ускоренное производство – это особая форма расследования уголовных дел о менее тяжких и не представляющих большой общественной опасности преступлениях, которая проводится в упрощенном порядке в течение 10 суток (гл. 47 УПК). Этот срок может быть продлен до 15 суток прокурором или его заместителем. Ускоренное производство осуществляется в случаях, когда факт преступления очевиден, известно подозреваемое лицо, которое не отрицает совершение им этого деяния. По уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних и общественно опасных деяниях невменяемых или лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления, ускоренное производство не применяется.

До недавнего времени ускоренное производство и СПСС существовали параллельно как два самостоятельных процессуальных института. В 2009 г. в гл. 47 УПК были внесены изменения, которые соединили их в одном производстве. Согласно принятым новеллам судебное следствие по всем делам, расследованным в ускоренном производстве, надлежало проводить в сокращенном порядке. Тем самым в законе заранее определялась категория уголовных дел, рассмотрение которой в судебном разбирательстве должно происходить с применением СПСС.

При этом по делам ускоренного производства в судебном разбирательстве не требуются: вызов свидетелей; участие государственного обвинителя и других представителей сторон; их согласие на сокращение судебного следствия; решение суда по данному вопросу.

Особенно резкой критике со стороны отдельных ученых и практиков было подвергнуто положение о возможности рассмотрения уголовного дела ускоренного производства без участия государственного об-

винителя. В этом случае при направлении дела в суд прокурор или его заместитель обязан в своем постановлении высказать мнение о применении к обвиняемому наказания или иных мер уголовной ответственности (ч. 2 ст. 455 УПК).

Однако в отсутствие прокурора на суд не возлагается обязанность доказывания виновности обвиняемого. Если последний в судебном заседании не признает свою вину полностью или в части либо его признание вызывает сомнения у суда, то выносится постановление об отложении судебного разбирательства и вызове государственного обвинителя, после чего разбирательство уголовного дела происходит в судебном заседании по общим правилам (ч. 8 ст. 458 УПК). Как показывает практика, указанное решение принимается судами республики крайне редко.

Следующий шаг на пути к упрощению уголовно-процессуальной формы был сделан в 2015 г. и связан с принятием новой редакции гл. 47 УПК. В результате по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, которые расследованы в ускоренном производстве, у судьи появилась возможность постановления обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства и вызова сторон. Основанием для применения такого заочного производства является полное признание обвиняемым своей вины и заявленного гражданского иска (ч. 1 ст. 459 УПК).

Кроме того, для реализации данной процедуры требуются следующие условия: имеется добровольное согласие обвиняемого и потерпевшего на заочное производство в суде, которое выясняется следователем по окончании ознакомления участников процесса с уголовным делом; признание обвиняемым своей вины не оспаривается какой-либо из сторон; признание обвиняемого, его виновность, юридическая квалификация деяния и добровольность согласия обвиняемого и потерпевшего на заочное производство не вызывают сомнений у судьи; отсутствуют иные препятствия для постановления приговора без судебного разбирательства. Таким образом, появление заочного производства подтверждает вывод о том, что основными критериями дифференциации уголовно-процессуальной формы являются отсутствие материально-правового спора между сторонами и их согласие на упрощение судебной процедуры.

В то же время с некоторыми положениями этого нового института вряд ли можно согласиться. Имеется в виду порядок обжалования приговора, постановленного без судебного разбирательства. Согласно ч. 1 ст. 459² УПК стороны вправе в течение 10 суток подать на такой приговор возражения. Указание в возражениях мотивов несогласия с приговором необязательно. В случае подачи в установленный срок возражений судья отменяет постановленный им приговор и направляет дело пред-

седателю суда или его заместителю для решения вопроса о передаче его другому судье для рассмотрения по общим правилам ускоренного производства (ч. 2 ст. 259² УПК).

Таким образом, в отечественном уголовном судопроизводстве впервые появилась процедура, в соответствии с которой: судья сам отменяет постановленный им приговор; для отмены такого приговора не требуются его проверка и установление оснований, предусмотренных ст. 389 УПК. Указанные положения носят достаточно революционный характер, поскольку не соответствуют фундаментальным основам уголовного правосудия. К счастью, применение этой инновационной процедуры ограничено небольшим количеством уголовных дел, расследованных в порядке ускоренного производства.

Изучение новых положений УПК о порядке постановления приговора без судебного разбирательства показывает, что данная конструкция имеет значительное сходство с приказным производством, которое регулируется гл. 31 ГПК Республики Беларусь. Это сходство проявляется не только в процедуре вынесения и отмены судебного постановления, но даже в используемой терминологии.

В соответствии со ст. 394 ГПК приказное производство осуществляется по заявлению о взыскании денежной суммы или об истребовании движимого имущества с должника без проведения судебного заседания и вызова сторон в установленных законом случаях на основании представленных документов, подтверждающих обоснованность требования. Судья отменяет определение о судебном приказе, если от должника в 10-дневный срок поступают обоснованные возражения против заявленного требования (часть четвертая ст. 398 ГПК).

Представляется, что в условиях единства судебной системы Республики Беларусь сходство отдельных институтов гражданского и уголовного судопроизводства вполне закономерно, особенно с учетом популярной в науке концепции уголовного иска [2, с. 15–16]. Однако перенос гражданских процессуальных процедур в УПК не должен происходить путем простого механического копирования. Такое заимствование следует осуществлять максимально осторожно, принимая во внимание неизбежные различия между частной и публичной сферой правового регулирования.

Сравнение указанных правовых институтов показывает, что в отличие от своего уголовно-процессуального аналога приказное производство может быть возбуждено без согласия должника и признания им долга. В свою очередь, заочное производство в уголовном процессе основано на полном признании обвиняемым своей вины и согласии сторон на постановление приговора без судебного разбирательства. Это позволяет отнести такой упрощенный порядок к компромиссным процедурам.

Сущность компромиссного (согласительного) способа разрешения уголовно-правового конфликта состоит в том, что стороны идут на допускаемые законом обоюдные уступки, которые влекут упрощение уголовно-процессуальной деятельности и (или) существенное смягчение наказания [3, л. 15–17]. Например, согласие сторон на проведение судебного следствия в сокращенном порядке ограничивает их право на обжалование (опротестование) приговора по мотивам неполноты исследования доказательств (ч. 1 ст. 326 УПК).

Между тем в заочном производстве несмотря на его компромиссный характер какие-либо ограничения на обжалование приговора, постановленного без судебного разбирательства, отсутствуют. Более того, на такой приговор могут подать свои возражения не только лица, которые дали согласие на заочное производство (обвиняемый, потерпевший, прокурор, направивший дело в суд), но и те участники процесса, чье мнение по данному вопросу вовсе не выяснялось и не учитывалось (гражданский истец, гражданский ответчик и их представители). Вряд ли такая конструкция является безупречной.

Процедура отмены приговора без его проверки на основании немотивированных возражений участников процесса также не заслуживает поддержки. В приказном производстве такие последствия вызывают только обоснованные возражения должника. Полагаем, что в заочном производстве возможность подачи возражений на приговор без указания мотивов несогласия с последним может способствовать злоупотреблению своим процессуальным правом со стороны обвиняемого и других участников процесса. В результате приговор отменяется, уголовное дело передается сначала председателю суда или его заместителю, а затем другому судье для назначения судебного разбирательства. Таким образом, производство по делу не упрощается, а, напротив, затягивается. К сожалению, на практике описанная ситуация уже имеет место по делам, расследованным в порядке ускоренного производства.

В соответствии с общими правилами пересмотра судебных постановлений по уголовным делам отмена приговора может осуществляться лишь после его проверки. Поводом для нее является обращение соответствующих участников уголовного процесса, где излагаются мотивы несогласия с приговором. Такое требование предусмотрено в п. 4 ч. 1 ст. 372 УПК применительно к апелляционным жалобам или протестам, которые должны содержать доводы лица, их подавшего, с указанием на то, в чем заключается неправильность приговора и в чем состоит его просьба. Но сам факт наличия жалобы или протеста не является основанием для безусловной отмены приговора. Это решение принимается лишь в случае установления в результате проверки приговора его неза-

конности, необоснованности либо несправедливости. Думается, что эти положения должны соблюдаться и при обжаловании приговора, постановленного без проведения судебного разбирательства.

По нашему мнению, осуществлять проверку такого приговора должен не судья, который его постановил, а иное вышестоящее должностное лицо. Возможно, им должен выступать председатель суда или его заместитель. Указанное должностное лицо, рассмотрев обоснованные возражения на приговор, постановленный в заочном производстве, вправе не только отменить, но и изменить приговор. Отмена приговора возможна лишь в случае, если в возражениях обвиняемого указано о непризнании им своей вины (полностью или в части) либо предъявленного гражданского иска. Если же возражения участников уголовного процесса касаются назначенного судом наказания, то приговор, постановленный в результате заочного производства, может быть изменен в соответствии с требованиями ст. 387 УПК.

Полагаем, что реализация этих предложений в действующем законодательстве будет способствовать совершенствованию нового упрощенного порядка судопроизводства, устранению имеющихся в нем противоречий, достижению его целей и повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

1. Масленков С.Л. Обстоятельства, обуславливающие дифференциацию современного уголовного судопроизводства // Следователь. 2004. № 10.
2. Зайцева Л.Л., Жигулич В.С. Сокращенное судебное следствие в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск, 2013.
3. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

УДК 343.1

М.Э. Каац

ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека являются обязанностью государства. Одной из гарантий государственной защиты конституционных прав на жизнь,

свободу и личную неприкосновенность выступает обеспечение безопасности граждан, попавших в сферу уголовно-процессуальной деятельности: субъектов уголовного судопроизводства со стороны обвинения, участников со стороны защиты, а также иных лиц, интересы которых затрагиваются уголовным преследованием.

Проблема обеспечения безопасности участников уголовного процесса имеет свои глубокие исторические корни. Так, правоохранительной практике 20-х гг. известны случаи, когда чекиста – участника оперативной комбинации, который вызывал особую ненависть у врагов, укрывали под чужим именем, определяли на новое место жительства. Изредка так же поступали и по отношению к раскаявшемуся обвиняемому. В 70–80-х гг. в практической деятельности возникали ситуации, при которых важного свидетеля временно помещали в безопасное место, а при перемещении его сопровождали сотрудники милиции.

Необходимость обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства на нормативном уровне впервые была закреплена еще во времена существования Советского государства Законом СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Законодательные предписания устанавливали обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда принимать меры к обеспечению безопасности участников процесса и иных лиц, заключающиеся в охране их жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями (ст. 27.1). Этот же закон вводил в действие ст. 35.1, предусматривающую возможность прослушивания телефонных и иных переговоров потерпевшего и свидетеля при наличии угрозы совершения в отношении их насилия, вымогательства и других противоправных действий, а также устанавливал видоизмененную редакцию части второй ст. 12, допускающую возможность проведения закрытого судебного разбирательства в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или других участвующих в деле лиц, а также членов их семей или близких родственников. Данные нормы должны были действовать одновременно с положениями УПК РСФСР. Однако в них содержались, по сути своей, декларативные предписания, которые так и не были развиты и усовершенствованы в рамках российского уголовно-процессуального законодательства. По мнению

А.А. Юнусова, они «практически означали лишь общую концепцию возможных в будущем мер».

В свою очередь, в п. 24 части первой ст. 10 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. «О милиции» устанавливалась обязанность сотрудников органов внутренних дел принимать меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находятся в опасности. Федеральным законом от 31 марта 1999 г. № 68-ФЗ в данную норму были внесены изменения в связи с принятием Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Поэтому обязанность применения мер безопасности возлагалась применительно к данным субъектам правоохранительной сферы, а также другим участникам уголовного судопроизводства (присяжным заседателям, потерпевшим, свидетелям и т. д.). В Концепции судебной реформы 1991 г. была также предусмотрена необходимость определения эффективных мер защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая возможность смены их места жительства и смены документов.

Пройдя долгий путь своего зарождения, система обеспечения безопасности лиц, содействующих расследованию, раскрытию преступлений и осуществлению правосудия по уголовным делам, в настоящее время в Российской Федерации находится в фазе своего интенсивного развития и модернизации.

Так, с введением в действие в 2002 г. УПК Российской Федерации в законодательстве появились меры уголовно- процессуального характера, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК и др.). С этого момента, по справедливому замечанию бывшего начальника управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России А.В. Лебедева, следует говорить о создании в России специального института государственной защиты.

Отдельные ученые также связывают начало решения проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, с принятием УПК Российской Федерации. Как отмечает в этой связи А.Ю. Епихин, установление мер безопасности в новом УПК Российской Федерации следует рассматривать как отражение позитивного стремления законодателя к рассмотрению средств воздействия на преступность.

В настоящее время в российской правовой системе базовыми специализированными законами, регламентирующими основы обеспечения безопасности субъектов уголовно-процессуальной деятельности, являются: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О госу-

дарственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

До принятия второго закона в российской юридической литературе высказывалось суждение о необходимости существования единого нормативного акта, направленного на обеспечение безопасности личности, который рекомендовалось озаглавить «Об обеспечении безопасности лиц по уголовным делам», а также включить в него как составную часть системы и институт уголовно-процессуальных мер безопасности.

Также предлагалось создание единого государственного органа (координационного центра), единственной задачей которого было бы обеспечение безопасности защищаемых лиц. Российский ученый, занимающийся исследованием проблем обеспечения субъектов уголовного судопроизводства, О.А. Зайцев рекомендовал именовать это подразделение Департаментом государственной защиты некоторых категорий граждан и должностных лиц. Подобные структуры имеются в США (Служба маршалов Министерства юстиции), Италии, Германии (специальные подразделения полиции по защите свидетелей, входящие в структуру уголовной полиции), ряде других государств.

О необходимости создания данного централизованного органа в Российской Федерации ведутся активные дискуссии. Что же касается интегрированного нормативного правового акта, то это предложение не нашло своего воплощения. В настоящий момент на основе Федерального закона № 45-ФЗ и Федерального закона № 119-ФЗ в Российской Федерации принят целевой пакет подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих те или иные аспекты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (например, Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630; Правила применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного производства, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июня 2013 г. № 586; Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586, и т. д.). Правовые средства защиты личности, предусмотренные в данных документах, носят универсальный характер, что позволяет их использовать как в любой стадии уголовно-процессуальной

деятельности, в любой момент производства по тому или иному уголовному делу, так и до начала возникновения уголовно-процессуальных правоотношений, а также после их окончания.

В соответствии с приказом МВД Российской Федерации от 2 августа 2013 г. № 591 «О внесении изменений в приказ МВД Российской Федерации от 29 августа 2012 г. «О профилизации образовательных учреждений МВД России» Уфимский юридический институт МВД России наделен функцией учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Подготовка специалистов подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите». Профильным подразделением МВД для института является управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите МВД Российской Федерации, образованное в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Таким образом, в Российской Федерации созданы крепкие основы государственно-правовой системы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

УДК 343.12

Ю.С. Климович

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Выделив Следственный комитет Республики Беларусь в качестве независимого органа предварительного следствия, законодатель, с одной стороны, предпринял еще одну попытку путем организационной реформы усилить следственную функцию в качестве самостоятельного направления уголовно-процессуальной деятельности. При этом внутри своего ведомства следователи, как и прежде, остались встроенными в иерархичную систему с наличием начальников следственных подразделений. В то же время законодатель сохранил за органами дознания, за счет кадрового состава которых и создавался основной орган предварительного следствия, обязанность принимать юрисдикционные решения о начале уголовного преследования, а также осуществлять в процессуальной форме не только проверочную деятельность до возбуждения уголовного дела, но и расследование в форме дознания, предшествующее предварительному следствию. Таким образом, если абстрагироваться от частных случаев, то вполне очевидно, что в отечественном правовом поле

наблюдается в целом несвойственная для континентальной доктрины уголовного процесса ситуация. Два субъекта – органы дознания и следователи, которым в случае их одновременного присутствия в уголовно-процессуальном механизме нужно выполнять различные по содержанию и направленности функции, обладают не только сходной внутриведомственной организацией, построенной на началах субординации, но и во многом совпадающей совокупностью полномочий по производству процессуальных действий на стадии досудебного производства. По действующему УПК их компетенция в части рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении в основном четко не разделена и преимущественно регулируется ведомственными нормативными правовыми актами. На практике следователи в большинстве случаев принимают решения по тем материалам, где признаки преступления, скажем так, налицо, а органы дознания, в свою очередь, «обслуживают» оставшуюся часть обращений. В результате этого согласно статистическим данным подавляющее большинство решений об отказе в возбуждении уголовного дела остается за органами дознания. Право самостоятельного возбуждения уголовных дел они практически не реализуют, направляя для этого материалы проверок в органы предварительного следствия.

Не концентрируясь на проблеме того, каким должно быть правильное функциональное построение досудебного производства (это требует отдельного анализа), хотим обратить внимание, что сложившийся подход при наличии факторов внутриведомственного контроля, прокурорского надзора и статистических критериев обостряет споры между указанными субъектами по поводу принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела. Особенно там, где речь идет о неочевидности совершения преступления, где под сомнение ставится так называемая судебная перспектива. По понятным причинам решения по таким материалам не заинтересованы принимать ни органы дознания, ни органы предварительного следствия. Неслучайно руководство МВД в создавшихся условиях ставит под сомнение необходимость сохранения стадии возбуждения уголовного дела из-за перегруженности подчиненных подразделений выполнением сложных процессуальных форм. «Какая разница гражданину, как и что мы процессуально делаем? Сколько жалоб мы получаем по фактам отказа в возбуждении уголовных дел. Зачем это все? Весь мир от этого отказался. Мы упрямо, настойчиво отбрасываем мысли, что нужно что-то менять в этом вопросе», – отметил министр МВД (Механизм возбуждения уголовных дел могут изменить в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.belta.by/president/view/mehanizm-vozbuzhdenija-ugolovnyh-del-mogut-izmenit-v-belarusi-181229](http://www.belta.by/president/view/mehanizm-vozbuzhdenija-ugolovnyh-del-mogut-izmenit-v-belarusi-181229) (дата обращения: 11.03.2018)).

Полагаем, что именно для разрешения указанных выше «дискуссий» между органами дознания и предварительного следствия законодатель наделил начальника следственного подразделения правом направлять, а также возвращать органам дознания для проведения проверки заявления или сообщения о преступлении, не содержащие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, с письменным изложением обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе проверки, и возможных мер по их установлению (п. 6 ч. 2 ст. 35 УПК). При этом формально органы дознания не перешли в подчинение следственным органам и не лишились статуса самостоятельного органа уголовного преследования. В 2017 г. законодатель, по-видимому, пытаясь несколько облегчить положение органов дознания, обязал начальника следственного подразделения в случае возникновения необходимости направления или возврата органам дознания заявлений или сообщений о преступлении для проведения проверки направлять их не напрямую, а через прокурора. Очевидно, указанная норма должна была выступить своеобразным фильтром, средством ограждения органов дознания от необоснованного перенаправления им материалов. Ее цель – уравновесить и сбалансировать объем процессуальной деятельности органов уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела. По большому счету, разумное решение в складывающейся ситуации вызывает вопросы по причине положения главного участника этого механизма – прокурора. Последний, получив материалы от начальника следственного подразделения, согласно ч. 3 ст. 173² УПК вправе либо направить их органу дознания, либо принять одно из решений, указанных в п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 174 УПК. Как видим, среди его полномочий нет права вернуть полученные заявления или сообщения о преступлении обратно их отправителю. На наш взгляд, подобная ситуация делает анализируемый механизм формальным и не позволяет прокурору выполнять предназначенную для него в данном случае функцию арбитра и указывать на недостатки в деятельности органов предварительного следствия, которые, возможно, стали причиной перенаправления материалов в органы дознания. Она в принципе не согласуется с той ролью, которую прокурор должен реализовывать как субъект надзора за законностью досудебного производства, с теми полномочиями, которые традиционно ему принадлежат в этой сфере. Так, п. 5 ч. 5 ст. 34 УПК наделяет его правом отменить любое постановление начальника следственного подразделения, за исключением постановлений, указанных в ч. 5 ст. 35 и ч. 6 ст. 38 УПК. В свою очередь, редакция ст. 173² УПК ставит это право под сомнение. С учетом изложенного считаем, что ст. 173² УПК должна быть допол-

нена полномочием прокурора возвращать заявления или сообщения о преступлении и материалы проверки по ним обратно в орган предварительного следствия.

УДК 343.13(476)

О.В. Колесникова

НАЗНАЧЕНИЕ ПРОВЕРОК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Порядок организации и осуществления проверок как формы контроля (надзора) в Республике Беларусь, а также права, обязанности контролирующих (надзорных) органов и проверяемых субъектов определяются Положением об организации и проведении проверок (далее – Положение), утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510). Глава 11 Положения посвящена особенностям проведения проверок по поручениям органов уголовного преследования и судов. Изменения, внесенные в Положение Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 376), коснулись и порядка проведения проверок по поручениям органов уголовного преследования, судов. Так, органы уголовного преследования по возбужденному уголовному делу, а также суды по находящимся в их производстве делам поручают проведение проверки контролирующим (надзорным) органам в соответствии с их компетенцией (п. 93 Положения). Проверки по вопросам, не входящим в компетенцию указанных контролирующих (надзорных) органов, проводятся Министерством финансов и его территориальными органами; проверки финансово-хозяйственной деятельности проверяемых субъектов, в том числе по вопросам правильности исчисления, своевременности и полноты уплаты налогов, сборов (пошлин) и иных обязательных платежей в бюджет, могут проводиться подразделениями документальных проверок органов финансовых расследований по поручениям Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля, управлений этого Департамента по областям, по Минской области и г. Минску по возбужденному уголовному делу (п. 93 Положения).

Таким образом, Положение регламентирует особенности взаимодействия контролирующих (надзорных) органов с органами уголовного преследования и судами в части организации и осуществления проверок только по уголовному или находящемуся в производстве суда делу. Напомним, что в соответствии с предыдущей редакцией Указа № 510 правом поручить проведение проверки обладали также руководители (их заместители) органов уголовного преследования и суды по находящимся в их производстве материалам. Возможность провести проверку на этапе разрешения заявлений и сообщений о преступлении являлась эффективным средством обнаружения признаков преступления на стадии возбуждения уголовного дела, но вместе с тем в данном контексте имела существенный недостаток, на что ранее обращалось внимание, – для ее назначения требовалось согласование с соответствующими руководителями данного решения, например, следователя или прокурора, что ограничивало процессуальную самостоятельность последнего (Данько И.В., Колесникова О.В. Требование о производстве ревизий и проверок как способ собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Юстиция Беларуси. 2013. № 10). Внесенные Указом № 376 изменения устранили этот недостаток, но породили новые проблемы. Очевидно, что в настоящее время устанавливаемые Указом № 510 правила организации и осуществления проверок не касаются сферы общественных отношений, возникающих на начальном этапе уголовного процесса.

УПК Республики Беларусь закрепляет право органа уголовного преследования по находящимся в его производстве материалам и уголовным делам требовать проведения ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц (ч. 2 ст. 103). При разрешении заявлений и сообщений о преступлении согласно ч. 2 ст. 173 УПК может быть назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности. Как отмечалось ранее, понятия «ревизия» и «проверка финансово-хозяйственной деятельности» являются синонимами и обозначают одно и то же действие (Данько И.В., Колесникова О.В. Требование о производстве ревизий и проверок как способ собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Юстиция Беларуси. 2013. № 10).

Таким образом, в соответствии с УПК орган уголовного преследования обладает правом требовать проведения проверок, а также до возбуждения уголовного дела назначать проверку финансово-хозяйственной деятельности. Аналогичное право закреплено и в других нормативных правовых актах. Так, в соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Респуб-

лики Беларусь» прокурор при осуществлении надзора за исполнением законодательства имеет право требовать от руководителей и иных должностных лиц государственных органов, иных организаций, индивидуальных предпринимателей проведения проверок, ревизий и экспертиз. Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» закреплено право органов внутренних дел в целях выполнения возложенных на них задач в пределах их компетенции назначать проведение инвентаризаций и проверок (абз. 3 части первой ст. 24).

В свою очередь, Указ № 510, призванный определить единый порядок организации и осуществления проверок в Республике Беларусь, устанавливает соответствующие правила при взаимодействии с органами уголовного преследования только по уголовному делу и не охватывает стадию возбуждения уголовного дела. Очевидно, что рассматриваемая сфера деятельности в ходе разрешения заявлений и сообщений о преступлении остается неурегулированной, что фактически лишает орган уголовного преследования возможности использовать допустимый до возбуждения уголовного дела процессуальный способ собирания доказательств об обстоятельствах преступного деяния.

Указ № 510 не распространяет свое действие на отдельные виды деятельности, к которым относит осуществление уполномоченными государственными органами процессуальных действий, предусмотренных УПК (абз. 6 п. 23). Иными словами, единый и обязательный для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, порядок проведения предусмотренных УПК процессуальных действий, оформления их хода и результатов определяется самим УПК. Анализ действующего законодательства свидетельствует о несогласованности и противоречий норм, регламентирующих сферу назначения проверок в уголовном процессе Республики Беларусь.

Так, в соответствии с Указом № 510 решение о назначении (неназначении) проверки принимает руководитель контролирующего (надзорного) органа или его уполномоченный заместитель в течение пяти рабочих дней со дня получения поручения на проведение проверки по уголовному делу от органов уголовного преследования и судов по находящимся в их производстве делам. В случае принятия решения о назначении проверки она должна быть начата не позднее 15 рабочих дней со дня получения поручения. По согласованию с органом, давшим поручение на проведение проверки, она может быть начата в иные сроки (п. 94 Положения). А в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК правом назначить проверку финансово-хозяйственной деятельности до возбуждения

уголовного дела обладает орган уголовного преследования. Логично предположить, что в данном случае проверка считается назначенной с момента вынесения органом уголовного преследования соответствующего документа и руководитель контролирующего (надзорного) органа при его получении не вправе изменить это решение, что не согласуется с нормами Указа № 510.

Далее, УПК не регламентирует процедуру осуществления таких процессуальных действий, как требование о проведении ревизий и проверок, назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности. Очевидно, что орган уголовного преследования не обладает достаточными специальными знаниями и для эффективного проведения ревизий и проверок вправе привлекать специалистов. Проведению ревизий и проверок предшествует решение органа уголовного преследования о необходимости получения дополнительных сведений, имеющих значение для правильного разрешения заявлений и сообщений о преступлении или уголовного дела. Согласно п. 24, 36 ст. 6 УПК такое процессуальное решение при производстве по материалам или уголовному делу должно облекаться в форму постановления. В соответствии же с ч. 4 ст. 39 УПК постановления лица, производящего дознание, по находящимся в его производстве материалам и уголовным делам, обязательны к исполнению всеми организациями, должностными лицами и гражданами. За неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий предусмотрена административная ответственность (ст. 23.4 КоАП Республики Беларусь). При этом утвержденный Указом перечень контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности действителен при назначении проверок по уголовному делу, и остается неясным, кому адресовать данное постановление в случае вынесения его до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, внесенные в Указ № 510 изменения, призванные оптимизировать контрольную (надзорную) деятельность в Республике Беларусь, снизить воздействие со стороны контролирующих (надзорных) органов на субъекты предпринимательской деятельности, в том числе в части проведения проверок по поручениям органов уголовного преследования, привели к новым пробелам в законодательстве, что негативно отражается на работе правоохранительных органов. Совершенствование юридического регулирования указанной сферы деятельности видится в приведении во взаимное соответствие норм законодательства, регламентирующего назначение проверок в уголовном процессе Республики Беларусь.

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПЦИИ

Современная практика рассмотрения уголовных дел судами, впрочем, как и любая иная судебная практика, – часто загадочная очевидность. Были времена (1917–1991 гг.), когда «советская» уголовная политика была «проста, как правда»: преступность, границы которой четко определялись ЦК КПСС, выжигалась из числа дурных привычек и прочих атавизмов общества каленым железом уголовной репрессии. Не гнушались строители «светлого будущего» и рабским трудом заключенных. Время доказало: данная политика – тупик, на смену «встречным планам» по ликвидации преступности и социалистическому соревнованию в местах лишения свободы пришел хозрасчет, который вмиг перевел некогда эффективный ГУЛАГ в состояние банкротства. Казалось бы, все: социально-экономическая революция требует смены парадигм правового мышления. Однако в силу крайне низкого базового уровня развития российской юридической науки фазовый переход в разумное будущее пока не произошел. Адепты традиционного советского уголовного права и уголовного процесса продолжают выработать концепции и дорожные карты уголовной политики, в которых нет ничего нового. Вниманию читателя предлагаются авторская критика некоторых последних научных изысканий в области уголовной политики и критический анализ новейшей судебной практики.

В настоящий момент уголовную политику в России определяют лица, получившие первые социальные знания в 60-е гг. прошлого века. Тогда к числу беспорных перспектив относился тезис: коммунизм в основном будет построен к 1980 г. Иными словами, ожидалось скорое вступление нашего общества в состояние, характеризующееся полным отсутствием конфликтных ситуаций. Презюмировалось: все, включая проблемы, обусловленные наличием преступности, разрешится само собой, как по мановению волшебной палочки.

В учебниках для вузов в советский период было записано: «Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности» [1, с. 9].

Сомнений в том, что преступность обязательно будет побеждена, изжита, на официальном уровне не высказывалось вплоть до краха СССР (1991).

В наши дни схоластики в вузовских программах поубавилось. Тем не менее мечта о светлом будущем – без преступности – жива. В этом нет ничего удивительного, ибо живы вчерашние адепты идей коммунизма. Их наличие в научной и государственной жизни способствует тиражированию концепций уголовной политики а-ля Третья программа КПСС.

Преступность не исчезла, не исчезнет, поскольку она – обязательный спутник нашей жизни. На эту тему мы уже неоднократно писали. Универсальной концепции уголовной политики на текущий момент не выработано ни в одной стране мира. Отдельные программы, например «нулевой терпимости» к преступным проявлениям, «третье наказание – последнее», есть, а вот универсальной концепции нет. В этом нет ничего удивительного, поскольку обществу неведома общая концепция его развития, крохотной частью которой является политика уголовная. Можно ли серьезно рассуждать о том, какой вал преступности ждет нас завтра, если про это завтра мы точно ничего не знаем?

Впрочем, уголовная статистика констатирует: «завтра будет как вчера». Как правило, не особенно хуже, но и совсем не обязательно лучше. Эта непознанная по своей природе константа в значительной степени стабилизирует тактику государственных органов, специализирующихся на борьбе с преступниками.

Те футурологи, которые предсказывали скорейшее переселение человечества в «город солнца» (рай, коммунизм), просчитались, ибо, увлекшись описанием светлого будущего, забыли о главном – природе человека, которому многое не чуждо, в том числе поведение: как восточное (без жертвы нет правонарушителя), так и преступное.

Понятно и заикливание представителей европейской цивилизации (адепты коммунизма в их числе) на радужных перспективах развития нашего общества, поскольку такова идеологическая база этой цивилизации – христианство. Для каждого, пусть и подсознательно, рай – желателен, а вот в ад (тюрьму) попадать не хочется.

Развитие «коммунистических» идей противостояния преступности уперлось в честный концепт позднего академика В.Н. Кудрявцева: «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы» [4, с. 50]. Сказанное великим мэтром позволяет подкрепить наше суждение о том, что преступность предопределена

природой человека, весьма актуальным тезисом: борьба с нею – дело далеко не самое важное. В результате этого мы имеем: недовольный высоким уровнем преступности социум брюзжит, государственный аппарат обещает побороть преступность.

Сожаление об отсутствии «привычной» уголовной политики слышится практически на каждой научной конференции. «Сожалуют» доктора наук, заведующие кафедрами. Им, видите ли, что-то не ясно в объективном мире, они истосковались по пророкам уровня К. Маркса, В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Если у общества нет ясности по большинству вопросов общих, то почему у него, в том числе у судов, вдруг должна появиться ясность по вопросам частным, таким, например, как уголовная политика, а если еще конкретнее – практика рассмотрения уголовных дел судами. Впрочем, уголовная политика – обязательный элемент государственной политики. Возможно ли в принципе такое, что у нас вообще нет политической концепции?

Понятие «политика» в классическом варианте трактуется как создание, сохранение наиболее общих правил общежития. Выводится эта категория из противопоставления таких неотъемлемых характеристик любого общества, как конфликт и сотрудничество. В основе конфликта – движущей силы развития – природное соперничество. А чтобы оно не погубило общество, последним изобретено сотрудничество.

История неоспоримо свидетельствует: что бы люди ни сделали «хорошего», они обязательно в будущем об этом пожалеют, ибо незаметно для себя породят очередной конфликт. Даже самое благое начинание – почва будущего конфликта.

Совершенные УК и УПК – голубая мечта общества. Это утопия, глядящая в зеркало, в котором, как ни стать, левое всегда будет правым, а правое – левым. УК и УПК – негатив парадного портрета [3, с. 3–13].

Любая судебная практика предопределена матушкой-природой. В политике от человека зависит немного, если действительно что-то принципиальное зависит.

Впрочем, политику воспринимают еще и как искусство государственного управления, т. е. люди якобы знают четкую границу между преступным и не преступным. Эти люди себе очень сильно льстят. Конечно, от определенных личностей, их «команд», элит в целом, представляемых ими классов порой зависит многое. Так, по крайней мере, на первый взгляд кажется людям, или им хочется в это верить.

Отсутствие ясного видения долгосрочных и среднесрочных перспектив развития не исключает наличия политики текущего дня. А.И. Кли-

менко (ныне доктор юридических наук), защищая свою первую, кандидатскую, диссертацию в совете при Московском университете МВД РФ, свои рассуждения начал с очень смелого утверждения, что «каждому государству присуща идеологическая функция, которую оно осуществляет как явно, так и скрыто» [4, с. 9–10].

Диссертант выделил две модели осуществления идеологической функции государства: идеократическую и манипулятивную. Первую модель он характеризовал опорой на открытую форму использования методов осуществления идеологической функции государства, а вторую – размытой, нечетко артикулированной (либо вообще официально не признаваемой) государственной идеологией и опорой на скрытую форму использования методов осуществления идеологической функции государства [4, с. 9–10].

Поклонникам писателей И. Ильфа и Е. Петрова, читавшим книгу «Двенадцать стульев», очень хорошо знакомо высказывание такого персонажа, как Паниковский, который, осознав всю безнадежность дела (зря Балаганов гири пилит), боится в этом признаться, поэтому, желая отсрочить момент неминуемой расправы, как заклинание повторяет: «Пилите, Шура, пилите». В уголовном процессе это выглядит так: жертвы – всегда пишите заявления, преступников найдем; оперативники – найдите всех преступников, если сможете, конечно. Ну, а суды? От вас ждем восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ). При этом какого социума справедливость ожидается, не уточняется.

Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета А.И. Александров констатирует: «нельзя говорить о кодексах без концепции» [4, с. 9–10]. Трудно с этим спорить, надо сначала, как в анекдоте, определиться: мост будем строить вдоль реки или поперек? Да и нужен ли в конечном итоге этот мост?

Если ранее суды работали под лозунгом идеалистов-романтиков «Преступность будет искоренена!», то теперь, нравственно возмужав, хотя трудимся так же честно, как и раньше, уже исходим из того, что «нет основания ни удивляться, ни тем более возмущаться существованием в стране преступности и преступников, коль скоро сам образ жизни людей, призванный обеспечивать социальные институты цивилизованного общества, не соответствует провозглашенным идеалам» [2, с. 10]. Не будем также забывать, что преступность – это не что иное, как «массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета» [5, с. 179]. Истории известны времена, когда преступным промыслом за-

нималось подавляющее большинство населения, проживающее на определенной территории. Поэтому стремление к идеальному по каждому делу нам гарантирует не более, чем оптимальный результат в целом.

Когда ректора Санкт-Петербургского государственного университета (специалиста в области уголовного права) профессора Н.М. Кропачева спросили, каковым ему видится направление дальнейшего развития российского уголовного законодательства, то он честно ответил: в России «отсутствует концепция уголовно-правовой политики» [6, с. 10]. Выше мы уже доказали, что политика все же есть, а вместе с нею судебная практика, пусть и манипулятивная.

Скажем больше, при отсутствии концепции устойчивого развития, ясной теории согласия и конфликта, теории равновесия, теории катастроф и теории экономических циклов многие [7] сознательно уклоняются от построения идеальных моделей юстиции, поскольку разделяют убеждение С.П. Капицы о том, что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия» [8, с. 95].

Чего же тогда не хватает в судебной практике? На текущий момент времени нет определенности даже по самым элементарным вопросам. В частности, нет четкого ответа на главный вопрос: как уголовный запрет и уголовное судопроизводство в реальной жизни соотносятся с прочими нормами, касающимися правонарушений, и процедурами, связанными с назначением наказания?

Правонарушения по старинке делятся у нас на уголовные и административные. Множится число тех, кто двухступенчатую иерархию пытается усложнить, втиснуть между преступлением и административным правонарушением еще и уголовный проступок, которому Пленум Верховного Суда РФ уже и место нашел в УК РФ.

Время покажет, что именно будет. Появиться же может все что угодно. Например, вопреки всем ранее существовавшим учениям появился «судебный штраф» (ст. 104.4 УК РФ). Теперь он реально применяется судами наряду с «просто штрафом» (ст. 46 УК РФ), назначаемым теми же судами по правилам УК РФ и УПК РФ, и «административным штрафом» (ст. 3.5 КоАП РФ).

Новое общее правило. Лицо, в отношении которого назначено уже не уголовное наказание, а просто какое-то там денежное взыскание – судебный штраф¹, одновременно освобождается от уголовной ответственности,

¹ Напомним: классический штраф согласно УК РФ – тоже денежное взыскание (ч. 1 ст. 48 УК РФ), как и штраф судебный (ст. 104.4 УК РФ), назначается в соответствии с требованиями УК РФ.

т. е. с этого момента оно уже – не преступник. Если такое лицо вовремя заплатит штраф, то оно так и останется персоной, выпавшей из традиционной классификации виновных в совершении правонарушений.

Исключение из общего правила. Если же штраф уплачен не будет, то виновная персона автоматически возвращается в число преступников. Витиевато, насколько научно – судить читателю.

Как видим, наличие клейма «преступник» законодатель связывает не только с криминальным, но и посткриминальным поведением виновного. «Достал» деньги на штраф – клейма «судимый» ставить не будем, не нашел денег – клеймим на всю оставшуюся жизнь! Такой уголовно-правовой расклад полностью опрокидывает базу рассуждений периода социализма, которому было свойственно равенство всех в бедности. Денег у людей не было (не должно было быть), преступление отрабатывали натурой – «на лесоповале» и прочих великих стройках коммунизма.

1917 год, к власти пришли «люди труда». Приняв на вооружение разработанное капиталистами учение о массовом ограничении потребностей, дисциплине и трудотерапии, они поспешили «железной рукой» загнать всех «несознательных» в «светлое будущее». Насилие – повивальная бабка истории, ликвидация даже целых классов населения гарантирует наступление рая на земле (коммунизма), жителям которого грех (преступность) будет априори неведом.

Прерогативы современного государства в посткриминальной ситуации, когда преступление совершено, права потерпевших попораны, весьма скромны. Оно может виновного: «уничтожить» – казнить; «пленить» – лишить на время, пусть даже пожизненно, свободы; «наказать рублем» – приговорить к штрафу в пользу казны; «заставить работать».

Смертная казнь, точнее расправа с телом, может существовать и в скрытых формах. Опасных преступников можно уничтожить в момент задержания. Криминологии известны также: «эскадроны смерти»; поручение «хорошим преступникам» умертвлять «плохих преступников». Например, в 2003 г. некие не поддающиеся персональному определению «правоохранительные органы» поручили «хорошему преступнику» Д. умертвить вора в законе Маковоза. Правда, покушение не удалось. Маковоз сделал все, чтобы организатор преступления и нанятые им киллеры (стрелки) оказались на скамье подсудимых. Однако «система правоохраны» в лице заместителя Генерального прокурора РФ С.Г. Кехлерова «своего Д.» в беде не оставила, отстояв на Президиуме Верховного Суда РФ право последнего на применение в отношении его ст. 64 (наказание ниже низшего предела) и 73 УК РФ. В результате Д. получил условное наказание, если точнее, то остался вообще без наказания. Что касается нанятых им стрелков, то те были наказаны реально: промахну-

лись, позволили себя изобличить. Есть ученые, который такие радикальные методы борьбы с отдельными преступниками безнравственными не считают, да и Президент РФ также думает, что террористы, оказывающие сопротивление, должны уничтожаться на месте.

Дух – бессмертен! Люди уничтожены, пепел их развеян, а память о них у народов жива! Многие из казненных получают ореол мучеников, а то и героев, их имена канонизируют!

Осужденные к лишению свободы на определенный срок рано или поздно колонию покинут, треть из них вновь совершит преступления, в том числе убийства. Не будем забывать: карьеру делают не только на свободе, но и в тюрьме. Тюремное население и, скажем так, «большое общество» суть сообщающиеся сосуды.

Две трети отбывших наказание рецидива избегут, выберут иной жизненный путь, будут среди них о помудревшие. Тюрьма – университет для многих.

Конфуцию приписывают слова: «В темной комнате нельзя найти черную кошку, если ее там нет». Штраф, не обеспеченный активами осужденного, – величина, стремящаяся к нулю, обсуждать перспективы его взыскания бессмысленно.

Может быть, заставить преступников работать? Приверженцы данной доисторической идеи забыли курс истории за 5-й класс: рабский труд непроизводителен. Современная элита в обществе сравнительного изобилия не в состоянии обеспечить рабочими местами свободных и добровольно желающих трудиться.

17 февраля 2016 г. Папа Римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно – «страус, прячущий голову в песок».

1. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
3. Хейвуд Э. Политология. М., 2005.
4. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД России. М., 2005.
5. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003.
6. Кропачев Н.М. Юридическое образование в России сегодня нельзя назвать универсальным, однотипным и единым // Закон. 2014. № 1.
7. Алексеевская Е.И. Законы развития судебной системы. М., 2016.
8. Капица С. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М., 2010.

А.В. Колюк

О ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

С 1 января 2012 г. в Республике Беларусь действует Следственный комитет, объединивший следственные аппараты прокуратуры, органов внутренних дел, Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Образование Следственного комитета неизбежно повлекло необходимость внесения изменений в действующее законодательство, прежде всего в УПК Республики Беларусь. Такие изменения были внесены Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З. Кроме того, 13 июля 2012 г. был принят Закон «О Следственном комитете Республики Беларусь».

В результате существенным образом были скорректированы полномочия всех органов уголовного преследования.

Анализируя объем полномочий прокурора, нельзя не согласиться с тем, что «в Республике Беларусь, в отличие от большинства постсоветских государств, в целом нашли некую „золотую середину“ при перераспределении полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения» [1, с. 269].

Вместе с тем в Российской Федерации полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования и надзору, по мнению многих ученых и практиков, чрезмерно сужены, что подвергается критике [2, с. 73–74; 3, с. 24; 4, с. 24; 5, с. 23; 6, с. 26]. В соответствии с изменениями, внесенными в УПК РФ в 2010 г., прокурор лишен права возбуждать уголовное дело, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству; участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия; отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, следователя, дознавателя.

Так, В.П. Ануфриев применительно к российскому опыту считает, что «существенное сокращение полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия... ослабило правозащитный механизм в этой сфере. Это не соответствует ни отечественным правовым традициям, ни зарубежной практике» [7, с. 13].

Российский исследователь А.В. Спирин делает вывод о том, что «совокупность имеющихся у прокурора полномочий по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия не отвечает требованиям достаточности и действенности», так как прокурор не имеет полномочий по реальному устранению выявленных нарушений законности [8, с. 8].

В целом в Республике Беларусь обеспечен надлежащий уровень законности при производстве предварительного расследования. Так, в 2017 г. судами оправдано 43 лица, или 0,1 % общего количества лиц, представших перед судом (без учета дел частного обвинения). Не допущено случаев незаконного привлечения к уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях [9]. При этом следует отметить, что не всегда постановление оправдательного приговора связано с нарушением закона. В ряде случаев это итог различной оценки прокурором и судом собранных по делу доказательств.

Вместе с тем прокурорская практика надзора за осуществлением предварительного следствия позволяет выделить определенные проблемы. Имеются факты несвоевременного производства следователями необходимых процессуальных действий, необоснованного приостановления и прекращения расследования. Прокурорами принимаются меры по обеспечению законности: отменяются необоснованные решения, в отдельных случаях дела принимаются к своему производству.

В связи с изложенным полагаем необходимым повысить эффективность работы системы процессуального контроля Следственного комитета, а также принять дополнительные меры по обеспечению оперативности расследования, особенно по делам об экономических и коррупционных преступлениях.

В настоящее время вопрос о соблюдении сроков расследования в большей степени относится к компетенции не прокурора, а начальника следственного подразделения. Однако ведомственный и процессуальный контроль недостаточно обеспечивают оперативность расследования. Отмечается постоянный рост количества уголовных дел, оконченных подразделениями Следственного комитета в срок свыше 6 месяцев. Число таких дел в 2012 г. составляло 188, в 2013 г. – 230, в 2014 г. – 261, в 2015 – 371, в 2016 – 384, в 2017 – 411 [10–15]. Прокурорами неоднократно отмечались факты допущенной по делам волокиты.

Также мерами процессуального контроля необходимо исключить случаи принятия следователями незаконных решений о прекращении и приостановлении расследования. Прокурорами в 2017 г. отменено 600 (в 2016 г. – 860) постановлений о прекращении и 1 386 (1 699) постановлений о приостановлении расследования. В суд направлено 74 уголовных

дела, по которым прокурорами отменены решения следователей о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям [9].

Уголовно-процессуальным законом установлено, что наряду со следователями Следственного комитета Республики Беларусь и органов государственной безопасности, осуществляющими в пределах своей компетенции досудебное производство, предварительное следствие по уголовным делам вправе производить также прокурор.

В практической деятельности прокуратуры и органов предварительного следствия периодически возникают вопросы о том, вправе ли прокурор, возбудивший и принявший к своему производству уголовное дело, передать его для продолжения и окончания расследования в орган предварительного следствия. Из чего следует исходить при решении данного вопроса прокурору, в производстве которого находится уголовное дело, и надзирающему прокурору?

Производя предварительное следствие по уголовному делу, прокурор прежде всего реализует функции уголовного преследования и прокурорского надзора. Принятие прокурором к своему производству уголовного дела связано в большинстве случаев с его сложностью или общественной значимостью. Когда прокурор принимает решение о принятии к собственному производству возбужденного им же уголовного дела, он предполагает, что в сложившейся ситуации именно такая форма его участия в расследовании будет способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств совершенного преступления [16, с. 91].

После принятия дела к производству ответственность за ход и результаты расследования, соблюдение прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения возлагаются на прокурора, который должен принять в итоге одно из решений, предусмотренных ст. 246, 250 или 266 УПК.

В связи с этим полагаем обоснованным закрепление в п. 12 ч. 5 ст. 34 УПК исключения из общего правила о производстве прокурором расследования в полном объеме, устанавливающего право прокурора отстранять нижестоящего прокурора от производства предварительного следствия с передачей дела другому прокурору или в орган предварительного следствия, если им были допущены нарушения законности при расследовании дела, либо принять уголовное дело к своему производству и производить предварительное следствие лично.

В 2017 г. прокурорами расследовано и направлено в суд 51 уголовное дело, из которых 7 ранее были незаконно прекращены следователями (по всем постановлены обвинительные приговоры) [15].

Прокурорами отменены незаконные решения следователей о прекращении расследования по 74 уголовным делам, которые по итогам дополнительного расследования направлены в суд (по 65 делам судами постановлены обвинительные приговоры, ряд дел еще не рассмотрен).

Например, Минским РОСК четыре раза прекращалось расследование уголовного дела в отношении супругов В., которые занимались незаконным предпринимательством. Только после принятия прокуратурой Минского района дела к своему производству оно было направлено в суд, постановивший обвинительный приговор [17].

УСК по Гродненской области прекращено расследование по делу о злоупотреблении служебными полномочиями в отношении руководителей Слонимского комбината бытового обслуживания населения С. и И. Незаконное решение отменено и дело принято к производству сотрудником Генеральной прокуратуры. В результате виновные осуждены, приговор вступил в законную силу, в полном объеме возмещен ущерб (440 тыс. р.) [18].

Необоснованное неоднократное прекращение расследования затрудняет сбор доказательств, возмещение ущерба, подрывает авторитет правоохранительной системы.

Ввиду имеющихся недостатков при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений Генеральной прокуратурой будет усилен надзор за их расследованием. В случае расхождения в оценке содеянного и доказательств, неисполнения актов прокурорского реагирования в целях обеспечения законности и всесторонности по решению Генерального прокурора дела будут приниматься к его производству.

Полагаем, что полномочия прокуроров по расследованию уголовных дел являются одной из гарантий защиты прав граждан и государственных интересов, а также обеспечения законности.

1. Бурак Р.В., Солтанович А.В. Полномочия прокурора в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. Вып. 6. Минск, 2013.

2. Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголов. право. 2009. № 3.

3. Божьев В. Сущность изменений в УПК РФ от 2 декабря 2008 г. // Законность. 2009. № 5.

4. Ильюхов А.А. Соотношение процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2012. № 4.

5. Колоколов Н.А. Баланс обвинительной власти (новеллы УПК РФ) // Уголов. процесс. 2009. № 3.

6. Солтанович А., Хиревич М., Хомич В. О средствах прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия // Юстиция Беларуси. 2012. № 6.

7. Ануфриев В.П. Правовой статус Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, следователей и других прокурорских работников его следственных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2009.

8. Спиринов А.В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ур. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2014.

9. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2017 г. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы за январь – декабрь 2017 г.

10. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2012 г. Отчет о следственной работе (форма 1Е).

11. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2013 г. Отчет о следственной работе (форма 1Е).

12. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2014 г. Отчет о следственной работе (форма 1Е).

13. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2015 г. Отчет о следственной работе (форма 1Е).

14. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2016 г. Отчет о следственной работе (форма 1Е).

15. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2017 г. Отчет о следственной работе (форма 1Е).

16. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск, 2014.

17. Архив суда Минского района за 2017 г. Уголовное дело № 15026140019.

18. Архив суда Центрального района за 2017 г. Уголовное дело № 15085060014.

УДК 343.1

К.А. Костенко

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедев в своем выступлении на совещании председателей судов субъектов Российской Федерации 20 февраля 2018 г., рассказывая об основных «болевых точках» судебной системы, высказался о ряде стратегических инициатив.

В частности, в вопросе обеспечения контроля за законностью производства следствия, по его мнению, возникла необходимость введения в уголовный процесс института следственного судьи. Такое предложение им было высказано с приведением статистических данных (за 2017 г. на действия или бездействие следственных органов подано более 120 тыс. жалоб, из них почти 20 % удовлетворено). Кроме того, Лебедев подчеркнул, что требуют совершенствования и процессуальные механизмы применения альтернативных мер пресечения – таких, например, как домашний арест, в отношении несовершеннолетних, предпринимателей и некоторых других [1].

Различные точки зрения, касающиеся необходимости совершенствования тех или иных сфер процессуального законодательства России, неоднократно звучали с высоких трибун. При этом УПК постоянно подвергался корректировке. Так, с момента принятия УПК (2001 г.) в него внесены изменения и дополнения посредством более 230 федеральных законов. Конституционным судом Российской Федерации принято свыше 20 решений о проверке конституционности тех или иных положений закона, в том числе с выводами об их несоответствии Конституции. Причем изменения и дополнения вносились даже в федеральные законы о внесении изменений и дополнений в УПК.

Рассматриваемая ситуация свидетельствует о том, что все изменения УПК как раз и были нацелены на своевременное устранение пробелов процессуального законодательства. Многие изменения требовались в силу становления новой правоприменительной практики. В то же время отдельные ученые отмечают, что такое большое количество изменений в УПК – это в том числе результат отсутствия четкой государственной концепции (программы) развития уголовного процесса в России, и, к сожалению, следует констатировать, что концепцию развития УПК лишь только предстоит разработать и представить для широкого обсуждения [2, с. 13–14].

Несмотря на разные точки зрения принятие новых законопроектов в сфере уголовно-процессуального законодательства крайне необходимо, так как современные условия развития России диктуют новые подходы к расследованию преступлений. За период действия УПК появилось достаточно много нового, что, по мнению практиков, несколько усложнило процесс расследования. Это и расширение спектра прав всех участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего), и распространение судебного контроля за производством ряда следственных действий (арест, домашний арест, продление сроков содержания под стражей, арест имущества и продление срока ареста имущества

и т. д.), и необходимость обязательного проведения очных ставок с потерпевшим и свидетелем на стадии предварительного расследования для возможности последующего оглашения в суде их показаний в случае их неявки (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ), и ряд других изменений.

Таким образом, необходимость совершенствования УПК не вызывает никаких сомнений. При этом наиболее актуальными, на наш взгляд, могут быть предложения о внесении отдельных изменений в УПК, продиктованных практической потребностью органов предварительного расследования.

В частности, Следственный комитет Российской Федерации уже более 10 лет принимает активное участие в реформировании и оптимизации уголовно-процессуального законодательства России. Предложенные им законопроекты – это тщательно проработанные документы, основанные на глубоком анализе следственной практики и отзывах большинства практических работников (следователей, руководителей следственных органов и др.). При этом вся законотворческая работа Следственного комитета направлена на решение задач оптимизации следственной работы, экономии времени следствия, соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, а также повышения качества следствия. Так, при непосредственном участии Следственного комитета в УПК были внесены существенные изменения и дополнения. Это и введение в УПК гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», это и Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым существенно расширен перечень следственных и процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, это и Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», и ряд других федеральных законов.

Положительным примером законотворческой деятельности Следственного комитета в уголовной сфере явилось принятие в 2012 г. по его инициативе федерального закона, существенно усилившего ответственность за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних. По инициативе Следственного комитета установлен запрет на распространение в средствах массовой информации сведений о пострадавшем от противоправных действий несовершеннолетнем без согласия потерпевшего или его законного представителя. Имеются и другие законодательные инициативы Следственного комитета, которые поддержаны и реализованы в виде ныне действующих федеральных законов.

К сожалению, некоторые достаточно актуальные законопроекты от Следственного комитета остались нереализованными. Среди них проект Закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (2013 г.), проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (2012 г.) и некоторые другие.

На расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета за 2010 год и задачах на 2011 год» 17 февраля 2011 г. Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин впервые анонсировал проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений», разработанный Следственным комитетом совместно с Общественной палатой России» [3]. В своей речи он сказал: «Давайте ускорим принятие этого закона, тогда потерпевшие – а это миллионы людей в год – почувствуют реальную защиту государства, которая помогает им вырастить ребенка, сохранить семью!» [4]

Между тем, несмотря на несомненную значимость законопроекта, а со времени его разработки прошло более семи лет, вопрос о рассмотрении законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации до сих пор откладывается...

Защита прав потерпевшего, на наш взгляд, должна включать и обеспечение государственной поддержки потерпевших от преступлений. В настоящее время механизм такой поддержки требует совершенствования, так как фактическое возмещение вреда (физического, имущественного или морального) сегодня напрямую взаимосвязано как с имущественным положением подсудимого, так и с эффективностью работы органов расследования по поиску и аресту имущества виновного.

Составной частью правовой системы Российской Федерации являются нормы международного права, поэтому некоторые ученые-юристы правомерно отмечали возможность принятия Закона «О потерпевших от преступлений» с поправками, в том числе учитывающими правила предоставления денежных компенсаций, установленные Европейской конвенцией о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 г.). При этом ученые предлагали использовать в этих целях не только государственные, но и общественные фонды, так как возможностей государства выплатить такие компенсации потерпевшим может быть недостаточно [1, с. 11–15].

Как показывает практика, ситуация с указанным, так и не реализованным, законопроектом не единичная.

Вот уже более семи лет не принимаются поправки в УПК во исполнение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части 1 статьи 24 и пункта 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко», где сказано, что при заявлении возражения со стороны близких родственников подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного дела в связи с его смертью орган предварительного расследования или суд обязаны продолжить предварительное расследование либо судебное разбирательство.

Такое положение дел в настоящее время привело к тому, что статус представителя умершего подозреваемого или обвиняемого в УПК не определен, как и не определен порядок направления такого уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. Вместо этого на практике применяется аналогия о предоставлении близким родственникам умершего подозреваемого (обвиняемого) прав, предусмотренных ст. 42 УПК «Потерпевший» (что, конечно, логично, так как только указанная норма в УПК предусматривает возможность перехода прав от умершего лица к близкому родственнику).

Законопроект о внесении изменений в УПК в целях определения статуса представителя умершего обвиняемого в настоящее время находится в архиве Государственной Думы.

Необходимость в корректировке УПК с учетом правоприменительной практики в последние годы имела высокую актуальность, но в силу разных причин изменения в УПК не вносились.

Так, в 2014 г. при участии Следственного комитета депутатом Государственной Думы Российской Федерации К.В. Лазаревым на рассмотрение в Государственную Думу внесен законопроект № 500386-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части увеличения срока предварительного следствия и содержания под стражей)». Законопроект предусматривал увеличение первоначального срока следствия и содержания обвиняемого под стражей до трех месяцев с исключением полномочий руководителя следственного органа на продление срока предварительного следствия до трех месяцев.

В 2014 г. Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству (6-го созыва) дважды представлял положительные отзывы на законопроект. Однако этот же комитет (уже в новом составе 7-го созыва) 22 марта 2017 г. окон-

чательно отклонил законопроект, мотивируя это тем, что он будет способствовать значительному ограничению прав и законных интересов обвиняемых и потерпевших, бесконтрольному содержанию лица под стражей длительное время, существенному затягиванию вопроса о возмещении потерпевшему вреда.

Здесь необходимо заметить, что указанный законопроект ранее был поддержан всеми органами предварительного расследования и имел под собой сильную аналитическую базу, основанную на изучении тысяч уголовных дел. Поэтому совершенно очевидно, что нежелание принять данный закон обусловлено явным лоббированием позиции стороны защиты в ущерб интересам следствия.

Практически аналогичная ситуация сложилась и с законопроектом № 500393-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения следователем времени ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела в случаях его явного затягивания)». Указанный законопроект внесен Депутатом Государственной Думы Российской Федерации К.В. Лазаревым при участии Следственного комитета Российской Федерации на рассмотрение в Государственную Думу в ноябре 2014 г. В частности, предусматривалось, что в случае явного затягивания срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь с согласия руководителя следственного органа устанавливает определенный срок для ознакомления с делом. При этом обвиняемый и его защитник имеют право обжаловать такое решение в суд.

Как и в предыдущем случае, в 2014 г. Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству дважды представлял положительные отзывы на законопроект. Однако за подписью Председателя комитета П.В. Крашенинникова 22 марта 2017 г. законопроект был окончательно отклонен. Мотивировалось это тем, что в ходе реализации данного закона неизбежно возникнут вопросы к законности и обоснованности решений следователя, направленных на ограничение права обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела. Также, по мнению Крашенинникова, судебного контроля за сроками ограничения в настоящее время вполне достаточно.

Подводя итоги, следует отметить, что обсуждение перспектив развития уголовно-процессуальной политики, несомненно, является важной задачей. При этом рассмотренные в настоящем докладе законопроекты в недалеком будущем могут стать частью модернизированной системы уголовно-процессуальных норм и мы видим, что в последнее десяти-

летие именно эти идеи наиболее востребованы органами предварительного расследования и могут составлять часть концепции развития уголовно-процессуального законодательства в России. Поэтому необходимость их реализации обусловлена прежде всего оптимизацией расследования преступлений и целями защиты прав и законных интересов граждан, потерпевших от преступлений.

1. Лебедев призвал ускорить введение института следственного судьи [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/article/20022018/lebedev-prizval-uskorigit-vvedenie-instituta-sledstvennogo-sudi> (дата обращения: 15.09.2018).

2. Зайцев О.И. О необходимости разработки концепции современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2018. № 1.

3. Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Баstryкина на расширенном заседании коллегии «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета за 2010 год и задачах на 2011 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sledcom.ru/aktual/42930/> (дата обращения: 28.02.2018).

4. СК: закон о потерпевших дает гражданам почувствовать защиту государства [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20110217/335286740.html> (дата обращения: 28.09.2018).

5. Ахмедшина Н.В. О потерпевших от преступлений // Виктимология. 2015. № 1.

УДК 343.12

Е.С. Кудряшова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ГРАЖДАН НА РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства закреплен в ст. 6.1 УПК РФ и является одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Оценка оперативно-служебной деятельности подразделений дознания (положительная или отрицательная) строится на основе 10 критериев. Одним из важнейших является доля уголовных дел, оконченных с нарушением срока.

Любое продление сроков дознания по уголовным делам считается нарушением сроков, установленных нормами уголовно-процессуального законодательства. Сам факт продления сроков говорит о том, что дозна-

ватели не успевают окончить производством уголовные дела в течение 30 суток при производстве дознания в общем порядке или 15 суток при производстве дознания в сокращенной форме.

За 2016 г. подразделениями дознания территориальных органов МВД, дислоцированных на территории Нижегородской области, окончено производством 9 002 уголовных дела, из которых 3 897 – с нарушенными сроками (43,3 % от общего количества оконченных уголовных дел). Справедливости ради следует заметить, что 549 уголовных дел (6,1 % общего количества оконченных производством) были ранее приостановлены на основании ст. 208 УПК РФ и впоследствии возобновлены производством. При этом в 2011 г. только 38 % уголовных дел окончено с нарушенными сроками, в 2013 г. – 41,9 %. Таким образом, доля уголовных дел с нарушенными сроками в числе оконченных производством с каждым годом увеличивается.

Объективными причинами продления сроков дознания по уголовным делам являются: длительность сроков проведения экспертиз (в частности, судебно-психиатрических и судебно-медицинских); сложности, связанные с организацией явки участников уголовного процесса, проживающих в других регионах России; длительные сроки сбора материалов, характеризующих личность подозреваемых, являющихся иностранцами и жителями других субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем рост числа уголовных дел, по которым сроки дознания продлеваются, в том числе неоднократно, также обусловлен субъективными причинами: волокитой со стороны дознавателей, отсутствием должного контроля за их деятельностью со стороны руководителей, низким качеством расследования преступлений, просчетами в планировании и реализации мероприятий на всех этапах производства дознания, отсутствием должной организации взаимодействия подразделений дознания с другими службами при раскрытии и расследовании преступлений, по которым предварительное следствие необязательно. В результате таких действий (или бездействия) должностных лиц подразделений дознания допускаются факты непривлечения лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, в связи с чем не обеспечивается в полной мере эффективность деятельности органов предварительного расследования.

Приведем несколько примеров.

Так, по уголовному делу, возбужденному 16 декабря 2016 г. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, установлено, что 16 декабря 2016 г. неизвестное лицо, находясь около дома

Нижегородского района Нижнего Новгорода, тайно похитило из автомобиля портфель с денежными средствами в размере 34 500 р., принадлежащий С. С места происшествия изъяты: следы рук, след перчатки, микроволокна. Срок дознания дважды необоснованно продлевался дознавателем. По уголовному делу не проведено ни одного следственного действия. Потерпевший С. не допрошен, изъятые следы и объекты не осмотрены, не признаны вещественными доказательствами, по ним не назначены и не проведены экспертизы. Поручение дознавателя сотрудникам уголовного розыска об установлении наличия камер видеонаблюдения на месте совершения преступления, лица, совершившего деяние, места нахождения похищенного имущества не исполнено. 13 марта 2017 г. по истечении почти трехмесячного срока производство дознания приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [1].

По уголовному делу, возбужденному 20 декабря 2016 г. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, установлено, что осмотр места происшествия проводился в день возбуждения уголовного дела. С места происшествия изъят окурочек сигареты марки LD, однако дознавателем вынесено постановление о назначении судебной биологической экспертизы только 5 февраля 2017 г., т. е. спустя 47 суток со дня изъятия объекта и возбуждения уголовного дела, что привело к необоснованному затягиванию сроков дознания [2].

Аналогичные нарушения допущены дознавателем при производстве дознания по следующему уголовному делу, которое было возбуждено 9 ноября 2017 г. в отношении неустановленного лица по факту нанесения телесных повреждений гражданке Б. В течение четырех месяцев дознание производилось поверхностно и неполно, в результате производство дознания приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – за розыском подозреваемого. Необоснованное затягивание сроков дознания привело к тому, что не были приняты все меры по изобличению лица, виновного в совершении преступления, из-за чего потерпевшая обратилась в прокуратуру района для реализации своих прав [3].

Причины нарушений, допускаемых сотрудниками органов предварительного расследования, их количество и особенности говорят о том, что превышение разумного срока допускается уже при проведении первоначальной проверки. Несвоевременное возбуждение уголовных дел создает предпосылки для дальнейшей волокиты при производстве и несоблюдения конституционных прав участников уголовного процесса. Вследствие этого граждане вынуждены неоднократно обращаться в контрольно-надзорные органы для восстановления нарушенных прав.

В целях повышения эффективности дознания и соблюдения права граждан на разумный срок уголовного судопроизводства считаем необходимым: строго соблюдать нормы уголовно-процессуального законодательства в части обоснованного продления сроков дознания; своевременно производить следственные действия; грамотно планировать производство следственных действий, иных мероприятий во взаимодействии с другими службами и подразделениями; осуществлять надлежащий ведомственный контроль на каждой стадии уголовного судопроизводства; проводить занятия с сотрудниками для повышения их профессионального мастерства.

1. Архив отдела полиции № 5 управления МВД России по г. Нижнему Новгороду за 2017 г. Уголовное дело № 42342445.

2. Архив отдел полиции № 5 управления МВД России по г. Нижнему Новгороду за 2017 г. Уголовное дело № 42342496.

3. Уголовное дело № 37509347 Архив отдел полиции № 5 Управления МВД России по г. Нижнему Новгороду за 2018 г. Уголовное дело № 37509347.

УДК 343.1

Л.В. Лазарева

ПРИСУТСТВИЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Вопрос о присутствии участников уголовного судопроизводства весьма неоднозначен и одновременно важен для осуществления судебно-экспертной деятельности при проведении судебной экспертизы. Прежде всего этот вопрос касается лица, назначившего экспертизу. Присутствие следователя при проведении экспертизы помогает ему лучше оценить экспертное заключение, его обоснованность, соответствие выводов результатам проведенного исследования [1, с. 48].

По мнению О.Я. Баева, присутствие следователя способствует незамедлительному получению им экспертной информации, поскольку от проведения экспертизы до составления экспертного заключения и получения его следователем проходит достаточно много времени, что может привести к затягиванию расследования, а также содействует сглаживанию и разрешению конфликтов, которые могут возникнуть при этом между экспертом и обвиняемым [2, с. 23, 349–350].

На наш взгляд, присутствие следователя при проведении судебной экспертизы имеет двоякое значение. Во-первых, согласно ч. 1

ст. 197 УПК РФ следователь вправе не только присутствовать при проведении судебной экспертизы, но и получать разъяснения эксперта по поводу осуществляемых им действий. Во-вторых, эксперт сам может нуждаться в пояснениях, и тогда присутствие следователя будет весьма кстати. В некоторых случаях присутствием следователя можно заменить предоставление дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК).

Однако следует обратить внимание на то, в какой форме могут быть даны разъяснения: простые комментарии эксперта по ходу проведения исследования или ответы на новые вопросы помимо указанных в постановлении.

Бесспорно, личный контакт следователя с экспертом во время проведения экспертизы помогает прояснить некоторые детали предмета исследования. Можно, конечно, предположить, что следователь, будучи некомпетентен в той области специальных знаний, которые составляют содержание экспертных методик, не в состоянии уяснить суть проведенных исследований. Вряд ли полученные от эксперта разъяснения по поводу проводимых им действий помогут следователю оценить экспертное заключение, тем более что он не вправе контролировать методику проводимого исследования. Для следователя представляет наибольший интерес возможность получения ответов на те вопросы, которые не были поставлены перед экспертом и возникли уже в ходе исследования.

Необходимость присутствия следователя в ходе проведения экспертизы также может быть вызвана возможностью обнаружения экспертом доказательственной информации (например, в ходе исследования трупа для установления причин смерти, а также при исследовании микрообъектов). Данный факт обязательно должен быть отражен в заключении эксперта. По результатам проведенного нами исследования, получение у эксперта разъяснения по поводу проводимых им действий отмечено в 20 % случаев.

Кроме того, присутствие следователя при проведении экспертизы и получение объяснений от эксперта могло бы исключить назначение дополнительных и повторных экспертиз.

Таким образом, считаем необходимым законодательно закрепить право следователя задавать дополнительные вопросы, не указанные в постановлении о назначении экспертизы, но относящиеся к предмету экспертизы. Сейчас же данное положение о постановке дополнительных вопросов эксперту можно рассматривать как рекомендацию.

Во время проведения экспертного исследования следователь не может вмешиваться в его ход, делать какие-либо замечания эксперту о его действиях при исследовании. Порядок назначения и проведения судебной

экспертизы гарантирует судебному эксперту самостоятельность в выборе методов, средств и методик экспертного исследования, необходимых, с его точки зрения, для изучения объектов экспертизы. Поэтому следователь ни при каких обстоятельствах не должен вторгаться в работу эксперта и тем более требовать применения определенной экспертной методики или методов. Только соблюдение данных условий позволит обеспечить объективность, беспристрастность, непредубежденность эксперта.

Помимо следователя согласно ст. 198 УПК при проведении судебной экспертизы могут присутствовать подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель, но только с разрешения следователя. Как правило, ходатайство о присутствии при проведении экспертизы заявляется подозреваемым, обвиняемым, его защитником при ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы. При разрешении заявленного ходатайства следователю нужно выяснить, какими мотивами руководствовался заявитель, обращаясь с подобной просьбой, а также предположить, как присутствие участника отразится на результатах исследования. Как показывает практика, основная причина обращения с ходатайством о проведении экспертизы в присутствии подозреваемого, обвиняемого – возможность данных участников уголовного судопроизводства своевременно повлиять на выводы эксперта путем дачи пояснений во время проведения исследования.

Возможность реализации уголовно-процессуальных отношений путем дачи объяснений указанными субъектами также наличествует в ч. 5 ст. 198 УПК РФ, что вполне оправданно, так как полученные своевременно объяснения могут быть сразу же учтены и проверены экспертом.

Следует заметить, что перечисленные участники процесса могут присутствовать только в ходе исследовательской части. Не допускается присутствие иных участников при составлении экспертом заключения и формулировании выводов.

В случаях когда присутствие подозреваемого или обвиняемого при проведении экспертизы нежелательно по каким-либо причинам, следователю целесообразно допросить данного участника о тех сведениях, которые ему известны и которые могут быть использованы экспертом при проведении исследования, а протокол допроса направить эксперту.

Полагаем, что помимо названных участников уголовного процесса правом присутствовать при проведении судебной экспертизы должны быть наделены гражданский истец и гражданский ответчик, но только в тех случаях, когда путем экспертного исследования определяется размер вреда, подлежащего возмещению.

Что касается свидетеля, то законодатель совершенно справедливо не наделил его правом присутствовать при проведении экспертизы, по-

скольку он не имеет в уголовном деле собственного интереса. Нет необходимости распространять на него право заинтересованных лиц: существуют другие способы для установления обстоятельств по делу.

Следует отметить, что современное уголовно-процессуальное законодательство допускает присутствие при проведении экспертизы только лиц, допущенных к участию в деле и занимающих определенное процессуальное положение. В этой связи значительная часть изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, направлена на усиление публичного начала, активизацию обвинительной деятельности. В ряде случаев эти шаги законодателя, вызванные, видимо, трудностями в правоприменительной деятельности, ограничивают состязательность процесса и в определенной мере права и свободы граждан. В первую очередь следует отметить возможность проведения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Этот шаг – существенное реформирование досудебного производства. По распространенному мнению, причина изменений состояла в необходимости освобождения от двойного исследования одних и тех же объектов. В связи с этим, по мысли авторов предлагаемых изменений, следователь сможет на этапе проверки сообщений о преступлениях назначать судебную экспертизу. Возникла сложная проблема обеспечения прав лиц, участвующих в проведении судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. Более подробно этот вопрос нами рассматривался ранее. Здесь же только отметим, что способ регулирования правовых взаимоотношений на стадии возбуждения уголовного дела, предложенный законодателем, порождает новую правовую неопределенность. Его следует скорректировать в законодательном порядке. Но вопрос пока также ждет своего решения.

В публикациях на данную тему нами уже подчеркивалось, что право присутствовать при проведении судебной экспертизы должно ограничиваться в зависимости от вида экспертизы. Например, при проведении судебной экспертизы в отношении живых лиц полагаем недопустимым присутствие тех лиц, которые не являются объектами экспертизы. Более того, при проведении экспертиз такого рода следователю (суду) не следует злоупотреблять своим правом, принимая решение о собственном присутствии или о присутствии других субъектов.

Есть определенные сомнения в возможности присутствия сторон и суда при проведении судебной экспертизы на стадии судебного разбирательства. Присутствие во время проведения экспертизы большого числа лиц может вызвать некоторую напряженность обстановки, что

создает для эксперта дополнительные организационные и психологические трудности. Не отрицая того, что решение вопроса о необходимости и целесообразности присутствия сторон и самого суда зависит от обстоятельств дела, предмета экспертизы, ее вида, все же полагаем, что было бы логичным решать этот вопрос с учетом мнения эксперта. Положительное решение было бы оправданно в тех случаях, когда есть основания полагать, что в процессе проведения экспертизы может быть обнаружена новая доказательственная информация, требующая отдельного процессуального закрепления.

По данной проблеме Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснил, что участники судебного разбирательства по их ходатайствам с согласия суда вправе присутствовать при проведении экспертного исследования, проводимого вне зала судебного заседания, за исключением случаев, когда суд по ходатайству эксперта сочтет, что данное присутствие будет препятствовать проведению экспертизы [3].

Таким образом, преодоление обозначенных проблем будет способствовать решению задач, стоящих перед судебно-следственными органами, повышению качества предварительного расследования, а также позволит участникам уголовного процесса реализовать права при проведении судебной экспертизы.

1. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе: уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство / Ю.Г. Корухов [и др.] ; отв. ред. В.Ф. Орлова. М., 2004.

2. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика : науч.-практ. пособие / О.Я. Баев. М., 2003.

3. Рос. газ. 2010. 30 дек.

УДК 343.98

О.И. Локтевич

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗДЕЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Различные проблемы, возникающие в связи с участием защитника в предварительном расследовании, изучались и продолжают активно изучаться многими теоретиками и практиками. Интерес к данной проблеме

обусловлен необходимостью соблюдения принципа обеспечения права лица на защиту, одной из форм реализации которого в практической деятельности является участие в предварительном расследовании защитника.

На начальном этапе исследования перед любым ученым встает вопрос о специальности, в рамках которой будет осуществляться подготовка научной работы (диссертации). В настоящее время отнесение научной темы, связанной с деятельностью следователя и адвоката в ходе предварительного расследования, к конкретной научной специальности является дискуссионным вопросом.

Дело в том, что до разделения научных специальностей, произошедшего в 2012 г., исследователи в большинстве случаев затрагивали в своих работах как процессуальные, так и криминалистические аспекты. Такой подход прослеживается во многих исследованиях. Так, процессуальные, тактические и психологические аспекты участия защитника стали объектом исследований Е.В. Бережко [1], М.А. Дереберг [2], В.А. Калюжной [3], Н.В. Красновой [4], И.А. Насоновой [5], А.А. Сиразутдиновой [6], Н.П. Печникова [7], О.В. Потокина [8], В.И. Третьяков [9] и др. Нами приведены в пример лишь несколько работ, вместе с тем практически во всех исследованиях, проводимых до момента разделения научных специальностей, так или иначе затрагивались вопросы как уголовного процесса, так и криминалистики.

Так, В.А. Калюжная справедливо отмечала, что деятельность защитника на предварительном следствии является объектом исследования не только уголовного процесса, но и криминалистики [3, л. 140]. Стоит согласиться и с мнением А.В. Рагулина, считающим, что в настоящее время существуют объективные сложности в отнесении конкретной темы диссертационного исследования, связанной с деятельностью адвоката, к той или иной научной специальности. Данная проблема должна быть преодолена путем дальнейшего совершенствования номенклатуры научных специальностей [10, с. 133–134]. О негативном влиянии на уголовный процесс и криминалистику в результате такого деления неоднократно высказывались многие ученые, в том числе белорусские [11–16].

Представляется уместным процитировать в этой связи В.Т. Томина, который говорил, что «в уголовном судопроизводстве нет проблем чисто уголовно-процессуальных или, скажем там, криминалистических или уголовно-правовых». Справедливыми в этой связи являются и его слова о том, что современные ученые напоминают ему огородников, «каждый из которых добросовестно обрабатывает свой участок, лишь изредка позволяя себе удовольствие поболтать с соседом через забор» [15, с. 9–10].

Таким образом, сегодня складывается парадоксальная ситуация, когда исследование отдельных вопросов, связанных с участием защитника в предварительном расследовании (например, организационно-тактические особенности деятельности следователя в различных ситуациях, возникающих в связи с участием защитника в процессе расследования преступлений), лежит в плоскости криминалистики, однако отдельные вопросы завязаны на уголовном процессе и не могут быть изолированы от криминалистики. Вместе с тем очень важно понимать, что криминалистика как наука вышла из недр уголовного процесса и развивалась в тесной связи с ним.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что рассмотрение тактических аспектов производства предварительного расследования с участием защитника обязательно затрагивает вопросы уголовно-процессуального права, поскольку невозможно обосновать тактику действий следователя в различных ситуациях, возникающих в связи с участием защитника, не затронув нормы уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим исследование обозначенной нами проблемы ранее часто проводилось по двум научным специальностям.

В настоящий момент, в свете разделения научных специальностей, считаем, что особенности деятельности следователя по расследованию преступлений с участием защитника на стадии предварительного расследования в любом случае требуют комплексного исследования. Это может быть реализовано двумя способами, выбор которых зависит от целей, поставленных перед проведением научного исследования. Так, видится возможным проведение исследования по двум научным специальностям – 12.00.09 и 12.00.12, если исследователем ставятся конкретные цели по изучению правоприменительной практики по вопросам участия защитника в предварительном расследовании для выявления пробелов и неточностей в законодательстве с целью совершенствования правового регулирования. Второй вариант разрешения обозначенного вопроса – это проведение исследования по специальности 12.00.12 в случае, если основной целью является разработка научно обоснованных рекомендаций по расследованию преступлений, в котором принимает участие защитник, и дополнительной – совершенствование уголовно-процессуального законодательства, если это будет способствовать всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств по уголовному делу, реализации права на защиту в ходе расследования.

1. Бережко Е.В. Деятельность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве: отдельные процессуальные и нравственные аспекты // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 3.

2. ДЕРЕБЕРГ М.А. Особенности тактики производства следственных действий с участием защитника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. Акад. МВД России. М., 2001.

3. Калужная В.А. Процессуальные и тактические проблемы участия защитника в следственных действиях : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998.

4. Краснова Н.В. Тактические особенности производства следственных действий с участием защитника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2002.

5. Насонова И.А. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Волгогр. юрид. ин-т. Волгоград, 1998.

6. Сиразутдинова А.А. Процессуальные, тактические и психологические аспекты участия защитника в предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ур. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2008.

7. Печников Н.П. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Тамбов, 2007.

8. Потокина О.В. Участие защитника в следственных действиях (современные уголовно-процессуальные и тактические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кемер. гос. ун-т. М., 2001.

9. Третьяков В.И. Участие защитника на предварительном следствии и в судебном производстве: процессуальные и тактические аспекты : дис. ... канд. юрид. Волгоград, 1998.

10. Рагулин А.В. Формирование науки об адвокатуре в России // Евраз. адвокатура. 2013. № 2.

11. Зинкин В.К. Уголовный процесс без криминалистики и оперативно-розыскной деятельности: проблемная ситуация // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 4.

12. Золотов М.А., Писарев Е.В. Значение криминалистических теорий для доказывания в уголовном процессе // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 4.

14. Логвин В.М. О некоторых проблемных вопросах развития отечественной криминалистики // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. 2016. № 13.

15. Логвин В.М. Изменение номенклатуры научных специальностей: последствия и перспективы // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 дек. 2012 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2012.

16. Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса. Пятигорск, 2000.

17. Шиенок В.П. О необходимости создания новой методологии белорусской криминалистики и путях ее разработки // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 дек. 2012 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2012.

УСЛОВИЯ ОТНЕСЕНИЯ РАСХОДОВ К ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ИЗДЕРЖКАМ

В правоприменительной сфере встречаются дискуссионные вопросы, касающиеся реализации норм института процессуальных издержек в деятельности органа уголовного преследования и суда. Это, например, вопросы о том, относятся ли к процессуальным издержкам расходы на экспертизу, заключение которой содержит выводы о том, что исследуемые следы не пригодны для идентификации или установить механизм образования следов не представляется возможным; относятся ли к процессуальным издержкам расходы на экспертизу, проведенную экспертом, занимающимся судебно-экспертной деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя, при возможности ее проведения в структурном подразделении ГКСЭ; относятся ли к процессуальным издержкам личные траты участников уголовного процесса, понесенные в связи с их участием в производстве по материалам и уголовным делам, не возмещенные из бюджетных средств.

Такого рода вопросы возникают из-за отсутствия в теории уголовного процесса четко определенных условий отнесения расходов, возникающих в ходе производства по уголовным делам, к процессуальным издержкам.

В философии под условием понимается существенный компонент комплекса объектов, из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления. При этом весь комплекс условий называется достаточными условиями явления, а общие условия из всех возможных наборов достаточных условий, представленные каждый раз, когда имеет место обуславливаемое явление, называются необходимыми условиями. «Полный набор необходимых условий, из которого нельзя исключить ни одного компонента, не нарушив обусловленности, и к которому нельзя добавить ничего, что не было бы излишним» представляет собой необходимые и достаточные условия.

Таким образом, теоретико-прикладное значение имеет определение необходимых и достаточных (в их философском понимании) условий отнесения расходов к процессуальным издержкам.

Анализ юридической литературы, правоприменительной практики позволяет выделить следующие условия отнесения расходов к процессуальным издержкам:

расходы должны быть действительными и подтверждаться документально;

расходы должны быть необходимыми;
расходы должны быть разумными в количественном отношении;
расходы должны быть нормативными;
расходы органов, ведущих уголовный процесс, должны нести из бюджетных средств, специально выделяемых на эти цели.

Говоря о действительности расходов, стоит отметить, что в определении от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П Конституционный Суд Российской Федерации, приводя дефиницию процессуальных издержек, обозначил две характеристики, которым соответствуют расходы, относимые к процессуальным издержкам: они должны быть необходимыми и оправданными. Остановимся на последней из указанных характеристик.

Термин «оправданный» толкуется по одному из значений глагола «оправдать», который в Большом толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова означает «официально удостоверить что-н[ибудь], представить свидетельство чему-н[ибудь] (расходу, трате; бухг.)». При этом термин «оправданность» синонимизируется с термином «обоснованность», который, в свою очередь, толковым словарем С.И. Ожегова определяется как «подтвержденный фактами, серьезными доводами», а среди синонимов к нему приводится термин «действительность», который происходит от прилагательного «действительный», трактуемого как «существующий на самом деле, реальный».

Отсюда следует, что термины «оправданный», «обоснованный», «действительный» являются синонимичными. Однако термин «действительный» наиболее четко отражает характеристику расходов, относящихся к процессуальным издержкам.

Таким образом, в соответствии с условием действительности расходы, относящиеся к процессуальным издержкам, должны быть реальными, фактически истекшими затратами участников уголовного процесса, а не предстоящими, гипотетическими [2], и подтверждаться документально в части сумм и оснований трат.

В вышеупомянутом определении Конституционный Суд Российской Федерации указал на необходимость расходов как на обязательное, первостепенное условие отнесения их к процессуальным издержкам.

Исходя из трактовки в эмпирических науках категории необходимого как реального явления, однозначно детерминированного процессами [3], можно заключить, что содержание расходов, входящих в состав процессуальных издержек, должно обуславливаться производимыми по материалам и уголовному делу следственными и иными процессуальными действиями, предусмотренными уголовно-процессуальным законом.

Указанное условие является оценочной категорией, отражает качественную сторону расходов и соотносится с требованием их целесообразности, что свидетельствует об обязательной в каждом конкретном случае объективной оценке их полезности для достижения целей уголовного процесса. Полезными можно признать расходы, которые образовались в ходе производства по материалам и уголовным делам в связи с выполнением процессуальных действий в целях обнаружения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, установления фактических обстоятельств уголовного дела, выявления и изобличения виновных либо опровержения обвинения или смягчения ответственности обвиняемого, правильного разрешения дела в суде.

Условие необходимости напрямую связано с соблюдением предусмотренного ст. 18 УПК принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Данный принцип предполагает выполнение всех следственных и иных процессуальных действий, которые необходимы для сбора уличающих и оправдывающих обвиняемого доказательств, установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц. Причем, как следует из ст. 19 УПК, в вопросе определения объема указанных действий надлежит руководствоваться внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности.

Третьим условием выступает разумность расходов в количественном отношении. Слово «разумный» в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева толкуется как то, что «не превышает естественную норму ч[его]-л[ибо]» и является оптимальным. Отсюда следует, что признавать разумными необходимо те расходы, которые продиктованы условиями социально-экономической обстановки (обусловлены соразмерностью со средними расценками, действующими в сфере оказания услуг) и обстоятельствами производства следственных и иных процессуальных действий.

Так, например, при определении разумных пределов расходов на оплату услуг представителя потерпевшего в судебной практике Российской Федерации, как правило, учитываются: «стоимость экономных транспортных услуг; время, которое мог бы затратить на подготовку документов и участие в процессе квалифицированный юрист; принятая в регионе стоимость оплаты услуг адвокатов; статистические данные о

ценах на рынке юридических услуг; время рассмотрения и сложность дела» [4, с. 47].

Четвертым условием является нормативность расходов. К процессуальным издержкам должны относиться лишь расходы, соответствующие перечню, закрепленному нормами уголовно-процессуального закона (ч. 1, 2 ст. 162 УПК).

В рамках пятого условия следует констатировать, что расходы органов, ведущих уголовный процесс, должны осуществляться из бюджетных средств, специально выделяемых им на эти цели. Отнесение расходов органов, ведущих уголовный процесс, к процессуальным издержкам возможно лишь при условии их несения из бюджетных средств, специально выделяемых им на выплаты в случаях, предусмотренных п. 1–5 УПК, либо на цели, указанные в п. 7, 8, 9, 9¹, 10 ч. 1 ст. 162 УПК.

Данное условие имеет определяющее значение, когда возникает необходимость выделения из общего массива затрат органов, ведущих уголовный процесс, тех расходов, что подлежат включению в состав процессуальных издержек.

Обязательность данного условия продиктована как непосредственно самим законодателем (ч. 4 ст. 162 УПК), так и Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь (п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 1), конкретно указавшими, что возмещение расходов, за исключением сумм, указанных в п. 8¹ ч. 1 ст. 162 УПК, и выплата вознаграждения производятся из бюджетных средств, выделяемых органам уголовного преследования и суду на эти цели.

Представляется, что именно выделенные условия отнесения расходов к процессуальным издержкам могут являться руководящими началами при решении вопросов об отнесении тех или иных расходов участников уголовного процесса к процессуальным издержкам и, как следствие, привести правоприменительную практику реализации норм института процессуальных издержек в этом направлении к единообразию.

1. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3535 (дата обращения: 30.10.2018).

2. Афанасьев Д.В. Возмещение судебных расходов и издержек (практика Европейского суда по правам человека) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

3. Левин Г.Д. Необходимое и случайное [Электронный ресурс]. URL: http://www.epistemology_of_science.academic.ru/492/ (дата обращения: 18.10.2018).

4. Перекрестов Н.П. Разумный размер уголовно-процессуальных издержек // Уголов. процесс. 2017. № 10.

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ БЫВШЕГО СССР

Действие отечественного уголовно-процессуального закона во времени главным образом регулируется ст. 5 УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., которая закрепляет, что при производстве по материалам и уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия, рассмотрения дела судом и при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговоров. Указанная статья устанавливает немедленный (перспективный) порядок действия уголовно-процессуального закона и не содержит положений о его обратной силе, не решает вопросов о допустимости доказательств, полученных в соответствии с утратившим юридическую силу уголовно-процессуальным законом.

Эта формулировка является почти дословным воспроизведением законодателем советских положений о действии уголовно-процессуального закона во времени, о чем свидетельствует ст. 1 УПК БССР 1960 г., согласно которой при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия либо рассмотрения дела судом. По сравнению со ст. 1 УПК БССР ст. 5 УПК Республики Беларусь дополнена фразами «по материалам», «и при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговоров». Очевидно, что дополнение текста закона указанными фразами не может решить проблему полноты законодательного регулирования действия уголовно-процессуального закона во времени.

Обе формулировки не являются точными, не отвечают требованиям юридической техники, не способствуют разрешению вопроса о правильном выборе уголовно-процессуального закона, подлежащего применению. Прежде всего следует отметить, что соотношение действующего уголовно-процессуального закона со временем производства дознания, предварительного следствия и т. д. недопустимо, поскольку в данном случае под временем понимается определенный длительный период, а не момент, характеризующийся своей краткосрочностью. Соотношение действия закона с периодом времени также приводит к проблемам применения норм права при производстве конкретных процессуальных действий, принятии процессуальных решений на определенном этапе

уголовного процесса, который может длиться годами. В такой длительный период времени могут действовать несколько уголовно-процессуальных законов и исходя из формулировки ст. 5 УПК Республики Беларусь все эти законы будут считаться действующими во время дознания, предварительного следствия, рассмотрения дела судом и при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговоров.

Такое изложение законодателем нормы в ст. 5 УПК Республики Беларусь свидетельствует о недостаточной разработанности теории уголовного процесса по вопросам темпорального действия уголовно-процессуального закона и об отсутствии совершенствования отечественного законодательства по данному вопросу с момента обретения Республикой Беларусь суверенитета. Для объективной оценки законодательного регулирования действия отечественного уголовно-процессуального закона во времени видится необходимым рассмотреть соответствующие правовые нормы уголовно-процессуальных законов государств бывшего СССР, выяснив, насколько эти законы претерпели изменения за годы суверенного развития.

Так, аналогичные ст. 5 УПК Республики Беларусь положения о немедленном (перспективном) действии уголовно-процессуального закона во времени закреплены в ст. 4 УПК Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г., ст. 4 УПК Литовской Республики от 14 марта 2002 г., ст. 3 УПК Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г., ст. 4 УПК Республики Армения от 1 июля 1998 г., ст. 2 УПК Республики Грузия от 9 октября 2009 г., ст. 3 УПК Республики Молдова от 14 марта 2003 г., ст. 3 УПК Туркменистана от 18 апреля 2009 г. В указанных кодексах действующий уголовно-процессуальный закон соотносится не с моментом производства процессуального действия или принятия решения, а с отдельными этапами процессуальной деятельности, характеризующимися своей длительностью, – дознанием, предварительным следствием или рассмотрением дела в суде.

При этом в УПК Республики Таджикистан, Латвийской Республики и УПК Республики Узбекистан, как и в УПК Республики Беларусь, содержатся только неконкретные указания о перспективном действии уголовно-процессуального закона и не закреплены нормы по разрешению вопросов наличия либо отсутствия обратной силы уголовно-процессуального закона, допустимости доказательств, полученных в соответствии с утратившим силу законом.

Статья 4 УПК Российской Федерации от 18 декабря 2001 г., ст. 5 УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г., ст. 4 УПК Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г., ст. 3 УПК Республики Кыргызстан

от 2 февраля 2017 г., ст. 3 УПК Латвийской Республики от 11 мая 2005 г. и ст. 4 УПК Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. сформулированы в сравнении с УПК Республики Беларусь более детально и соотносят действие уголовно-процессуального закона со временем (моментом) производства соответствующего процессуального действия, принятия процессуального решения.

Отдельно необходимо отметить ст. 3 УПК Украины от 13 апреля 2012 г., согласно которой процессуальное действие производится, а процессуальное решение принимается в соответствии с УПК, действующим на момент начала выполнения такого действия и принятия такого решения, допустимость доказательств определяется положениями, которые действовали на момент их получения. В данной формулировке закреплено не только прямое действие уголовно-процессуального закона, но и допущение ультраактивного действия старого закона, которое проявляется в его применении в период действия нового уголовно-процессуального закона к незавершенным процессуальным действиям, начатым до утраты юридической силы старым законом.

Помимо УПК Украины важнейшие вопросы о допустимости доказательств, полученных в соответствии с утратившим силу уголовно-процессуальным законом, отражены лишь в УПК Республики Армения, УПК Республики Казахстан и УПК Азербайджанской Республики. Согласно ст. 4 УПК Республики Армения и ст. 5 УПК Республики Казахстан и допустимость доказательств определяется в соответствии с законом, действовавшим в момент их получения. Иной подход изложен в ст. 4 УПК Азербайджанской Республики, согласно которой допустимость доказательств определяется в соответствии с действующими на данный момент положениями уголовно-процессуального законодательства, но если новопринятое положение уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики существенно изменяет условия допустимости доказательств, то доказательства, не соответствующие новым положениям, не могут составлять основу обвинения.

Вопросы обратной силы уголовно-процессуального закона отражены в уголовно-процессуальных законах шести государств бывшего СССР. При этом в УПК Азербайджанской Республики, Республики Кыргызстан, Республики Армения и Туркменистана закреплены императивные нормы, выраженные в запрете применения обратной силы уголовно-процессуальных законов: ограничивающих права участников уголовного процесса (ст. 4 УПК Азербайджанской Республики); возлагающих новые обязанности, отменяющих или умаляющих прямо или косвенно права участников процесса, ограничивающих их использова-

ние дополнительными условиями (ст. 3 УПК Республики Кыргызстан); отменяющих или ограничивающих права участников процесса, а также иным образом ухудшающих их положение (ст. 4 УПК Республики Армения); отменяющих или ограничивающих принадлежащие участникам процесса права, ограничивающих их использование дополнительными условиями (ст. 3 УПК Туркменистана).

Согласно ст. 2 УПК Республики Грузия изменения, вносимые в уголовно-процессуальный закон, влекут отмену или изменение ранее вынесенного процессуального акта, если тем самым улучшается положение обвиняемого (осужденного).

Примечательной по своему содержанию является ст. 3 УПК Республики Молдова, в соответствии с которой обратную силу может иметь уголовно-процессуальный закон независимо от того, улучшает или ухудшает он положение участников процесса, при этом обратная сила устанавливается новым законом.

Ни в одном из проанализированных уголовно-процессуальных законов нет прямого правового запрета на применение обратной силы.

Необходимо отметить, что порядок темпорального действия норм международного права, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, установлен соответствующими международными договорами, в которых они содержатся, а также Законом Республики Беларусь «О международных договорах», регламентирующим порядок введения в действие международных договоров, надления их юридической силой и иные положения о пределах их действия на территории Республики Беларусь. Так, например, ст. 121–123 Кишиневской конвенции предусмотрены пределы ее действия, в том числе во времени, при этом ст. 122 Конвенции указывает на обратную силу ее норм в безусловном порядке, т. е. они распространяют свое действие на все без исключения общественные отношения, входящие в предмет правового регулирования как после, так и до ее вступления в силу.

Таким образом, проведенный анализ зарубежного законодательства указывает на существенные различия в темпоральном действии уголовно-процессуальных законов государств бывшего СССР. Наиболее прогрессивными в вопросах регулирования пределов действия уголовно-процессуального закона во времени следует считать те УПК, которые связывают прямое действие не с длительными этапами, а с моментами совершения отдельных процессуальных действий и принятия решений, включают в себя нормы, касающиеся решения вопросов о допустимости доказательств, полученных в соответствии с утратившим юридическую силу законом, а также нормы, содержащие правила

применения обратной силы уголовно-процессуального закона. Статья 5 УПК Республики Беларусь не отвечает ни одному из вышеназванных требований, в связи с чем в целях устранения указанных пробелов необходимо внести в нее соответствующие изменения.

УДК 343.125

В.В. Мелешко

ОРГАН ДОЗНАНИЯ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Органы дознания, перечисленные в ст. 37 УПК, являются участниками уголовного процесса, на которых в соответствии с ч. 2 этой статьи возлагаются: прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящимся преступлении; проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принятие по ним решения в соответствии со ст. 174 УПК; производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам; проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений.

При этом для некоторых органов дознания (например, капитаны морских и речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на судах) исполнение таких полномочий является не повседневной или постоянной деятельностью, как для территориальных органов внутренних дел, а деятельностью, можно сказать, потенциальной или исключительной. В настоящее время не зафиксировано ни одного случая, когда капитаны или командиры судов занимались вышеперечисленной процессуальной деятельностью.

В первоначальной редакции УПК и вплоть до 31 декабря 2010 г. органы дознания наряду со следователями могли осуществлять предварительное расследование по уголовным делам в полном объеме. Но в связи с созданием Следственного комитета Республики Беларусь и наделением органов предварительного следствия исключительным правом осуществлять производство по уголовным делам в полном объеме существенно сократились полномочия органов дознания по расследованию уголовных дел. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 186 УПК при на-

личии признаков преступления орган дознания передает заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной ст. 182 УПК, или возбуждает уголовное дело. Руководствуясь правилами УПК, лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз.

Логический анализ данной правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что редакция этой статьи требует уточнения.

В начале первого предложения законодатель обязывает орган дознания передать заявление или сообщение о преступлении с собранными материалами проверки по подследственности, понимая под этим последующее принятие решения по нему прокурором или следователем, в том числе о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем данная деятельность связана не с производством расследования в форме дознания, а с *деятельностью органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела* и данное решение регламентировано ст. 174 УПК «Решения, принимаемые по заявлениям или сообщениям о преступлении». В соответствии с ч. 2 ст. 174 УПК исключительной компетенцией органов предварительного следствия в соответствии с их подследственностью обладает и прокурор, который вправе принимать решения о возбуждении уголовного дела по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях: связанных со смертью человека; против половой неприкосновенности или половой свободы, предусмотренных ст. 166–170 УК; совершенных депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; должностными лицами, занимающими ответственное положение, указанными в ч. 5 ст. 4 УК; совершенных должностными лицами прокуратуры, Следственного комитета Республики Беларусь, органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь в связи с их служебной или профессиональной деятельностью.

В связи с тем, что передача заявления или сообщения по подследственности органом дознания следователю или прокурору осуществляется в стадии возбуждения уголовного дела, предлагаем в ч. 1

ст. 186 УПК исключить слова «передает заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной статьей 182 настоящего Кодекса, или».

Второе предложение ч. 1 ст. 186 УПК возлагает на лицо, производящее дознание, обязанность производить по уголовному делу, возбужденному именно органом дознания, неотложные следственные и другие процессуальные действия *для установления и закрепления следов преступления*: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз.

В толковых словарях русского языка под установлением понимают доказывание, выяснение, обнаружение чего-либо, а под закреплением – установление чего-либо. Сочетание слов «установление и закрепление следов преступления» позволяет нам с уверенностью утверждать, что все эти действия производятся с целью собирания и проверки доказательств при производстве дознания по уголовным делам.

Вместе с тем таким целям, как собирание и проверка доказательств, или, как указано в данной норме, «установление и закрепление следов преступления», не соответствуют задержание, применение меры пресечения, наложение ареста на имущество.

Основным предназначением задержания является пресечение преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления, решение вопроса о применении к нему заключения под стражу, предупреждение побега правонарушителя и обеспечение его участия в уголовном процессе.

Общими целями применения мер пресечения являются предупреждение (пресечение) возможности подозреваемого или обвиняемого скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации доказательств, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора.

Цели наложения ареста на имущество: обеспечение возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением; взыскание дохода, полученного преступным путем; обеспечение гражданского иска, других

имущественных взысканий; возможная конфискация имущества, специальная конфискация.

Кроме того, законодатель наделяет лицо, производящее дознание, правом осуществлять задержание, не конкретизируя, какое именно. Следовательно данное лицо может производить не только задержание подозреваемого по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, но и задержание обвиняемого (ст. 111 и 112 УПК), осужденного (ст. 113 УПК), а это не соответствует нормам УПК и процессуальным полномочиям лица, производящего дознание, и органа дознания.

Из содержания ч. 1 ст. 186 УПК видно, что допрос подозреваемого лицом, производящим дознание, возможен только в случае его задержания в порядке ст. 108 УПК или применения к нему меры пресечения. Это логически вытекает из связки слов «задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемого», что нельзя признать правильным. Иные основания появления в уголовном деле подозреваемого (возбуждение в отношении лица уголовного дела или признание его постановлением), если исходить из существующей текстовой конструкции нормы, задерживают лицо, производящее дознание, допрашивать подозреваемого.

Указанные замечания позволяют нам предложить свою редакцию ч. 1 ст. 186 УПК: «Руководствуясь правилами настоящего Кодекса, лицо, производящее дознание, по возбужденному органом дознания уголовному делу производит неотложные следственные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, допрос подозреваемых, потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз».

Среди перечисленных в ч. 1 ст. 186 УПК следственных действий, не указан следственный эксперимент. Не упоминается он и в ч. 1 ст. 207 УПК «Следственный эксперимент». Но в ч. 1¹ этой же статьи указано, что «следственный эксперимент в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц либо по постановлению следователя, органа дознания (курсив наш. – В.М.) с санкции прокурора или его заместителя, которое должно быть предъявлено до начала следственного эксперимента, и с участием понятых». Такое явное несоответствие закона, содержащееся в одной статье, должно быть воспринято и устранено законодателем в ближайшее время.

В ст. 251–254 УПК, посвященных прекращению и возобновлению предварительного расследования по уголовному делу, орган дознания наряду со следователем имеет право прекратить предварительное рас-

следование либо уголовное преследование. Такое положение входит в противоречие с другими нормами УПК, регламентирующими полномочия органа дознания (ст. 37–39, 186 УПК и др.). По статистике, за 2015–2017 г. органами дознания было возбуждено менее ста уголовных дел, но ни одно из них ими не прекращалось (это осуществлялось надзирающими прокурорами в рамках ст. 179 УПК). В этой связи предлагаем исключить из ст. 251–253 УПК право органа дознания прекращать предварительное расследование уголовного дела или уголовное преследование подозреваемого.

Что касается ст. 254 УПК, то в ней идет речь о возобновлении прекращенного предварительного расследования уголовного дела в случае отмены постановления следователя, органа дознания о прекращении предварительного расследования. Применительно к органу дознания в этой норме рассматривается его деятельность по уголовным делам до 31 декабря 2011 г., когда органы дознания наряду со следователями осуществляли предварительное расследование в полном объеме.

Сокращение объема полномочий органов дознания при производстве по материалам и уголовному делу также позволяет указать на неточности действующей редакции ряда статей УПК, регламентирующих некоторые виды задержания.

Содержание ст. 111 УПК «Задержание обвиняемого для предъявления обвинения» и ст. 112 УПК «Задержание обвиняемого на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, до заключения его под стражу» формально позволяет сделать вывод о возможности органа дознания осуществлять эти виды задержания путем вынесения об этом постановления. Это утверждение основано на том, что в первом случае (ч. 1 ст. 111 УПК) законодатель говорит о праве органа уголовного преследования вынести постановление о задержании обвиняемого, если тот находится в другой местности либо место его нахождения неизвестно. Во втором случае задержать обвиняемого до заключения его под стражу возможно на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс. А в соответствии с п. 19 и п. 21 части первой ст. 6 УПК к таким органам относится и орган дознания.

По нашему мнению, для устранения возможности неверного толкования закона и недопущения его неправильного применения на практике следует в ст. 111 УПК слова «орган уголовного преследования» заменить словами «следователь или прокурор». В названии ст. 112 УПК вместо слов «органа, ведущего уголовный процесс» использовать формулировку «следователя, прокурора и суда»; в первом предложении этой же статьи вместо слов «органа, ведущего уголовный процесс» употребить слова «следователя, прокурора или суда».

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, в котором человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 1, 2 и 21 Конституции).

Данные конституционные положения получают конкретизацию и дальнейшее развитие в отраслевом законодательстве.

Наибольший вред охраняемым правам и свободам физических и юридических лиц причиняется при совершении общественно опасных деяний, предусмотренных УК Республики Беларусь. Поэтому проблема обеспечения прав потерпевших в уголовном процессе является наиболее актуальной.

Одной из главных задач, стоящих перед уголовно-процессуальным законом, является «обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред» (ч. 1 ст. 2 УПК Республики Беларусь).

Защите прав потерпевших от преступлений (по международной терминологии – жертв преступлений) в последние десятилетия большое внимание уделяется международными организациями, в том числе ООН и Советом Европы.

Согласно ч. 4 ст. 1 УПК международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина, в уголовном процессе применяются наряду с УПК. В данном случае речь идет о международно-правовых актах международных организаций, и в первую очередь ООН (декларациях, пактах, конвенциях, протоколах), которыми являются:

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. – один из первых документов ООН, устанавливающий «общий стандарт», к которому должны стремиться все государства;

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.;

Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.;

Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, от 17 декабря 1979 г.

Перечисленные документы ООН вместе с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. именуется Международным биллем о правах человека [1].

Что касается жертв преступлений, то следует иметь в виду, во-первых, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г.; во-вторых, иные акты, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с обеспечением прав жертв преступлений.

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17 декабря 1979 г. (согласно ст. 1 Кодекса «должностные лица по поддержанию правопорядка постоянно выполняют возложенные на них законом обязанности, служа общине и защищая всех лиц от противоправных актов в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией»);

Основные принципы, касающиеся роли юристов, от 27 августа – 7 сентября 1990 г. (согласно преамбуле следует принимать на международном и национальном уровнях меры «для облегчения жертвам преступлений доступа к правосудию, справедливому обращению, реституции, компенсации и помощи»; «каждый человек имеет право обратиться к любому юристу за помощью для защиты и отстаивания его прав и защиты его на всех стадиях уголовного разбирательства» (ст. 1); «правительства обеспечивают предоставление достаточных финансовых и иных средств для оказания юридических услуг бедным» (ст. 3));

Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, от 7 сентября 1990 г. (в ст. 18 и 19 рекомендуется с учетом прав жертв преступлений применять альтернативы судебному преследованию);

Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений от 18 декабря 1992 г. («ни одно государство не должно практиковать, позволять или допускать насильственные исчезновения» (ч. 1 ст. 2); «жертвы актов насильственного исчезновения и их семьи получают возмещение и имеют право на соответствующую компенсацию, включая средства, обеспечивающие им максимально возможную реабилитацию» (ст. 19));

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Согласно Конвенции каждое государство обязано принимать надлежащие меры по эффективной защите потерпевших в уголовном процессе (ст. 24), а также проводить процедуры для

обеспечения доступа к компенсации и возмещению вреда потерпевшим (ст. 25). Аналогичные положения содержатся в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем указанную Конвенцию (ст. 6).

В апреле 2000 г. в Вене проходил X Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В ходе итогового пленарного заседания участники сделали вывод, что «маятник правосудия все более смещается в направлении учета интересов потерпевших» [2, с. 37].

Проблемы жертв преступлений регулярно обсуждались на всех последних конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: вышеупомянутый X Конгресс (Вена, 10–17 апреля 2000 г.), XI Конгресс (Бангкок, 18–25 апреля 2005 г.), XII Конгресс (Сальвадор, 12–19 апреля 2010 г.), XIII Конгресс (Доха, 12–19 апреля 2015 г.).

Значительное внимание защите жертв преступлений уделяется в следующих документах Совета Европы:

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколы к данной Конвенции;

Европейская конвенция о компенсации вреда жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г. № 116;

Рекомендация № R (85) 11 Комитета министров государствам-членам относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса от 28 июня 1985 г.;

Рекомендация № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием, от 20 апреля 2005 г.;

Рекомендация № R (87) 18 Комитета министров государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия от 17 сентября 1987 г. [3].

22 февраля отмечается Международный день поддержки жертв преступлений. В этот день в 1990 г. правительство Великобритании приняло «Хартию жертв преступлений».

Необходимо иметь в виду, что декларации, принципы, руководящие положения, стандартные правила и рекомендации не имеют обязательной силы. Тем не менее они обладают неоспоримым моральным воздействием и в силу этого служат практическим руководством. Ценность таких документов заключается в их признании и принятии значительным числом государств. Поэтому даже несмотря на то, что они не имеют обязательной силы, они могут рассматриваться как документы, декларирующие общепринятые принципы в рамках международного сообщества.

Насколько действующее отечественное законодательство соответствует международным стандартам?

Потерпевший – активный участник уголовного процесса, который для отстаивания своих интересов наделен комплексом прав (ст. 49 и 50 УПК).

В последние годы в Республике Беларусь наблюдается положительная динамика преступности, соответственно уменьшается количество потерпевших.

Пик преступности после приобретения Республикой Беларусь самостоятельности пришелся на 2005 г.: зарегистрировано 196 724 преступления (потерпевшими признано 159 394 лица).

Статистические данные за последние три года в разрезе обозначенной темы таковы:

Год	Количество преступлений	Не раскрыто	Количество потерпевших (из них погибших)
2015	96 982	30 610	68 202 (862)
2016	92 943	29 155	65 130 (831)
2017	86 326	24 351	58 795 (780)

В целях защиты прав потерпевших, а также реализации положений, содержащихся в международных правовых документах, разработаны и приняты следующие нормативные акты: Декрет Президента Республики Беларусь от 9 марта 2005 г. № 3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми»; Указ Президента Республики Беларусь от 8 августа 2005 г. № 352 «О предотвращении последствий торговли людьми»; постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 сентября 2005 г. № 28 «Об утверждении перечня видов бесплатных медицинских услуг, оказываемых жертвам торговли людьми»; Концепция защиты жертв преступной деятельности, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 74; постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2005 г. № 6 «О практике применения норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих участие потерпевшего в уголовном процессе»; Положение о порядке применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2016 г. № 44, и др.

Всегда актуальной является проблема возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением.

Еще 7 ноября 1994 г. Конституционный Суд Республики Беларусь по своей инициативе рассмотрел в судебном заседании вопрос о правовой

регламентации возмещения вреда, причиненного гражданам неправомерными действиями (решение № Р-6/94 «О совершенствовании законодательства, регулирующего возмещение вреда, причиненного гражданам неправомерными действиями»). Суд предложил Верховному Совету Республики Беларусь принять необходимые меры к совершенствованию законодательства, регулирующего возмещение вреда, причиненного гражданам неправомерными действиями: закрепить в законе возможность полного возмещения вреда, причиненного гражданам, включая материальное возмещение морального вреда; предусмотреть право потерпевшего на возмещение в полном объеме вреда, причиненного преступлением, и разработать соответствующий механизм его реализации; в национальном законодательстве определить порядок возмещения вреда, причиненного гражданам незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. К сожалению, до настоящего времени данное предложение не реализовано.

Вместе с тем возмещение вреда (пусть и не всегда в полном объеме) при совершении преступлений возможно (помимо УПК) благодаря следующим нормативным актам: Декрет Президента Республики Беларусь от 4 ноября 2008 г. № 22 «О гарантиях сохранности денежных средств физических лиц, размещенных на счетах и (или) в банковские вклады (депозиты)»; Закон Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 369-З «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц»; Устав государственного учреждения «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь от 17 сентября 2008 г. № 1364/13; Декрет Президента Республики Беларусь от 19 февраля 1999 г. № 8 «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»; Устав Белорусского бюро по транспортному страхованию, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1999 г. № 701; Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 531 «Об установлении размеров страховых тарифов, страховых взносов, лимитов ответственности по отдельным видам обязательного страхования».

Полагаем, международным стандартам соответствовало бы наделение потерпевшего следующими правами:

на ознакомление с материалами уголовного дела, производство по которому приостановлено, а также правом на обжалование такого решения в суд;

на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок

(ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Таким правом наделен потерпевший в уголовном процессе Российской Федерации (ст. 6.1 УПК РФ);

на уведомление о применении (изменении) меры пресечения, об освобождении осужденного из мест лишения свободы.

Можно констатировать, что законодатель, а также «маятник правосудия» в Беларуси совершают движения в сторону потерпевших от преступлений. Такой тренд соответствует международным правовым стандартам, и его следует приветствовать.

1. Права человека : сб. междунар.-прав. док. / сост. В.В. Щербов. Минск, 1999.
2. Квашис В. Преступность и правосудие: ответы на вызовы XXI века // Рос. юстиция. 2000. № 9.
3. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998.

УДК 343

Т.А. Николаева

СОСТОЯНИЕ ЗАЩИЩЕННОСТИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ДОСУДЕБНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Права человека и гражданина гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. В современном мире все пользуются этими правами как в обыденной жизни, так при принятии процессуальных решений уполномоченными на то должностными лицами при возникновении уголовно-процессуальных последствий. Именно в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности защита и охрана прав человека и гражданина являются наиболее актуальными.

В истории российского уголовного судопроизводства имеют место положения, которые в настоящее время кардинально изменены не только в нормах закона, но и в понимании людей. Так, в соответствии с

нормами УПК РСФСР 1923 г. на основании ст. 100 «Задержание» лицо, к которому применялась указанная норма, признавалось подозреваемым. Но несмотря на приобретение процессуального статуса лицо не наделялось правами, оно не обладало правом даже знать, в чем оно подозревается [1, с. 69; 2, с. 488–492], фактически являлось беспомощным перед давлением стороны обвинения. С момента действия УПК РСФСР прошло почти 100 лет, за это время многое изменилось, но сохранились и нерешенные вопросы, ведутся дискуссии, связанные с правовым статусом подозреваемого.

Так, законодатель четко устанавливает основания надения лица процессуальным статусом подозреваемого (ст. 46 УПК РФ). Однако процессуалисты отмечают увеличение числа обращений, в которых говорится о нарушениях конституционных прав и свобод человека [3].

До сих пор нет единого мнения по поводу определения момента надения лица процессуальным статусом подозреваемого. Некоторые процессуалисты пытаются усовершенствовать подход к надению лица процессуальным статусом подозреваемого и предлагают ввести новых участников уголовного процесса. Так, В.П. Кашепов предложил ввести в уголовный процесс свидетеля на подозрении [4, с. 242]. По его мнению, данный участник, желая защитить свои интересы, имел бы право пользоваться услугами защитника при производстве следственных действий, знать сущность подозрения и т. д.

В.Т. Тomin в своих трудах раскрывал тему подозрения и предлагал ввести в уголовное судопроизводство такую процессуальную фигуру, как заподозренный [5, с. 114]. Многие ученые полагают, что именно с момента надения лица процессуальным статусом у него возникают соответствующие процессуальные права (что подтверждает и закон). Другие считают, что права участников уголовного процесса не связаны с процессуальным статусом.

До недавнего времени имелись утверждения, что лицо признается подозреваемым и, соответственно, обладает правами, в том числе правом на защиту, только после возбуждения уголовного дела [6, с. 171; 7, с. 30; 8, с. 16–17]. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ органу, осуществляющему доследственную проверку по поступившему поводу к возбуждению уголовного дела о совершенном или готовящемся преступлении, дозволено принимать и производить не только процессуальные, но и следственные действия, при выполнении которых устанавливаются, фиксируются, изымаются потенциальные сведения, объекты (доказательства). Таким образом, в отношении лица уже на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется процессуальная деятельность

компетентных органов – уголовное преследование, в связи с чем права лица могут быть ущемлены. От начала стадии возбуждения уголовного дела и до принятия итогового решения процессуальный статус лицу, которое впоследствии может стать подозреваемым, не присваивается, следовательно его права в полной мере не реализуются.

Примером может быть явка с повинной, когда лицо само обращается в компетентный орган и сообщает о совершенном им или готовящемся преступлении. Данное лицо не имеет процессуального статуса, притом что должностные лица обязаны проверить поступившую информацию и как минимум опросить данное лицо. Несмотря на существующие спорные моменты среди прав, предоставленных законодателем лицу, в отношении которого проводится доследственная проверка (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), право на защиту, как нам видится, определено более четко. Тем не менее нередко в рамках доследственной проверки лицо, явившееся с повинной, отказывается от услуг адвоката (защитника), что впоследствии может существенно отразиться на допустимости доказательств его вины. Такое положение может иметь место, когда лицо пишет явку с повинной под давлением правоохранителей либо оговаривает себя умышленно. Чтобы достичь высоких показателей, представители органа дознания используют «добровольный» отказ от услуг адвоката (защитника), дабы не исказить сложившуюся у потенциального подозреваемого иллюзию о его положении.

Конституционный суд РФ выразил свою позицию в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П. Там указано, что на досудебных стадиях (в том числе на стадии возбуждения уголовного дела) правом пользоваться услугами адвоката (защитника) имеют лица, когда их права и свободы существенно затрагиваются или могут быть затронуты действиями и мерами при осуществлении уголовного преследования. Данную позицию мы в полной мере поддерживаем.

Несмотря на возможную простоту подхода неучтенными остаются несколько моментов.

1. С какого периода начинают существенно затрагиваться права лица (по сути при осуществлении уголовного преследования)? Согласно п. 55 части первой ст. 5 УПК РФ уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Давая такую формулировку, законодатель четко не обозначает момент начала уголовного преследования. Среди ученых нет единого мнения. Так, профессор А.С. Александров утверждает, что уголовное преследование начинается с момента, когда возникает необходимость ограничения прав

лица в связи с предположением о его виновности в преступлении, и в этом мы с ним согласны.

Напротив, И.М. Абазалиев утверждает, что понятие «уголовное преследование» возможно рассматривать лишь в плоскости науки, так как это понятие не предполагает ни определенных уголовно-процессуальных решений, ни четко установленной формы. Ученый предлагает изъять данное понятие из УПК РФ как искусственно созданное, что, на наш взгляд, недопустимо. Полагаем, что уголовное преследование как институт в понимании законодателя начинается одновременно с началом любой процессуальной деятельности, направленной на изобличение лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела (доследственной проверки).

2. Как и насколько могут быть затронуты права и свободы лица при осуществлении в отношении его обвинительной деятельности в рамках доследственной проверки? Законодатель не указывает, какие именно меры можно применить. В ст. 144 УПК РФ дан перечень следственных и иных процессуальных действий, которые должностные лица сами либо по поручению имеют право производить. Следует помнить, что наличие права на защиту подразумевает не только формальное участие адвоката в следственных и иных процессуальных действиях, но и оказание им полного спектра услуг в качестве защитника для лица, права которого могут быть затронуты. Но и здесь возникает закономерный вопрос: необходим ли адвокату ордер для представления защиты на стадии доследственной проверки? Ведь лицо, которому он оказывает услуги защитника, не наделено процессуальным статусом. Может ли тогда сам адвокат быть наделен статусом защитника?

Вопрос о юридической помощи адвоката на этапе доследственной проверки в некоторой степени отражен в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». В п. 1 указанного постановления правом на защиту обладают не только подозреваемый, обвиняемый, но и иные лица, права и свободы которых существенно затрагиваются или могут быть затронуты обвинительной деятельностью, независимо от формального процессуального статуса таких лиц.

Таким образом, что право на защиту при осуществлении доследственной проверки не только должно быть разъяснено лицу, в отношении которого ведется обвинительная деятельность, но и реализовано в полном объеме.

1. Рошин В.П. Процессуальные положения подозреваемого в советском уголовном процессе // Совет. гос-во и право. 1957. № 9.
2. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. М., 1955.
3. Участились случаи подачи жалоб лицами, находящимися в статусе подозреваемого и обвиняемого, в Европейский суд по правам человека // Бюл. Европ. суда по правам человека. 2018. № 2–4.
4. Кашепов В.П. Концепции развития законодательства об уголовном судопроизводстве. Концепция развития российского законодательства. М., 1998.
5. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013.
6. Карнаева Л.М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство расследования // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка / редкол.: С.В. Бородин [и др.]. М., 1979.
7. Дорохов В.Я. Процессуальное положение подозреваемого // Практика применения уголовно-процессуального законодательства. М., 1962.
8. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Свердлов. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко. Свердловск, 1989.

УДК 343.98

А.В. Одерий, В.Н. Бесчастный

ОТКРЫТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Принятие нового УПК Украины внесло существенные изменения в организацию уголовного производства, большинство из которых вызвали дискуссии среди ученых и практиков (А.Ф. Волобуев, В.А. Журавель, О.В. Каплина, Л.Н. Лобойко и др.). Особенно это касается тех положений, которые прямо повлияли на порядок начала расследования.

С ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела существенно увеличилась нагрузка на следователей, поскольку был устранен своеобразный фильтр, отсеивавший информацию о действиях, не содержащих признаков преступления либо не подлежащих преследованию в уголовном порядке, а это одинаково важно как для обеспечения прав и законных интересов граждан, так и для предупреждения преступлений. В настоящее время следователи рассматривают все заявления, а обществу фактически предложено разрешать все социальные конфликты с помощью правоохранительных органов путем осуществления уголовного производства.

Можно согласиться с мнениями тех ученых-криминалистов, которые считают что предварительная оценка отдельного сообщения проводится непосредственно после или во время его получения [1, с. 29], т. е. еще до внесения в Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) уполномоченным на то лицом, поскольку без анализа и оценки полученных ведомостей невозможно принятие правильного решения относительно регистрации сообщения. Понятно, что на каждом следующем этапе процессуальной деятельности уполномоченное лицо снова и снова анализирует и оценивает ту информацию, которую оно имеет, однако общие критерии такой оценки несколько отличаются от критериев на первоначальном этапе расследования. Более того, на первоначальном этапе процесса доказывания вся информация, находящаяся в орбите следствия и имеющая значение для разрешения вопроса о виновности подозреваемого, имеет не достоверный, а, скорее, вероятностный характер, и только в процессе расследования эти вероятностные знания должны трансформироваться в достоверные. В подтверждение этому можно привести те ситуации, когда в заявлении физического или юридического лица указано о конкретном уголовном правонарушении, однако впоследствии это сообщение не подтверждается. Вместе с тем встречаются ситуации, где, наоборот, в сообщении недостаточно данных, свидетельствующих о признаках преступления. И если в первом случае ситуация понятна, то во втором, исходя из положений ст. 214 УПК и их криминалистического понимания, следователь теоретически имеет следующую альтернативу:

неотложно внести соответствующие сведения в ЕРДР и начать расследование, во время которого и выяснится обоснованность или безосновательность поступившего сообщения;

предусмотренное ст. 214 УПК время (а это 24 часа, которые начинают истекать с момента получения информации) использовать для дополнения первичного материала в целях установления признаков уголовно наказуемого деяния, характера и размера вреда и уже по имеющимся результатам (основаниям) принять более взвешенное решение о начале уголовного производства либо об отказе в таковом. Однако юридическое (в первую очередь уголовно-процессуального) инструментария для такой деятельности следователь практически лишен.

Что касается реальной действительности, то один из авторов действующего УПК Л.Н. Лобойко указал, что на практике положения ч. 1 ст. 214 УПК в большинстве случаев понимают (трактуют) как возможность сотрудников оперативных подразделений в течение 24 часов проводить проверку заявлений, сообщений и другой информации об уголовных правонарушениях. На основании Инструкции о порядке ведения единого учета в органах полиции заявлений и сообщений о совершен-

ных уголовных правонарушениях и других событий (утверждена приказом МВД Украины от 6 ноября 2015 г. № 1377) первичную информацию сначала регистрируют в журнале единого учета (ЕУ), а после проверки ее можно переносить в ЕРДР. Проверку выполняют сотрудники оперативных подразделений, как правило, путем отбора объяснений. В случае отсутствия оснований для внесения информации в ЕРДР оперативные сотрудники списывают заявление, не ссылаясь ни на одну статью УПК или другого закона. Списание заявлений таким способом не предусмотрено законами и даже ведомственными нормативными актами (в отличие от обязанности предупредить лицо об уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об уголовном правонарушении). Таким образом, с одной стороны, создавшаяся ситуация (особенно в части списания заявлений) является настолько процессуально некомфортной, что тот же Л.Н. Лобойко назвал ее неформальной практикой начала досудебного расследования, которая не лишена коррупционного аспекта [2, с. 44], а с другой стороны, следственная практика вынужденно (и не в последнюю очередь ради рациональности) использовала (употребляла) правовой вакуум в части неопределенности юридического статуса (а значит, и процессуального инструментария), который существует с момента получения информации об уголовном правонарушении и до внесения сведений в ЕРДР, используя отведенное УПК время (24 часа) для проверки полученной информации о возможном правонарушении. Даже процессуалисты осторожно предположили, что лишь на первый взгляд урегулированная ст. 214 УПК деятельность по рассмотрению первичной информации сводится к автоматической обязанности следователя или прокурора не позднее 24 часов внести сведения в ЕРДР (т. е. в случае получения первичной информации начало расследования есть вопрос времени), так как анализ иных положений УПК 2012 г., а также углубленное изучение содержания ст. 214 УПК дают основания говорить о возможности невнесения ведомостей в ЕРДР в отдельных случаях [3]. Деятельность и процессуальные полномочия уполномоченного служебного лица не определены ни одним правовым актом, в том числе УПК, за исключением ст. 214 УПК, где концептуально очерчена временная граница наступления определенного уголовно-процессуального результата. Изложенное позволяет понять позицию некоторых ученых, считающих, что практика реализации положений ст. 214 УПК Украины говорит о необходимости вернуть доследственную проверку заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях [4, с. 240; 5, с. 47]. Среди практиков нет единого мнения в этом вопросе. Так, 60,5 % опрошенных нами следователей поддерживают идею возврата к доследственной проверке заявлений и сообщений о совершенном правонарушении. При этом 37 %

опрошенных респондентов выступают за сохранение существующей процедуры открытия уголовного производства.

На наш взгляд, изложенная проблема еще ожидает своей теоретической разработки и процессуального урегулирования.

1. Павлов Н.Е. Производство по заявлениям, сообщениям о преступлениях. Волгоград, 1979.
2. Лобойко Л.М. Неформальні практики початку досудового розслідування: антикорупційний аспект // Актуальні питання досудового розслідування та сучасні тенденції розвитку криміналістики : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 5 груд. 2014 р.). Харків, 2014.
3. Статівка І.І. Чи збережена в новому КПК України стадія порушення кримінальної справи? // Підприємництво, господарство і право. 2012. № 12.
4. Волобуев А.Ф. Проблемні питання початку досудового розслідування // Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики : матеріали V Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. XX-річчю Нац. акад. прав. наук України (Одеса, 1 листоп. 2013 р.). Одеса, 2013.
5. Белкин А.Р. Возбуждение уголовного дела в Украине и России // Криминалист первопечат. 2014. № 8.

УДК 343.13

А.В. Ошеев

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ: ВРЕМЕННОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО И ЛИЧНАЯ ОХРАНА В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИЩАЕМОГО ЛИЦА

Федеральными законами от 20 апреля 1995 г. № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», от 20 августа 2004 г. № 19 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» прописываются такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, временное перемещение в безопасное место защищаемого лица.

Следует признать, что закрепление в законах РФ мер безопасности (а речь идет прежде всего о такой мере, как временное перемещение в безопасное место защищаемого лица, тактике и особенностях данной меры безопасности) оказалось недостаточным для реализации ее в правоприменительной практике. Данная мера безопасности предполагает следующее: защищаемое лицо может быть временно помещено в место,

в котором ему будет обеспечена безопасность. Эта мера безопасности целесообразна, если предполагается, что угроза прекратится по истечении определенного времени и защищаемый сможет вернуться на свое место жительства. При нахождении в безопасном месте защищаемые могут иметь ограниченные контакты с близкими им лицами. Чтобы скрыть связь защищаемых с правоохранительными органами при использовании в качестве безопасных мест гостиниц, защищаемые могут регистрироваться под вымышленными именами, при этом оплата гостиниц осуществляется правоохранительным органом не напрямую (как показывает опыт других стран, прежде всего США). В Российской Федерации при применении данной меры в качестве безопасных мест используются конспиративные квартиры. Как правило, в них заселяется лицо или семья, которым угрожает опасность, на период, прописанный в постановлении о применении меры безопасности. Если в части доставки подзащитных к месту временного пребывания вопрос несколько урегулирован и выработана определенная тактика, то порядок применения данной меры безопасности и перечень безопасных мест не предусмотрены.

Очевидно, что место, куда помещается защищаемое лицо, должно отвечать установленным санитарно-гигиеническим нормам и иметь необходимое для проживания имущество; оно также может оборудоваться средствами охранной сигнализации и оперативно-технического контроля.

Сегодня применительно к практике временного помещения в безопасное место защищаемого лица используется термин «шелтер» (англ. shelter – ночлежка, приют, убежище). Первый шелтер был создан в 1971 г. в Лондоне, затем получил распространение в Израиле, Исландии, Италии, Нидерландах, Финляндии и в других странах. В Канаде функционируют более 150 шелтеров, во Франции к 1987 г. их насчитывалось более 140, в Германии – свыше 20. В США шелтеры представляют собой далеко отстоящие от центров городов здания, адреса которых держатся в секрете; средняя «наполняемость» американских шелтеров – 30–50 человек, продолжительность пребывания в них – от двух до пяти недель. В различных регионах число таких убежищ зависит от численности населения и финансовых возможностей региона. Финансируются шелтеры как за счет государства, так и за счет общественных фондов и частных пожертвований.

В Российской Федерации шелтеры также создаются, но по сравнению с используемыми аналогами в зарубежных странах они недостаточно оборудованы, и их количество минимально. Например, в столице Республики Башкортостан имеется три подобных безопасных места с засекреченными адресами. Очевидно, что для города-миллионника это небольшое количество. Помещение в так называемые шелтеры требует решения многих во-

просов, связанных как с особенностями процедуры самого переселения, так и с продолжительностью пребывания в нем защищаемого лица; кроме того, в этот период важна психологическая поддержка защищаемого соответствующими специалистами. Из-за нехватки сотрудников во многих регионах страны психолог отсутствует в подразделениях и соответственно требования федеральных законов не исполняются.

В качестве сопровождения данной меры безопасности выступают личная охрана, охрана жилища и имущества защищаемого лица.

Следует учесть и то, что охрана жилища и имущества защищаемого лица при наличии реальной угрозы их уничтожения или повреждения обеспечивается органом, осуществляющим меры безопасности, путем заключения договора с подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Есть и техническая составляющая организации централизованной охраны жилища защищаемого лица (оборудование средствами автономной сигнализации). Оборудование жилища и имущества защищаемого лица техническими средствами наблюдения обеспечивается в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами органа, осуществляющего меры безопасности.

Охрана защищаемого объекта может включать достаточно широкий спектр действий, в том числе постоянное или периодическое наблюдение за окружением защищаемого, указание времени и способов перемещения по населенному пункту. Все это лишь малая толика целой системы защиты свидетелей.

УДК 343.98

Г.А. Павловец, М.Ю. Зубарев

АДВОКАТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В уголовном процессе адвокат может принимать участие в трех ипостасях. Так, он осуществляет функцию защиты подозреваемого, обвиняемого; представляет интересы потерпевшего, гражданского истца и ответчика; новеллой уголовно-процессуального законодательства является возможность свидетеля приглашать адвоката. Правовой статус адвоката независимо от той роли, которую он осуществляет, определен УПК. Тем не менее анализ действующего уголовно-процессуального закона показывает отдельные пробелы, которые могут вызвать проблемы в ходе производства по материалам и уголовным делам.

Одним из наиболее острых вопросов является право защитника на предоставление доказательств. Провозглашая принцип состязательности в уголовном процессе, законодатель наделяет защитника правом осуществлять доказывание невиновности своего клиента практически наравне с органами уголовного преследования. Участие защитника в уголовно-процессуальном доказывании представляет собой юридическую обязанность и нравственный долг адвоката. Защитник выполняет обязанность перед своим клиентом, с которым заключено соглашение (в такой ситуации эта обязанность представляет обязательство по гражданско-правовому договору), а также перед адвокатской структурой, членом которой является адвокат, и перед адвокатурой в целом. Провозгласив право защитника самостоятельно собирать доказательства, законодатель не создал действенного механизма для реализации этого права и для новых правоотношений в данной сфере. Проблема кроется, во-первых, в самом понятии «доказательство», которым исходя из его смысла могут быть признаны фактические данные, полученные в предусмотренном законом (т. е. УПК) порядке, а, во-вторых, в критерии оценки доказательств – их допустимости, под которой законодатель понимает только доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, опять-таки, в установленном УПК порядке и из предусмотренных источников. Налицо явная несогласованность между правом защитника и подходом законодателя к определению доказательства и порядку доказывания.

Отдельно следует упомянуть, что в реальных правоотношениях лицу, пусть и имеющему статус адвоката, сложно не только реализовать свое право на защиту клиента, но и выполнить возложенные на него законодательством обязанности. В частности, очень трудно представить, как адвокат будет осуществлять опрос граждан либо проводить другие процессуальные действия.

В этой связи видится целесообразным изменить редакцию ст. 48 УПК, регламентирующую права и обязанности защитника, и оставить за ним лишь право на заявление ходатайств, в том числе о получении органом уголовного преследования доказательств, направленных на защиту прав и свобод подозреваемого и обвиняемого, а также закрепить корреспондирующую обязанность у органов уголовного преследования на удовлетворение таких ходатайств в полном объеме. В данном случае ч. 2 ст. 137 УПК, по которой ходатайство должно быть удовлетворено, если оно способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса или других лиц, носит достаточно условный характер, поскольку орган уголовного

преследования может думать не так, как защитник. Кроме того, большинство ходатайств защитники заявляют уже на заключительном этапе расследования после ознакомления с материалами уголовного дела. Это вполне оправданно, поскольку к тому моменту адвокат уже владеет необходимой информацией о произведенном расследовании и может выстроить свою линию защиты в суде. Однако ходатайства, заявленные под конец предварительного следствия, как правило, отклоняются, что не позволяет защитнику реализовать возложенные на него функции. Как отмечает А.И. Лукашов, неопределенность правового статуса сведений, полученных адвокатом, может создавать почву для ущемления права защитника на представление доказательств. Если считать, что сведения, собранные защитником, не являются доказательствами, то можно ли на основании этого отклонить ходатайство о приобщении их к делу? (Лукашов А.И. Являются ли сведения, полученные защитником путем опроса физических лиц, доказательствами по уголовному делу? [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».) Помимо адвоката-защитника такую же проблему испытывает адвокат-представитель.

Появление в уголовном процессе адвоката свидетеля назревало долгое время. Не раз поднимался вопрос о несоответствии УПК части первой ст. 62 Конституции. В этой связи на основании решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 2 июля 2015 г. № Р-989/2015 «О праве граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе, на юридическую помощь» в УПК были внесены соответствующие изменения. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве все еще остались нерешенные вопросы.

Одним из наиболее явных пробелов является отсутствие в УПК прямого указания на то, что услугами адвоката может пользоваться не только свидетель, но и лица, напрямую не наделенные процессуальным статусом, однако участвующие в уголовном процессе. В частности, это лица, от которых берутся объяснения в рамках проведения проверки в порядке ст. 173 УПК. Безусловно, согласно ч. 4 ст. 20 УПК каждый имеет право в ходе производства по материалам и уголовному делу на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в случаях и в порядке, предусмотренных УПК, юридической помощью адвокатов и других представителей, однако несмотря на данное положение Конституционный Суд Республики Беларусь решил, что отсутствие в УПК нормы, закрепляющей обязанность органа, ведущего уголовный процесс, допустить адвоката к участию в уголовном процессе в качестве представителя свидетеля, не позволяет в должной мере реали-

зовать гарантированное Конституцией право на юридическую помощь, в том числе при производстве следственных и иных процессуальных действий с участием свидетеля. Таким образом, в уголовно-процессуальном законе существует конституционно-правовой пробел.

Для сравнения, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закреплено, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, а также пользоваться услугами адвоката. Важно подчеркнуть, что до внесения данных изменений в УПК РФ органы уголовного преследования часто отказывали лицам, от которых брались объяснения, в праве на приглашение адвоката для участия в следственных и иных процессуальных действиях.

Хотелось бы обратить внимание на обязанность адвоката предъявлять органу, ведущему уголовный процесс, удостоверение адвоката и ордер на право участия в производстве по уголовному делу. Наличие у адвоката названных документов является правовым основанием для его участия в уголовном процессе. Если предъявление удостоверения не вызывает вопросов, то с предъявлением ордера может возникнуть сложность из-за несогласованности отдельных правовых актов, регулирующих смежные правоотношения. Так, в соответствии с подп. 5.2 п. 5 Инструкции о порядке выдачи, учета и хранения ордеров утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 3 февраля 2012 г. № 37 ордер адвокату выдается для выполнения следующих поручений по уголовным делам: на изучение материалов дела; на участие в качестве защитника (представителя потерпевшего, гражданского истца и ответчика в уголовном судопроизводстве) в стадии предварительного следствия; на участие в качестве защитника (представителя потерпевшего, гражданского истца и ответчика в уголовном судопроизводстве) при рассмотрении уголовного дела судом; на подачу апелляционной жалобы и участие в качестве защитника (представителя потерпевшего, гражданского истца и ответчика в уголовном судопроизводстве) при рассмотрении дел судами апелляционной инстанции; на обжалование вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда в порядке надзора и участие в качестве защитника (представителя потерпевшего, гражданского истца и ответчика в уголовном судопроизводстве) при рассмотрении дел судами надзорной инстанции; на свидание с подзащитным, задержанным, заключенным

под стражу или осужденным, отбывающим наказание в исправительном учреждении; на участие в исполнительном производстве.

Из приведенного перечня видно, что де-юре адвокат не может получить ордер для представления интересов свидетеля, что не согласуется с уголовно-процессуальным законодательством. Необходимость корректировки Инструкции связана также с заполнением ордеров, которые, по сути, являются бланками строгой отчетности. Так, согласно п. 22 Инструкции при оформлении ордера в соответствующей строке адвокат обязан указать вид выполняемого поручения, поскольку согласно п. 8 Инструкции адвокат не вправе использовать не полностью заполненный ордер. Неиспользованный ордер подлежит возврату в адвокатское образование.

Таким образом, в целях приведения в соответствие различных нормативных правовых актов, которыми регламентируются смежные правоотношения, необходимо внести дополнения в Инструкцию и предусмотреть один из видов поручений – оказание юридической помощи свидетелю по уголовному делу. Кроме того, анализ подп. 5.2 п. 5 Инструкции ставит под сомнение возможность участия адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку из содержания нормы следует, что поручения выдаются для участия по уголовному делу. В этой связи участие защитника подозреваемого при производстве по материалам проверки в данном нормативном правовом акте не учитывается.

УДК 343.123

Д.П. Письменный

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ УКРАИНЫ

Стремление Украины к усовершенствованию нормативного урегулирования общественных отношений, существующих в уголовном судопроизводстве, отразилось в УПК Украины (2012 г.), который в соответствии с международными стандартами защиты прав и свобод человека поставил на первое место защиту лица, общества и государства от уголовных правонарушений.

Современная уголовно-процессуальная доктрина Украины исходит из того, что в XXI в. мировое сообщество пришло к выводу о том, что главным направлением развития человеческого общества прежде всего выступает защита личности, ее жизни и здоровья, чести и достоинства,

прав и свобод. В этой связи профессор В.Т. Маляренко полагает, что при определении научной дефиниции «уголовно-процессуальное право» обязательно следует акцентировать внимание на ее составляющую – защиту прав и свобод человека и гражданина [1, с. 9].

Так, ст. 1 УПК устанавливает, что порядок уголовного производства на территории Украины определяется только ее уголовным процессуальным законодательством. В ч. 2 указанной статьи предусмотрено, что уголовное процессуальное законодательство Украины состоит из соответствующих положений Конституции Украины, международных договоров, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, этого же УПК и иных ее законов.

Объект уголовного процессуального права Украины – уголовно-процессуальные правоотношения, складывающиеся между органами досудебного расследования, прокуратуры и суда, а также гражданами и юридическими лицами как участниками уголовно-процессуальной деятельности, с одной стороны, и этими органами и судом, с другой стороны, при производстве по уголовным делам.

Уголовное процессуальное право Украины, как и соответствующее право других государств СНГ, определяет порядок уголовного производства, его основы, права и гарантии их реализации для всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности: суда, сторон и иных участников уголовного судопроизводства, устанавливает систему стадий уголовного процесса, порядок производства в каждой из них и каждого процессуального действия, основания и порядок принятия промежуточных и итоговых решений по уголовному производству.

В ст. 2 УПК говорится, что задачами уголовного производства являются защита лица, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного разбирательства с тем, чтобы каждый, совершивший уголовное правонарушение, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению, и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура.

Следует согласиться с профессором В.Т. Нормом, что поскольку уголовным правонарушением могут быть нарушены права и свободы физического лица, права юридического лица (в разных его организационных формах), а как результат – им будет причинен ущерб в разных видах его проявления, то государство в лице уполномоченных им органов обязано их защитить. То есть защита от уголовных правонарушений, связан-

ных с посягательством на жизнь и здоровье, личную свободу, честь и достоинство, имущество, иные права и законные интересы человека и гражданина, на имущественные либо личные неимущественные (деловая репутация) права и интересы юридических лиц, а также на интересы общества и государства – это и составляет содержание производства по уголовным делам. Вместе с тем следует сделать акцент на том, что задачами уголовного производства, определенными в этой статье, являются не только защита интересов физических и юридических лиц, а и публичных – общества и государства, когда уголовное правонарушение покусалось на них [2, с. 17–18].

Исполнение задач уголовного производства может осуществляться только с применением и соблюдением надлежащей правовой процедуры (ст. 2 УПК Украины).

Под надлежащей правовой процедурой уголовного производства понимается определенный УПК Украины порядок действий органов, ведущих производство, и его участников, реализация ими своих прав и обязанностей в определенных законом границах. Надлежащая правовая процедура должна включать соблюдение основ уголовного производства, процессуальных средств и способов их реализации, процессуальных гарантий прав и свобод участников уголовного производства и принятие законных, обоснованных и справедливых решений.

Новый УПК Украины уделяет значительное внимание обеспечению соблюдения прав личности в ходе осуществления уголовного судопроизводства, обеспечению процессуального равенства и состязательности сторон в уголовном производстве, введению упрощенной формы досудебного расследования, в которой будет осуществляться расследование уголовных проступков, уголовного производства на основании соглашений, а также в отношении отдельной категории лиц и др.

Вместе с тем анализ применения норм УПК Украины указывает на следующие практические проблемы его реализации:

1. Неединичны случаи, когда прекращенные в прошлые годы уголовные дела по постановлениям следователей либо прокуроров, определением суда снова регистрируются в Едином реестре досудебных расследований. Этим нарушается запрет дважды привлекать к уголовной ответственности лицо за одно и то же правонарушение (ч. 1 ст. 19 УПК).

2. Очень часто в качестве меры обеспечения уголовного производства применяется временный доступ к вещам и документам с возможностью их изъятия (гл. 15 УПК), чем значительно ограничиваются права и законные интересы предпринимателей. При этом документы изымаются у юридического лица, а вероятным подозреваемым может быть только физическое лицо – руководитель этого предприятия. Последний

не уведомляется о подозрении (ст. 276 УПК) с той целью, чтобы не начинались сроки расследования (ст. 219 УПК).

3. Злоупотребление механизмом изъятия вещей и документов во время проведения их осмотра (ч. 5 ст. 237 УПК). Эта статья предусматривает, что во время осмотра публичных мест и помещений разрешение следственного судьи на изъятие обнаруженных документов либо вещей не нужно. Этим и пользуются следователи, когда осматривают отдельные документы в офисах предприятий. Однако осмотр жилища или иного владения лица (в том числе и офиса) и изъятие отдельных предметов может проводиться на основании определения следственного судьи (ч. 2 ст. 237 УПК).

4. Направление органами досудебного расследования юридическим лицам запросов о предоставлении интересующих их сведений по конкретному уголовному производству. При этом следователи исходят из того, что поскольку такие запросы не о вещах либо документах, а об определенной информации из этих документов, то определения следственного судьи для таких действий не надо.

Следует учитывать, что уголовное производство осуществляется в соответствии с нормами УПК Украины, а они не содержат обязательств для таких лиц предоставлять какую-либо информацию представителям обвинения иным способом, кроме как во время их допроса либо на основании определения суда.

В то же время обнаружили и иные проблемы, которые можно разделить на два вида: неправомерные ограничения стороны защиты и трудности в организации деятельности органов уголовной юстиции.

Сторона обвинения ограничивает права стороны защиты следующим образом:

1. Нарушение права на защиту (ст. 20 УПК): центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи не уведомляются об всех случаях задержания лиц; не придерживаются сроков уведомления центров правовой помощи о задержании лиц; вызванные защитники не допускаются к задержанным лицам; задержанных лиц принуждают к отказу от вызванных защитников; с задержанным лицом производятся процессуальные действия еще до момента прибытия защитника; не обеспечиваются условия конфиденциального свидания защитника с подозреваемым; практикуется допрос всех лиц в качестве свидетелей, причастных к определенному событию (например, к дорожно-транспортному происшествию). В дальнейшем следователи решают: кого из них признать потерпевшим, а кого подозреваемым. Этим нарушается право граждан не свидетельствовать против самих себя, членов его семьи или близких родственников (ст. 63 Конституции Украины).

2. Лицу не сообщается о подозрении при наличии к этому достаточных оснований (ст. 276 УПК). Следователи начинают производство, собирают необходимые сведения, а уведомляют о подозрении при окончании производства перед направлением обвинительного акта в суд. В таких случаях ограничивается право лица на подготовку от обвинения, поскольку оно имеет намного меньше времени для формирования своей позиции по материалам конкретного уголовного производства.

Трудности в организации деятельности органов уголовной юстиции заключаются в следующем:

1. Недостатки в организации деятельности судов. Во многих судах первой инстанции (особенно в апелляционных судах) не обеспечивается постоянное дежурство следственных судей. Неединичны случаи, когда ходатайство стороны обвинения, которое необходимо рассмотреть на протяжении 24 часов, не находит своего разрешения несколько дней. В результате теряются следы преступлений, а будущие подозреваемые скрываются от следствия. Наряду с этим очень часто не выполняется четкое указание закона о шестичасовом сроке рассмотрения ходатайства о проведении негласных следственных действий (наблюдение, аудиовидеоконтроль лица и т. п.).

2. Недостаточное количество судей, что порождает проблемы с формированием и периодичностью заседаний коллегиальных составов суда (ч. 9 ст. 31 УПК). Это приводит к нарушению принципа разумности сроков (ст. 28 УПК).

3. Чрезмерная нагрузка на следователей возросла с нескольких уголовных дел в месяц до сотни уголовных производств. Основная причина заключается в изменении взаимоотношений между следователями и оперативными сотрудниками. Если раньше весь массив заявлений о преступлениях разделялся между следователями и личным составом оперативных подразделений Национальной полиции, то сейчас сотрудники оперативных подразделений не имеют право осуществлять процессуальные действия в уголовном производстве по собственной инициативе и работают только на основании письменного поручения следователя либо прокурора.

Представляется, что выходом из этой ситуации мог бы быть перевод достаточного количества оперативных сотрудников на должности следователей [3, с. 7–10].

За время действия УПК Украины только на протяжении 2014–2016 гг. Верховным Советом Украины было принято 47 Законов Украины, в которых предлагалось изменить некоторые положения УПК. Следует от-

метить, что значительная часть законопроектов содержит положительные новации, однако многие из них не содержат конструктивных идей, а направлены на полную отмену нового Кодекса либо отмену его отдельных положений (например, руководство расследованием со стороны прокурора, проведение негласных действий следователем, автоматическое начало расследования и т. д.) [4, с. 11].

Представляется, что вместо дискредитации УПК Украины настоящая дискуссия должна разворачиваться вокруг иных проблемных моментов реформирования уголовного судопроизводства в Украине. Имеется ввиду необходимость выведения полиции, прокуратуры, судебных органов из-под политического давления, введение классического суда присяжных, отмена отдельного законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности и др.

В решении этих непростых проблем подобающее место должно отводиться науке уголовного процесса. Но нормотворческая практика в Украине свидетельствует о том, что подготовка многочисленных проектов УПК, в том числе и принятый УПК (2012 г.), во многом лишены научной основы.

Общеизвестно, что достижение максимальной эффективности уголовных процессуальных предписаний невозможно без обеспечения стабильности уголовного процессуального законодательства, ибо иное может привести к нарушению его системных связей, усложняется реализация таких основ, как верховенство права, законность и справедливость, что может обусловить низкую эффективность правового регулирования.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что Уголовный процессуальный кодекс не мог учесть всех возможных изменений в экономической, политической, социальной и иных сферах жизни общества.

Хочется надеяться, что в ходе усовершенствования УПК Украины будут учитываться в полном объеме предложения ученых-процессуалистов и этот Кодекс будет направлен прежде всего на охрану прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

1. Маляренко В.Т. Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: теорія, історія і практика : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Харків, 2005.

2. Кримінальний процесуальний кодекс України : наук.-практ. коментар / за заг. ред. В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. Київ, 2012.

3. Реалізація нового КПК України у 2013 році (моніторинговий звіт) / О.А. Банчук [і інш.]. Київ, 2013.

4. Фаринник В.І. Застосування заходів забезпечення кримінального провадження: теорія та практика. Київ, 2017.

ИНСТИТУТ AMICUS CURIAE В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Институт *amicus curiae* (лат. – «друг суда») является одним из древнейших институтов, история которого восходит еще к римскому праву. Начиная с IX в. он прочно вошел в английское право, а впоследствии и в правовые системы большинства стран, относящихся к системе общего права. Однако, несмотря на свою длительную историю существования, данный институт крайне редко использовался до 30-х гг. [1, с. 4–5].

Научное осмысление вопросов анализируемого института начинается, по мнению современных исследователей, со статьи политолога Самуэля Крислова (Samuel Krislov), напечатанной в *Yale Law Journal* в 1963 г. под заголовком «Письма „друзей суда“: от дружбы к адвокатуре» [2, с. 111].

Сегодня *amicus curiae* достаточно активно применяется в международной юстиции, в частности, такими международными судебными органами, как Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Европейский суд справедливости, Международный уголовный суд, Специальный трибунал по Ливану и др., а также получил распространение в некоторых странах континентального права.

Процессуальное положение *amicus curiae* весьма интересно: он не является стороной в судебном разбирательстве, но в силу выполняемых им должностных обязанностей или общественной миссии заинтересован в правильном разрешении судом конкретного дела [3, с. 138] и с этой целью представляет суду свое компетентное заключение по делу (*amicus curiae* brief). При этом, как подчеркивает Г.Г. Шинкарецкая, *amicus curiae* не имеют собственного юридического интереса в рассматриваемом деле [4, с. 79], но тем не менее стремятся предоставить суду информацию, которую считают значимой для его разрешения. В связи с этим некоторые зарубежные авторы видят в этом противоречие между названием института «*amicus curiae*» и ролью современного *amicus*, которому требуется определить представляемую им сторону. Так, Ч. Мохан (Chandra Mohan) пишет, что *amicus curiae* прошел долгий путь от его благородного римского начала как ученого, уважаемого, независимого назначенца суда, который был призван безвозмездно советовать и помогать суду в принятии справедливого решения. В некоторых юрисдикциях, особенно в Содружестве, *amicus* в значительной степени сохранил эту функцию. В других странах, например в США, он принимал на себя

различные роли, в том числе «друга суда», лоббиста, посредника или адвоката. В 2001 г. в Англии после переоценки функций *amicus curiae* было решено отказаться от наименования «*amicus curiae*» в пользу «адвоката суда». По всей вероятности пришло время, по мнению Ч. Мохана, сделать это повсеместно [5, с. 352–374].

В большей степени данный институт находит свое применение при разрешении гражданских и арбитражных дел. Так, согласно данным исследования, проведенного К. Линч на основе опроса лиц, исполнявших обязанности *amicus curiae* в период с 1966 по 2001 гг., он наиболее востребован и полезен в высокотехнических и специализированных областях права (налоговое, патентное, товарные знаки, морское, пенсионное законодательство и вопросы иммиграции, медицинские и научные проблемы) [6].

Однако и в уголовном судопроизводстве данный институт также нашел место. Например, С. Цибульский описывает случай, как Хельсинкский фонд по правам человека выступал в качестве *amicus curiae* по делу об экстрадиции из Польши в КНР супругов Мандугетт (Mandugett) [7]. Здесь следует отметить, что Европейский суд по правам человека признает *amicus curiae* весьма ценным источником информации об условиях в государствах-членах или третьих странах, когда речь идет об экстрадиции лиц [8]: заключения помогают Суду определить, есть ли риск в случае выдачи заявителя в конкретную страну быть убитым, казненным, подвергнутым пыткам или бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. В частности, Европейский суд по правам человека активно использует в своей практике *amicus curiae* brief, подготовленные следующими неправительственными организациями: Amnesty International, Human Rights Watch, Репортеры без границ и др.

Вообще возможности применения *amicus curiae* в уголовном процессе не ограничиваются только вопросами экстрадиции. Так, в Правилах процедуры и доказывания Международного уголовного суда [9] установлено, что Палата может, если считает это желательным для надлежащего разрешения дела, пригласить или позволить государству, организации или лицу явиться в суд и сделать представление по любому вопросу, определенному Палатой (правило 103), что позволит Международному уголовному суду провести наиболее всесторонний анализ по затрагиваемым в деле вопросам. При этом следует отметить, что Международный уголовный суд весьма осторожно относится к *amicus curiae* brief. По данным Королевского Института международных отношений Chatham House, из 30 обращений неправительственных организаций в Международный уголовный суд выступить в качестве *amicus curiae* была удовлетворена только треть [10].

Анализ практики рассмотрения ходатайств об участии в качестве *amicus curiae* позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, международные суды допускают организации либо частных лиц в качестве *amicus curiae*, если предлагаемое заключение касается актуального вопроса, являющегося предметом рассмотрения суда. Например, в июне 2018 г. Международный уголовный суд разрешил представить неправительственной организации «Applicants» свое заключение, поскольку представляемая информация будет касаться обстоятельств расследуемых преступлений [11]. Во-вторых, составление предполагаемого заключения не должно существенно отсрочить судебное разбирательство. В-третьих, организация либо частное лицо должны представить доказательства обладания экспертными знаниями по вопросам, которые планируется затронуть в заключении.

Международной уголовной юстиции известны также случаи, когда *amicus curiae* допускались к участию в деле в качестве общественных представителей. Примером может служить дело против бывшего президента Югославии Слободана Милошевича в совершении военных преступлений. Обвиняемый отказался от защитника, но тем не менее Следственная палата посчитала в интересах справедливого судебного разбирательства целесообразным назначить *amicus curiae* «для содействия надлежащему разрешению дела» [12]. При этом *amicus curiae* были предоставлены права, которые обычно предоставляются сторонам, в том числе право знакомиться с конфиденциальными документами.

Если говорить о деятельности *amicus curiae* в уголовном судопроизводстве разных стран, то первое, на что обращается внимание, – это весьма неоднозначное регулирование рассматриваемого института уголовно-процессуальными законами. В некоторых странах уголовно-процессуальное законодательство прямо допускает предоставление информации лицами, не являющимися участниками уголовного процесса. Например, УПК Грузии в ст. 55 предоставляет такое право любому лицу при условии, что письменные соображения по делу будут поддерживать кого-либо из участников процесса, а помогут суду соответствующим образом оценить рассматриваемый вопрос. В законодательстве других государств отсутствует прямое регулирование *amicus curiae*, но вполне допускается участие таких лиц. Так, в ряде стран в качестве *amicus curiae* выступает генеральный прокурор. Например, суд Нью-Брансуик (Канада) по делу о распространении марихуаны разрешил генеральному прокурору Канады представить свое заключение в качестве *amicus curiae* относительно толкования законов Канады о контролируемых веществах [13].

Информационная записка Верховного Суда Сингапура, вручаемая претендентам на роль начинающего *amicus curiae*, гласит, что заявителю предоставляется возможность оттачивания своих профессиональных навыков в качестве адвоката в различных судебных инстанциях. Также молодому *amicus curiae* предоставляется возможность оказывать помощь суду в делах, связанных с новыми или передовыми вопросами права. При этом претендент на данную роль должен обладать хорошими академическими оценками; быть квалифицированным лицом (как определено в разд. 2 Закона о профессии (гл. 161)); иметь опыт профессиональной деятельности не менее двух и не более семи лет в качестве адвоката или сотрудника юридической службы; претендент должен заручиться рекомендацией от действующего судьи Верховного Суда, адвоката или сотрудника юридической службы с опытом работы не менее 10 лет. Для анализа аналитических способностей претендент должен представить письменную работу или академические статьи. Лица, соответствующие предъявляемым требованиям, прошедшие отбор, назначаются *amicus curiae* сроком на один год, без выплаты вознаграждения и возмещения понесенных в связи с работой расходов [14].

Анализ деятельности *amicus curiae* в уголовном процессе зарубежных стран позволяет говорить, что *amicus curiae brief* представляют собой квалифицированные мнения лиц, сведущих в той или иной области, а, следовательно, *amicus curiae* – это своего рода эксперты, обладающие определенными знаниями, квалификацией и авторитетом. Однако сводить *amicus curiae* к деятельности эксперта или специалиста нельзя, поскольку между ними имеются существенные различия. Во-первых, *amicus curiae* – это лица, защищающие общественные интересы, в силу чего они заинтересованы в исходе дела, стремятся способствовать своим заключением вынесения справедливого, по их мнению, судебного решения. Эксперт либо специалист, напротив, не должен иметь никакой заинтересованности в исходе дела. Во-вторых, эксперт и специалист не могут давать заключения по правовым вопросам, в то время как *amicus curiae brief* могут касаться как вопросов факта, так и вопросов права (последнее встречается чаще). В частности, *amicus curiae* может проводить юридический анализ представленных доказательств, строить прогноз возможных последствий принятия того или иного решения, обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, имеющие значение для дела и т. д. В-третьих, как правило, *amicus curiae* сам ходатайствует перед судом о возможности представить свое заключение по рассматриваемому делу, эксперт либо специалист вступают в уголовный процесс по решению органа, в чьем производстве находится уголовное дело, либо по ходатайству стороны.

Уголовно-процессуальное законодательство России не знает института *amicus curiae*. Более того, поступление к судье по делу, находящемуся в его производстве, *amicus curiae brief* в соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей Российской Федерации» было бы расценено как правонарушение, так как ст. 10 указанного выше Закона не допускает какие-либо внепроцессуальные обращения, а ч. 3 ст. 8¹ УПК РФ исключает какую-либо процессуальную деятельность по поступившему внепроцессуальному обращению. С другой стороны, нельзя не принимать во внимание то, что в таком обращении может содержаться информация, важная для правильного разрешения уголовного дела. В этой связи авторы настоящей работы считают неправильным столь однобокий подход к внепроцессуальным обращениям, лишаящий суд возможности обратить внимание на обстоятельства, приведенные в обращении, и документы, поступившие совместно с ним. Здесь следует согласиться с А.Р. Султановым, что при рассмотрении дел, которые могут оказать влияние на неопределенный круг лиц, гражданское общество может и должно оказывать помощь в том, чтобы судебное решение было вынесено с учетом всех значимых для дела обстоятельств [15, с. 203]. Хочется надеяться, что российский законодатель все же воспримет позитивный опыт зарубежных стран применения института *amicus curiae*.

1. Mclauchlan J.S. Congressional participation as *amicus curiae* before the U.S. Supreme Court. New York, 2005.
2. Banner S. The myth of the neutral *amicus*: American courts and their friends, 1790–1890 // *Constitutional Commentary*. 2003. Vol. 20:111.
3. Дикарев И.С., Кантария Г.О. *Amicus curiae* как участник уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3.
4. Шинкарецкая Г.Г. «Письма друзей суда» в практике Международного суда // *Государство и право*. 2012. № 5.
5. Mohan S. Chandra. The *Amicus Curiae*: Friends No More? // *Singapore Journal of Legal Studies*. 2010. № 2.
6. Lynch K.J. Best Friends?: Supreme Court Law Clerks on Effective *Amicus Curiae* Briefs // *Journal of Law & Politics*. 2004.
7. Цибульский С. «*Amicus curiae*» как инструмент усовершенствования правовой системы // URL: <http://www.iaps-ci.org/ru/Amicus/ac1>.
8. Research report: The NGOs in the case-law of the ECHR // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_NGOs_FRA.PDF.
9. Rules of Procedure and Evidence // URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library>.
10. Shaping the Law: Civil Society Influence at International Criminal Courts // URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/events/160125-meeting-summary-shaping-law-civil-society-influence-international-criminal-courts.pdf>.

11. Постановление Предварительной камеры от 14 июня 2018 г. // URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2018_03085.PDF.

12. Постановление Судебной камеры от 30 августа 2001 г. // URL: http://www.icty.org/case/slobodan_milosevic/0

13. Kerkering Chr. Mbazira Chr. Friend of The Court & The 2010 Constitution: The Kenyan Experience and Comparative State Practice on Amicus Curiae // URL: <https://www.idlo.int/resources/publications>

14. Applications for Young Amicus Curiae Scheme 2019 now open // URL: <https://www.supremecourt.gov.sg/legal-professional/applications-for-young-amicus-curiae-scheme-2019-now-open>

15. Султанов А.П. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012.

УДК 343.123.3

О.В. Рожко

О РАЗГРАНИЧЕНИИ РЕАБИЛИТИРУЮЩИХ И НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо уточнение термина «реабилитирующие основания» прекращения производства по уголовному делу, который широко используется в учебной литературе и в нормах законодательства, но не упоминается в УПК Республики Беларусь. Отметим, что понятие «реабилитирующее основание» – производное от термина «реабилитация» должно быть обусловлено содержательными элементами последней: констатацией невиновности в совершении преступления либо непричастности к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и возмещением причиненного в результате уголовного преследования вреда. По этой причине теоретически в качестве реабилитирующих следует рассматривать только те основания, которые свидетельствуют о невиновности либо непричастности лица и выступают предпосылками возникновения права на возмещение вреда. К таковым относятся следующие: отсутствие общественно опасного деяния (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК), отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК), недоказанность участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (ч. 2 ст. 250 УПК).

В подтверждение данной позиции отметим, что указанные обстоятельства являются основаниями оправдания обвиняемого, которое

в силу ч. 2 ст. 357 УПК влечет его реабилитацию. Более того, в ряде актов законодательства термин «реабилитирующие основания» раскрывается посредством перечисления конкретных обстоятельств, влекущих прекращение уголовного дела. Так, например, в соответствии с п. 58 Положения о порядке прохождения службы в органах внутренних дел, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133, «при прекращении уголовного дела за отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, отсутствием в деянии состава преступления, недоказанностью участия в совершении преступления (далее – прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям) либо вынесении оправдательного приговора сотруднику выплачивается денежное довольствие за весь период временного отстранения от должности, нахождения под стражей». Аналогичные положения содержат нормативные правовые акты, регламентирующие прохождение службы в органах и подразделениях Министерства по чрезвычайным ситуациям, Следственного комитета, Департамента финансовых расследований, Государственного комитета судебных экспертиз, Вооруженных сил Республики Беларусь.

Вместе с тем данные нормы не согласуются с действующим УПК, поскольку помимо вышеназванных оснований действующее уголовно-процессуальное законодательство в качестве предпосылок возникновения права на возмещение вреда указывает и другие основания прекращения производства по уголовному делу:

– наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29 УПК);

– наличие неотмененного постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК).

По этому поводу в литературе высказана мысль о том, что указанные основания могут быть как реабилитирующими, так и нереабилитирующими. Так, по мнению А.П. Рыжакова, реабилитирующими они являются в случае, когда первоначальное постановление (определение) или приговор были вынесены в связи с реабилитирующим основанием. И, наоборот, если указанные процессуальные акты, положенные в основу принимаемого решения, не реабилитировали гражданина, то и основание постановления следователя (дознателя, прокурора) будет нереабилитирующим [1, с. 47]. В то же время М.А. Шостак предлагает вообще исключить из ч. 1 ст. 461 УПК указание на п. 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК,

мотивируя тем, что обстоятельства, указанные в этих пунктах, являются лишь обстоятельствами, исключающими повторное производство по уголовному делу в отношении того же лица. Аргументируя свою позицию, автор указывает: «если в отношении этого лица имеется обвинительный приговор, либо органом, ведущим уголовный процесс, вынесено постановление о прекращении производства по уголовному делу за истечением сроков давности или вследствие акта амнистии либо за примирением сторон, то это свидетельствует о том, что указанное лицо было причастно к совершению преступного деяния, но в силу этих обстоятельств исключается повторное производство по тому же факту» [2, с. 578].

Полагаем, что данное мнение следует поддержать. Во-первых, если первоначальное процессуальное решение было вынесено по реабилитирующему основанию, то орган, ведущий уголовный процесс, был обязан принять меры по компенсации причиненного ущерба, восстановлению иных нарушенных прав. Лицо в этом случае уже реализовало свое право на возмещение вреда, что исключает возможность его повторного надления восстановительно-компенсационными полномочиями. Во-вторых, рассматриваемые основания прекращения производства по уголовному делу не свидетельствуют о невинности гражданина в совершении преступления либо о его непричастности к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Они лишь указывают на определенное процессуальное препятствие к дальнейшему производству по уголовному делу – неотмененное решение, обладающее юридической силой. По своей природе названные основания аналогичны таким нереабилитирующим обстоятельствам, как, например, примирение лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым по делам частного обвинения (п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК); отсутствие заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению (п. 6 ч. 1 ст. 29 УПК); отказ должностного лица (органа) в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении определенной категории лиц (п. 12 ч. 1 ст. 29 УПК). В этой связи полагаем целесообразным исключить из п. 2 ч. 1 ст. 461 УПК ссылку на основания прекращения производства по уголовному делу, предусмотренные п. 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК.

Вместе с тем сегодня в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством к числу реабилитирующих оснований в смысле оснований, влекущих возникновение права на возмещение вреда в порядке гл. 48 УПК, следует относить:

- отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом;
- отсутствие в деянии состава преступления;

- недоказанность участия в совершении преступления;
- наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29 УПК);
- наличие неотмененного постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК).

1. Рыжаков А.П. Окончание предварительного расследования. М., 1999.
2. Шостак, М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие. Минск, 2008.

УДК 343.14

В.В. Рожнова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Для обеспечения эффективности уголовной процессуальной деятельности очень важна определенность правовых понятий. Четкость в их определении обеспечивает единообразное понимание и одинаковое применение уголовного процессуального закона на всей территории его действия.

В свою очередь, неоднозначность, неопределенность терминологии, используемой в тексте нормативных правовых актов, приводят к искажению истинного смысла правовых норм, вызывают трудности в процессе их применения, в результате чего нарушаются установленные законом порядок деятельности, права, свободы и законные интересы ее участников.

По утверждению А.А. Ушакова, трудно назвать какую-либо другую область общественной жизни, где неточность слова, разрыв между мыслью и словом, законодателем и читателем были бы чреватые такими иногда тяжелыми последствиями, как в области права [1, с. 80].

Вступление в силу УПК Украины, принятого Верховным Советом Украины 13 апреля 2012 г. (УПК) наряду с многочисленными позитивными изменениями привнесло в практику уголовного производства немало проблем, связанных с толкованием и применением в соответствии с их истинным смыслом отдельных уголовно-процессуальных понятий. Эти проблемы коснулись и вопросов, связанных с установлением допустимости и недопустимости доказательств.

Так, в действующем УПК в ст. 86–90 впервые сформулированы правила о допустимости и недопустимости доказательств. Очевидно, что оперируя какими-либо специальными юридическими понятиями, а тем более теми, которые приобретают особое содержание в регулировании отдельных видов правоотношений, законодатель должен сформулировать и донести до субъектов правоприменения их содержание.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК доказательство является допустимым, если оно получено в порядке, установленном УПК. Анализ данного законодательного положения позволяет сделать вывод о том, что допустимость доказательства – свойство доказательства, характеризующее законность его получения. Традиционно в учебной и научной литературе требование допустимости доказательств определяется законностью: процессуальным источником доказательства, способом его получения, процессуальным оформлением хода и результатов проведения процессуального действия, субъектом получения доказательства [2, с. 229–231].

Недопустимость доказательств – антипод их допустимости. Для того, чтобы обеспечить допустимость доказательств, необходимо предупредить появление признаков недопустимости, заранее избежать наличия оснований для признания доказательств недопустимыми. Соответственно, в действующем УПК в большей степени уделяется внимание недопустимости доказательств [2, с. 237]. Несмотря на широкое применение понятия недопустимости в тексте норм УПК, законодатель никак не раскрывает его содержание.

Системное толкование ч. 1 и ч. 2 ст. 86 УПК приводит к выводу о том, что недопустимым доказательством является полученное с нарушением порядка, установленного УПК. Такое понимание недопустимости доказательств соответствует и положению Конституции Украины о том, что обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем (ч. 3 ст. 62).

В своем решении в деле по конституционному представлению Службы безопасности Украины об официальном толковании положения ч. 3 ст. 62 Конституции Украины от 20 октября 2011 г. № 12–рп/2011 Конституционный Суд Украины указал, что собирание, проверка и оценка доказательств возможны только в порядке, предусмотренном законом. Признаваться допустимыми и использоваться в качестве доказательств могут только те фактические данные, которые получены в соответствии с требованиями уголовного процессуального законодательства. На этом основании Конституционный Суд Украины сформулировал вывод о том, что обвинение в совершении преступления не может быть основано фактическими данными, полученными незаконным способом:

с нарушением конституционных прав и свобод личности и гражданина; нарушением установленных законом порядка, средств, источников получения фактических данных; неуполномоченным на то лицом и т. п.

Другими словами, исходя из теоретического и законодательного определения допустимости, недопустимость как противоположность допустимости, – свойство доказательства, характеризующее незаконность его получения, т. е. незаконность процессуального источника доказательства, способа его получения, процессуального оформления хода и результатов проведения процессуального действия, субъекта получения доказательства.

Несмотря на очевидность и логичность вышеуказанного теоретического определения понятия недопустимости, законодательное закрепление ее содержания и форм в УПК является неоднозначным. Так, на фоне отсутствия общего определения понятия недопустимости доказательств, связанного с незаконностью его получения, в ст. 87 УПК речь идет о недопустимости доказательств, полученных вследствие существенного нарушения прав и свобод человека, а в ст. 88 УПК – о недопустимости доказательств и данных, которые касаются личности подозреваемого, обвиняемого.

Закономерно возникает ряд вопросов: что следует понимать под «существенными нарушениями прав и свобод человека» (ст. 87 УПК)? Являются ли другие нарушения положений уголовного процессуального закона, кроме указанных в ст. 87 УПК, основаниями для признания полученных доказательств недопустимыми? Каким образом (на каком основании) доказательства, которые касаются судимостей подозреваемого, обвиняемого либо совершенных им других правонарушений, а также сведения о характере подозреваемого, обвиняемого (ст. 88 УПК), вписываются в общую концепцию недопустимых доказательств как доказательств, полученных с нарушениями установленного уголовным процессуальным законом порядка?

Еще больше вопросов относительно содержания понятия недопустимости появляется в процессе толкования норм о признании доказательств недопустимыми. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 89 УПК основанием для признания судом доказательства недопустимым является установление очевидной недопустимости доказательства в процессе судебного рассмотрения. Означает ли это, что закон разделяет недопустимость очевидную и неочевидную, предполагая различные правовые последствия их установления?

Очевидный значит совершенно ясный, явный, несомненный. В свою очередь, неочевидный – тот, который трудно обнаружить, заметить, не явный; требующий доказательств своей истинности, действительности [3, с. 528, 704].

Системное толкование этой нормы и нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 86 УПК, приводит к выводу о том, что не может быть использовано при принятии процессуальных решений, в том числе судебных, только очевидно недопустимое доказательство, т. е. то, незаконность которого несомненна. Но вряд ли это так.

Как нетрудно заметить, очевидность и неочевидность недопустимости доказательства являются показателем степени исследования и установления судом тех нарушений уголовного процессуального законодательства, которые ставят под сомнение допустимость полученного доказательства. При очевидной недопустимости такие нарушения являются явными, не требующими обоснования, достоверность которых обнаруживается непосредственно; при неочевидной они неявные, требующие доказательств своей истинности, действительности. Однако в обоих случаях очевидной и неочевидной недопустимости доказательства суть остается неизменной – допущено нарушение закона при его получении.

Уголовный процессуальный закон обязывает сторону, которая подает доказательства, доказывать их допустимость (ч. 2 ст. 92 УПК), т. е. доказывать отсутствие нарушений закона при их получении. При этом стороны уголовного производства, потерпевший имеют право в процессе судебного рассмотрения заявлять ходатайства о признании доказательств недопустимыми, а также возражать против признания доказательств недопустимыми (ч. 3 ст. 89 УПК).

Таким образом, решение судом вопроса о допустимости или недопустимости того или иного доказательства, в свою очередь, является результатом оценки судом представленных сторонами доказательств наличия либо отсутствия нарушений уголовного процессуального закона при его получении. Как известно, оценка доказательств предполагает формирование внутреннего убеждения, в частности суда, в правильности принятого решения, его соответствия установленным обстоятельствам. Между тем внутреннее убеждение, несмотря на то, что оно должно основываться на всестороннем, полном и непредвзятом исследовании всех обстоятельств (ч. 1 ст. 94 УПК), – это качество психологического, субъективного плана. В этой связи то, что может быть очевидным для одного судьи, при тех же обстоятельствах будет не вполне очевидным (неочевидным) для другого.

Исходя из вышеизложенного, очевидным становится то, что в основе вопроса о допустимости или недопустимости доказательств всегда находится один фактор – нарушение требований уголовного процессуального закона. Эти многочисленные требования направлены как на обеспечение прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства

при проведении соответствующих процессуальных действий, так и на обеспечение полноты и адекватности отображения полученных доказательств в материалах производства [4, с. 169]. Именно этот фактор и должен определять содержание соответствующих понятий.

Следует отметить, что в теории и практике уголовно-процессуального доказывания постоянно обсуждается вопрос о том, все ли нарушения закона, допущенные в процессе собирания доказательств, должны привести к признанию их недопустимыми. В действующем УПК этот вопрос не нашел своего разрешения. В теории доказательств в свое время развилась теория о существенности или несущественности процессуальных нарушений, в соответствии с которой доказательства могут быть признаны недопустимыми только в случае значительных, существенных нарушений закона. В остальных случаях предлагалось учитывать возможность устранения нарушения или нейтрализации его последствий [5, с. 239–242].

Было бы ошибочным считать, что любое нарушение процедуры уголовного производства автоматически должно привести к недопустимости полученных доказательств. Подтверждением этому является установление законодателем перечня обстоятельств, являющихся безусловным основанием к признанию соответствующих деяний незаконными. В частности, это и есть перечень существенных нарушений прав человека и основоположных свобод (ч. 2 ст. 87 УПК), а также перечень существенных нарушений требований уголовного процессуального закона как оснований для отмены судебного решения (ч. 2 ст. 412 УПК).

Таким образом, все нарушения требований уголовного процессуального закона в части их влияния на решение вопроса о допустимости полученных доказательств могут выступать безусловными и условными основаниями признания доказательств недопустимыми. Безусловные основания будут положены в основу безальтернативного решения суда о признании доказательства недопустимым в случае их установления. В связи с этим перечень безусловных оснований признания доказательств недопустимыми должен быть закреплен в нормах УПК с возможностью расширительного толкования на случаи нарушения правового запрета (например, невозможность допроса в качестве свидетеля отдельных категорий лиц; невозможность проведения следственного эксперимента в случаях опасности для жизни и здоровья его участников или окружающих; невозможность проведения процессуальных действий после приостановления досудебного расследования).

Недопустимость доказательства может определяться и законностью тех процессуальных действий, которые с ним связаны. Так, установив факт проведения обыска в жилье без судебного решения, суд должен

признать недопустимыми доказательствами не только протокол обыска, но и полученные в процессе его проведения предметы и документы, протоколы их осмотра, а также предъявления их для опознания, заключения экспертов, если они подвергались экспертному исследованию.

Условные основания должны устанавливаться судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств уголовного производства, в частности, исходя из назначения, несущего в себе то требование закона, которое было нарушено (обеспечение полноты и объективности полученной информации, обеспечение прав и свобод конкретного участника процессуального действия и т. п.). Очевидно, что такое установление должно происходить с учетом всех принципов уголовного производства и в первую очередь – верховенства права, в соответствии с которым человек, его права и свободы признаются наивысшими социальными ценностями, определяющими содержание и направленность деятельности государства (ст. 8 УПК).

1. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики : учеб. пособие : в 2 ч. Пермь, 1967. Ч. 1.

2. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / за заг. ред. професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. Київ, 2012.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1979. Т. 2.

4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2009.

5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин [и др.]. М., 1973.

УДК 343.9

И.А. Рокач

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Подход к формированию системы электронного государства включает переход к информатизации судебной системы и формированию электронного правосудия, и для модернизации уголовного процесса необходимо решение двух основных задач: внедрить новые информационные

технологии, способствующие открытости и доступности правосудия; совершенствовать сам процесс с помощью снижения его формализма.

Универсальным инструментом для решения указанных задач, по нашему мнению, стал бы переход от бумажного к электронному уголовному делу, шаг к которому сделала Республика Казахстан путем издания Генеральным прокурором республики Приказа от 3 февраля 2018 г. № 2, утверждающего Инструкцию о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (далее – Инструкция). Так, данной Инструкцией определяется порядок ведения уголовного судопроизводства в электронном формате на стадии предварительного расследования. Последнее заключается в осуществлении досудебного расследования в электронном формате, в том числе путем ввода электронного документа либо вложения PDF-документа в информационную систему «Единый реестр досудебных расследований» (ИС «ЕРДР») на основании принятых должностным лицом процессуальных решений и действий, а также заполнения необходимых реквизитов электронных информационных учетных документов, подписываемых электронной цифровой подписью (ЭЦП).

В вышеуказанную базу данных ИС «ЕРДР» вносятся сведения о поводах к началу досудебного расследования, перечисленных в ч. 1 ст. 180 УПК, принятых по ним процессуальных решениях, произведенных действиях, движении уголовного производства, заявителях и участниках уголовного процесса, а также на ее основе создается специальный модуль «Электронное уголовное дело» (далее – модуль е-УД). Данный модуль представляет собой дополненный функционал «ИС ЕРДР», предназначенный для организации подготовки, ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела. Производство по электронному уголовному делу ведется органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством вышеуказанного модуля и внесения в него PDF-документов. В лице органа уголовного преследования представляется должностное лицо, которое получило доступ к ИС «ЕРДР» на основании ЭЦП, выданной Национальным удостоверяющим центром Республики Казахстан, персонального идентификационного номера-кода (далее – ПИН-код), присваиваемого государственным органом, осуществляющим в пределах своей компетенции статистическую деятельность в области правовой статистики и специальных учетов (далее – уполномоченный орган) либо идентификации с использованием биометрического считывателя.

Получив доступ к ИС «ЕРДР», уполномоченное должностное лицо органа предварительного расследования осуществляет ведение уго-

ловного судопроизводства на стадии досудебного расследования в электронном формате в модуле е-УД на базе ИС «ЕРДР» посредством заполнения необходимых учетных сведений и реквизитов электронных форм в ИС, создания электронных документов на имеющихся шаблонах и PDF-документов в модуле е-УД; подписания электронных документов участниками уголовного процесса при помощи ЭЦП или планшета подписи; отправки SMS-оповещения для уведомления либо вызова участников уголовного процесса; электронного взаимодействия с судом в целях обеспечения процессов по рассмотрению уголовных дел и материалов в электронном формате; электронного взаимодействия с экспертами, специалистами для осуществления процедур назначения исследования и получения заключений в электронном формате либо перевода бумажных материалов в электронный формат; функционирования «Публичного сектора» для доступа участников процесса к материалам электронного уголовного дела, подачи жалоб, ходатайств и получения результатов их рассмотрения. Важно отметить, что бумажный документооборот при предварительном расследовании уголовного дела согласно Инструкции сохраняется: при создании в электронном уголовном деле PDF-документа лицо, ведущее уголовный процесс, обеспечивает его идентичность с оригиналом, качество и возможность полного прочтения и сохранность оригиналов бумажных документов и материалов, которые переведены в PDF-документ. Вышеуказанные документы и материалы после окончания расследования подлежат направлению органом уголовного преследования в прокуратуру или в суд вместе с электронным уголовным делом, срок хранения которых определяется исходя из сроков хранения уголовного дела.

Решение о выборе формата (электронный или бумажный) ведения уголовного дела принимается по своему усмотрению лицом, ведущим уголовный процесс, которому поручено осуществление досудебного расследования, при принятии его в свое производство. В случае если выбран вариант ведения электронного судопроизводства, то ИС «ЕРДР» после вынесения постановления в модуле е-УД в течение двадцати четырех часов формируется автоматическое уведомление надзирающему прокурору, что фактически разрешает проблему внесения в орган предварительного расследования требований прокуратуры о несвоевременном представлении документов и уведомлений о принятых процессуальных решениях.

При этом в случае выбора электронного формата в ИС «ЕРДР» незамедлительно заполняются соответствующая электронная форма, а также шаблон электронного документа, и дальнейшее изменение форма-

та ведения уголовного судопроизводства с бумажного на электронный формат не допускается, кроме случаев соединения уголовных дел и следующих форс-мажорных обстоятельств:

1) возникновение нештатных (например, отсутствие электроэнергии, связи, доступа к модулю е-УД) или чрезвычайных ситуаций, но не ранее чем по истечении двадцати четырех часов с момента возникновения такой ситуации;

2) в случаях, когда по делу требуется проведение неотложных следственных или процессуальных действий, допускается переход до истечения двадцати четырех часов с момента возникновения нештатной или чрезвычайной ситуации;

3) в случаях необходимости направления материалов уголовного дела в иностранное государство для продолжения уголовного преследования либо необходимости приобщения к материалам уголовного дела сведений, составляющих государственные секреты и иную охраняемую законом тайну.

При переходе из электронного в бумажный формат в ИС «ЕРДР» в электронном виде заполняется мотивированное постановление и форма об изменении формата уголовного судопроизводства. После принятия указанного решения незамедлительно, но не позднее двадцати четырех часов, осуществляется переход с электронного на бумажный формат в следующем порядке. При изменении формата ведения уголовного судопроизводства с электронного на бумажный осуществляется распечатывание материалов электронного уголовного дела, и при этом ранее вложенные в модуль е-УД PDF-документы заменяются на оригиналы бумажных документов путем их истребования с мест хранения.

Что касается получения доступа к необходимым материалам, то участники уголовного процесса с момента приобретения процессуального статуса получают доступ к соответствующим материалам электронного уголовного дела посредством функционала «Публичный сектор», имеющегося в ИС «ЕРДР», через который возможна подача ходатайств (жалоб) и получение на них ответов в электронном формате. Для работы с «Публичным сектором ИС «ЕРДР» участникам процесса необходимы подключение к интернету, наличие ЭЦП и регистрация на портале «Публичный сектор ИС ЕРДР». Доступ к материалам электронного уголовного дела предоставляется лицом, ведущим уголовный процесс, в объеме, установленном уголовно-процессуальным законодательством. В случае отсутствия ЭЦП и (или) подключения к интернету участники уголовного процесса знакомятся с материалами уголовного дела путем воспроизведения лицом, ведущим уголовный процесс, со-

ответствующих материалов с возможностью получения электронной копии. Для обеспечения надзора за законностью уголовного преследования прокурор имеет доступ к материалам электронных уголовных дел посредством ИС «ЕРДР». Модуль е-УД обеспечивает информирование надзирающего прокурора о принимаемых по электронному уголовному делу процессуальных решениях и предусматривает для прокурора процедуру проверки законности, согласования и утверждения процессуальных решений органов, ведущих уголовный процесс, что обеспечивает прозрачность осуществления предварительного расследования по уголовному делу. Полномочия прокурора реализуются путем ввода электронных документов или вложения PDF-документа в модуль е-УД, а также заполнения необходимых реквизитов электронных форм.

Для осуществления процессуального и ведомственного контроля и обеспечения законности обеспечивается доступ в модуле е-УД к электронным уголовным делам руководителей центральных, областных (и приравненных к ним), городских (районных и приравненных к ним) органов, ведущих уголовный процесс, их заместителей, курирующих вопросы уголовного преследования и досудебного расследования, начальникам управлений и отделов, осуществляющих уголовное преследование, сотрудникам центральных и областных аппаратов органов, ведущих уголовный процесс, осуществляющих ведомственный зональный контроль (кураторство), по подчиненным и нижестоящим структурным подразделениям.

По окончании предварительного расследования уголовное дело направляется в суд прокурором или лицом, ведущим уголовный процесс, посредством интеграции ИС «ЕРДР» с автоматизированной информационно-аналитической системой судебных органов «Төрелік» согласно Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате.

По итогам вышеуказанного можно сделать следующий вывод: Республика Казахстан далеко шагнула вперед в части облегчения работы следователя и доведения выполнения его должностных обязанностей до автоматизма, и в том числе исключения из предварительного расследования формализма и излишнего бумаготворчества. В Республике Беларусь введение электронного судопроизводства возможно, и для этого существуют все предпосылки. Для этого необходимо создать информационную систему, которая сможет объединить структурные подразделения правоохранительных органов Республики Беларусь. В рамках создания системы на первоначальном этапе можно наделить руководителя структурного подразделения электронным ключом, при помощи которого станет возможным отправление электронного уголовного дела адресату.

Первоначально данное предложение и положения вышеописанной Инструкции можно применить в информационных системах Следственного комитета Республики Беларусь.

Применив некоторые правовые и организационные меры в ближайшей перспективе можно будет использовать электронное уголовное дело на разных этапах предварительного расследования в целях осуществления действенного контроля за качеством и законностью его проведения и сокращения сроков получения различных согласований, что в итоге положительно повлияет на сроки предварительного расследования.

УДК 343.14 + 341.217

В.И. Самарин

КОНВЕРГЕНЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В современных условиях открытости государственных границ, роста мобильности граждан и развития интеграционных процессов особое значение приобретает объединение усилий государств в борьбе с преступными проявлениями транснационального характера. Однако уголовное право и процесс всегда являлись наиболее близкими к понятию государственного суверенитета, суверены редко шли на передачу права судить в указанной сфере. Сложившиеся социально-экономические условия одновременно с обеспечением свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ч. 1 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе) требуют обеспечения возможности взаимного признания судебных и схожих процессуальных решений в уголовно-правовой сфере. Последнее подразумевает взаимное доверие иностранным системам правосудия и, как следствие, признание доказательств, полученных в иностранной юрисдикции [1, с. 41]. Кроме того, обеспечение свободы движения должно компенсироваться соответствующим упрощением межгосударственного сотрудничества в сфере уголовной юстиции посредством его ускорения и автоматичности (устранения излишнего бюрократизма). Подобные процессы достаточно глубоко затронули уголовный процесс государств – членов Европейского Союза и этот опыт может быть полезен для молодого интеграционного образования.

Уголовно-процессуальное право государств Европы носит национальный характер и с многовековой историей правовых традиций и раз-

личного представления о ценностях. Тенденции развития современного уголовного процесса государств – членов ЕС свидетельствуют о его европеизации – процессе сближения национальных правовых систем под влиянием европейского развития права и взаимного влияния между национальным и европейским уровнями [2, с. 730]. Мотором такого сближения были представители науки уголовного процесса [3, с. 27] и наднациональные органы ЕС.

Сложно говорить о европейском уголовно-процессуальном праве. В ЕС нет единого УПК, не установлены единые для всех государств-членов процедуры для разрешения уголовных дел. Но это не значит, что нельзя говорить о европейском уголовно-процессуальном праве в широком смысле. На данный момент имеются наднациональные (европейские) правовые нормы в сфере уголовного процесса, внедренные во всех государствах-членах. В еще более широком смысле, как сказано выше, имеются основания говорить о европеизованности уголовного процесса, а соответственно и норм, его регулирующих. Европейская конвенция по правам человека также оказывает влияние на национальное законодательство и практику его применения. На уровне ЕС созданы органы, связанные с расследованием уголовных дел и судопроизводством (Европол, Евроюст), идут постоянные разговоры о создании Европейской прокуратуры [4, с. 176].

Сотрудничество всех государств ЕС в сфере юстиции и внутренних дел приобрело характер «третьей опоры» Союза только с принятием Маастрихтского договора в 1992 г. Считалось, что эта опора должна стать основой для совместного уголовного преследования [5, с. 75], что не удалось реализовать до настоящего момента. В третьей опоре у ЕС были «связаны руки»: возникла необходимость принятия единогласного решения по ограниченному кругу вопросов. Сложившееся положение был призван решить Лиссабонский договор, в соответствии с которым в Договоре о функционировании ЕС (ДФЕС) появилась ст. 82, направленная на гармонизацию существующих в отдельных государствах – членах ЕС предписаний в сфере уголовного процесса.

Так, ч. 2 ст. 82 ДФЕС предусматривает расширение возможностей для признания приговоров и судебных решений, полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам, имеющим трансграничный характер. Европейский Парламент и Совет могут посредством директив, принятых в соответствии с обычной законодательной процедурой, установить минимальные правила. При этом указано, что такие правила должны учитывать различия в правовых традициях и системах государств-членов и могут касаться: а) взаимного признания доказа-

тельств между государствами-членами; б) прав граждан в ходе уголовного процесса; в) прав лиц, пострадавших от преступления; г) любых иных аспектов уголовного процесса, которые определены Советом заранее в его решении, принятом единогласно. Следует отметить, что по многим из указанных вопросов были приняты акты ЕС.

Как отмечают исследователи, даже если в государствах Европы будут действовать свои уголовно-процессуальные формы, для трансграничного уголовного преследования потребуются оценивать собранные в иных государствах доказательства [2, с. 749]. И в этом случае встает вопрос: не были ли нарушены основополагающие принципы уголовного процесса и фундаментальные права человека при собирании таких доказательств в иностранной юрисдикции. Тот факт, что определенные формальности или процессуальные требования, которые имеют решающее значение при оценке допустимости доказательств, не соблюдались в процессе собирания доказательств на территории иного государства, оказывается существенным препятствием для эффективности такого собирания. Необходимость двойной наказуемости при передаче доказательств отпала ранее [6, с. 627].

После многолетних дискуссий в 2008 г. Совет ЕС принял рамочное решение 2008/978/JHA о Европейском доказательственном ордере (European evidence warrant) с целью получения предметов, документов и данных для использования в производстве по уголовным делам. Такой ордер для своего исполнения требовал признания компетентным органом исполняющего государства.

Однако Европейский Союз пошел дальше: 3 апреля 2014 г. была одобрена директива о Европейском следственном приказе (European Investigation Order) по уголовным делам, которая была внедрена в национальное законодательство (исключение – Дания и Ирландия). Нормы данной директивы основываются уже на принципе взаимного признания судебных решений. Европейский следственный приказ – судебное решение, которое выдается судебным органом одного государства – члена ЕС для получения доказательств, которые уже существуют и непосредственно доступны в виде предметов, документов или данных на территории другого государства-члена. Он также может быть выдан с целью производства одного или нескольких следственных действий, проводимых в исполняющем государстве для собирания доказательств. Для устранения названного выше препятствия, связанного с допустимостью собранных доказательств, ч. 2 ст. 9 директивы предусматривает обязанность исполняющего органа соблюсти формальности и процедуры, явно указанные запрашивающим органом (исключение – противо-

речие самой директиве или основополагающим принципам права исполняющего государства), т. е. применяется принцип *forum regit actum*. Однако и последний подход вызывает критику в литературе [7, с. 44–45], так как допустимыми доказательства будут только для двух задействованных государств, но не для всех государств – членов ЕС.

В 2018 г. были представлены проекты регламента о Европейском приказе на предоставление (European Production Order) и Европейском приказе о сохранении (European Preservation Order) в отношении электронных доказательств¹ по уголовным делам (COM/2018/225) и директивы, устанавливающей согласованные правила о назначении уполномоченных представителей с целью собирания доказательств в уголовном процессе (COM/2018/226). Европейский приказ на предоставление позволит судебному органу одного государства-члена запрашивать электронные доказательства непосредственно у поставщика услуг, предлагающего услуги в Европейском союзе и созданного или имеющего представительство в другом государстве-члене независимо от местонахождения данных. Европейский приказ о сохранении позволит обязать поставщика услуг сохранять конкретные данные, которые судебный орган может запросить позже. Поставщики услуг, предлагающие услуги в ЕС, должны будут назначить уполномоченного представителя для собирания электронных доказательств.

В то же время органы ЕС до настоящего момента не смогли создать инструмент, позволяющий унифицировать собирание и признание доказательств, полученных на территории другого государства-члена, так как для этого требуется прежде всего определить следующее: гармонизировать правила оценки доказательств либо процедуру их собирания (производства следственных действий)? Все еще остается открытым вопрос о допустимости доказательств собранных на территории другого государства-члена, а также производных от них (*fruits of the poisonous tree*) [8, с. 135]. Хотя в 2009 г. Комиссия ЕС указывала, что для устранения проблемы допустимости доказательств, полученных в иностранной юрисдикции в рамках ЕС, следует принять «общие стандарты собирания доказательств по уголовным делам» [9]. И отдельные европейские процессуалисты предложили для создания таких стандартов использовать уже сложившиеся на основании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также практики Европейского суда

¹ Здесь – доказательства, хранящиеся в электронной форме поставщиком услуг или по его поручению во время получения сертификата приказа на предоставление или о сохранении, состоящие из сохраненных данных абонента, данных доступа, данных транзакций и данных контента.

по правам человека стандарты, обеспечивающие справедливое судебное разбирательство [7, с. 45; 10, с. 117].

Все указанные выше инструменты исходят из взаимного признания процессуальных решений по уголовным делам и подразумевают так называемую «горизонтальную гармонизацию» [11, с. 19] правовых предписаний. Такие инструменты привлекательны для государств-членов, сопротивляющихся дальнейшей гармонизации европейского уголовного права, так как взаимное признание подразумевает развитие межгосударственного сотрудничества по уголовным делам без обязанности государств-членов изменять национальное законодательство в соответствии с гармонизационными требованиями ЕС [12, с. 1279–1280]. Членство в ЕС подразумевает также уважение фундаментальных прав человека всеми государствами-членами, что создает взаимное доверие, которое создает основу для автоматичности сотрудничества в сфере уголовной юстиции [13, с. 126]. И именно для этого в рамках ЕС были утверждены минимальные стандарты прав обвиняемого и потерпевшего.

Следует также помнить, что вопросы доказательственного права могут быть затронуты и иными законодательными актами ЕС. Так, в ч. 4 ст. 9 директивы № 2011/36/EU от 5 апреля 2011 г. по предупреждению и пресечению торговли людьми и защите ее жертв указано, что государства-члены должны принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы органам уголовного преследования были доступны эффективные инструменты для расследования, упоминая конкретные следственные действия (перехват сообщений, скрытое наблюдение, включая электронное наблюдение, и др.), используемые для собирания доказательств.

Законодательные меры, предпринятые на наднациональном уровне в ЕС, показывают все более глубокую гармонизацию уголовно-процессуальных норм в рамках данного интеграционного образования и дальнейшую европеизацию национального уголовного процесса государств – членов ЕС. Однако до настоящего момента не установлены общие минимальные стандарты собирания доказательств, что показывает сложность гармонизации норм в сфере доказательственного права.

1. Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М., 2018.
2. Nelles U. Europäisierung des Strafverfahrens – Strafprozeßrecht für Europa? // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1997. Band 109.
3. Esser R. Auf dem Weg zu einem europäischen Strafverfahrensrecht. Berlin, 2002.
4. Ландо Д.Д., Самарин В.И. Европейское публичное право. М., 2015.
5. Gleß S., Lüke M. Strafverfolgung über die Grenzen hinweg // Jura. 1998. Heft 2.
6. Klip A. Harmonisierung des Strafrechts – eine fixe Idee? // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 2000. Heft 12.

7. Vermeulen G. Free gathering and movement of evidence in criminal matters in the EU: Thinking beyond borders, striving for balance, in search of coherence. Antwerpen, 2011.

8. Vermeulen G., Bondt de W., Damme van Y. EU Cross-border Gathering and Use of Evidence in Criminal Matters. Antwerpen, 2010.

9. Green Paper on obtaining evidence in criminal matters from one Member State to another and securing its admissibility, No. /COM/2009/0624final/ // EUR-Lex. Date of access: 09.10.2018. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0624>.

10. Strandbakken A., Husabo E.J. Harmonization of criminal law in Europe. Antwerpen, 2005.

11. Bedulskaia T. The impact of EU law on harmonisation of national criminal law / The interaction of national legal systems: convergence or divergence? : Conference papers (25–26 April 2013, Vilnius). Vilnius, 2013.

12. Mitsilegas V. The constitutional implications of mutual recognition in criminal matters in the EU // Common Market Law Review, 2006, Issue 5.

13. Mitsilegas V. EU Criminal Law after Lisbon. Rights, Trust and the Transformation of Justice in Europe. Oxford, 2016.

УДК 343.12

А.В. Самко

О ПЕРЕЧНЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 1 Конституции Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, обладающее верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляющее внутреннюю и внешнюю политику. В качестве одного из проявлений указанного конституционного установления выступает право государства на осуществление уголовного преследования лица, совершившего преступление.

Возбуждение уголовных дел и производство по ним предварительного расследования осуществляется органами дознания и предварительного следствия. Широкий перечень государственных органов и должностных лиц, уполномоченных Законом осуществлять дознание, содержится в ст. 37 УПК Республики Беларусь. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законе не в полной мере учитывается в данном вопросе динамика развития общественных отношений.

Указанное детерминирует необходимость исследования уголовно-процессуальных отношений, которые могут возникать в рассматриваемой сфере.

Изучая вопросы о перечне органов дознания, следует обратить внимание на то обстоятельство, что Республикой Беларусь активно ведется освоение Антарктики. И в данном случае вполне обоснованным видится внесение соответствующих изменений в УПК.

Под Антарктикой подразумевается район южнее шестидесятой параллели южной широты, включая все шельфовые ледники. В нее входят материк Антарктида, шельфовые ледники и прилегающие моря [1, с. 130]. Согласно ст. 1 Договора об Антарктике, подписанного в Вашингтоне 1 декабря 1959 г., «Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия». Подчеркивается свобода научных исследований в Антарктике и сотрудничество в этих целях всех заинтересованных государств.

В рамках проводимых изысканий в Антарктике создаются антарктические станции и сезонные полевые базы.

Круглогодично действующая антарктическая станция – это комплекс капитальных сооружений, обеспечивающих автономное проживание и условия для работы персонала экспедиции. Станция кроме служебных и жилых помещений имеет различные научные лаборатории, дизельные электростанции, мастерские, гаражи, радиостанцию, медсанчасть, банно-прачечный комплекс, очистные сооружения, транспортную технику различного назначения и т. д. Сезонные полевые базы предназначены для проведения исследований и работ в летний антарктический период. Они состоят из временных служебных и жилых помещений, основной и аварийной дизель-электростанций, мастерской, радиостанции, бани, медицинского блока, необходимой транспортной техники [1, с. 130]. Так, например, Российская арктическая экспедиция осуществляет деятельность на пяти круглогодичных антарктических станциях (Мирный, Восток, Прогресс, Новолазаревская, Беллинсгаузен) и пяти сезонных полевых базах (Дружная-4, Союз, Молодежная, Ленинградская и Русская). Начальники антарктических станций и сезонных полевых баз наделены полномочиями по возбуждению уголовных дел и проведению неотложных следственных действий при обнаружении признаков преступления на данных объектах [1, с. 130].

В белорусском законодательстве данные вопросы не регламентированы. Может показаться, что они не актуальны для нашей страны в связи с отсутствием какой-либо деятельности в данном регионе, но это далеко не так. После присоединения Беларуси к Договору об Антарктике (далее – Договор), принятия Государственной программы «Мониторинг полярных районов земли и обеспечение деятельности арктических

и антарктических экспедиций на 2011–2015 годы» Республика Беларусь с 2007 г. проводит в южной полярной области Земли международную научную и логистическую деятельность. У подножия горы Вечерняя в Восточной Антарктиде в декабре 2007 г. открыт белорусский сезонный полевой лагерь. В 2007–2010 гг. проведены три белорусские антарктические экспедиции. В данный период в рамках организации соответствующих экспедиций в Антарктиду направлялось 12 белорусских специалистов, создана основа для дальнейшей деятельности Республики Беларусь в Антарктиде и организации в перспективе белорусской антарктической станции. В настоящее время выполнено уже 9 сезонных антарктических экспедиций, завершён монтаж второго модуля Белорусской Антарктической станции, которая с 2019–2020 гг. вообще перейдет на круглогодичный режим работы [2].

Длительность данных экспедиций, отсутствие постоянно действующих органов дознания обуславливают, как представляется, необходимость наделения их руководителей полномочиями на осуществление дознания в случае совершения общественно опасных деяний в ходе их проведения. Это требует внесения соответствующих изменений в ст. 37 УПК.

1. Стельмах В.Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации // Журн. рос. права. 2017. № 6.

2. Белорусская антарктическая экспедиция станет круглогодичной [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik.by/nature/20170608/1029201033/belorussskaya-antarkticheskaya-ehkspediciya-stanet-kruglogodichnoj.html> (дата обращения: 22.08.2018).

УДК 343.1

В.С. Соркин

О ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ДИСКУССИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

Споры ученых-процессуалистов относительно возможности установления истины в уголовном судопроизводстве имели место на протяжении всего времени существования уголовно-процессуальных отношений. По мнению одних процессуалистов, цель уголовного процесса – достижение объективной истины, позиция других в том, что устанавливается лишь процессуальная или формальная истина. В этой

связи особенно примечательно сравнивать советский период обмена мнениями относительно данной категории и современный, развивающийся в условиях состязательного уголовного процесса при формальном отказе от цели достижения истины, где выше данной цели поставлена охрана прав и свобод человека, вовлеченного в сферу одноименных правоотношений. Формальный отказ от необходимости установления объективной истины сам по себе не создает дополнительных гарантий соблюдения прав граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

В советский период развития страны целью доказывания в уголовном судопроизводстве однозначно являлось достижение объективной истины. При этом под материальной (объективной) истиной понималось соответствие выводов следствия и суда о фактах, имеющих значение для дела, самим этим обстоятельствам, как они произошли в действительности [1, с. 323]. Кроме того, в содержание объективной истины по уголовным делам включались достоверное познание фактов, их правильная квалификация и правильное определение меры наказания [2, с. 139]. Как представляется, современное уголовно-процессуальное законодательство не отменяет задачу «достоверно познавать факты» при производстве по уголовному делу.

Вместе с тем некоторыми учеными ставится под сомнение сама возможность достижения объективной истины, и в обоснование указанного утверждения приводится ее несоответствие презумпции невиновности [3, с. 62–69]. П.А. Лупинская считает, что требование установления истины по каждому уголовному делу присуще инквизиционному процессу, игнорирующему права и свободы человека [4, с. 80]. З.З. Зинатуллин, критикуя теорию плюральности устанавливаемых в уголовном процессе истин, отмечает, что по каждому уголовному делу можно и нужно (должно) устанавливать только одну истину – объективную (материальную). При этом, по словам названного автора, такое требование не является «антагонистическим» по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности [5, с. 71]. Ю.В. Францифоров отмечает: «не отрицая наличия истины в уголовном судопроизводстве, следует видеть в ней не цель процесса доказывания, а лишь одно из средств этого процесса, отождествляющего истину со знанием факта» [6, с. 13].

С учетом изложенных идей относительно цели установления истины в уголовном судопроизводстве представляется, что в современном уголовном процессе, характеризующемся формальным отсутствием такой цели, укреплением принципа состязательности сторон и расширением сферы действия презумпции невиновности, правоприменитель обязан использовать законные способы и средства для достижения объективной

истины. Отказ от установления истины в уголовном процессе, равно как и исключение из УПК принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления, подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве [7, с. 13–17]. По этой причине, говоря об истине, стоит подразумевать прежде всего наличие у правоприменителя убеждения о соответствии установленных фактов реальной действительности вне зависимости от того, идет ли речь об истине объективной или формальной (юридической).

Следует задаться вопросом: «Каким образом влияет внутреннее убеждение судьи или следователя на установление истины по уголовному делу?». Прежде чем ответить, необходимо учесть, что внутреннее убеждение является основой принципа свободы оценки доказательств, выступая одновременно гарантией независимости суда при вынесении приговора. Правильно в этой связи утверждение: «Будучи субъективным по субстрату, внутреннее убеждение должно быть объективным по содержанию» [8, с. 23], причем данная мысль очень точно характеризует рассматриваемую правовую категорию, еще раз подчеркивая, что, несмотря на то, что решение принимается конкретным человеком, оно должно быть основано на достоверно установленных и соответствующим образом обоснованных закреплённых фактах.

Оригинальная мысль о роли внутреннего убеждения при установлении истины отмечается у В.А. Лазарева: «Убедиться в истинности полученного знания можно лишь сопоставив знание с действительностью, если же это невозможно (а проверить знание о преступлении опытным путем, разумеется, невозможно), на смену истине приходит решимость принять известное мнение за истинное или ложное и положить его в основание своей деятельности. Такая решимость есть убеждение. Очевидно, что за истину в делах судебных принимаем убеждение в том, что наше знание соответствует действительности» [9, с. 63]. Здесь утверждение автора, на наш взгляд, не совсем верно. Представляется очевидным то, что внутреннее убеждение является одним из критериев, позволяющих судить о достижении истины (в авторском понимании достаточной обоснованности выводов) по результатам расследования или разрешения уголовного дела.

Так, Ю.В. Францифоров исключает возможность достижения объективной истины в ходе рассмотрения уголовного дела, ссылаясь в том числе на внутреннее убеждение субъекта доказывания. Оценка доказательств, по его мнению, обладает еще большим субъективизмом по сравнению с другими элементами процесса доказывания, поскольку она производится по внутреннему убеждению, при реализации которого судья, следователь руководствуется не только законом, но и совестью [6, с. 12].

Необходимо также отметить, что истина, как и внутреннее убеждение, может быть представлена в виде субъективно-объективной категории. Так, В.Д. Спасович различал в истине две стороны: одну – объективную, не зависящую от познающего субъекта, и другую – субъективную, зависящую от свойств познающего лица и его индивидуального ума [10, с. 46].

В.В. Дорошков обращает внимание на то, что концепция «формальной истины» базируется на теории свободной оценки доказательств [11, с. 94]. Ученый, являющийся сторонником концепции истины формальной, исходит из невозможности достижения объективной истины в рамках уголовного процесса, поэтому и внутреннее убеждение в таком контексте является его аргументом в пользу возможности установления только формальной истины. На фоне этого весьма интересны результаты интерпретации внутреннего убеждения в качестве критерия истины.

А.А. Козявин, будучи сторонником истины формальной (юридической), утверждает, что внутреннее убеждение является критерием именно юридической истины [12, с. 115].

Д.А. Мезинов, аргументируя возможность установления в рамках уголовного процесса юридической истины, утверждает, что «следует ставить вопрос не о возможности и об обязанности достижения в уголовном процессе «объективной» истины (о факте достижения которой однозначно судить невозможно), а необходимости достижения судом (а также должностными лицами стороны обвинения), основанной на внутреннем убеждении (при отсутствии разумных сомнений), достоверных (достойных веры), предельно обоснованных знаний – выводов об устанавливаемых фактах, которые общественность примет как истинные» [13, с. 183–184]. Таким образом, сторонники установления в уголовном процессе юридической истины изначально считают, что объективная истина в принципе недостижима, поэтому внутреннее убеждение выступает в качестве аргумента, обосновывающего их позицию.

Видится верным разделить позицию тех процессуалистов, которые говорят о целесообразности закрепления в уголовном процессе России предписаний о цели доказывания – достижение объективной истины. Абсолютно прав в данной дискуссии профессор Л.В. Головкин, который выявляет подлинную суть разногласий, отмечая, что континентальная система права, исторически сложившаяся в России, основана на необходимости установления материальной (объективной) истины, иные варианты будут просто отторгнуты правовой системой, при этом отсутствие в законе указаний о достижении такой цели в уголовном процессе является серьезной институциональной ошибкой, которую необходимо срочно исправлять [14, с. 23].

Констатируя, что УПК Российской Федерации не предусматривает истину в качестве цели доказывания, российские процессуалисты не могут не оспаривать ее существования в условиях состязательного уголовного процесса.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: «Какую цель преследовал законодатель, когда изъял ст. 20 УПК РСФСР и не перенес ее в УПК России, где речь шла о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела?». Только ли желанием как можно быстрее избавиться от советского наследия в юридической науке и, в частности, в уголовном процессе? Оставим данный риторический вопрос без ответа. При этом заметим, что, несмотря на достаточно сложный и неоднозначный вопрос о характере истины, белорусский законодатель сохранил (и, по нашему мнению, поступил абсолютно верно) принцип объективной истины в уголовном судопроизводстве.

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.
3. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2012.
4. Лупинская П.А. Доказательственное право в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002.
5. Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России. М., 2014.
6. Францифоров Ю.В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании // Рос. следователь. 2005. № 11.
7. Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М., 2003.
8. Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002.
9. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2012.
10. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула, 2000.
11. Дорощков В.Б. Объективная и формальная истина как разные формы одного явления // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
12. Козявин А.А. Критерий истины, познаваемой в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
13. Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
14. Головкин Л.В. Истина в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6.

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Анализ практики досудебного расследования преступлений позволяет сделать вывод о том, что информационный потенциал документов как источников доказательств следственными органами Украины недооценивается и, следовательно, не используется в полной мере.

Решить имеющую место проблему можно, если подходить к использованию документов в процессе доказывания системно. Предлагаем идеальную модель процесса использования документов в уголовном производстве, согласно которой уголовное производство (уголовное дело) рассматривается как целостная система документов, а каждый отдельно взятый документ одновременно является процессуальным источником доказательств и системообразующим элементом уголовного производства (уголовного дела).

Перед описанием предлагаемой модели процесса использования документов в уголовном производстве видится необходимым акцентировать внимание на некоторых положениях действующего УПК Украины для более глубокого понимания порядка действия модели.

Так, УПК Украины закрепляет понятие доказательств и приводит исчерпывающий перечень процессуальных источников доказательств. Соответственно, доказательствами являются «фактические данные ...» (ч. 1 ст. 84), а процессуальными источниками доказательств – «показания, вещественные доказательства, документы, выводы экспертов» (ч. 2 ст. 84). При этом «документы» указаны как самостоятельный процессуальный источник доказательств, что свидетельствует об их значимости для процесса доказывания.

Определяющим кроме значения термина «документ» законодатель в УПК Украины закрепил перечень основных видов носителей информации, в том числе и электронных, которые могут принадлежать к документам (ст. 99), а также перечислил признаки, какими должны обладать документы, которые признаются (являются) вещественными доказательствами (ст. 98).

Так, согласно УПК Украины «документом является специально созданный с целью сохранения информации материальный объект, содержащий зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и т. п. сведения, которые могут быть использованы в каче-

стве доказательства факта или обстоятельств, устанавливаемых в ходе уголовного производства» (ст. 99). Из определения понятия «документ» видно, что законодателем использован открытый перечень способов фиксации сведений (информации) на материальных объектах (носителях информации) («... зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и т. п. сведения...» (ст. 99)), что свидетельствует о неограниченной возможности считать документами и использовать в процессе доказывания любые материальные объекты, которые не только специально созданы с целью сохранения сведений (информации) о фактах или обстоятельствах, устанавливаемых в ходе уголовного производства, но и содержат сведения о фактах или обстоятельствах, устанавливаемых в ходе уголовного производства.

Таким образом, формально документом является только тот материальный объект, который одновременно соответствует двум указанным выше условиям, т. е. образует единство носителя и сведений, которые на нем сохранены (зафиксированы).

Однако, как показывает практика использования документов в процессе доказывания, отсутствие на обнаруженном материальном объекте сведений (информации) о фактах или обстоятельствах, устанавливаемых в ходе уголовного производства, еще не свидетельствует о «беспольности» этого объекта как процессуального источника доказательств. Все зависит от следственной ситуации, которая сложилась в уголовном производстве (уголовном деле) и типа (вида) материального объекта. Особенно это важно помнить при обнаружении у подозреваемых лиц бланков официальных документов (например, лицензий, удостоверений, паспортов, дипломов и т. п.). Так, при наличии в материалах уголовного производства (уголовного дела) уже установленных (задокументированных, доказанных) фактов (эпизодов) изготовления, использования или сбыта аналогичных (подобных) видов поддельных официальных документов, найденные при производстве процессуального действия бланки официальных документов могут быть доказательством преступного намерения (умысла) подозреваемого, направленного на продолжение совершения аналогичных преступлений (либо как покушение на совершение преступления; совершение преступления повторно).

Согласно УПК Украины результативными (типичными) в аспекте обнаружения и изъятия бланков официальных документов и документов с элементами подделки, а также приспособлений и оборудования для их изготовления (в том числе компьютерного) являются следующие процессуальные действия: осмотр места происшествия (по месту прожи-

вания и работы подозреваемого) (ст. 237); обыск (по месту проживания (в том числе временного) и работы подозреваемого) (ст. 234); временный доступ к предметам и документам, находящимся в собственности или владении подозреваемого (ст. 165).

Процессуально грамотно выявленные (обнаруженные) и изъятые документы не только сами становятся допустимыми источниками доказательств в уголовном производстве (уголовном деле), но и позволяют сформировать иные виды допустимых для использования в процессе доказывания источников доказательств: выводы экспертов, вещественные доказательства и/или показания (ч. 2 ст. 84). Нарушение установленной процессуальной формы (порядка) проведения процессуального действия, направленного на поиск и изъятие документов, автоматически приводит к недопустимости дальнейшего использования в процессе доказывания обнаруженных и изъятых документов. Соответственно, сформированные на основании (с использованием) недопустимых документов иные виды процессуальных источников доказательств, автоматически становятся недопустимыми для использования их в процессе доказывания. Например, документы, полученные следователем у неустановленного лица без соответствующего процессуального оформления этого факта; отсутствие в протоколе обыска конкретного перечня изъятых документов (ст. 236); отсутствие разрешения следственного судьи на изъятие документов во время временного доступа к этим документам (ст. 159) и т. п., что приводит к недопустимости дальнейшего использования изъятых документов как объектов для экспертного исследования (с целью формирования выводов экспертов), при допросах (для формирования показаний соответствующих участников уголовного производства), не говоря уже о возможности признать изъятые с нарушением процессуальной формы документы вещественными доказательствами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что соблюдение предусмотренного УПК Украины процессуального порядка (процессуальной формы) при изъятии документов обязательно.

Наличие перечисленных нарушений, выявленных при изучении материалов уголовных производств (уголовных дел), приводит к утрате документов как источников доказательств (в большинстве случаев незаменимых) и позволяет утверждать, что информационный потенциал документов недооценивается органами расследования Украины. Кроме того, признание документа недопустимым для использования в процессе доказывания препятствует формированию материалов уголовного производства (уголовного дела) как единой системы документов и затрудняет принятие итоговых решений в уголовном производстве в разумные сроки

(ст. 283) (например, приводит к затягиванию сроков сообщения о подозрении в совершении преступления; не позволяет принять решение об окончании досудебного расследования и т. п.). Разумными согласно УПК Украины считаются сроки, объективно необходимые для выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений (ст. 28).

Учитывая изложенное, описанная идеальная модель использования документов как источников доказательств в уголовном производстве под страхом признания изъятых с нарушением процессуальной формы документов, недопустимыми для использования в процессе доказывания, и, как следствие, утраты в 90 % случаев основных источников доказательств, позволит автоматически контролировать соблюдение предусмотренного УПК Украины процессуального порядка (процессуальной формы) при изъятии документов и обеспечит законность формирования уголовного производства (уголовного дела) как единой системы документов.

УДК 343.13

М.А. Шостак

ПОНЯТИЕ, ПОВОДЫ И ОСНОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В процессуальной литературе отсутствует единый подход к определению понятия досудебного соглашения о сотрудничестве. По нашему мнению, это особое процессуальное производство, осуществляемое органом уголовного преследования и судом в связи с поступлением письменного ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу.

Так, в п. 4¹ ст. 6 УПК указано, что досудебным соглашением о сотрудничестве является соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств. Такое определение понятия досудебного соглашения о сотрудничестве не отражает сущности нового особого производства по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, предусмотренное гл. 49¹ УПК.

В указанной норме досудебное соглашение о сотрудничестве рассматривается как процессуальный акт в виде письменного соглашения,

заключаемого между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором. Однако досудебное соглашение о сотрудничестве следует рассматривать шире – как особое производство, осуществляемое в связи с поступлением в орган уголовного преследования ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим представляется не совсем точным наименование гл. 49¹ УПК «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве». Это производство начинается не с момента заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а с момента подачи подозреваемым (обвиняемым) на имя прокурора в письменном виде ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Таким образом, ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является поводом к осуществлению указанного особого производства, как, например, для стадии возбуждения уголовного дела являются поводы, указанные в ст. 166 УПК. По смыслу ч. 6 ст. 468⁶ УПК ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть подано также защитником подозреваемого (обвиняемого). Законом не предусмотрена подача ходатайства законным представителем подозреваемого (обвиняемого).

Ходатайство о заключении такого соглашения подается прокурору исключительно через следователя, осуществляющего производство по уголовному делу (ч. 6 ст. 468⁶ УПК). Согласно этой норме, если ходатайство будет подано непосредственно прокурору либо начальнику следственного подразделения, оно немедленно должно быть передано следователю. В случае заявления подозреваемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве органу дознания во время производства неотложных следственных и других процессуальных действий для установления и закрепления следов преступления оно в соответствии с ч. 5 ст. 468⁶ УПК вместе с уголовным делом должно быть незамедлительно передано следователю для производства дальнейшего расследования.

В отличие от ходатайств о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, обеспечения прав и законных интересов лица, обратившегося с ходатайством, или представляемого лица, которые могут быть заявлены в соответствии со ст. 135, 136 УПК органу, ведущему уголовный процесс, как в письменном виде, так и устно, ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подаются исключительно в письменном виде. Указанное ходатайство может

быть заявлено только в досудебном производстве по уголовному делу с момента возбуждения уголовного дела и до объявления обвиняемому об окончании предварительного расследования (ч. 5 ст. 468⁶ УПК).

Ходатайство должно быть подписано подозреваемым (обвиняемым), его защитником, когда участие защитника в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 45 УПК обязательно, если подозреваемым или обвиняемым заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, или когда защитник участвует по приглашению подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей, а также близких родственников, других лиц по просьбе или с согласия подозреваемого или обвиняемого, или когда защитник назначен через территориальную коллегия адвокатов по требованию органа уголовного преследования по ходатайству подозреваемого, обвиняемого. Следует отметить, что участие защитника в уголовном деле обязательно не только в случае, когда подозреваемым или обвиняемым заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, но и в других случаях, указанных в ч. 1 ст. 45 УПК. Если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, то ходатайство должно быть подписано также его законным представителем. По смыслу закона без подписи защитника, законного представителя подозреваемого (обвиняемого) ходатайство органом уголовного преследования не может быть принято.

Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть удовлетворено и составлено соглашение в порядке ст. 468⁸ УПК при наличии соответствующих оснований. Такими основаниями, как видно из содержания ч. 4 ст. 468⁶ УПК, являются обязательства, которые принимает на себя подозреваемый (обвиняемый) в своем ходатайстве:

признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины в совершении преступления;

указание действий, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем;

указание действий по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем;

указание иных действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших.

Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве как отдельное производство определяется объемом обязательств, которые подозреваемый (обвиняемый) указывает в своем ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Согласно ч. 2 и 3 ст. 468⁶ УПК досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено:

с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. В случае признания лица, совершившего общественно опасное деяние, невменяемым досудебное соглашение о сотрудничестве утрачивает силу. Досудебное соглашение о сотрудничестве утрачивает силу и в случае, когда лицо, совершившее преступление, заболело психическим расстройством (заболеванием) во время производства по уголовному делу. Невменяемость лица может быть определена после подачи ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при проведении судебно-психиатрической экспертизы по постановлению следователя;

по уголовным делам ускоренного производства;

в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности. По смыслу закона досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено лишь в случаях, когда подозреваемый (обвиняемый) совершил преступление в соучастии с другими лицами.

Иные основания невозможности заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве УПК не предусмотрены.

Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 24 декабря 2014 г. № Р-967/2014 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в заключении отметил, что введение института досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причиненного преступлением вреда (ущерба) и обеспечение тем самым охраны конституционных прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц, общественных и государственных интересов и установленного правопорядка от преступных посягательств.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЛИЦОМ, СОВЕРШИВШИМ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, основываясь на Конституции Республики Беларусь, устанавливает порядок деятельности органов, ведущих уголовный процесс, а также права и обязанности участников уголовного процесса. Одним из таких участников по смыслу п. 49 ст. 6 УПК является лицо, совершившее общественно опасное деяние. Согласно п. 13 ст. 6 УПК существуют две группы субъектов: лица, совершившие общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости; лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством.

Особенность упомянутых категорий субъектов заключается в том, что они в силу имеющейся у них психической патологии не способны в полной мере осознавать предоставленные законом права, а, следовательно, и надлежащим образом их осуществлять. В этой связи озабоченность вызывает процессуальный порядок реализации ими права на защиту.

Учитывая, что одной из приоритетных задач уголовного процесса является «...защита личности, ее прав и свобод...», в случаях, когда психическое заболевание лица ограничивает или вообще исключает его возможность лично инициировать предусмотренные законом процессуальные мероприятия по защите, рассматриваемое право должно приобретать форму процессуальной гарантии, обязанность реализации которой возлагается на органы, ведущие уголовный процесс. Другими словами, при производстве по уголовным делам, ведущимся в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), «...право на защиту неотделимо от гарантий его осуществления» [1, с. 44–45]. Такой подход видится обоснованным, однако, как представляется, в действующем УПК он не получил четкого закрепления. Так, в ч. 1 ст. 45 УПК среди случаев обязательного участия защитника в производстве по уголовному делу названа ситуация, когда «подозреваемый или обвиняемый в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту». Однако редакция данной нормы не охватывает случаев ведения производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, так как субъект, в отношении которого оно осуществляется, не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, а именуется лицом, совершившим общественно опасное деяние.

Так, гл. 46 УПК, регламентирующая порядок упомянутого особого производства, также не содержит указаний на необходимость обеспечения участия в нем защитника лица, совершившего общественно опасное деяние. В отличие от отечественного законодательства УПК Российской Федерации прямо указывает на необходимость участия защитника в названном производстве, более того, конкретно регламентирует время допуска защитника: «с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы» (если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле) (ст. 438) [2, с. 934].

Таким образом, действующая редакция норм УПК Республики Беларусь формально не содержит требования об обеспечении участия защитника лица, совершившего общественно опасное деяние, при производстве по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения. Очевидно, что сложившаяся ситуация противоречит как положениям Конституции, так и содержанию задач уголовного процесса.

Не вызывает сомнений, что если закон в силу п. 4 ч. 1 ст. 45 УПК гарантирует реализацию права на защиту подозреваемым, обвиняемым, которые в силу психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту, то тем более должен гарантировать его лицам, «совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости и лицам, заболевшим после совершения преступления психической болезнью».

Сложившаяся ситуация, как представляется, является следствием неопределенности правового положения лица, совершившего общественно опасное деяние. УПК не регламентирует процессуальный статус данного субъекта; отсутствует в законе и механизм, посредством которого подозреваемый, обвиняемый после выявления у него соответствующего психического расстройства должен быть переведен в положение лица, совершившего общественно опасное деяние.

Как следствие, содержание отдельных норм УПК позволяет говорить о рассматриваемом субъекте, как об отдельном участнике уголовного процесса, содержание других скорее свидетельствуют о том, что его следует воспринимать как подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого ведется особое производство, регламентированное гл. 46 УПК. К слову сказать, второй из описанных подходов нашел отражение в Модельном УПК для государств – участников СНГ, согласно положениям которого (ч. 3 ст. 97 и ст. 556) лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, продолжает именоваться обвиняемым и в зависимости от степени и характера заболевания может реализовывать права и обязанности названного участника уголов-

ного процесса. По сходному пути идет законодательство ряда зарубежных стран (Армения, Республика Молдова, Эстония и др.), где субъект, в отношении которого ведется особое производство, привлекается к участию в процессуальных действиях и пользуется правами обвиняемого в той мере, в какой это позволяет его психическое состояние. Законодатели иных государств предусматривают отдельные перечни прав таких субъектов, близкие по содержанию к правам обвиняемого (ст. 406 УПК Кыргызской Республики; ч. 1 ст. 515 УПК Республики Казахстан).

Представляется, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство должно быть подвергнуто корректировке путем смысловой конкретизации понятия «лицо, совершившее общественно опасное деяние».

Так, в случае закрепления положений, определяющих рассматриваемого субъекта как отдельного участника процессуальных отношений, видится необходимым включить его в перечень участников уголовного процесса, которым защитник призван оказывать юридическую помощь и дополнить ч. 1 ст. 45 УПК еще одним основанием, предусматривающим обязательное участие защитника: «если производство по уголовному делу осуществляется в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние».

В качестве альтернативного пути совершенствования Закона представляется возможным закрепить подход, в соответствии с которым категория «лицо, совершившее общественно опасное деяние» будет использоваться как термин, обозначающий подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер безопасности и лечения. При таком подходе рассматриваемое понятие будет указывать лишь на личностные особенности субъекта процессуальной деятельности, не повлечет появления нового участника уголовного процесса, что позволит избежать усложнения уголовно-процессуальной регламентации и ограничить изменение действующего закона несущественной стилистической доработкой ряда указанных выше норм.

1. Шагеева Р.М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера. М., 2007.

2. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий : учеб. пособие. М., 2018.

УДК 159.9(075.8)

А.Н. Алехин, Е.С. Черкасова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В КОМПЛЕКСНЫХ ЭКСПЕРТИЗАХ ПО ДЕВИАНТНОМУ ПРОТИВОПРАВНОМУ СЕКСУАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Обсуждение новых возможностей участия клинических психологов в экспертной деятельности, в том числе при реализации комплексных судебных психолого-сексолого-психиатрических экспертиз (КСПСПЭ), в настоящее время, по мнению авторов, является незаслуженно оставленным без внимания. Трехединое взаимодействие психиатра, психолога и сексолога описано неоднократно [1, с. 87; 2, с. 115–117], но в указанных научных работах речь идет исключительно о клиническом психологе, решающем задачи вспомогательного рода. Возникает определенная коллизия, связанная с тем, что получаемые при помощи клинического психолога результаты, отражающие специфику исключительно психологической компетенции, претерпевают интеграцию комплексного видения и берутся за основу характеристик в заключении КСПСПЭ; т. е. базисные характеристики выполняют вспомогательные задачи? Такое положение вещей как минимум неэффективно и противоречит принципам равноправия всех экспертов [1, с. 87].

Возможности клинических психологов в вопросах изучения материалов уголовных дел, клинической реконструкции устанавливаемых противоправных событий, анализе психологического и психофизиологического состояния, сопоставлении и синтезе получаемых в ходе выполнения исследовательских методик результатов и многое другое, находящееся в плоскости клинической психологии с учетом доступных для его компетенции методических средств, позволяет многогранно оценить поведенческие, преддиспозиционные, мотивационные и иные факторы противоправного деяния. При проведении КСПСПЭ в рамках расследования преступлений против половой свободы и половой неприкосновен-

ности личности эксперты часто сталкиваются с проблемой определения именно девиантного поведения как разновидности противоправного поведения. В ходе проведения экспертизы клинический психолог должен установить активность подэкспертного в двух системах: идеаторной и идеомоторной. Представления о собственном участии в девиантном поведении (в том числе и противоправном) либо потребности в таком поведении изначально происходит посредством эротических фантазий, в том числе во время мастурбации, при рассматривании порнографии, во время полового акта. Параллельно или последовательно идеаторная активность способна задействовать сферу бессознательного, наполненные девиантными символами сновидения могут иметь характеристику повторяющихся или продолжающихся снов (например, один и тот же сон в виде определенной навязчивой картины с продолжением, как сериал).

В рамках КСПСПЭ возможно диагностировать наличие идеаторной активности и оценить прогноз (реализацию) тенденций с позиции девиантологии, но здесь важно понимать, что речь идет о вероятностном выводе, так как неосознаваемые элементы не имеют четких количественных критериев.

Актуальными противоправными деяниями сегодня являются спорадические поведенческие преступления, в основе – совокупность идеаторной активности и «влияние случая», так называемое «случайное сексуальное преступление». До определенного времени индивид заглушает в себе девиантные противоправные тенденции, страх способен до определенного времени не позволять им быть реализованными. Но наступает «благоприятный» момент, и противоправные сексуальные тенденции больше не поддаются контролю волевой сферы индивида, а страх и риск последствий претерпевает видоизменение по типу «я не попадусь», «никто не узнает» и т. д.

В настоящее время есть основания утверждать, что существуют скрытые сексуальные девиации, которые при определенных условиях и при благоприятных обстоятельствах совершают манифест, выраженный в деликте. Дальнейший прогноз манифестации противоправного сексуального поведения крайне неблагоприятен, так как мыслительная деятельность неминуемо затрагивает единый механизм нервно-гуморальной регуляции функций организма, который влияет на половую сферу. Идеаторно-идеомоторные акты, произвольные движения автоматически вызывают ответную реакцию организма вслед за представлением. Данная взаимосвязь подтверждена многочисленными психологическими исследованиями, проводимыми в психологии спорта и

ее реализация в клинической и экспертной деятельности, на наш взгляд, является перспективной. Идеомоторная активность широко представлена в научных трудах И. Сеченова, И. Тарханова, В. Бехтерева, И. Павлова. Между мыслью и сексуальным действием существует связь, например, при воображении сексуального акта с участием несовершеннолетнего отмечается появление «гусиной кожи», дрожи, эрекции и т. д. Выделение пота и учащение сердцебиения при переживании представляемых сексуально-педофилийных ситуаций, навязчивые мысли о предстоящем сексуальном взаимодействии с ребенком, микродвижения тела и лица у человека, стремящегося скрыть свои желания. Диагностика периода непосредственной подготовки к предстоящей деятельности под влиянием процесса воображения (идеаторный компонент) и двигательных представлений (идеомоторный компонент) еще до периода непосредственной реализации противоправного сексуального деяния изменяет функциональное состояние большинства систем организма. Представление о действии увеличивает кровообращение, двухминутная воображаемая девиантно-сексуальная активность изменяет хронаксию испытуемых (возбудимость и лабильность периферической нервной системы в сторону повышения). Важным условием всестороннего изучения идеаторного компонента у лиц с предполагаемой и подлежащей объективизацией сексуальной девиацией является знание о сохранности патологического фантазирования об объектах сексуального удовлетворения. Авторы исходят из того, что разработка, апробация и внедрение «Аппаратно-программного комплекса сексуальных предпочтений» в качестве объективизирующего клинического метода поможет в решении следующих задач:

1) изучить и объективизировать спектр сексуальных предпочтений подэкспертного с выделением возможного парафильного стимула, что в сочетании с данными других методов исследования полового самознания и клинко-психопатологических методов позволит диагностировать конкретную сексуальную девиацию в условиях комплексной экспертизы при минимальном субъективном участии экспертов в условиях экономии времени и средств для реализации;

2) исключить негативные последствия в виде диссимуляции;

3) оценить риск рецидива сексуального насилия, педофилии и иных опасных для социума девиаций, давая фактический материал при профилактике противоправного поведения (прогностическая задача).

Актуальность внедрения в практику экспертной клинической деятельности компьютерных методов анализа обусловлена необходимо-

стью оптимизации и объективизации результатов обобщенного спектра клинико-патологических методов исследования в диагностике аномального сексуального поведения. К настоящему моменту весь ранее накопленный опыт по разработке прибора биологической обратной связи направлен в иную сферу, что предполагает значительное расширение возможностей применения аппаратно-программного комплекса [3, с. 139–142]. Рабочее название и техническое задание подготовлено в лаборатории компьютерных систем биоуправления под руководством кандидата физико-математических наук О.А. Джафаровой на базе ФГБУ «НИИ молекулярной биологии и биофизики» СО РАМН.

Цель применения «Аппаратно-программного комплекса сексуальных предпочтений» заключается в выявлении идеаторного компонента и субъективной значимости групп визуального воздействия, предъявляемых в условиях прямого открытого предъявления при одновременной регистрации психофизиологической реакции подэкспертного. Визуальные стимулы распределены в соответствии с перечнем сексуальных девиаций по МКБ-10, разобщенных при предъявлении.

Комплексное изучение идеаторного компонента возможно при совокупности и взаимодополнении составных частей:

1) сконструированного клинического интервью с включением в его сценарий психоаналитических приемов, в частности, свободного ассоциативного мышления;

2) установления патологической сексуальной активности;

3) наличия избирательности аномального сексуального объекта.

Необходимо отметить, что изложение обоснованного вероятностного вывода относится к некатегоричной форме, но с учетом включенных в него данных о прохождении исследования на «Аппаратно-программном комплексе сексуальных предпочтений» позволяет описывать методами математической статистики при обработке качественно-количественных данных психофизиологических систем, что значительно увеличивает вероятностный вывод клинического психолога.

1. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М., 2014.

2. Дворянчиков Н.В., Карпова Д.А. Инструментальные методы исследования аномального сексуального поведения // Психологическая наука и образование. 2009. № 5.

3. Алехин А.Н., Черкасова Е.С., Букин А.В. Возможности психофизиологического исследования в целях объективизации данных аномального сексуального поведения // Вестн. Моск. акад. СК России. 2018. № 1.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Одно из определяющих условий построения и функционирования правового государства – правовое регулирование всех сфер человеческой деятельности, создание надежного действенного правового механизма государственной защиты всех естественных и приобретенных прав людей в соответствии с их правовым статусом. Постоянное развитие общественных процессов и отношений обуславливает динамические процессы в сфере их правового регулирования, отражающиеся в изменениях соответствующих нормативных правовых актов.

Вследствие интенсификации законотворческой деятельности в Украине, особенно в последние годы, наблюдаются не только несогласованность положений отдельных нормативных правовых актов, но и противоречия конституционным принципам, а в некоторых случаях и законам научного развития определенных отраслей знаний. Подобные процессы характерны для правосудия и его отдельных институций, в частности, для судебно-экспертной деятельности.

Последние изменения правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Украине введены в действие Законом Украины «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты» от 3 октября 2017 г. № 2147-VIII. Так, указанным Законом внесены изменения в Закон Украины «О судебной экспертизе» (далее – Закон), касающиеся понятия судебной экспертизы (ст. 1), полномочий субъектов судебно-экспертной деятельности (ст. 7, 9, 10), оснований проведения судебной экспертизы (ст. 7¹). Анализ обозначенных изменений является важным с точки зрения их значения для развития теории судебной экспертизы.

Итак, согласно внесенным изменениям под судебной экспертизой предлагается понимать исследования на основе специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла и т. д., объектов, явлений и процессов с целью дачи заключения по вопросам, которые являются или будут являться предметом судебного разбирательства. Но, на наш взгляд, такая конструкция не позволяет отделить судебную экспертизу от несудебной. Так, судебная экспертология рассматривает судебную

экспертизу как квалифицированное (экспертное) исследование объектов (в широком смысле) специальным субъектом не по направлениям применения ее результатов, а по причине инициации такого исследования – именно в процессе определенного вида судопроизводства (гражданского, административного, хозяйственного, уголовного) [1, с. 20, с. 64–65]. Кроме того, сведя цель судебной экспертизы к даче заключения, законодатель превращает процесс исследования в рамках проведения судебной экспертизы к выполнению механической работы. Исследование (чем по сути является судебная экспертиза как вид практической деятельности) – это познавательная деятельность, конечной целью которой не может быть дача вывода (заключения): цель любой познавательной деятельности – получение информации, фактических данных.

Также в рамки предложенного определения не умещается понятие так называемой «экспертной инициативы»: изложение в заключении эксперта сведений, в отношении которых не поставлены вопросы эксперту. Фактически такая информация может не являться в дальнейшем предметом судебного разбирательства, а носить сугубо ориентирующий (оперативный) характер.

Определяя сферу компетенции судебной экспертизы «специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла и т. д.», законодатель создает условия правовой неопределенности нормативного правового акта, нарушая принцип верховенства права, закладывая условия для дискреционных полномочий. Такая конструкция правовой нормы не только размывает границы предмета судебной экспертизы (как вида практической деятельности), но и затрудняет достижение общей цели Закона: обеспечение правосудия Украины независимой, квалифицированной и объективной экспертизой, ориентированной на максимальное использование достижений науки и техники.

Что касается логики законодателя относительно определения объектов судебной экспертизы: «исследование ... объектов, явлений и процессов», а не «материальных объектов, явлений и процессов» (предыдущая редакция Закона), то она требует обоснованного толкования, так как вступает в противоречие с современными теоретическими положениями судебной экспертологии о материальной природе объектов судебной экспертизы [2, с. 309–312].

Особое внимание привлекают изменения в ст. 7 Закона в части ограничения осуществления судебно-экспертной деятельности по уголовным производствам исключительно государственными специализированными учреждениями. На наш взгляд, такое ограничение противо-

речит не только принципам самой судебно-экспертной деятельности, но и принципам уголовного судопроизводства, и влечет также за собой необоснованное, неоправданное расширение штата государственных специализированных учреждений, затягивание процесса расследования и создание судебных прецедентов в части признания отдельных выводов экспертов допустимыми и надлежащими доказательствами.

Такая законотворческая деятельность усматривается нелогичной не только на основании проведенного краткого анализа основных изменений, а также ввиду наличия очередного проекта Закона Украины «О судебно-экспертной деятельности», текст которого с содержательным обоснованием его целесообразности с 2013 г. расположен на сайте Министерства юстиции Украины для общественного обсуждения.

1. Клименко Н.И. Судова експертологія : курс лекцій : навч. посіб. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл. Київ, 2007.

2. Клименко Н.И. Природа объектов судебной экспертизы // Актуальні питання кримінального процесу, криміналістики та судової експертизи : матеріали міжведом. науч.-практ. конф., Київ, 24 нояб. 2017 г. : в 2 ч. / редкол.: В.В. Черней [и др.]. Київ, 2017. Ч. 1.

УДК 343.982.4

Т.В. Ахраменко

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ

При расследовании преступлений, так или иначе обусловленных использованием электронных документов, субъект доказывания (следователь, прокурор, суд) неизбежно сталкивается с необходимостью выявления, изъятия, исследования и оценки следов и вещественных доказательств, существующих в электронной среде. При этом, по мнению многих ученых, исследующих данную проблему, для корректного исследования таких объектов недостаточно базовой юридической подготовки и специализации в области криминалистики, в связи с чем возникает необходимость привлечения для этого лиц, обладающих специальными знаниями, в первую очередь посредством назначения соответствующих судебных экспертиз, в частности, компьютерно-технических [1, с. 23; 2, с. 11].

Так, в теории судебной экспертизы к основным задачам, решаемым посредством проведения экспертных исследований, принято относить следующие:

идентификационные (направлены на установление тождества объектов (людей, предметов и т. д.) по их следам или образцам);

диагностические (направлены на установление состояния исследуемых объектов, следов, процессов, обусловленных событием преступления). К этому же виду исследований относится, на наш взгляд, и классификационные вопросы: установление родовой принадлежности, определение типа, вида и модели того или иного устройства или предмета;

ситуационные (уяснение отдельных обстоятельств и (или) механизма расследуемого события с учетом конкретных обстоятельств) [3, с. 23].

Учитывая возможности судебной компьютерно-технической экспертизы, приведенные выше виды экспертных задач могут быть реализованы посредством решения ряда вопросов. Сюда относятся:

воспроизведение и распечатка всей или части информации, содержащейся на физических носителях, в том числе в нетекстовой форме;

восстановление информации, ранее содержавшейся на физических носителях и впоследствии удаленной или измененной по различным причинам;

установление времени ввода, изменения, уничтожения либо копирования той или иной информации;

расшифровка закодированной информации, подбор паролей и вскрытие систем защиты информации;

установление авторства, места, средства подготовки и способа изготовления документов (файлов, программ);

выяснение технического состояния, исправности программно-аппаратных комплексов автоматизированных информационных систем, возможности их адаптации под конкретного пользователя;

диагностирование свойств и состояния настроек по подключению к интернету;

определение структуры механизма и обстоятельства события, связанного с работой в интернете, по его результатам (информационным следам);

установление причинной связи между использованием конкретных компьютерных средств и результатами их применения при работе в интернете.

При исследовании электронных документов следует учитывать особенности их носителей, что может потребовать проведения экспертизы носителей машинной информации, на разрешение которой могут быть поставлены следующие вопросы: Каков тип носителя, его технические

характеристики (на каких типах ЭВМ может быть использован, максимально допустимая емкость записи и пр.)? Имеет ли носитель механические повреждения? Какая информация записана на данный носитель? Возможна ли коррекция информации на носителе? Имеется ли на носителе компьютерный вирус, если да, то какой, какие изменения вносит и возможна ли его нейтрализация без ущерба для информации? Являются ли изменения на носителе результатом действия вируса? Возможно ли копирование информации с данного носителя и возможно ли физическое копирование носителя в целом? Какой объем занимает вся информация на носителе, ее отдельные части и сколько имеется свободного места? Нет ли на носителе специальных программ, уничтожающих информацию в случае несанкционированного доступа, отсутствия ключей и паролей или использования на другом компьютере, стоит ли счетчик возможных инсталляций и другие средства защиты, возможен ли их обход и каким образом? При повреждении носителя возможно ли восстановление информации? Какая информация ранее была записана на данный носитель (отмечена как удаленные файлы), и возможно ли ее восстановление?

Однако, несмотря на внушительный перечень приведенных вопросов, решаемых с помощью компьютерно-технических исследований, анализ судебно-экспертной практики свидетельствует о необходимости развития комплексных экспертиз с использованием специальных знаний в иных направлениях судебной экспертизы. Ведущее место здесь занимает судебная техническая экспертиза документов [4, с. 173]. Именно с необходимостью исследования поддельных документов, ценных бумаг и денежных знаков, оттисков печатей, изготовленных с применением современных информационных технологий, связан первый опыт проведения комплексных экспертиз в рассматриваемой сфере. Кроме того, именно комплексная судебная компьютерно-техническая экспертиза и судебная техническая экспертиза документов представляет собой исследование, проводимое для решения вопросов диагностики и идентификации документов, выполненных с использованием компьютерных средств.

Представляется, что при проведении комплексного исследования применительно к судебной компьютерно-технической экспертизе необходимо формулировать следующие вопросы: Каково содержание информации, хранящейся на внутренних и внешних магнитных носителях, в том числе какие программные продукты там находятся? Использовались ли для ограничения доступа к информации пароли, скрытые файлы, программы защиты и пр.? Каково содержание скрытой информации? Возможно ли восстановление удаленных файлов? Возможно ли восстановление дефектных магнитных носителей информации? Каково содержание

восстановленных файлов? Когда производилась последняя корректировка данного файла или инсталляция (установка) данного программного продукта? Каков был уровень профессиональной подготовки в области программирования и работы с компьютерной техникой лица, производившего данные действия с компьютером и программным обеспечением?

Следует также иметь в виду, что компьютер предоставляет автору или исполнителю документа обширный набор механизмов формирования текстов посредством использования специализированных программ. Причем каждый оператор (пользователь) компьютера владеет некоторой совокупностью этих механизмов. Навыки владения ими для каждого оператора индивидуальны и относительно устойчивы. Именно они отображаются в документе, являясь идентифицирующим признаком оператора (пользователя). В этой связи при проведении комплексного исследования электронного документа специалист в области судебной технической экспертизы документов может установить признаки документа: значение параметров страницы (верхнее, нижнее, левое, правое поля); расстановку переносов; выравнивание; абзацные отступы; количество страниц и их содержание; текстовое содержание и шрифтовое оформление строк; построчное местоположение и т. д. Кроме того, могут быть установлены некоторые частные признаки, например, пропущенные буквы, отсутствие (наличие) пробела, отсутствие (наличие) знаков препинания, характерные ошибки в расстановке знаков препинания (пробел перед запятой, точкой, после открывающейся кавычки и т. п.).

Таким образом, современные возможности судебных экспертиз позволяют решать широкий круг идентификационных, диагностических и ситуационных экспертных задач в области исследования электронных документов. При этом только посредством использования специальных знаний в сфере компьютерно-технической экспертизы в совокупности с достижениями в иных областях судебных экспертиз можно получить максимально объективную и достоверную картину событий, обусловленных преступным использованием электронных документов.

1. Аверьянова Т.В. Задачи КТЭ // Информатизация правоохранительных систем : сб. тр. VII Междунар. науч. конф., Москва, 30 июня – 1 июля 1998. М., 1998.
2. Вехов В.Б. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств электронно-вычислительной техники : учеб.-метод. пособие. Изд. 2-е. М., 2000.
3. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности : учеб. пособие. Калининград, 2001.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе : практ. пособие. М., 1996.

ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В последние десятилетия в Российской Федерации отмечается рост криминального профессионализма, вооруженности и технической оснащенности преступников, развиваются транснациональные связи организованных преступных сообществ [1, с. 108–110]. И здесь важнейшей задачей в деятельности правоохранительных органов было и остается быстрое и надежное установление личности неизвестного человека (преступника) по следам, оставленным на месте происшествия.

Одним из наиболее эффективных методов идентификации личности является дактилоскопия [2; 3, с. 17–19]. Использование сведений о строении папиллярных узоров человека для идентификации заключается в сравнении дактилокарт (следокарт), полученных в разное время. Если папиллярные узоры в своих общих и частных признаках совпадают, то они принадлежат одному и тому же лицу. Объективные предпосылки: уникальность и неповторимость папиллярных узоров; неизменяемость их в течение жизни. Преимущества метода: надежность, простота, доступность и дешевизна.

С точки зрения нереализованных возможностей дактилоскопии и перспектив ее дальнейшего развития важно учитывать три позиции:

необходимость расширения контингента лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, популяризация добровольной дактилоскопической регистрации;

возможность получения дополнительно дактилоскопических отпечатков пальцев ног и подошв. В настоящее время прижизненно в криминалистических целях получают отпечатки пальцев рук и ладоней, но свойствами уникальности и неизменяемости обладают еще и папиллярные узоры пальцев ног и подошв [4];

целесообразность разработки принципиально иных (альтернативных) способов оценки информативности папиллярных узоров прежде всего на основе дерматоглифики. Последняя позиция требует дополнительного разъяснения.

1. Если нет прижизненной дактилокарты (при наличии посмертной дактилокарты или следокарты с места происшествия), то в качестве сравнительного материала целесообразно использовать дактилокарты кровных родственников проверяемого лица (мать, отец, ребенок, брат,

сестра) в рамках судебно-генетического дерматоглифического анализа [5]. По таким дактилокартам возможно спрогнозировать значения признаков отсутствующих папиллярных узоров и сравнить эти значения с имеющимися у погибшего.

Объективные предпосылки: наследуемость папиллярных узоров в своих основных чертах строения и некоторых деталях; сходство условий эмбриогенеза гребешковой кожи (у близнецов).

Особенно высокая мера сходства (при наличии и криминалистически значимых различий) у однояйцовых близнецов. У них совпадают не только типы папиллярных узоров и гребневой счет, но и ориентация узоров, направление спирализации папиллярных линий, насыщенность узоров минущиями (мелкими деталями строения папиллярных линий).

Преимущества: применимость в отсутствии сравнительных дактилокарт погибшего (пропавшего без вести, проверяемого лица), быстрота исследования, простота, доступность и дешевизна.

Данный подход был использован при идентификации личности погибших в Чечне в 1994–2001 гг. [4], но особенно зарекомендовал себя в поисковых исследованиях как метод исключения.

Тенденция: судебно-генетический дерматоглифический анализ с развитием молекулярно-генетического анализа утрачивает свое практическое значение. Сохраняющиеся перспективы: использование судебно-генетического дерматоглифического анализа там, где молекулярно-генетический анализ еще невозможно применить (например, в экономически недостаточно развитых странах); использование его в случае, когда молекулярно-генетический анализ невозможно будет применить (например, в условиях войны при отсутствии возможности использовать высокотехнологичные методы); использование его здесь и сейчас в условиях, при которых молекулярно-генетический анализ не применим (например, в качестве сравнительного материала представлена дактилокарта кровного родственника, а не кровь, волосы или т. п.; в следах с места происшествия отобразились папиллярные узоры, но в них нет пригодного для исследования биологического вещества – белков или нуклеиновых кислот).

2. Следующее направление альтернативного использования дактилоскопической информации – диагностика по папиллярным узорам пальцев рук, ладоней и подошв общих признаков личности: расы, пола, возраста, длины тела, типа телосложения, врожденных заболеваний [5; 6, с. 42–48; 7; 8, с. 189–192; 9, с. 34–40]. Это направление можно назвать антропологической или медицинской (клинической, судебно-медицинской) дерматоглификой.

Объективные предпосылки: наследуемость папиллярных узоров наряду с наследуемостью иных свойств личности; сходство условий эмбриогенеза, оказывающих одновременное влияние на большинство формирующихся структур организма (особенно актуально для эктодерматольных и мезодермальных структур, формирующихся в период с 3-го по 6-й месяцы внутриутробного развития – кожа и нервная система и т. д.); взаимозависимость и соразмерность частей целого (как свойство живого).

Установление расовой принадлежности. По нашим данным, возможна дифференциация между европеоидами и монголоидами, негроидами и монголоидами [10, с. 56–59; 11; 12]. Например, если на всех пальцах рук дуговые типы папиллярных узоров, то этот человек не монголоид ($P > 0,99$). В перспективе разработка более совершенных методик для дифференциации на уровне этно-территориальных групп.

Диагностика половой принадлежности. У мужчин и женщин различается частота встречаемости большинства признаков папиллярных узоров, то есть имеет место половой диморфизм дерматоглифических признаков [2, 6, 8, 9]. Например, у мужчин в несколько раз чаще встречаются и сильнее выражены рудименты папиллярных линий, гребневой счет больше, а плотность папиллярных линий меньше. На основе многомерных математико-статистических методов (логистическая регрессия и др.) возможно установить пол неизвестного лица, указав при этом степень вероятности и надежности экспертного вывода. Решение задачи возможно по отпечатку всего лишь одного пальца [6].

Определение биологического возраста. Кроме явных признаков, связанных с увеличением размеров полей узоров в период роста (увеличение расстояния между реперными точками и уменьшение плотности папиллярных линий), имеются и другие признаки, по которым возможно определить биологический возраст неизвестного. Например, в инволютивный период усиливается морщинистость кожи, в отпечатках появляется много белых линий (у детей, юношей и молодых они также бывают, но их меньше, и они ориентированы преимущественно горизонтально, а не вертикально). С возрастом накапливаются следы полученных повреждений (рубцы) [2, 6, 9]. Заслуживает внимания и тот факт, что лица, закончившие жизнь самоубийством (преждевременно ушедшие из жизни), тоже имеют свои маркеры, и они сходны с маркерами «недолгожителей» [7].

Прогнозирование длины тела (роста). Измеряя расстояние между реперными точками в поле узоров, можно вычислить длину тела. Кроме того, имеются и качественные отличия дерматоглифики высокорослых и низкорослых людей. У высокорослых чаще встречаются завитковые узоры, рудименты папиллярных линий. Точность современных метод,

основанных на множественном регрессионном анализе, составляет $\pm 5-6$ см (в зависимости от того, исследуются отпечатки одного или нескольких пальцев) [6, 8]. По подошвенным отпечаткам точность выше на 1–1,5 см [9].

Преимущества представленного направления дерматоглифических исследований: уникальность (то есть применимость тогда, когда другие методы «не работают»), надежность, сохранение первичных свойств объекта исследования, быстрота, простота, доступность и дешевизна.

Перспективы: использование дерматоглифического метода как метода диагностики свойств личности для первичных этапов установления личности неизвестного человека, когда сведений о нем мало и первоначально требуется получить исходные данные для начала поисковых мероприятий; использование дерматоглифического метода там и тогда, где и когда другие методы (включая молекулярно-генетический анализ) невозможно применить.

Проблема: узкий круг специалистов, занимающихся дерматоглифией. Возможное решение проблемы: популяризация знаний из области дерматоглифики в среде судебно-медицинских экспертов и криминалистов; более широкая апробация разработанных методик в экспертных структурах различных ведомств; обучение в системе дополнительного профессионального образования (в настоящее время проводится на базе Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова и ряда других учебных заведений России).

3. Еще одно возможное направление альтернативного использования дактилоскопической информации – решение экспертных реконструктивных задач (определение анатомической принадлежности исследуемого фрагмента тела или следа, установление принадлежности частей расчлененного трупа или следов одному, двум или более лицам).

Объективные предпосылки: сходство условий эмбриогенеза для различных частей тела (например, правой и левой половины); сходство условий постнатальной жизни для различных частей тела; симметрия как свойство живого (билатеральная, лучевая и др.).

Преимущества: уникальность (например, для решения задачи определения руки и пальца, которыми оставлены следы на месте происшествия), надежность (в решение вопроса о принадлежности одному лицу таких частей тела, как кисти или стопы, она сопоставима с молекулярно-генетическим анализом), сохранение первичных свойств объекта исследования, быстрота, простота, доступность и дешевизна.

Перспектива практического применения («точки приложения»): криминальное расчленение трупов; взрывная (боевая) травма; случаи массовой гибели в условиях техногенных катастроф (авиакатастрофа

и т. п.); при исследовании следов рук (ног) с разных участков одного места происшествия или с разных мест происшествий.

Итак, дактилоскопическая экспертиза – один из видов криминалистической экспертизы. Успешное решение многих возлагаемых на нее задач (прежде всего диагностических) может быть осуществлено только на основе медико-биологических знаний из области дерматоглифики, которыми обладают биологи, антропологи и врачи (судебно-медицинские эксперты). Сложившаяся практика сегодня такова, что дактилоскопические исследования и экспертизы преимущественно проводят эксперты-криминалисты. В редких случаях – судебно-медицинские эксперты, имеющие специальную подготовку по дактилоскопии (военные судебно-медицинские эксперты). Это обусловлено узким подходом к дерматоглифике как ответвлению дактилоскопии. Между тем криминалистическая база знаний не позволяет выявлять и оценивать все практически значимые закономерности в информационно-признаковом пространстве дерматоглифики. В данном случае необходимо владеть медико-биологическими знаниями. Исследование папиллярного рисунка с использованием указанных знаний позволяет решать значительно более широкий круг диагностических задач и некоторые идентификационные и реконструктивные задачи. На наш взгляд, первично экспертное исследование папиллярных структур в большинстве своем должно быть криминалистическим. Это необходимо с целью определения пригодности следов для идентификации и проведения самой идентификации (на основе дактилоскопии), а также решения вспомогательных диагностических задач (какой рукой и каким пальцем оставлены следы, в результате каких действий и т. п.). В ситуации, когда папиллярные структуры для проведения идентификации не пригодны либо пригодны, но дактилоскопическая идентификация дала отрицательный результат (или не может быть выполнена по объективным причинам), целесообразно назначать судебно-медицинскую экспертизу (например, для решения задач по диагностике отдельных свойств личности). В некоторых случаях возможна первично комплексная комиссионная экспертиза с участием эксперта-криминалиста и судебно-медицинского эксперта.

1. Купцов В.А. Характеристика основных причин и условий, способствующих росту преступности в обществе // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2015. № 13.
2. Локар Э. Руководство по криминалистике / под ред. С.П. Митричева. М., 1941.
3. Самищенко С.С. История, современное состояние и перспективы развития дактилоскопической диагностики // Эксперт-криминалист. 2008. № 2.
4. Методы дерматоглифики в идентификации личности погибших / А.П. Божченко [и др.]. Ростов н/Д, 2002.

5. Божченко А.П. Установление личности на основе генетического анализа дерматоглифических признаков пальцев рук : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2000.

6. Божченко А.П. Возможности определения идентификационно значимых признаков человека посредством анализа дерматоглифических структур пальцев рук // Проблемы экспертизы в медицине. 2004. № 4.

7. Иваненко С.А. Дерматоглифическая диагностика предрасположенности мужского населения призывного возраста Северо-Запада России к суициду : автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2011.

8. Моисеенко С.А., Божченко А.П. К вопросу о возможности определения длины тела человека по признакам дерматоглифики : сб. науч. тр. врачей ЛенВО / под ред. А.В. Грицука. СПб., 2007.

9. Теплов К.В., Божченко А.П., Гугнин И.В. Групповой полиморфизм и изменчивость дерматоглифических признаков пальцев рук и ног; сравнительная характеристика // Судеб.-мед. экспертиза. 2014. № 4.

10. Ригонен В.И., Божченко А.П. Особенности дерматоглифической конституции русских Республики Карелия // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2015. № 6.

УДК 343.1:343.14:343:98

Е.И. Галяшина

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ОБ ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Коррупция – сложное социально-политическое явление, которое зародилось в глубокой древности и продолжает существовать в настоящее время практически во всех странах мира. Это одна из самых острых проблем не только на национальном, но и на международном уровне. Коррупция сегодня затрагивает все стороны жизни общества, пронизывает властные институты. Российское государство, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению и искоренению коррупции, наращивает правовые механизмы по противодействию коррупционным преступлениям.

Важнейшее значение имеет определение, закрепленное в нормативных правовых актах, регламентирующих противодействие коррупции. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» оперирует понятием «коррупция» (ст. 1) и «коррупционные преступления» (ст. 4). Согласно указанному Закону (п. 1. ч. 1), понятие коррупции определяется как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, ком-

мерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение деяний, указанных в подп. «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Однако легальное определение понятия «коррупционные преступления» отсутствует, хотя само понятие активно применяется в правоприменительной практике. Этот термин встречается в содержании и названии постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», но не раскрывается в нем.

Таким образом, российский законодатель применил для определения термина «коррупция» собирательный подход, использовал его как родовое по отношению к понятию «коррупционные преступления», дефинируя его через их перечисление.

Правосудие по делам о коррупционных преступлениях (взяточничество (ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ), иные связанные с ним преступления, в том числе коррупционные (ст. 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ)), должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В этой связи особое значение приобретает использование различных специальных знаний, в том числе и лингвистических, поскольку в ходе вербальной коммуникации (переговоров или переписки, обменом сообщениями) взяткодателя и взяткополучателя могут обговариваться условия и характер оказываемых «услуг», размер «вознаграждения» за действия или бездействие в пользу взяткодателя, достигаться иные договоренности.

Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным со взяточничеством, коммерческим подкупом и иными коррупционными преступлениями назначается в тех случаях, когда возникает необходимость на основе специальных лингвистических знаний установить факты, имеющие значение доказательств: наличие или отсутствие в речевой коммуникации (устной или письменной) лингвистических признаков коррупционного либо провокативного (подстрекательского) речевого поведения.

Процессуальным основанием назначения судебной лингвистической экспертизы по данной категории дел является установление объектив-

ной или субъективной стороны преступления, обстоятельств, влияющих на квалификацию преступления, в том числе мотивов, умысла и др. Специальное основание назначения экспертизы определяет экспертные задачи и правовое значение полученных результатов (выводов эксперта), в частности, таковым для лингвистической экспертизы являются подозрения о наличии в речевом поведении коммуниканта признаков коррупционного поведения (в форме требования, посула, обещания, предложения и т. п.). Для установления факта провокации – подозрения или заявления о подстрекательстве, манипуляциях, склонении против воли, инсценировке, имитации, «агентурной» игре и т. п.

К признакам коррупционного речевого поведения, определяющим потенциальную юридическую значимость результатов лингвистической экспертизы, относятся следующие речевые акты: требование, понуждение, принуждение, просьба, обещание, предложение, уговоры и т. д. Обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе при квалификации содеянного будут рассматриваться как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами.

С коммуникативной точки зрения вымогательство в речевом акте выражается в форме побудительных высказываний, содержащих признаки требования и угрозы, воспринимаемые как таковые собеседником.

Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц для совершения ими указанных действий (бездействия) по службе. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» такое воздействие заключается в склонении другого должностного лица к совершению соответствующих действий (бездействию) путем уговоров, обещаний, принуждения и др.

В этой связи юридическое значение будет иметь не только форма, в которой состоялся тот или иной речевой акт, но и его внутреннее со-

держание, семантика высказываний, определяющих смысл договоренностей, намерения, условия, совершения действий (бездействия), предназначение и предмет взятки (деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав).

Провокационное речевое поведение в отличие от коррупционного сопряжено с иным составом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 304 УК РФ. В этом случае попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществляется провокатором, действующим в иных целях: для искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа. Осуществляя манипуляции или провокативный речевой акт, провокатор осознает, что должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, не давало согласия принять взятку либо предмет коммерческого подкупа, либо недвусмысленно отказалось их принять. В речевой коммуникации между провокатором и должностным лицом будут присутствовать признаки искусственности (неестественности, наигранности, амбивалентности, манипулятивности) речевого поведения провокатора и признаки коммуникативной неудачи речевого акта со стороны провоцируемого, свидетельствующие о передаче (попытке передаче) имущества либо оказания услуг имущественного характера без ведома должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, без их согласия либо вопреки их отказу принять незаконное вознаграждение.

Провокативность речевого поведения может иметь место и в случаях подстрекательских или манипулятивных действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших или склонивших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Провокация с коммуникативной точки зрения – речевое поведение, инициирующее реакцию собеседника, выражающую согласие (явно или завуалированно) на совершение действия или бездействия в интересах собеседника. Цель провокатора – добиться произнесения собеседником слов, которые впоследствии могут быть истолкованы как вымогательство, требование, предложение, согласие, намерение на получение взятки или предложение к даче (получению) взятки. Провокатор знает, что производится фиксация переговоров (либо им самим инициативно,

либо под контролем правоохранительных органов), потому его речевое поведение носит искусственный (игровой) характер лица, говорящего или пишущего «под запись». Это проявляется в речи в форме использования провокативных или манипулятивных речевых тактик.

Провокация предполагает манипулятивное воздействие, в том числе и на сферу эмоций; ориентирована на вызов у собеседника желаемого говорящему психологического состояния; являет собой комплексное образование, включающее понуждение, манипулирование, склонение, внушение, игровое поведение и т. п.

Следует отметить, что установление намерений или целей коммуникантов в разговоре или переписке к компетенции судебной лингвистической экспертизы не относится [1, с. 79–81].

Задачи, решаемые судебной лингвистической экспертизой по данным категориям дел, определяются указанными выше правовыми основаниями ее назначения и кругом объектов – носителей лингвистически релевантной информации. К ним относятся: фонограммы переговоров взяточдателя и взяточполучателя, записанные инициативно кем-либо из коммуникантов либо полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, при участии или без участия в них одного из коммуникантов; смс-сообщения; сообщения в социальных сетях, переписка по электронной почте и иные способы связи и т. д.

Ключевыми понятиями, определяющими спектр решаемых вопросов, являются хорошо разработанные в лингвистике понятия «требование», «предложение», «угроза» [2], сопряженные с правовым понятием «вымогательство», понятия, нуждающиеся в экспертном осмыслении и лингвистическом освещении, «подстрекательство», «склонение», «манипулирование», сопряженные с правовым понятием «провокация» [3; 4, с. 43–51].

Следует отметить, что филологи, не имеющие дополнительного профессионального образования по экспертной специальности «судебная лингвистическая экспертиза» («исследование продуктов речевой деятельности»), часто смешивают юридические и лингвистические компетенции [5, с. 245–249]. И здесь важно еще раз подчеркнуть, что установление или доказывание фактических обстоятельств дела (признаков объективной или субъективной стороны преступления) к компетенции экспертов-лингвистов не относится [6, с. 6–14].

Важно отметить, что провокативное речевое поведение обычно сопряжено с завуалированной инициацией «провокатором» темы «взятка». Побуждение собеседника к вербализации темы «деньги», «услуги» в пользу взяточполучателя также может рассматриваться как провока-

ционное манипулирование с учетом того, что побуждающий, как правило, осведомлен о проведении записи разговора, а побуждаемый нет.

По сути, задачи судебной лингвистической экспертизы по данной категории дел носят диагностический характер. Это сложные обратные задачи экспертной диагностики, когда по лингвистическому описанию речевого следа необходимо реконструировать коммуникативное событие и определить его существенные свойства.

К диагностическим признакам провокативного в отличие от коррупционного речевого поведения можно отнести следующие: иницирование ключевой, значимой темы «провокатором», которая маскируется или вуалируется, выражается имплицитными речевыми средствами с формальной передачей активности собеседнику; снижение критичности восприятия собеседника за счет быстрого, многопланового «переключения» разговора с одной темы на другую, где ввод значимой темы маскируется введением в разговор малозначимых сопутствующих тем, отвлекая внимание собеседника от своей инициативы; использование многословия и быстроты темпа речи, вставки двусмысленных или неоднозначных реплик в форме фатической речи, которые при непосредственном общении не воспринимаются собеседником как информативные, и т. д.

К компетенции судебной лингвистической экспертизы относится решение задач: определение лексико-грамматического оформления, выявление семантических компонентов содержания и экспликация коммуникативной направленности дискурса. Эксперт-лингвист при решении задач лингвистической экспертизы не может исходить из своих собственных представлений о правовых категориях взятки, подкупа или провокации, не дает юридической квалификации деяния, не решает правовых вопросов, но выявляет лингвистические признаки, служащих для установления фактов и обстоятельств, относящихся к предмету доказывания. Лингвистический признак отражает свойство (формы и содержания) дискурса и его единиц (высказываний, слов и словосочетаний) как объекта диагностического экспертного исследования, обладающего знаковой природой. Лингвистическая составляющая коррупционной (либо провокативной) коммуникации заключается в экспликации того, что именно, как и для чего сказано (в какой форме и с какой содержательно-смысловой направленностью). Используются объективные семантические, грамматические, стилистические, коммуникативно-прагматические и дискурсивные методы анализа с учетом письменной или устно-речевой реализации текста его диалогической формы. В этой

связи комплексный подход к выявлению системы лингвистических признаков, дифференцирующих коррупционное и провокативное речевое поведение, требует применения не только речеведческих и лингвистических знаний о дискурсе и его свойствах как объекте исследования, оцениваемых в их совокупности с криминалистических позиций, но и специальных экспертных компетенций, формируемых в целях приобретения экспертом-лингвистом знаний, навыков и умений, и главное тех, которые позволяют получать верифицируемые результаты лингвистического анализа.

1. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : учеб. пособие. М., 2007.
3. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.
4. Штеба А.А. Конститутивные признаки провокативного коммуникативного поведения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы III-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 3. Ростов н/Д, 2013.
5. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Полит. лингвистика. 2015. № 3.
6. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. 2016. № 8.

УДК 343.98:[340.63:343.148.33]

И.С. Гвоздева, А.Л. Южанинова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ВИДЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОВЕДЕНИЙ ДО САМОУБИЙСТВА

Для определения современных тенденций правоприменительной практики в использовании специальных психиатрических и психологических знаний в виде судебных экспертиз при расследовании преступлений по доведению до самоубийства было проведено исследование текстов судебных приговоров (51), вынесенных за период с 2011 по

2017 гг, результаты о котором были опубликованы на сайте «Судебные и нормативные акты РФ».

Так, в 41 % случаев от общего числа изученных приговоров в качестве доказательства использовались судебно-экспертные заключения психиатров и/или психологов в отношении потерпевших и обвиняемых. То есть почти в половине случаев при расследовании такого рода уголовных дел используются специальные психологические и/или психиатрические знания в виде судебных экспертиз. Полученный результат свидетельствует об актуальности изучения проблемы использования специальных знаний по данной категории дел.

Итак, в результате исследования установлено, что доля судебных экспертиз, проведенных в отношении потерпевших, составляет 76 %, а в отношении обвиняемых – 24 % (χ^2 -критерий = 27,04, что статистически значимо при $df = 1$ и $\alpha = 0,001$). Полученные данные свидетельствуют о стремлении правоохранительных органов использовать специальные знания для определения обстоятельств расследуемого события преимущественно в отношении потерпевших, а не обвиняемых. Полагаем, что выявленная тенденция указывает на недооценку судебно-экспертного подхода в установлении особенностей субъекта преступления при формировании доказательственной базы по делу.

Так, удельный вес судебных экспертиз по всем изученным приговорам был следующим: психиатрические – 21 %, комплексные психолого-психиатрические – 10 %, психологические – 10 %. Такое распределение отличается от равномерного ($\chi^2 = 5,89$ при $\alpha = 0,1$ и $df = 2$), тем самым прослеживается тенденция преимущественного использования психиатрических знаний по сравнению с психологическими или комплексными психолого-психиатрическими при расследовании данной категории дел.

В отношении обвиняемых судебные экспертизы (были судебно-психиатрическими) проводились в 10 % анализируемых случаев, их использование было направлено на определение способностей подэкспертных осознавать суть и общественную опасность собственных действий, а также руководить своими действиями в юридически значимых ситуациях в зависимости от психического расстройства. То есть такие экспертизы назначались для установления судом вменяемости обвиняемых. Судебно-экспертный вывод по результатам всех этих экспертиз был положительным: т. е. обвиняемые по данной категории дел обычно способны правильно осознавать характер оказываемого ими физического или психического воздействия на жертву и предвидеть возможные последствия своих поступков в отношении потерпевших.

Полагаем, что игнорирование в отношении обвиняемых по делам о доведении до самоубийства возможностей современной судебной

экспертологии вообще и психологической экспертологии в частности сужает потенциал доказательственной базы. Так, проведение психологического экспертного исследования могло бы расширить круг сведений об особенностях личности обвиняемого, а также определить мотивационно-целевую составляющую его преступного поведения.

Например, целесообразность проведения психологической экспертизы для установления мотивации оказываемого обвиняемым воздействия на жертву можно усмотреть в случае, когда подсудимый и жертва (девушка, покончившая жизнь самоубийством) были школьного возраста, встречались, но потом девушка прекратила отношения с этим молодым человеком и начала встречаться с другим. Отвергнутый влюбленный распространил личное видео интимного содержания со своим участием и участием погибшей, используя программу Skype, так как «хотел вернуть свою девушку». После ее гибели он также хотел покончить с собой, поскольку очень переживал, что совершенные им действия привели девушку к суициду (по архивам Шумерлинского районного суда Чувашской Республики).

В этом случае судья вынес решение об оправдании подсудимого по ст. 110 УК РФ, основываясь на внутреннем убеждении, что у подсудимого отсутствовали мотив и цель, связанные с доведением до самоубийства. Из изученных нами фактов (51 случай) только по данному делу судьей специально анализировались мотив и цель оказываемого воздействия на потерпевшую. Представляется, что проведение экспертного психологического исследования по установлению мотива оказанного на жертву психического воздействия еще на стадии расследования позволило бы иначе квалифицировать совершенное молодым человеком деяние.

Полагаем, что при расследовании дел данной категории в отношении обвиняемых целесообразно шире использовать судебно-экспертный подход и наряду с судебной психиатрической проводить психологическую экспертизу. При этом возможно также назначение и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, что позволит, с одной стороны, решить суду вопрос о вменяемости обвиняемого (на основании экспертного заключения психиатра), а также определить индивидуально-психологические особенности его личности, специфику ситуации взаимодействия обвиняемого с потерпевшим, главные психологические мотивы деяния, инкриминируемого обвиняемому (компетенция психолога).

Рассмотрим особенности использования специальных психиатрических и психологических знаний в отношении потерпевших по делам о доведении до самоубийства. В литературе содержатся рекомендации,

согласно которым при расследовании такого рода дел возможно назначение судебной комплексной психолого-психиатрической [1, с. 171], а также однородной психологической экспертизы потерпевшего(ей) [2, с. 420–430; 3, с. 284–302; 5, с. 166–172].

Вместе с тем Международная классификация болезней 10-го пересмотра (версия 2018 г.) относит самоубийство и попытку его совершения к подгруппе кодов «Преднамеренное самоповреждение». Из этого следует, что судебно-экспертный психиатрический анализ необходим в отношении всех лиц, покончивших жизнь самоубийством.

Проведенное нами исследование текстов судебных приговоров показало, что частота проведенных судебных экспертиз в отношении суицидентов следующая: психологические – 38 %, психиатрические – 31 %, комплексные психолого-психиатрические – 31 %. То есть по данной категории дел в отношении лиц, покончивших жизнь самоубийством, использование специальных психологических знаний в виде судебно-психологических экспертиз происходит так же часто, как и применение в виде судебных экспертиз специальных психиатрических знаний.

При проведении экспертизы суицидента независимо от ее рода (психологическая, психиатрическая, психолого-психиатрическая) в 100 % случаев ею устанавливаются особенности предшествующего суициду психоэмоционального состояния лица и определяется, могло ли это состояние предрасполагать к совершению суицида. Во всех проанализированных случаях экспертный вывод был положительный.

Так, причиной самоубийства могут явиться разные факторы. При наличии данных в материалах дела о признаках психического нездоровья лица, покончившего жизнь самоубийством, в отношении него должны быть назначены посмертные судебная психиатрическая экспертиза или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Посмертная судебно-психологическая экспертиза назначается только в отношении лиц, чье психическое здоровье не вызывает сомнений или данный факт подтвержден экспертным заключением судебных психиатров. Предпочтительнее, на наш взгляд, назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

Если вывод следователя о самоубийстве носит предположительный характер, то экспертное задание для психологов и/или психиатров, определяющее предметное поле экспертизы, может состоять из следующих вопросов: 1. Каковы были основные индивидуально-психологические (личностные, эмоционально-волевые, мотивационные, интеллектуальные) особенности личности подэкспертного, которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации? 2. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествующий смерти?

В случае, если факт самоубийства не вызывает сомнения, то в экспертное задание для комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы могут входить следующие вопросы: 1. Страдало ли лицо, покончившее самоубийством, психическим расстройством? 2. Если это было так, то могло ли психическое расстройство повлиять на решение суицидента покончить с собой? 3. Если суицидент не страдал психическим расстройством, то было ли его состояние в период, предшествовавший смерти, предрасполагающим к самоубийству? 4. Если его состояние было таковым, то в чем оно проявлялось и чем вызывалось? Первые два вопроса предназначены для экспертов-психиатров, другие два – для экспертов-психологов.

В связи с тем, что поводом для назначения судебно-психологической экспертизы может служить предположение о доведении лица до самоубийства, то в таком случае экспертное задание для психолога дополняется вопросом: «Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или иные действия, которые квалифицируются следствием как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?» [1, с. 292].

В 88 % случаев, проанализированных нами, наряду с установлением состояния, предшествующего суициду, определялась причинно-следственная связь между действиями обвиняемых по доведению до самоубийства и принятием суицидентом решения об уходе из жизни. Экспертный вывод был положительным.

Другим вариантом установления причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и суицидом потерпевшего может стать проведение двусторонней судебной психологической экспертизы в отношении как обвиняемого, так и потерпевшего, которая в случае необходимости может быть назначена и проведена после психиатрической экспертизы (экспертиз) и которая, по сути, носит социально-психологический характер и не находится в плоскости медицинской психологии и/или психиатрии. Такой подход позволяет более точно решать вопрос о характере взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего, предшествующих суициду, а также оценить роль личностных и ситуативных факторов в поведении суицидента.

В целом проведенный анализ приговоров по делам о доведении до самоубийства показал, что сложившаяся правоприменительная практика использования специальных знаний в виде судебных экспертиз нуждается в совершенствовании, так как в отношении потерпевших недо-

статочно распространено привлечение знаний из области психиатрии, а в отношении обвиняемых – специальных психологических знаний. Таким образом, при осуществлении судопроизводства по данной категории дел в отношении потерпевших целесообразно усилить психиатрический аспект судебно-экспертного исследования, а обвиняемых – психологический.

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М., 1998.
2. Енгальчев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза // Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов / под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза : учебник для академического бакалавриата. М., 2014.
4. Ситковская О.Д. Аффект: Криминально-психологическое исследование. М., 2001.

УДК 340.6

А.О. Гусенцов, Е.М. Кильдюшов, Э.В. Туманов

ВЛИЯНИЕ ПРЕГРАДЫ НА ХАРАКТЕРИСТИКУ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫСТРЕЛА ИЗ ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО РИКОШЕТА ПУЛИ И ДРОБИ

К настоящему времени в судебно-медицинской травматологии наряду с общими вопросами экспертизы огнестрельных повреждений проводилось изучение отдельных их видов, в частности возникающих после взаимодействия огнестрельного снаряда с преградой. Следует отметить, что некоторые аспекты запреградной огнестрельной травмы изучены далеко не в полной мере, что предопределяет необходимость проведения дальнейших исследований, в частности, закономерностей формирования огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате выстрела из нарезного и гладкоствольного оружия и последующего рикошета пули и дроби, их характеристики и особенностей в зависимости от параметров взаимодействия пули с преградой и ее вида [1].

Как известно, в результате рикошета от поверхности преграды возможно изменение первоначальной траектории и скорости полета пули, возникновение как множественных повреждений (в результате фрагмен-

тации пули), так и повреждений, напоминающих таковые при выстреле в упор (при небольших расстояниях между дульным срезом ствола оружия и поверхностью преграды) [2, с. 235–263]. Указанные обстоятельства могут затруднить судебно-медицинскую трактовку механизма образования огнестрельных повреждений, решение ряда других специальных вопросов и, в свою очередь, привести к ошибочной юридической оценке действий лица, производившего выстрел.

Рикошеты снарядов при стрельбе из охотничьих и других ружей обусловлены комплексом разнообразных факторов, к основным из которых относятся физические свойства и форма поверхности предмета, с которым взаимодействует снаряд (металл, камень, древесина, лед, земля, вода и др.), форма и размеры снаряда (пули различных размеров и конструкций, дробь, картечь), скорость полета снаряда, значение угла встречи снаряда с преградой, от которой происходит рикошетирувание. Пули для гладкоствольных ружей обладают меньшей скоростью полета и пробивной способностью в сравнении с пулями, выстрел которыми произведен из нарезного оружия, в связи с чем они могут рикошетирировать лишь на относительно небольшом расстоянии от дульного среза ствола ружья. В результате рикошета пуля может отражаться от поверхности преграды под различными углами, значения которых весьма вариабельны и зависят от величины угла встречи, формы пули, вида преграды и характера ее поверхности [3].

В середине XX в. были установлены закономерности взаимодействия огнестрельного снаряда с преградой, определены условия, приводящие к фрагментации пули, характер изменения баллистических свойств огнестрельного снаряда и его частей, их поражающих свойств, а также элементов разрушенной преграды [4, с. 41–46; 5, с. 49]. В.Л. Попов, В.Б. Шигеев, Л.Е. Кузнецов указывают следующие особенности, характеризующие огнестрельные повреждения, образующиеся после преодоления пулей преграды: продолговатая форма входной раны, возможно образование множественных ран; как правило, слепой характер ранения; внедрение фрагментов преграды по периферии входной раны и их проникновение в раневую канал; превалирование объема повреждений в начальном отделе раневого канала [2, с. 238].

Установлено, что огнестрельные повреждения, возникающие в результате воздействия рикошетировавших пуль, могут иметь значительные отличия в сравнении с повреждениями, образующимися при прямом попадании пули [6; 7, с. 229–234]. Экспериментальным путем продемонстрировано, что подобного рода раны по своей форме могут

напоминать осколочные [8]. Помимо перечисленных признаков данные повреждения могут иметь неровные края и широкий пояс осаднения [9, р. 127]. Указанные особенности морфологии входной пулевой огнестрельной раны, образующейся при рикошете, могут быть объяснены закономерностями внешней баллистики: в результате контакта с преградой пуля может утрачивать устойчивость в полете, что закономерно приводит к ее повороту вокруг своей продольной оси, приобретению «кувыркательного» характера движения и причинению повреждения боковой поверхностью [2, с. 237].

Параметры внешней баллистики дроби предопределяются рядом факторов: кучностью, скоростью и дальностью ее полета, зависящих от количественных и качественных характеристик порохового заряда, длины ствола (ее уменьшение закономерно приводит к значительному снижению начальной скорости снаряда). Степень рассеивания дробового заряда зависит от сверловки ствола, калибра оружия, диаметра и формы дроби, массы снаряда дроби, количественных и качественных характеристик порохового заряда, плотности заряжения, силы капсюля, действия пыжей, вылетающих из ствола пороховых газов, сопротивления воздуха, наличия дефектов ствола оружия и др. Указанная совокупность разнообразных факторов и условий предопределяет большую степень разнообразия в морфологической картине огнестрельных ран, причиняемых дробью и картечью, в сравнении с пулевыми [10, с. 17].

Специфические особенности внешней баллистики огнестрельного снаряда предопределяют классификацию дистанций выстрела дробью и соответствующую им морфологическую картину образующихся повреждений. При выстреле в упор и в пределах компактного действия дробь действует как единое целое. В зависимости от локализации повреждения и угла, под которым произведен выстрел, могут образовываться четыре вида формы входных ран: круглой формы с ровными краями, диаметром 1–2 см, с отслойкой кожных покровов по краям в радиусе 4 см (в результате воздействия дроби и пыжей при выстрелах в проекции крупных полостей (грудь, живот) или в части тела, богатые мягкими тканями (бедро); звездчатой формы с радиальными разрывами кожных покровов (возникают при выстреле в части тела, покрытые мягкими тканями небольшой толщины, под которыми имеется широкая костная ткань (голова); раны, имеющие дефект тканей, диаметр которых превышает диаметр канала ствола, что вызвано пробивным действием пороховых газов; раны, в которых образуется дефект ткани в сочетании с радиальными разрывами [11].

Следует отметить, что выстрел из гладкоствольного оружия может быть произведен атипичными снарядами (соль, щетина, мыло, сухие зерна гороха, кукурузы), в результате чего морфологическая картина образующихся повреждений может отличаться высокой степенью специфичности. А.А. Чертовских приводит случай из экспертной практики, в котором описываются обстоятельства происшествия и судебно-медицинская экспертиза трупа лица, погибшего от «сочетанного слепого огнестрельного ранения головы, шеи и грудной клетки». На основании имеющихся данных был сделан вывод, что травма причинена выстрелом из огнестрельного оружия, патрон к которому был снаряжен элементами, по действию отдаленно напоминающими дробь. Отсутствие в раневых каналах обычных элементов снаряжения патронов (дробь, элементы пыжа и т. д.) с учетом того, что все раневые каналы заканчивались слепо, отсутствие повреждений костей соответственно ранам, несмотря на их близкое расположение к входным ранам, и наличие на протяжении раневых каналов едва различимых инородных частиц, легко растворяющихся при попытке их извлечения или в струе проточной воды, позволило предположить, что в патроне в качестве поражающих элементов было использовано вещество, обладающее значительной растворимостью в воде, тканях трупа, которым возможно явилась крупная соль [12, с. 334–341].

Таким образом, характеристика огнестрельных повреждений в результате рикошета пули или дроби зависит от целого комплекса различных по своей природе факторов: вида оружия, боеприпасов, вида и состояния преграды, параметров и условий выстрела. В процессе производства выстрела и возникновения рикошета снаряда указанные факторы могут различным образом сочетаться и комбинироваться, в связи с чем морфологическая картина возникающих огнестрельных повреждений может отличаться высокой степенью разнообразия и вариативности. В результате анализа литературы установлено, что большинство работ, посвященных разработке проблем судебно-медицинской экспертизы запреградной травмы, решали частные задачи: определение механизмов образования, морфологической картины повреждений, образующихся в результате взаимодействия огнестрельного снаряда с преградой. К настоящему времени отсутствует комплекс дифференциально-диагностических критериев огнестрельных пулевых и дробовых повреждений, образовавшихся в результате рикошета, в зависимости от условий и обстоятельств выстрела.

Таким образом, к настоящему времени в судебно-медицинской науке и практике имеется объективная необходимость в проведении экспериментальных исследований огнестрельных пулевых и дробовых повреж-

дений, возникающих в результате выстрела из гладкоствольного оружия, которые отличаются прогнозируемостью, достоверностью, проверяемостью и научной обоснованностью. Проведение эксперимента планируется нами с использованием разработанной и апробированной «Установки для моделирования рикошета огнестрельного снаряда в экспериментальных условиях», что предоставит возможность надежной фиксации преград, оперативного изменения условий и параметров выстрела при обеспечении безопасности жизни и здоровья исследователей [13, с. 14–17].

1. Hueske E.E. Bullet Ricochet Phenomena // Practical Analysis and Reconstruction of Shooting Incidents. 2nd ed. 2005. [Boca Raton] P. 195–216.
2. Попов В.Л., Шигеев В.Б., Кузнецов Л.Е. Судебно-медицинская баллистика. СПб., 2002. 656 с.
3. Рикошеты снарядов охотничьих ружей [Электронный ресурс] // Русский охотник. URL: <http://expert-asset.com.ua/tehnika-bezopasnosti-na-ohote/558> (дата обращения: 16.06.2018).
4. Калмыков К.Н. Наблюдения при стрельбе через преграду (лист железа) обыкновенными и специальными пулями к патрону образца 1943 г. // Судеб.-мед. экспертиза. 1961. № 1.
5. Молчанов В.И. О влиянии преград на характер огнестрельных повреждений // Актуальные вопросы судебной медицины и криминалистики : тр. ЛенГДУВа. Л., 1966.
6. Калмыков К.Н. Судебно-медицинская характеристика поражений обыкновенными и специальными пулями образца 1943 г., предварительно преодолевшими преграду : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.24. Л., 1961.
7. Эйдлиן Л.М. Огнестрельные повреждения. 2-е изд., доп. и перераб. Ташкент, 1963.
8. Бедрин Л.М. Об особенностях повреждений при обычных и некоторых своеобразных поражениях пуль винтовки : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.00.24. Воронеж, 1951.
9. DiMaio V.J.M. Gunshot Wounds: Practical Aspects of Firearms, Ballistics, and Forensic Techniques. 2nd ed. N.Y., 1999.
10. Судебно-медицинская экспертиза огнестрельной травмы : учеб.-метод. пособие / сост.: В.И. Витер, В.Л. Прошутин, А.Ю. Вавилов. Ижевск, 2009.
11. Криминалистическое исследование огнестрельных повреждений [Электронный ресурс] // Зона закона.ru : юрид. интернет-портал. URL: <https://www.zonazakona.ru/articles/index.php?a=17> (дата обращения: 09.06.2018).
12. Чертовских А.А. Особенности огнестрельной травмы при использовании нетипичных снарядов // Судеб. медицина: вопросы, проблемы, эксперт. практика. 2017. № 3.
13. Моделирование рикошета при выстреле из стрелкового оружия / А.О. Гусенцов [и др.] // Судеб.-мед. экспертиза. 2017. Т. 60. № 2.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКСПЕРТА – УЧАСТНИКА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Законодательство стран – участниц Евразийского экономического союза устанавливает виды ответственности эксперта, выполняющего судебную экспертизу для нужд судопроизводства.

Уголовная ответственность устанавливается в связи с совершением преступных действий при выполнении своих профессиональных обязанностей в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности.

В отношении эксперта российским законодательством уголовная ответственность установлена за дачу заведомо ложного заключения или показаний (ст. 307 УК РФ) и за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). В УПК РФ также имеется положение, устанавливающее якобы возможность привлечения эксперта по ст. 308 УК РФ, однако здесь усматривается смешение ответственности эксперта других участников процесса, на что обращали внимание многие ученые [1, с. 256].

За дачу заведомо ложного заключения предусмотрена уголовная ответственность эксперта ст. 338 УК Республики Армения, ст. 401 УК Республики Беларусь, ст. 420 УК Республики Казахстан, ст. 330 УК Кыргызской Республики 1997 г., а также ст. 345 вступающего в силу с 1 января 2019 г. УК Кыргызской Республики 2017 г. При этом ответственность за дачу экспертом заведомо ложных показаний установлена только в российском и кыргызском уголовном законодательствах. В УК Российской Федерации, Республики Армения и Кыргызской Республики эксперт освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявит о ложности данных им показаний или заключения (примечание к ст. 307 УК РФ, ч. 3 ст. 338 УК РА, примечание к ст. 330 УК КР 1997 г., примечание к ст. 345 УК КР 2017 г.).

Так, в УК РФ нет четкого указания на виды судопроизводств, в которых обозначенные противоправные действия эксперта влекут наступление уголовной ответственности. Полагаем, что в диспозиции ст. 307 УК РФ следует подчеркнуть, что ответственность наступает за «заведомо ложные показание свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправ-

вильный перевод» при осуществлении уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов.

Уголовная ответственность эксперта за разглашение данных досудебного производства (предварительного расследования) установлена действующими уголовными кодексами стран – участниц ЕАЭС. Но в ст. 407 УК РБ дополнительно указано на ответственность эксперта за умышленное разглашение данных закрытого судебного заседания. В УК КР 2017 г. декриминализована уголовная ответственность эксперта за данное деяние. Н.А. Раимжанова предлагает установить за разглашение данных досудебного расследования без согласия прокурора или следователя административную ответственность по ст. 165 Кодекса КР о проступках [2, с. 91]. Следует отметить, что в ч. 1 ст. 165 Кодекса КР о проступках вводится такая ответственность с 1 января 2019 г.

За отказ или уклонение эксперта от дачи заключения или показания в судебном заседании либо при досудебном производстве эксперт может привлекаться к уголовной ответственности по ст. 346 УК КР 2017 г. Подобная ответственность установлена и может применяться во всех видах судопроизводства за исключением производства по делам об административных правонарушениях в соответствии со ст. 402 УК РБ. Однако ряд ученых, основываясь на конституционных положениях, запрещающих принудительный труд, полагают неверным установление уголовной ответственности за отказ эксперта от проведения экспертизы и дачи заключения [3, с. 142; 4, с. 89, 148]. Поддерживая эту позицию, отметим, что эксперт – сотрудник государственной экспертной организации вполне может быть привлечен за такой отказ к дисциплинарной ответственности, поскольку производство экспертиз является его работой, выполняемой на основании трудового договора (контракта). Однако в отношении частного эксперта такой ответственности быть не может, если он отказался от проведения экспертизы, не приступив к ее производству.

За дачу заведомо ложного заключения эксперта при производстве по делу об административном правонарушении или в исполнительном производстве по ст. 17.9 КоАП РФ эксперт может быть привлечен к административной ответственности. Однако в российском исполнительном производстве отсутствует такая форма использования специальных знаний, как привлечение эксперта.

Административная ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения устанавливается в связи с совершением им административного правонарушения при выполнении своих профессиональных обязанностей при участии в производстве по делу об административном правонарушении. Вероятно, учитывая меньшую общественную опасность деяния в сравнении с уголовным и гражданским судопроизводством,

законодатель посчитал нужным установить именно административную ответственность эксперта. При этом не совсем ясно, в чем отличие деятельности эксперта в производстве по делу об административном правонарушении от его деятельности в любом другом судопроизводстве.

Административная ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта при рассмотрении дела об административном правонарушении и в ходе проведения экспертизы медицинской деятельности установлена также ст. 659 КоАП РК. В ст. 24.4 КоАП РБ установлена административная ответственность за заведомо ложное заключение эксперта по делу об административном правонарушении, а равно при осуществлении конституционного судопроизводства. Помимо административной ответственности за указанные виды правонарушений в ст. 24.5 КоАП РБ установлена также ответственность за отказ либо уклонение эксперта от исполнения возложенных на него обязанностей по делу об административном правонарушении, в ст. 24.6 КоАП РБ – за уклонение без уважительных причин от явки в орган, ведущий административный или уголовный процесс, либо в орган дознания или предварительного следствия, либо к судебному исполнителю, в ст. 24.7 КоАП РБ – за несообщение суду по гражданским либо экономическим делам о перемене адреса во время производства по делу.

Так, в ч. 3 ст. 197 ГПК РК установлена административная ответственность за проявление неуважения к суду, если эксперт не явился в судебное заседание по причинам, признанным судом неуважительными.

Весьма неоднозначно установлена административная ответственность эксперта по законодательству Кыргызской Республики. С 1 января 2019 г. на территории республики вступает в действие Кодекс КР о проступках, в ст. 168 которого предусмотрена административная ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта или специалиста в исполнительном производстве. Возникает вопрос, как данная положение соотносится с ч. 2 ст. 345 УК КР 2017 г., по которой эксперт может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в исполнительном производстве? Отметим, что обе статьи предусматривают разные степени наказания за фактически одно и то же деяние. Следует признать, что такое противоречие устранено в отношении разглашения данных досудебного расследования (ст. 333 действующего УК КР 1997 г. и ч. 1 ст. 165 Кодекса КР о проступках).

«Процессуальная» ответственность установлена в отношении эксперта в процессуальных кодексах за ненадлежащее исполнение обязанностей, повлиявшее на своевременное и полное проведение экспертно-исследования и представление заключения.

В российском процессуальном законодательстве установлена ответственность за неисполнение участниками уголовного судопроизводства,

в том числе и экспертом, процессуальных обязанностей, предусмотренных кодексами. Однако в отношении эксперта «процессуальная» ответственность не соразмерна и якобы оправдывается видами судопроизводства, что представляется необоснованным. В качестве меры процессуального принуждения в отношении эксперта может применяться привод в соответствии с положениями ст. 111 УПК РФ. Но в ч. 1 ст. 113 УПК РФ, определяющей субъектов, в отношении которых может быть применен привод, не указан эксперт. Полагаем, следует ограничиться установлением процессуальной ответственности эксперта за неявку к лицу (органу), ведущему процесс.

Часть 6 ст. 55 АПК РФ, абз. 4 ч. 1 ст. 85 ГПК РФ, ч. 12 ст. 49 КАС РФ предусматривают наложение судебного штрафа за невыполнение требования суда о представлении заключения эксперта в суд в срок, установленный в определении о назначении экспертизы, при отсутствии мотивированного сообщения эксперта или ГСЭУ о невозможности своевременного проведения экспертизы либо о невозможности проведения экспертизы. При этом размер санкции, применяемой к эксперту, различается (от 2 500 до 5 000 рублей). В уголовном процессе в отношении эксперта действует общая норма, устанавливающая в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до 2 500 рублей (п. 3 ч. 2 ст. 111, ст. 117 УПК РФ). Изменение размера санкции в разных видах процессов неясно, поскольку от вида процесса не изменяется ни функция эксперта, ни его правовой статус. Следовательно, процессуальная ответственность должна определяться единообразно, одно и то же деяние должно влечь наступление идентичной ответственности и санкции.

В некоторых процессуальных кодексах стран – участниц ЕАЭС также предусмотрена процессуальная ответственность. Так, в ч. 8 ст. 59 УПК КР дисциплинарное взыскание может быть наложено на эксперта в случае его неявки без уважительных причин. В ч. 2 ст. 142 Административно-процессуального кодекса КР установлена процессуальная ответственность в виде штрафа в случае если эксперт или специалист не явился в судебное заседание по причинам, признанным судом неуважительными. Подобные положения установлены и в ч. 2 ст. 170 ГПК КР, ч. 8 ст. 59 УПК КР.

В ст. 179 ХПК РБ установлено право суда привлечь эксперта, заранее извещенного, но не явившегося в суд, рассматривающий экономические дела, и не заявивших до назначенной даты заседания об отложении разбирательства дела с обоснованием уважительной причины своей неявки к

ответственности, установленной законодательством (ст. 402 УК РБ: отказ либо уклонение эксперта от исполнения возложенных обязанностей). Аналогичное положение установлено и в ст. 98 ГПК РБ.

Взыскание издержек как разновидность процессуальной ответственности установлено в кодексах стран – участниц ЕАЭС. Так, в ст. 140 ГПК РБ имеется положение, на основании которого суд может взыскать со свидетеля, эксперта, переводчика, специалиста или представителя в пользу стороны или в доход государства издержки, связанные с рассмотрением дела, возникшие по их вине. В отличие от указанного положения в ст. 133¹ ХПК РБ предусмотрена только ответственность сторон. В соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 109 ГПК РК «суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами или не выполняющее процессуальных обязанностей..., если это привело к затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта».

М.Н. Чернова считает необходимым установить в ГПК РФ и АПК РФ ответственность эксперта в форме процессуального штрафа за нарушение права лиц, участвующих в деле, присутствовать при проведении экспертизы, «а также на него может быть возложена обязанность выплаты лицам, чьи права нарушены, компенсации расходов на проезд к месту проведения экспертизы, а также денежной компенсации в связи с потерей времени» [5, с. 117]. Развивая свою мысль, она предлагает в определении суда «специально указывать, что обязанность по обеспечению данного права возлагается на эксперта (экспертную организацию, руководителя ГСЭУ), а также все контактные данные лиц, желающих присутствовать при производстве экспертизы – для оперативной связи с ними» [5, с. 126]. Не совсем ясно, обязан ли руководитель экспертной организации или лично эксперт уведомлять о производстве экспертного исследования этих лиц, либо все-таки это должно сделать лицо (орган), назначившее экспертизу. Кроме того, нет ответа на вопрос, как поступать в случаях, когда эти субъекты, об обеспечении прав которых высказывается М.Н. Чернова, мешают эксперту проводить исследование. Полагаем, что лица, которым процессуальный закон предоставляет право присутствовать при производстве экспертизы, должны реализовывать свое право не через эксперта или экспертную организацию, а только через лицо (орган), назначившее экспертизу. Именно на нем лежит обязанность обеспечить им такую возможность, но, как представляется, по согласованию с экспертом.

Полагаем, что эксперт может быть привлечен к процессуальной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение большей части своих обязанностей. Следует подчеркнуть, что вопрос о привлечении к процессуальной ответственности в виде наложения денежного

взыскания должен быть решен с учетом последствий, которые повлекли действия эксперта.

Однако любая ответственность, в том числе и процессуальная, должна быть четко регламентирована, не допускать вариативности. Необходимо иметь в виду при определении ответственности эксперта, что наступление уголовной ответственности не зависит от того факта, является ли эксперт сотрудником экспертной организации либо выступает частным экспертом. По общим правилам гл. 59 ГК РФ может быть привлечен к ответственности любой гражданин, в том числе занимающий должность эксперта. Но привлечение эксперта к гражданско-правовой ответственности в связи с осуществляемой им деятельностью возможно в случае заключения им договора с лицом, назначающим экспертизу.

Представляется, что ответственность эксперта следует конкретизировать и тождественно определить во всех видах судопроизводства. Это принципиально, поскольку эксперт, как и любой другой участник юрисдикционной деятельности, должен знать, за какие деяния он может быть привлечен к ответственности и какое наказание может последовать.

1. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
2. Раимжанова Н.А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015.
3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М., 2009.
4. Байгончкова Н.А. Об Ответственности судебного эксперта в уголовном процессе Кыргызской Республики // Изв. Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2013. Вып. 4–2.
5. Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

УДК 378.98

В.П. Егоров

ОСОБЕННОСТЬ ПОДГОТОВКИ ЭКСПЕРТНЫХ КАДРОВ

Кадровые вопросы стоят перед человечеством с момента его зарождения. Либо вы руководитель, тогда вы управляете своими подчиненными, либо вы специалист, тогда вы управляете процессами. Определять, третьего не дано!

В настоящее время практика подготовки экспертных кадров для Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь сложилась следующим образом:

подготовка эксперта-криминалиста посредством получения дополнительного образования на базе Академии МВД Республики Беларусь; в системе переподготовки на базе Института повышения квалификации и переподготовки ГКСЭ Республики Беларусь (подготовка медицинского эксперта на базе высшего медицинского образования; подготовка финансово-экономического эксперта на базе высшего экономического образования); подготовка приравненных специалистов по классу «Криминалистический» и так называемых «традиционных» экспертиз (дактилоскопическая, трасологическая, холодного и метательного оружия, баллистическая, технического исследования документов, почерковедческая, портретная).

Такой подход к подготовке экспертов-криминалистов не совсем логичен, если исходить из того, что эксперта-медика подготавливают из лиц, имеющих медицинское образование, а эксперта-экономиста из лиц, имеющих экономическое образование, а вот почерковед, трасолог и т. д. – из лиц, имеющих любое высшее образование (зоотехника, товаровед, инженера и т. п.). Естественно из таких слушателей подготовить эксперта, способного выполнять свои обязанности, затруднительно. В этой связи необходимо пересмотреть перечень специальностей, являющихся базовыми для подготовки на должность эксперта-криминалиста. Если оставить ситуацию такой, как она существует сегодня, то необходимо менять подходы к обучению и комплектованию групп по видам образования (например, юристов, «гуманитариев», инженеров и т. д.).

При решении вопроса повышения качества подготовки экспертов-криминалистов необходимо учитывать специфичность такой подготовки, так как слушатель получает не второе высшее образование, а формирует свои профессиональные знания и вырабатывает навыки. В образовательном стандарте должны быть заложены положения, соответствующие требованиям к подготовке эксперта. Также в стандарте необходимо определить назначение, структуру и содержание соответствующей специальности. Учебный план соответственно должен отвечать требованиям такой подготовки: целесообразности, научности и экономичности. В требованиях Министерства образования РБ к дополнительному высшему образованию имеют место уже устоявшиеся подходы, соответствующие получению диплома.

В виду специфичности подготовки экспертных кадров, которые требуют своих подходов и особенностей, необходимо ввести в процессе обучения практические и лабораторные виды занятий, осуществить проверку практических и лабораторных работ, защиту лабораторных работ.

Не следует загружать слушателей дисциплинами, которые они уже изучали в институтах и университетах; по окончании учебы выдавать «Сертификат» международного формата, учитывая, что высшего трасологического, дактилоскопического и подобного образования не существует. В сложившейся практике Государственного комитета судебных экспертиз стажер-эксперт становится экспертом после сдачи экзаменов экспертно-квалификационной комиссии и получения допуска или лицензии.

Профессиональную подготовку экспертных кадров следует разделить на два этапа. На первом этапе слушатель проходит профессиональное обучение, осваивая функции специалиста при проведении следственных действий (технико-криминалистическое обеспечение). Такую подготовку должны проходить все вновь принятые сотрудники на должность эксперта-стажера по единому плану с изучением определенных дисциплин. Сюда входят: теория судебной экспертизы, технические средства экспертно-криминалистических исследований, криминалистическое исследование веществ материалов и изделий, криминалистическая фотография, исследовательская фотография, видеозапись, криминалистические учеты, участие специалиста в следственных действиях [1]. На втором этапе с учетом возможностей эксперта-стажера и необходимости для практического подразделения переподготовка должна быть ориентирована на получение допуска на право самостоятельного проведения экспертиз. Эксперт-стажер, зная теорию судебной экспертизы, будет осваивать знания по следу как объекту исследования, общие и частные признаки, механизм образования следов и т. д. То есть занятия в большей степени уже должны иметь практическую направленность. Такой подход позволит слушателю нарабатывать практику исследования объектов и составления экспертного заключения, а не выполнять другие задания общеобразовательного толка, так как у него уже имеется высшее образование.

Дело в том, что в существующих нормах нагрузки проверка реферата включается в нагрузку преподавателя, а вот проверка практических и лабораторных работ и их защита не предусмотрены вообще. Также практические и лабораторные занятия должны проводить два преподавателя, и это очень важный момент при подготовке экспертных кадров.

Так как эксперт является специалистом и экспертом одновременно то он должен знать и уметь: как обнаруживать, выявлять, фиксировать (технически и процессуально) следы и объекты. Эксперт обязан знать методику проведения экспертизы, владеть техническими средствами и в соответствии с требованиями частной методики проводить исследование объекта и составлять заключение [2].

Для экспертов, имеющих допуска на право самостоятельного производства экспертиз и желающих получить другой допуск на право само-

стоятельного производства экспертиз соответствующего класса, рода, вида необходимо осуществлять обучение по плану без изучения общеобразовательных дисциплин. Именно такой подход позволит сократить срок обучения и сэкономит затраты на их подготовку.

Таким образом, результат обучения слушателя-эксперта – это овладение им специальными знаниями, приобретение умений, навыков для практического применения их в ходе выполнения учебных экспертиз в соответствии с требованиями методик и с соблюдением норм процессуального законодательства.

Такой подход позволит после сдачи экзаменов и закрепления знаний в практических подразделениях более качественно готовить специалистов, экспертов. Эксперт-стажер сможет уверенно сдавать экзамен экспертно-квалификационной комиссии.

Подготовка экспертных кадров – сложная задача, стоящая перед Государственным Комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь и учебными учреждениями, занимающимися подготовкой экспертов. Предлагаемый подход думается позволил бы сократить время, стоимость и повысить качество подготовки специалистов, экспертов.

1. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.

2. Зимин А.М., Пахомов А.В. Омелянюк Г.Г. Введение в судебную экспертизу. М. ; Воронеж, 2002.

УДК 343.1

В.П. Егоров, А.С. Кузьмин

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Комитет) перешагнул пятилетний рубеж своего создания, подтверждая своей работой роль и значимость данной структуры в правоохранительной системе. Комитет был создан на базе подразделений, каждое из которых имело свою практику производства судебных экспертиз:

экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел;

Государственной службы медицинских судебных экспертиз, в том числе ее управлений по областям и г. Минску;

государственного учреждения «80-я центральная военная судебно-медицинская лаборатория» Министерства обороны;

отдела исследований и экспертиз чрезвычайных ситуаций центра нормирования и экспертизы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций учреждения «Научно-исследовательский институт пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций» Министерства по чрезвычайным ситуациям, отделений (групп) обеспечения функционирования государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны, исследований, экспертиз чрезвычайных ситуаций и пожаров научно-практических центров областных (Минского городского) управлений Министерства по чрезвычайным ситуациям, отделения исследований и экспертизы пожаров учреждения «Научно-исследовательский центр Витебского областного управления Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь»;

государственного учреждения «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь».

Так как в УПК, ГПК, ХПК различается понятие «эксперт», расплывчато и недостаточно понятно определяется повторная, комплексная, комиссионная экспертиза, отсутствует понятие комплекса экспертиз, что на практике вызывает ненужные споры и приводит к увеличению сроков проведения экспертиз, возникла необходимость в разработке Закона «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон).

По нашему мнению, особое внимание в этом Законе следует уделить понятию «эксперт». Данное в ст. 61 УПК и других процессуальных кодексах Республики Беларусь понятие устарело: практически без изменений существует с позапрошлого века. Кроме того, данная формулировка статьи не раскрывает в полном объеме самого понятия.

Рассмотрим более подробно ст. 61 УПК, где первоначально ведется речь о незаинтересованности эксперта в исходе уголовного дела. Но даже если эксперт и заинтересован в исходе уголовного дела, он должен отказаться от производства конкретной экспертизы, при этом оставаясь экспертом. Далее в статье констатируется, что эксперт – это лицо, «которому поручено производство экспертизы». Отсюда также можно сделать вывод: если эксперту не поручено производство экспертизы, он перестает быть таковым.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемой статье УПК, как и в других процессуальных кодексах определены права и обязанности эксперта, но понятие участника процесса не дано.

Ведь следователь, суд должны знать, кто такой эксперт, а затем при необходимости вести речь о его правах и обязанностях.

Оценивая внутренние нормативные правовые акты Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, можно прийти к вы-

воду о том, что экспертом может быть лицо, имеющее диплом о высшем или среднем специальном образовании, которым в установленном порядке предоставлено право самостоятельного проведения судебных экспертиз по соответствующему виду (подвиду) судебных экспертиз (квалификация судебного эксперта по соответствующей специальности).

На основании изложенного считаем возможным сформулировать определение «судебный эксперт». Итак, это лицо, имеющее высшее, в исключительных случаях – среднее специальное, прошедшее специальную подготовку в области определенного вида судебной экспертизы (экспертиз) и имеющее свидетельство, лицензию на право самостоятельного проведения экспертиз.

В рамках вопроса также есть необходимость в уточнении понятий «Дополнительная, повторная, комиссия и комплексная экспертиза».

Так, ч. 1 ст. 239 УПК Республики Беларусь устанавливает, что «при недостаточной ясности или неполноте заключения, а также в случае возникновения новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств может быть назначена дополнительная экспертиза, проведение которой поручается тому же или другому эксперту (экспертам)». При этом ч. 2 ст. 239 УПК определяет, что «в случае необоснованности заключения эксперта, наличия сомнений в его правильности может быть назначена повторная экспертиза, проведение которой поручается другому эксперту (экспертам)».

В свою очередь, ст. 232 УПК определяет, что «комиссионная экспертиза проводится несколькими экспертами одной специальности (профиля) в случае необходимости проведения сложных экспертных исследований», а ст. 233 УПК определяет комплексную экспертизу, как проводимую «экспертами различных специальностей в пределах своей компетенции в случаях, когда для производства исследований необходимы познания в разных отраслях знаний».

Итак, в УПК Республики Беларусь нет определений конкретных видов экспертиз. По этой причине, по нашему мнению, в Законе следует дать определения всех вышеуказанных видов экспертиз, а также дать определение комплекса экспертиз, которое в законодательстве вообще отсутствует.

Мы предлагаем следующие определения:

Дополнительная судебная экспертиза проводится в случаях, когда при производстве первичной экспертизы не были исследованы отдельные вопросы.

Повторная судебная экспертиза проводится в случаях, когда у государственного органа должностного лица, назначившего первичную экспертизу, возникли сомнения в ее выводах.

Комиссионная судебная экспертиза – это экспертиза, проводимая несколькими экспертами одной специальности (профиля).

Комплексная судебная экспертиза – это экспертиза, проводимая экспертами различных специальностей в пределах своей компетенции для решения одного поставленного вопроса.

Комплекс судебных экспертиз проводится экспертами различных специальностей в пределах своей компетенции в случаях, когда для производства исследований одного объекта необходимы познания в разных отраслях знаний.

УДК 343.148

К.С. Егоров

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ РЕШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦИФРОВЫХ РЕЧЕВЫХ ФОНОГРАММ

Эффективность проведения криминалистических экспертиз звуковых (голосовых, речевых) следов (КЭЗС) на фонограмме зависит от наличия эксперта, обладающего необходимыми компетенциями (базовыми знаниями, способностью к познанию нового, умениями, навыками и опытом исследовательской работы) и используемой в профессиональной деятельности прогрессивной экспертной технологии. Современная экспертная технология (ЭТ) для производства КЭЗС должна включать самые эффективные специализированные аппаратно-программные комплексы (АПК) для комплексного исследования речевых фонограмм. Практика показывает, что эффективное решение основополагающих задач КЭЗС (идентификации, диагностики и классификации дикторов) в Республике Беларусь было достигнуто на базе разработанных после распада СССР собственных методик с использованием ЭТ АПК «ИКАР-Лаб П+» и ПО «Фонэкси», созданных в РФ для исследования фонограмм с аналоговой формой записи информации. В результате внедрения указанной ЭТ, основанной на экспертном исследовании различных видов информации, заключенной в речевом (голосовом) сигнале (рис. 1), удалось снизить на 40 % количество латентных видов преступлений, например, связанных с телефонными угрозами (о взрывах, заминировании объектов и т. д.).

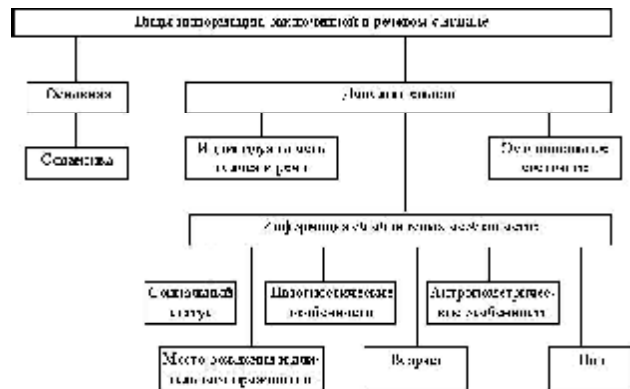

Рис. 1. Виды информации, заключенной в речевом сигнале

Мировая тенденция всеобщего применения более прогрессивных «цифровых» средств звукозаписи (миниатюрные диктофоны, мобильные телефоны, плееры и т. д.) основана на переводе аналоговых звуковых сигналов в дискретную форму представления (рис. 2) и их использования в последующем для записи, хранения и воспроизведения в виде голоса и речи дикторов.

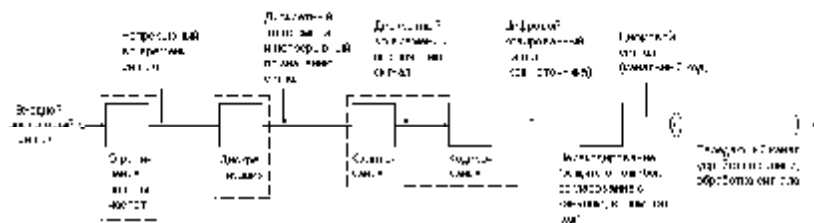

Рис. 2. Схема преобразования аналоговых звуковых сигналов в цифровую форму

Такая практика наиболее частого применения «цифровых» средств звукозаписи вызвала необходимость проведения КЭЗС не только аналоговых, но и цифровых фонограмм, что вызвало ряд проблем в плане дальнейшего успешного использования имеющейся ЭТ, в том числе связанных с потерей многих признаков (импульсных сигналов включения-выключения, следов звукоряда и др.), свойственных для магнитных фонограмм. Стала актуальной проблема дальнейшего развития существующей ЭТ для получения новых признаков, используемых при производстве КЭЗС на цифровых фонограммах.

Так, без инструментального анализа, выявления и оценки дополнительных признаков эмоционального состояния дикторов и тембральных характеристик звучащей речи на цифровой фонограмме экспертам стало крайне сложно обеспечивать достоверное решение классификационных, диагностических и идентификационных криминалистических задач КЭЗС [1, с. 177–185; 2, с. 186–197; 3, с. 196–207; 4, с. 196–207]. В особенности это касается ЭТ для исследования цифровых фонограмм, содержащих шумовые помехи и короткие сообщения о взрывах, заминировании объектов и т. д. [1, с. 177–185].

В рамках проблемы интерес представляет анализ перцептивно выявляемых экспертами субъективных признаков эмоциональных и тембральных характеристик голоса и звучащей речи, их трансформация в количественную форму, измерение и представление в виде новых элементов ЭТ для инструментального анализа дополнительных признаков при решении экспертных задач идентификации, классификации и диагностики дикторов по голосу и речи на цифровых фонограммах.

Тембральные характеристики голоса и эмоциональное состояние человека оказывают непосредственное влияние на физические параметры генерируемого им речевого сигнала. Эта закономерность была выявлена и использована нами для распознавания их инструментальными методами и применения в качестве новых элементов ЭТ, позволяющих эксперту-фонографисту получать дополнительные признаки для решения задач КЭЗС.

Авторами проведен анализ пригодности современных математических моделей обработки звуковых, голосовых и речевых сигналов для получения возможности трансформации качественных характеристик голоса и речи в количественные данные. Речевая база из 1 000 фонограмм разбита (комиссией из трех компетентных экспертов со стажем работы от 10 до 17 лет) на четыре класса состояний человека и на три класса по тембральным характеристикам голоса (звонкий, хриплый, сдавленный), на основе исследования которых установлены закономерности и выведены зависимости «акустические параметры голосовых (речевых) сигналов» – «эмоциональные состояния дикторов», «тембральные характеристики голоса». Полученные параметры представлены в численном и графическом видах. Разработано экспериментальное программное средство «Экспертное исследование эмоционального состояния и тембра голоса», с помощью которого можно трансформировать существующий субъективный «перцептивный образ» голоса и речи в «цифровой образ», позволяющий дополнить ЭТ новыми элементами для объективного инструментального анализа цифровых фонограмм.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что полученные результаты в целом соответствуют существующей базовой классифика-

ции связей эмоциональных состояний дикторов и количественных параметров речевого сигнала [5].

Эмоциональное состояние «радость» включает: повышение среднего частотного уровня фразы; расширение частотного диапазона; уменьшение объема отрицательного частотного интервала перед слогом с фразовым ударением.

Эмоциональное состояние «ярость» включает: повышение (меньшее по сравнению с радостью) среднего частотного уровня фразы; смещение максимального значения ЧОТ на конечный участок фразы; резкое падение ЧОТ в атакте, появление в атакте положительных межслоговых интервалов.

Эмоциональное состояние «страх» включает: значительное повышение среднего частотного уровня; сужение частотного диапазона, понижение частотного уровня ударных слогов, резкое падение ЧОТ в атакте.

Эмоциональное состояние «печаль» и «тоска» включает: понижение среднего частотного уровня (для эмоционального состояния «тоска»); сужение частотного диапазона; наличие положительного интервала перед слогом с фразовым ударением.

Количественная оценка акустических параметров для некоторых видов эмоций проводилась по группе из пяти дикторов (трех мужчин и двух женщин) (см. таблицу).

**Зависимость между типом эмоции
и некоторыми просодическими параметрами**

Тип эмоции	Максимальная ЧОТ	Максимальная интенсивность	Общая длит. сек.
Гнев/радость	0,46	0,09	0,03
Печаль/счастье	0,76	0,42	0,20
Страх/дерзость	0,43	0,62	0,15
Робость/самодеянность	0,49	0,77	0,34
Неуверенность/уверенность	0,39	0,66	0,32
Скучный/интересный	0,67	0,67	0,27
Спокойный/взволнованный	0,59	0,70	0,05
Пассивный/активный	0,63	0,78	0,26
Слабый/сильный	0,59	0,83	0,25

Область применения полученного элемента ЭТ имеет «двойное значение»: в системе уголовного судопроизводства (производство судебных экспертиз, слуховой контроль и др. процессуальные действия) и в распознавании эмоционального состояния людей (при установлении эмоционального состояния конкретных лиц, повышения надежности

применения полиграфа, определения «истина/ложь» при отборе претендентов на работу, ранней профилактики правонарушений и др.). В настоящее время в республике достигнуто пятипроцентное снижение общей численности преступлений, однако при этом наблюдается негативная тенденция к увеличению доли их тяжких и латентных видов. В результате широкого применения разработанных инновационных элементов в ЭТ указанные негативные тенденции, связанные с нарушением правопорядка в республике, могут быть успешно преодолены.

1. Егоров К.С., Фетняев И.Ю. Экспертиза цифровых фонограмм: проблемы расширения сферы специальных познаний // *Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы* : сб. науч. тр. / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики М-ва юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2009. Вып. 1/25.

2. Егоров К.С., Фетняев И.Ю. Выявление признаков внесения изменений в цифровые фонограммы (о способах записи) // *Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы* : сб. науч. тр. / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики М-ва юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2009. Вып. 1/25.

3. Егоров К.С., Фетняев И.Ю. Экспертное исследование цифровых фонограмм для установления объектов-источников звука (голоса, речи), транслированного через телевизионный канал // *Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы* : сб. науч. тр. / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики М-ва юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 2/27.

4. Егоров К.С., Фетняев, И.Ю. Установление даты и времени записи цифровых фонограмм в криминалистической экспертизе // *Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы* : сб. науч. тр. / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики М-ва юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 2/27.

5. Потапова Р.К. Временные корреляты речи испытуемых в различных эмоциональных состояниях. М., 1980.

УДК 343.982.4

Н.В. Ефременко

ПОДГОТОВКА СООБЩЕНИЯ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ДАЧИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Если эксперт в результате исследования не смог ответить на поставленный вопрос (например, установить способ нанесения отпечатка или провести идентификацию печати, подписи), он делает вывод о том, что

решить вопрос не представляется возможным (НПВ), и объясняет причины этого.

Вместе с тем эксперты нередко сталкиваются с ситуацией, когда на экспертизу поступают объекты, при исследовании которых эксперт не может решить поставленные перед ним задачи. Так, например, поступает деформированный слепок со следом орудия взлома, смазанный след пальца руки, либо представленные для сравнения образцы не сопоставимы с исследуемыми объектами. В этих случаях законодатель разрешает эксперту отказаться от дачи заключения, если он придет к выводу о невозможности дачи заключения. В соответствии с ч. 3 ст. 236 УПК Республики Беларусь если эксперт убеждается, что поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний или если представленные ему материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, либо если состояние науки и экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы, он составляет мотивированное сообщение о невозможности дачи заключения и направляет его в орган, ведущий уголовный процесс и назначивший экспертизу.

Решение вопроса о возможности или невозможности проведения экспертизы и отказа от дачи заключения в силу причин, указанных в ч. 3 ст. 236 УПК, экспертом осуществляется до начала проведения экспертизы при изучении поставленных перед ним вопросов.

Важно отметить, что разграничение между выполнением заключения эксперта с выводом НПВ и подготовкой сообщения о невозможности дачи заключения определяется в первую очередь тем, что если эксперт без применения инструментальных методов, т. е. без проведения экспертного исследования может установить наличие оснований отказа от дачи заключения (ст. 236 УПК), то он отказывается от проведения экспертизы с подготовкой сообщения о невозможности дачи заключения (СНДЗ).

Фактически сообщение о невозможности дачи заключения – это письмо, в котором сообщается о невозможности решения поставленного перед экспертом вопроса с указанием причин, т. е. тот же вывод НПВ, но без проведения исследования и в форме сообщения, а не заключения. Форма изложения законодателем не регламентируется, но она определена гл. 5 Инструкции о порядке проведения судебных экспертиз, экспертиз (исследований) в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь, утвержденной Приказом № 240 от 6 декабря 2016 г.

В большинстве случаев эксперты точно понимают, когда выполнять экспертизу, а когда готовить СНДЗ. Но в новой редакции вышеуказанной Инструкции появился п. 41, указывающий, что если по одним вопросам

судебный эксперт дает заключение эксперта, а по другим имеются основания для сообщения о невозможности дачи заключения, составляется единый документ – заключение эксперта.

Как следствие, появление данного пункта внесло путаницу и допущение некорректных выводов в заключениях эксперта.

Так, при осуществлении почерковедческого исследования кратких записей эксперты, проведя исследование одних записей, дают категорический вывод, в отношении других указывают на отсутствие в записи необходимой совокупности частных признаков и делают вывод о непригодности записей для идентификации. В итоге делается вывод в виде сообщения о невозможности дачи заключения.

В таком изложении есть несколько противоречий. Первое: если по результатам исследования судебный эксперт убеждается, что объект не содержит достаточного объема признаков (информации) для положительного или отрицательного вывода, формулируется вывод о том, что решить вопрос не представляется возможным (п. 39 Инструкции о порядке проведения судебных экспертиз). А в данном случае эксперт вместо вывода НПВ пишет СНДЗ. Второе противоречие заключается в том, что в исследовательской части и особенно в разделе выводов заключения эксперта присутствует отказ от дачи заключения в виде сообщения. Получается, что, с одной стороны, экспертиза проведена, а с другой – имеется отказ от ее проведения. Данное противоречие при оценке следователем, судом и адвокатом может быть основанием для признания заключения необоснованным и недостоверным. Третье противоречие видится в том, что в случае, если эксперт делает вывод о том, что в объекте отсутствует необходимый идентификационный комплекс признаков и вследствие чего объект не пригоден для идентификации, то последующий вывод о невозможности проведения идентификации не логичен, т. е. получается тавтология.

Для устранения выявленных противоречий представляется целесообразным внести в п. 39 Инструкции о порядке проведения судебных экспертиз, экспертиз (исследований) в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь следующие изменения и дополнения:

если по одним вопросам судебный эксперт дает заключение эксперта, а по другим имеются основания для сообщения о невозможности дачи заключения, составляется единый документ – заключение эксперта, в котором в разделе выводов указывается вывод о том, что решить вопрос не представляется возможным. Если составляется сообщение о невозможности дачи заключения, оно должно оформляться отдельным документом либо специальным разделом после выводов эксперта.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОМПЛЕКСНОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы комплексности экспертных исследований на протяжении длительного времени вызывают споры ученых. Такое внимание к данной проблеме можно объяснить как многообразием вариантов комплексирования при проведении экспертиз, так и нерешенностью многих процессуальных аспектов организации и проведения комплексных экспертиз и исследований.

Объекты, направляемые на экспертизу, обычно представляют собой сложную систему свойств, которые могут быть исследованы с применением разных методов и методических подходов для решения задач судопроизводства. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть различие процессуальных форм экспертного исследования с учетом многовариантности комплексирования.

Итак, регламентируемой процессуальной формой комплексирования с использованием знаний экспертов разных специальностей является комплексная экспертиза. Понятие комплексной экспертизы закреплено в ст. 201 УПК РФ, ст. 82 ГПК РФ; ст. 85 АПК РФ; ст. 81 КАС РФ.

В Российском процессуальном законодательстве регламентированы следующие положения, касающиеся комплексной экспертизы:

1. Экспертиза проводится с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания (ст. 82 ГПК РФ, ст. 81 КАС РФ). Ограничивают областями экспертных специальностей участие экспертов в производстве комплексной экспертизы УПК РФ и АПК РФ: «в производстве экспертизы участвуют эксперты разных специальностей».

2. Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам (ст. 82 ГПК РФ, ст. 81 КАС РФ, ст. 85 АПК РФ). УПК РФ не указывает количество экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, но употребляет понятие «эксперты» во множественном числе, что позволяет считать эту экспертизу комиссионной.

3. Эксперты делают общий вывод (КАС РФ, АПК РФ, ГПК РФ). В УПК РФ отсутствует указание на данный признак.

В регламентации любой процессуальной формы, в том числе формы проведения экспертизы, помимо процессуального статуса субъектов присутствует порядок их деятельности и ответственность. В Россий-

ском процессуальном законодательстве порядок проведения комплексной экспертизы включает указание на характер и объем исследования, проведенного каждым из экспертов, установленные ими факты и сформулированные выводы. Кроме того, процессуальные кодексы содержат положения, касающиеся особенностей формирования заключения комплексной экспертизы и распределение ответственности.

Гносеологическая сущность классической комплексной экспертизы заключается в том, что:

- исследованию подлежит объект, представляющий собой совокупность источников информации, составляющих предмет исследования разных родов или видов экспертиз (например, орудие, использованное для взлома, рабочая поверхность которого имеет лакокрасочное покрытие);

- экспертное исследование представляет собой комплекс методических алгоритмов, позволяющих решать самостоятельные экспертные задачи на основе выявления совокупности признаков. Решение этих экспертных задач может включать как один метод исследования, так и комплекс методов;

- общий вывод формируется на основе решенных экспертных задач, имеющих при других условиях самостоятельное значение;

- эксперты при формулировании общего вывода выходят за пределы предмета решенных экспертных задач;

- достоверность общего вывода достигается при условии достоверности результатов (промежуточных выводов) решенных экспертных задач.

Ввиду многообразия объектов, представляемых для экспертного исследования, вся совокупность классических гносеологических признаков комплексной экспертизы не всегда присутствует. В связи с этим может измениться и процессуальная форма экспертизы.

Так, А.И. Усов, О.В. Микляева, Е.С. Карпухина, Л.Г. Эджубов выделяют два вида комплексных экспертиз – параллельную (исследования объекта проводятся одновременно и независимо друг от друга экспертами разных специальностей. Например, экспертиза порнографических материалов психологом и искусствоведом) и последовательную (создается цепочка экспертов, и вещественное доказательство последовательно передается от одного эксперта к другому в «эстафетном режиме» [1, с. 126–136]. Например, установление факта контактного взаимодействия одежды потерпевшего и выступающих деталей транспортного средства. Объекты последовательно изучают трасолог, эксперты, имеющие специализацию в области исследования волокон, лакокрасочных покрытий, полимеров и др.).

Полагаем, что организационные особенности проведения комплексных экспертиз не влияют ни на гносеологическую сущность, ни на процессуальную форму.

В то же время авторы в качестве признака последовательной комплексной экспертизы указывают, что эксперты решают промежуточные задачи с формированием промежуточных выводов, а последний решает конечную задачу и формирует конечный вывод. В.С. Митричев такой вид комплексной экспертизы называл вырожденной экспертизой [2, с. 3–111]. Гносеологической особенностью данной экспертизы является формулирование вывода одним экспертом на основе фактических данных, установленных другими экспертами. То есть комплексирование как таковое отсутствует, при этом экспертная задача решается на основе данных, не представленных следователем или судом, а полученных в результате исследований. Каждый эксперт отвечает за свою часть исследований. По сути, такая экспертиза вполне может быть проведена в виде последовательности самостоятельных экспертиз, последняя из которых в качестве данных использует ранее полученную информацию. Несмотря на то, что экспертиза, в которой вывод формулируется одним экспертом, по гносеологической сущности не является классической комплексной экспертизой, если она назначена, то проводиться должна в процессуальной форме комплексной экспертизы.

Еще одним видом взаимодействия экспертов разных специальностей при проведении экспертизы является участие одного из экспертов на уровне технического обеспечения работы эксперта другой специальности. Достаточно часто такая ситуация складывается в случаях, когда информация на исследование предоставляется в электронном виде, а интересующие назначающий орган вопросы ставятся по другой специальности. Указанная проблема связана с тем, что сегодня большая часть информации является структурированной по законам информационно-компьютерных технологий. Например, при решении вопросов экономической, бухгалтерской экспертиз, когда учет ведется в электронном виде, а исследование основано на анализе контентов баз данных или сайтов, привлекается специалист в области компьютерно-технических экспертиз. При этом основной информационной частью ведает эксперт другого направления (лингвист, медик, строитель и др.). Такая деятельность, на наш взгляд, по своей сущности больше является привлечением специалиста к проведению судебной экспертизы. Однако подобного института российское законодательство не знает.

Как и в предыдущем случае получение результата возможно в виде последовательности действий: выявлении и фиксации информации и

проведении на основе выявленных данных экспертного исследования [3, с. 130–131]. Несмотря на то, что формулирование выводов экспертизы не предполагает комплексирования, т. е. отсутствует один из основных признаков комплексной экспертизы, процессуальной формой такого исследования может быть только комплексная экспертиза.

Впервые экспертизу, в которой принимают участие эксперты одной специальности, назвал комплексной Ю.К. Орлов [4, с. 172]. Его поддержали и некоторые другие ученые. Классическим случаем подобной ситуации авторы считают так называемое «экспертоучастие». В качестве примера приводится почерковедческая экспертиза, в которой участвует почерковед, анализирующий соотношения координатных характеристик рукописных текстов или подписей, а второй эксперт-почерковед завершает полноценное исследование с использованием информации, полученной от первого эксперта. Эта форма сродни уже привычному участию в проведении экспертизы «специалистов-методников», результаты исследования которых использует в формулировании вывода эксперт, имеющий специализацию по исследованию объекта. Экспертиза не обладает гносеологическими признаками комплексной, однако оформляется в процессуальной форме комплексной экспертизы.

Еще в качестве одного примера можно привести экспертизу нескольких тысяч свертков с героином, когда один эксперт проводит исследование методом тонкослойной хроматографии, а другой – хромато-масс-спектрометрии. Эксперты имеют одну специализацию, способны оценить промежуточные выводы друг друга и формируют общий вывод на основе совокупности проведенных исследований. Комплексирование при этом заключается в оценке результатов исследований, проведенных другим экспертом. Несмотря на то, что в такой экспертизе имеет место определенная форма комплексирования, она в наименьшей степени обладает признаками комплексной экспертизы. Полагаем, что наиболее подходящей процессуальной формой для такой экспертизы все же является комиссия, при которой каждый из экспертов несет ответственность за все проведенное исследование.

Комплекс экспертиз, который в практической экспертной деятельности назначается одним постановлением (определением), по мнению большинства ученых, не имеет ничего общего с комплексной экспертизой. Целесообразность назначения такого исследования обусловлена в основном стремлением сохранить максимальную информативность объектов. В связи с этим логичным представляется направление на экспертизу одним постановлением свертка с амфетамином для решения вопросов о наличии следов рук на сверке и отнесении вещества к нарко-

тическим средствам. Результатом исследования оказываются несколько экспертиз, а для обоснования их назначения постановление копируется. По данному вопросу следует поддержать аргументацию Д.А. Кудряшова, отметившего, что каждая экспертиза должна быть назначена и проведена в соответствии с установленным процессуальным порядком [5, с. 64]. Солидаризируясь с мнением ученых, которые не видят комплексного характера таких исследований, полагаем, что их оформление должно соответствовать процессуальной форме комплексной экспертизы.

Среди ученых длительное время обсуждается вопрос о проведении комплексной экспертизы одним экспертом. О возможности такого исследования писали Р.С. Белкин [6, с. 720], Е.Р. Россинская [7, с. 16–17], Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова [8, с. 140–141] и др. Действительно, если один эксперт имеет несколько экспертных специальностей, то проведенная им экспертиза может считаться комплексной, так как обладает всеми признаками комплексной экспертизы. Однако в процессуальном смысле нет надобности регламентировать порядок проведения такого исследования, формулирования выводов и распределения ответственности экспертов. В связи с этим полагаем, что несмотря на то, что экспертиза, проведенная одним экспертом, компетентным в разных областях экспертной деятельности, по своей гносеологической сущности является комплексной, проводиться она должна в процессуальной форме единой экспертизы.

1. О трех версиях теории комплексной экспертизы / А.И. Усов [и др.] // Теория и практика судеб. экспертизы. 2015. № 1.
2. Митричев В.С. Криминалистическая идентификация целого по частям / Теория и практика идентификации целого по частям : сб. науч. тр. М., 1976, Вып. № 24.
3. Иванова Е.В., Семикаленова А.И. Перспективные формы участия специалиста в производстве судебной экспертизы : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Вильнюс, 21–22 июня 2013 г. Вильнюс, 2013.
4. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судеб. экспертизы. 2013. № 4.
5. Кудряшов Д.А. К вопросу о современной классификации комплексных судебных экспертиз // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 2.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин [и др.] ; отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.
7. Россинская Е.Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 6.
8. Майлис Н.П., Орлова В.Ф. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития // Теория и практика судеб. экспертизы. 2014. № 1.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Судя по практическому подходу к решению многих экспертных задач, которые ставятся правосудием в настоящее время, можем констатировать, что криминалистика и судебная экспертиза как ведущие отрасли прикладных наук, обеспечивающих практику научно-техническими средствами и технологиями, оказались неподготовленными к столь резким изменениям своих ориентиров и перспектив. Общую атмосферу современной науки криминалистики лучше всего характеризуют проблемы, которые занимают умы ученых-криминалистов в последние десятилетия, отражаясь на страницах многочисленных учебников и в материалах конференций криминалистов.

Среди этих проблем ведущее место отведено методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности в соответствии с современными требованиями судопроизводства. Ученые-криминалисты уже не могут довольствоваться умением стирать пыль веков с книжных полок. Они должны пересмотреть традиционные, в том числе методологические установки, если те противоречат современным информационно-технологическим функциям криминалистики. Следует разработать пути развития, соответствующие требованиям сегодняшнего дня, так как одной из основных и доступных форм реализации научно-технического потенциала в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений по-прежнему остаются судебные экспертизы, которые, используя достижения науки и техники, обеспечивают создание объективной доказательственной базы по расследуемым уголовным делам.

По многим направлениям судебная экспертиза для обеспечения судебно-экспертной практики основополагающими научными положениями нуждается в серьезных научных разработках – инструментария повышения эффективности криминалистических исследований, а также практики производства судебных экспертиз на основе комплексного использования методов и средств различных отраслей знаний в целях решения экспертных задач на современном уровне.

Приведем лишь один пример, очень яркий, по-нашему мнению, на сегодняшний день, – исследование копий почерковых объектов. Известно, что широкое использование средств оргтехники в настоящее время является одной из основных причин увеличения количества копий доку-

ментов, которые стали относиться к объектам почерковедческой экспертизы, так как содержат изображения рукописных реквизитов (подписи, краткие записи, тексты и т. д.). Несмотря на то что в последние годы сложилась определенная практика проведения почерковедческих исследований по копиям документов, по сей день научно-методологическое обеспечение такого рода исследований не выработано. Эксперты, не обладая единой методикой исследования копий почерковых объектов, находят свое решение, которое основано на собственных суждениях и опыте. Таким образом, судопроизводство получает различные выводы по одним и тем же исследуемым объектам и не может дать правильную юридическую оценку таким выводам, что создает значительные затруднения в принятии решений по расследуемым делам, порой оставляя их вовсе без решений.

Эксперты также находятся в сложных условиях, поскольку должны решать поставленные перед ними вопросы максимально полно и всесторонне, но при отсутствии каких-либо методических разработок каждый из них поступает по-своему. Одни отказываются выполнять работу, ссылаясь на отсутствие методики, и они правы с точки зрения законодательства. Другие решают вопросы, используя положения методических рекомендаций, неспецифичных для поставленных задач, и рискуют прийти к ошибочным выводам, что часто и происходит, как показывает практика.

В статьях исследователей приводятся результаты анализа практики почеркового исследования объектов, представленных в копиях [1].

Относительно изображений подписей, изготовленных с применением технических средств, приводятся следующие результаты: отказ от решения вопросов, т. е. выводы в форме НПВ, – 30 % экспертов; неправильные выводы (положительные или отрицательные) – 65 %, правильные – 5 %. По копиям факсимильных оттисков НПВ дали 68 %, неправильные выводы – 24 %, правильные – 8 %.

При почерковедческом исследовании электрофотографических копий подписей эксперты воспринимают представленный объект как прямую копию, что приводит к большому количеству ошибочных выводов.

Иная ситуация складывается при исследовании подписей, выполненных рукописным способом. Эксперты не принимают во внимание факт, что при копировании документов происходит нивелирование диагностических признаков рукописных реализаций, а также признаков, характеризующих письменно-двигательный навык исполнителя. Следовательно, значительно затруднено или невозможно выявление признаков квалифицированной подделки подписей, копирования на просвет и т. п.

В результате исследования подписи, выполненной с предварительной технической подготовкой, отказались от решения вопроса 42 % экспертов, такое же количество экспертов пришли к ошибочным выводам и только 16 % сделали правильные (отрицательные) выводы. При этом ни один эксперт не предположил, что данная подпись выполнена с предварительной технической подготовкой.

Также указано, что наименьшее количество ошибочных выводов (16 %) сделано экспертами по подлинной подписи, выполненной под действием сбивающих факторов. От решения вопроса по ней отказались 58 % экспертов, основываясь на невозможности должным образом оценить выявленные совпадающие и различающиеся признаки. К правильным выводам пришли 26 % экспертов.

Обобщенные результаты по всем видам объектов следующие: отказ от решения вопроса – 50 %, правильных выводов – 11 %, неправильных выводов – 39 %.

Исследователи указывают, что полученные цифры говорят о том, что количество неправильных выводов вместе с отказами от решения вопроса составляет около 90 % от всех выводов, что доказывает неэффективность исследования изображений документов имеющимися в распоряжении экспертов методами.

Кроме того, отмечается, что подобным образом дело обстоит с исследованием любых изображений удостоверительных реквизитов (например, оттисков печатей) и с производством технико-криминалистической экспертизы документов.

На наш взгляд, сделанный вывод о неэффективности исследования изображений документов имеющимися в распоряжении экспертов методами отчасти правильный. Он указывает на необходимость разработки нового подхода к исследованию почерковых объектов и других любых изображений удостоверительных реквизитов (например, оттисков печатей) и к производству технико-криминалистической экспертизы документов.

На самом деле судебная практика складывается таким образом, что исследование копий почерковых объектов является не только актуальным направлением судебного почерковедения и технического исследования документов, но и единственным способом в большинстве случаев реализовать право граждан и юридических лиц на защиту своих законных интересов.

Думается, что современное положение криминалистической науки не соответствует ее призванию, так как она должна постоянно обеспечивать правосудие новыми методами исследования вещественных доказательств в целях успешного разрешения расследованных дел.

Многие исследователи в своих работах указывают на необходимость новых направлений развития криминалистической техники в соответствии с требованиями дня. К ним относятся:

подготовка методических рекомендаций с целью совершенствования методического обеспечения проведения судебных экспертиз;

взаимодействие с ведущими экспертными и образовательными учреждениями с целью выработки наиболее оптимальных путей дальнейшего развития института судебной экспертизы;

систематизация экспертных знаний с возможностью доступа к ним конкретного эксперта, судьи, следователя, юриста вне зависимости от географической точки нахождения;

предоставление площадки для обмена профессиональной информацией между специалистами в области судебной экспертизы, доступной более широкому кругу экспертов-практиков, путем публикации и обсуждения научных статей, общения на тематических форумах и др. [2].

Бесспорна полезность рабочих групп ENFSI по специальностям, удачно обобщающих экспертную практику, поставляющих новейшую информацию на площадку ere.europol, разрабатывающих профессиональные тесты и т. д., но они далеко не решают научно-методические вопросы и не разрабатывают научные методики, предназначенные для решения экспертных задач, с которыми встречаются эксперты ежедневно в процессе производства судебных экспертиз.

Необходимость в разработке новых, нетрадиционных направлений криминалистического научного знания предопределена происходящими существенными изменениями в структуре, динамике, тенденциях развития преступности, модификации известных и появления новых видов преступлений, способов их совершения и противодействия криминальных сил правоохранительным органам. С этими процессами связано вовлечение в уголовное судопроизводство объектов, которые в недалеком прошлом вообще не фигурировали по уголовным делам.

Внимание ученых-криминалистов и экспертологов в настоящее время должно все более быть обращено на коренное обновление системы методов и приемов борьбы с преступностью путем оснащения органов правопорядка соответствующими современному уровню развития науки и техники, не имеющими аналогов в прошлом средствами.

Необходимо формировать отрасли криминалистического научного знания и исследования, нетрадиционные объекты, методы, приемы и средства выявления и расследования преступлений, в том числе разработать методику экспертного исследования новых, нетрадиционных объектов.

Таким образом, в условиях появления новых, нетрадиционных объектов экспертного исследования требуется основательный пересмотр на-

правлений развития криминалистической техники в области экспертологии. Это позволит разрешить проблемы, возникающие при расширении круга экспертных задач, за счет появления новых методов исследования и совершенствования экспертных технологий при исследовании традиционных или новых объектов уже существующих родов и видов экспертиз.

Ориентирование экспертной науки преимущественно на пересмотр имеющихся научных методик и рекомендаций и на разработку новых обеспечивающих комплексный подход к экспертному исследованию объектов, оградит от ошибочных выводов экспертиз нетрадиционных объектов, востребованных в последнее время, так как они позволяют гражданам и юридическим лицам реализовать право на защиту своих законных интересов тогда, когда это необходимо.

1. Современные подходы к исследованию копий документов : информ. письмо ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр» МВД Рос. Федерации // Энцикл. судеб. экспертизы. <http://www.proexpertizu.ru/evaluatoins-guidelins/pocherk/671> (дата обращения 04.12.2018).

2. URL: <http://kbugaev.narod.ru/konsultation/New-Krim-Kons.htm>.

УДК 340.63 + 343.225

М.Ю. Кашицкий

О НЕОБХОДИМОСТИ УТОЧНЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО КРИТЕРИЯ ФОРМУЛЫ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Отечественное уголовное законодательство содержит определение невменяемости в так называемой формуле невменяемости, в которой даны ее критерии. Согласно ст. 28 Уголовного кодекса Республики Беларусь не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

В науке судебной психиатрии и уголовном праве, рассматривая формулу невменяемости, традиционно выделяют два критерия невменяемости – медицинский (биологический, психиатрический) и юридический (психологический), на основании которых выносятся решения суда о невменяемости (вменяемости) лица.

Медицинский (биологический, психиатрический) критерий представляет собой обобщающий перечень психических расстройств и состоит из следующих четырех признаков (компонентов):

хроническое психическое заболевание. Понятие «хроническое психическое заболевание» объединяет психические расстройства, протекающие длительно, имеющие тенденцию к прогрессированию, т. е. постепенному нарастанию и усложнению психических расстройств (шизофрения, биполярное аффективное расстройство, эпилепсия и т. д.);

временное расстройство психики. Представлено психическими расстройствами, имеющими различную продолжительность и заканчивающимися выздоровлением (патологическое опьянение, патологический аффект, алкогольный делирий, сумеречные расстройства сознания, реактивные состояния и т. д.);

слабоумие. Понятие «слабоумие» объединяет все психические расстройства, которые протекают с нарушением интеллектуальной функции как врожденного (умственная отсталость), так и приобретенного (деменция) характера;

иное болезненное состояние психики. Объединяет расстройства психической деятельности, отличающиеся от хронического психического расстройства (заболевания) и временного расстройства психики, но сопровождающиеся существенными нарушениями психических процессов (расстройства личности, последствия перенесенных черепно-мозговых травм и т. д.).

Однако известно, что степень выраженности психических расстройств или болезненных состояний психики может быть различна при том или ином заболевании. Способность сознавать (понимать) фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить (управлять или контролировать) своими действиями напрямую зависит от тяжести заболевания. Следовательно, для признания лица невменяемым будет недостаточно того, что оно страдает психическим расстройством (заболеванием) или находится в болезненном состоянии, сопровождающемся существенными нарушениями психических процессов. Иными словами, наличие одного медицинского критерия невменяемости недостаточно для признания больного невменяемым.

Юридический (психологический) критерий состоит из двух компонентов: интеллектуального и волевого. Интеллектуальный компонент юридического критерия невменяемости означает, что при совершении общественно опасного деяния лицо не может сознавать (понимать) его фактический характер либо не может сознавать (понимать) его общественную опасность. Волевой компонент заключается в том, что лицо не может руководить (управлять собой) своим действием (бездействи-

ем). Включение в понятие юридического критерия невменяемости интеллектуального и волевого компонентов позволяет полностью охватить многообразие психических расстройств и придает юридическому критерию обобщающий характер, и он применим ко всем без исключения формам болезненных расстройств психики при оценке их тяжести.

Таким образом, субъект признается невменяемым, когда налицо оба критерия – медицинский (любой из четырех компонентов) и юридический (любой из двух компонентов) или имеются признаки их выраженности. Эти критерии неразрывно связаны между собой, дополняют и взаимно контролируют друг друга. Соответственно эксперт-психиатр в своем заключении должен высказываться не только по медицинскому критерию, поскольку это будет означать лишь простую констатацию психической болезни и ее нозологических признаков, он обязан устанавливать и юридический критерий невменяемости, т. е. тяжесть ранее диагностированных им же болезненных расстройств психики. При этом следует учитывать то, что судебно-психиатрическая экспертиза (СПЭ) дает медицинскую оценку психическому состоянию лица во время совершения им общественно опасного деяния, а органы правосудия – правовую, т. е. устанавливаемое этими субъектами психическое состояние лица во время совершения общественно опасного деяния совпадает по своему фактическому, но не юридическому содержанию.

Заключение эксперта-психиатра (комиссии) при проведении СПЭ в уголовном и административном процессах – это его суждение как сведущего лица о состоянии невменяемости (или вменяемости), которое является необходимой базой для признания невменяемости (или вменяемости) определенного лица судом. Следовательно, «именно суд, установив факт совершения определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и исходя из заключения эксперта о его психическом состоянии, соотнесенного со временем совершения данного деяния, и всех других данных, характеризующих как само лицо, так и обстоятельства дела, принимает решение (делает вывод)» [1]. При наличии медицинского критерия невменяемости и любого из двух (интеллектуального и (или) волевого) компонентов юридического критерия лицо считается невменяемым.

В то же время, несмотря на то, что формула невменяемости в совокупности своих основных элементов существует в законодательстве уже более 100 лет (В.Х. Кандинский, 1890), в ее структуре нет ни одного элемента, который бы во всех отношениях удовлетворял психиатров и юристов [2] и не вызывал бы дискуссий [3, с. 8]. Поэтому, являясь одной из ведущих проблем в судебной психиатрии, она постоянно привлекает к себе внимание исследователей.

Как известно, основной целью, стоящей перед судебными экспертами-психиатрами при проведении СПЭ в уголовном процессе является оценка психического состояния конкретного лица с точки зрения того, в какой степени имеющееся конкретное психическое расстройство (заболевание) (медицинский критерий невменяемости) влияет на его способность сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им (юридический критерий невменяемости). При этом определение медицинского критерия невменяемости заключается в распознавании психического расстройства (заболевания) и определении его психической формы, особенностей течения, т. е. в установлении диагноза. В то же время в отличие от клинической психиатрии заключение эксперта-психиатра при проведении СПЭ не ограничивается альтернативным определением болезни, ее прогнозом и лечением, поскольку эвристический процесс диагностики психического расстройства и выраженности психических симптомов – это лишь первый синтетический этап построения судебно-психиатрического диагноза на основе информации о прошлом подэкспертного и выявленных в ходе судебно-психиатрического обследования симптомов и синдромов [4]. Данный этап позволяет утвердить или отвергнуть предположение о принадлежности состояния данного лица к одному из четырех признаков (компонентов) медицинского критерия невменяемости, содержащихся в УК. Рамки и категории медицинского критерия не однородны.

В ст. 28 УК законодатель, перечисляя компоненты медицинского критерия невменяемости, не раскрывает их содержания, не дает перечня диагностических форм, которые они образуют, а ограничивается лишь их перечислением, используя понятия «хроническое психическое расстройство (заболевание)», «временное расстройство психики», «слабоумие», «иное болезненное состояние психики». Данное обстоятельство вступает в противоречие с положениями Закона Республики Беларусь «Об оказании психиатрической помощи», согласно ст. 15 которого диагноз психического расстройства (заболевания) устанавливается с учетом Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10), разработанной Всемирной организацией здравоохранения и применяемой сегодня почти во всех государствах – членах ООН. Перечень и описание признаков всех нозологических форм психических расстройств (заболеваний) содержатся в гл. 5 «Психические и поведенческие расстройства» МКБ-10. Данная классификация действует в Республике Беларусь с 2002 г. Она включает более 80 диагностических разделов и рубрик, и ни в них не содержится понятий (терминов): «хроническое психическое расстройство (заболевание)», «временное расстройство психики», «слабоумие», «иное бо-

лезненное состояние психики», образующих компоненты медицинского критерия невменяемости [5].

Назрела необходимость пересмотра, терминологического уточнения и раскрытия содержания понятий компонентов медицинского критерия формулы невменяемости на основе современных достижений науки психиатрии, действующего законодательства, определяющего государственную политику в области оказания психиатрической помощи.

1. Артеменко Н.В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности: сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.
2. Первомайский В.Б. Невменяемость [Электронный ресурс]. Киев, 2000. URL: <http://www.psychiatry.ua/books/insanity> (дата обращения: 05.09.2018).
3. Спасенников Б.А., Тихомиров Н.А. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1.
4. Руководство по судебной психиатрии / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. М., 2004.
5. Классификация психических расстройств по МКБ-10 [Электронный ресурс]. URL: <http://ncpz.ru/lib/55/book/14/chapter/2> (дата обращения: 05.10.2018).

УДК 343.148.

А.А. Кирдун, Е.Вит. Иванова

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ НА ПРЕДМЕТ ПРИСУТСТВИЯ В НЕЙ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ И АТТРИБУТИКИ

Народ Беларуси, внесший большой вклад в разгром германского нацизма и понесший при этом колоссальные потери, не может терпимо относиться к пропаганде нацистских, фашистских идей и публичному демонстрированию нацистской символики или атрибутики. Подобные действия являются оскорблением нашей национальной памяти, чувств ветеранов и жертв Великой Отечественной войны, их потомков. Именно поэтому Законом Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (далее – Закон о противодействии экстремизму) пропаганда и публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики или атрибутики отнесено к одному из видов экстремистской деятельности. Данная экстремистская деятельность может образовать признаки административного правонарушения (ст. 17.10 «Про-

паганда и (или) публичное демонстрирование, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики» КоАП).

При оценке символов или атрибутов, используемых в качестве содержательных компонентов в той или иной информационной продукции, попадающей в поле зрения правоохранительных органов, часто оказываются востребованными специальные знания. В таких случаях спорный материал вместе с обращением направляется в Республиканскую экспертную комиссию по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма (РЭК) или в аналогичные областные комиссии, созданные и осуществляющие свою деятельность в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 августа 2014 г. № 810 «Об экспертных комиссиях по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма». В составы экспертных комиссий включены специалисты самого различного профиля (психологи, социологи, филологи, культурологи, философы, политологи, историки и др.), что позволяет оперативно подбирать компетентный состав экспертов в зависимости от специфики конкретного материала, поступившего для исследования, и выносить объективные решения по результатам его проведения.

Вопросы, которые ставятся на разрешение РЭК в связи с необходимостью анализа символики и атрибутики, формулируются следующим образом: «Содержат ли изображения и надписи, учиненные на представленных на исследование предметах, нацистскую символику или атрибутику?» (возможны и другие варианты, например: «Содержат ли изображения и надписи, имеющиеся в представленном на исследование материале, нацистскую символику или атрибутику?», «Относятся ли символы, изображенные в/на (указывается, где именно изображены символы) к нацистской символике?» и др.); «Имеются ли в представленном материале признаки пропаганды нацистской символики или атрибутики?» (возможен и другой вариант: «Имеются ли в представленном материале признаки пропаганды и публичного демонстрирования нацистской символики или атрибутики?»). Отметим, что приведенные формулировки вопросов не являются безупречными с точки зрения их постановки на разрешение судебной экспертизы при вынесении постановления (определения) о ее назначении и поручении проведения узкому специалисту.

Вместе с тем экспертный анализ и последующая идентификация символов и атрибутов сопряжены с рядом проблем, возникающих вследствие неоднозначности, неясности содержания соответствующих законодательных норм. В первую очередь следует обратить внимание на расхождение

ст. 1 Закона о противодействии экстремизму и ст. 17.10 КоАП в регламентации использования нацистской символики и атрибутики.

Ст. 1 Закона о противодействии экстремизму	Ст. 17.10 КоАП
Экстремизм (экстремистская деятельность) – деятельность ... по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: ... пропаганду и публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики или атрибутики.	Пропаганда и (или) публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики.

Статья 1 Закона о противодействии экстремизму при буквальном прочтении (а только таким может быть чтение и понимание любой правовой нормы) предполагает квалификацию обозначенных действий как экстремистских только в двух случаях с обязательным наличием двух компонентов в каждом из них: при установлении пропаганды и публичного демонстрирования, при установлении изготовления и распространения. Однако с точки зрения здравого смысла должен быть запрет как пропаганды, так и публичного демонстрирования нацистской символики или атрибутики в первом случае, а также запрет как изготовления и распространения, так и только распространения нацистской символики или атрибутики во втором. По нашему мнению, является целесообразным приведение нормы, содержащейся в ст. 1 Закона о противодействии экстремизму в соответствие со ст. 17.10 КоАП для единообразного понимания сути правовой нормы.

Рассмотрения требует и вопрос о том, какую именно символику и атрибутику следует считать нацистской. Казалось бы, что ответ на данный вопрос дан в ст. 17.10 КоАП, которая содержит примеч. 1: «Под нацистской символикой или атрибутикой понимаются флаг, гимн, эмблема, вымпел, галстук, нагрудный и опознавательный знак Национал-социалистической рабочей партии Германии или их копии». Однако данное примечание может иметь совершенно разные трактовки вследствие использования формы единственного числа существительных при перечислении символов и атрибутов. Дело в том, что в русском языке форма единственного числа может не только употребляться для указания на конкретный отдельный предмет, отдельное явление, но и заменять собой форму множественного числа, обозначая множество предметов, лиц, явлений, связанных с конкретными ситуациями, как единое целое,

как совокупность. В содержании примеч. 1 нет маркеров, по которым можно было бы конкретизировать значение формы единственного числа перечисляемых существительных: флаг, гимн, эмблема, вымпел, галстук, нагрудный и опознавательный знак. Иначе говоря, совершенно не ясно, соотносится ли каждое из этих слов с каким-то одним объектом внеязыковой действительности (если да, то с каким именно?) или с множественностью. Например, референтами слова «флаг» могут быть: 1) только один главный флаг Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), представляющий собой полотно красного цвета с соотношением высоты к длине, равным 2:3, в центре которого – большой белый круг с черной свастикой, стоящей на ребре под углом 45°, с концами, направленными в правую сторону; 2) все известные флаги НСДАП, включая флаги партийных ячеек 1920 г., флаги районных партийных организаций, флаг так называемой старой гвардии, флаги национал-социалистических рабочих ячеек и др., которые хотя и соответствовали главному флагу НСДАП, но все же имели отличия [1]. Референтами слова «гимн» могут быть: 1) только один официальный гимн НСДАП, вошедший в историю под названием «Песня Хорста Весселя» (она же *Die Fahne hoch* – «Знамена ввысь!»); 2) все гимны НСДАП, включая гимны-марши входящих в ее состав организаций (например, песня *Vorwärts! Vorwärts!* – «Вперед! Вперед!», являвшаяся официальным гимном молодежного союза НСДАП, более известного под названием «Гитлерюгенд»). Неопределенность характерна и для остальных элементов перечня нацистских символов и атрибутов.

В ст. 17.10 КоАП в примеч. 1 указано также, что под нацистской символикой или атрибутикой понимаются копии перечисленных элементов. В русском языке слово «копия» имеет два значения: 1) «точно соответствующее подлиннику воспроизведение чего-либо»; 2) «о ком-, чем-либо очень похожем на другого, другое» [2, с. 456; 3, с. 364]. В каком именно из приведенных значений реализовано слово «копия» в рассматриваемом примечании, остается неясным. Кроме того, возможен вариант понимания копии символа или атрибута как любой их копии, т. е. без различия того, является ли она точным воспроизведением оригинала или воспроизведением похожим (сходным). Следует отметить, что вопрос о прояснении значения слова «копия» в контексте ст. 7.10 КоАП далеко не праздный, так как его разрешение влияет на принятие экспертных решений относительно исследуемого объекта (того или иного символа или атрибута), а также в целом на юридическую оценку деяния.

В примеч. 2 к диспозиции ст. 17.10 КоАП содержится довольно широкий перечень оснований освобождения от административной ответ-

ственности за публичное демонстрирование и (или) распространение нацистской символики и атрибутики: «Не являются административными правонарушениями изготовление, публичное демонстрирование и (или) распространение нацистской символики или атрибутики физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом при осуществлении деятельности в области театрального, музыкального, циркового и изобразительного искусства, библиотечного дела, кинематографии, музейного дела, организации и проведения культурно-зрелищных мероприятий, издательского дела, образовательной деятельности, средств массовой информации в соответствии с законодательством». Посредством данного примечания законодателем осуществлено изъятие из основного положения анализируемой статьи. Следовательно, при проведении экспертизы той или иной информационной продукции недостаточно лишь одной идентификации имеющихся в ней символов или атрибутов как нацистских. Обязательно требуется дополнительная исследовательская процедура для определения наличия или отсутствия обстоятельств, при которых разрешается или запрещается их присутствие. Однако и в данном случае возникают определенные трудности, связанные с тем, что в примеч. 2 значимый для освобождения от наказуемости признак содержит так называемый нечеткий определитель – в соответствии с законодательством.

Сделаем отступление и отметим, что проблема присутствия подобных языковых конструкций в нормативно-правовых текстах уже получила освещение в научной лингвистической литературе. Авторы приходят к выводу, что вследствие установки на лаконичность и типизированность составители документов вынуждены прибегать к определителям, употребление которых указывает на большой объем информации. Однако именно такие конструкции – нечеткие определители, с одной стороны, лаконизируют и типизируют текст, с другой – становятся точками интерпретативных столкновений, ростками инотолкований [4].

Возвращаясь к примеч. 2 ст. 17.10 КоАП, обозначим свою позицию по отношению к вопросу о преодолении неопределенности его содержания. Раскрытие, расшифровка значимого признака в формулировке «при осуществлении деятельности в области в соответствии с законодательством» применительно к каждой из перечисленных областей деятельности невозможно не только в самом КоАП, но и в комментариях к нему в силу колоссального объема информации (о том, какое именно законодательство, каковы критерии соответствия или несоответствия ему, как и в какой мере нужно учитывать гипертекстовый характер тех

или иных законодательных актов, и др.). В то же время наша многолетняя экспертная практика показывает, что и при осуществлении указанной в примеч. 2 законной деятельности имеется масса возможностей изготовить, публично продемонстрировать и (или) распространить нацистский символ не с отрицательным (как должно быть), а, наоборот, с положительным оценочным потенциалом. В связи с этим представляется нерациональным увязывание освобождения от административной ответственности с указанием на виды деятельности в качестве условия.

Считаем, что действия, выразившиеся в изготовлении, публичном демонстрации и (или) распространении нацистской символики или атрибутики могут быть квалифицированы как административные правонарушения лишь в случаях, если направлены на пропаганду такой атрибутики и символики независимо от вида деятельности, в рамках которой эти действия осуществлены. При этом установление цели использования нацистской символики или атрибутики в той или иной информационной продукции должно осуществляться исключительно в рамках экспертизы.

Следующий проблемный аспект экспертного анализа символики и атрибутики связан с тем, что в законодательстве Республики Беларусь осуществлено регламентирование использования лишь части символики и атрибутики НСДАП. Вне поля зрения осталась символика и атрибутика национал-социалистических партий, существовавших во время Второй мировой войны в иных государствах и проповедовавших идеологию фашизма. Также в законодательстве отсутствует указание на символику и атрибутику неонацистских организаций, хотя многие из них по агрессивности и опасности сопоставимы с предшественниками.

В заключение отметим, что мы лишь обозначили проблемные аспекты регламентации в законодательстве Республики Беларусь использования нацистской символики и атрибутики. Каждый из них требует дальнейшего более детального анализа и обсуждения с различных позиций.

1. Партийные флаги NSDAP и SS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1939.ru/articles/partiynie-flagi-nsdap-i-ss> (дата обращения: 24.09.2018).

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Рос. акад. наук, отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.

4. Голубь Н.Н. Нечеткие определители как потенциальные правовые конфликтогены текста (на материале коммерческих договоров и нормативных актов) [Электронный ресурс] // *Соврем. проблемы науки и образования*. 2011. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=4891> (дата обращения: 26.09.2018).

О МИНИМАЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЕ УДЕЛЬНОЙ КИНЕТИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ ОДИНОЧНОГО РАНЯЩЕГО СНАРЯДА В СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Вопросы взаимодействия с биологическими тканями человека метаемога элемента патрона (боеприпаса) до настоящего времени в судебной баллистической экспертизе остается не изученным, что обусловлено рядом факторов. Для уточнения используемого в судебной баллистической экспертизе минимального количественного значения удельной кинетической энергии метаемога элемента при стрельбе из ручного стрелкового огнестрельного оружия нами была произведена экспериментальная стрельба по биологическому материалу.

Как уже указывалось ранее, характеристики области поражения биообъекта в каждом конкретном случае случайны, а результат взаимодействия элементов системы «метаемый элемент – цель» имеет вероятностный характер, при этом уровень устойчивости тканей биообъекта характеризуется вероятностью распределения пробития или непробития в зависимости от свойств ранящего снаряда (формы, скорости), плотности и строения поражаемых биологических тканей и др. Несомненно, что стойкость биологических тканей к воздействию на нее одиночных низкоскоростных (<340 м/с) метаемога элементов может быть определена в ходе экспериментальной стрельбы в контролируемых условиях. В качестве имитатора тканей человека обычно используются ткани свиной породы «крупная белая» массой 50–60 кг.

По причине того, что свойства тканей каждой особи индивидуальны, нами при производстве экспериментальной стрельбы были выбран критерий, отражающий взаимодействие элементов системы «метаемый элемент – цель», как предел пробития, характеризующийся значением скорости метаемога элемента, при котором вероятность сквозного пробития либо непробития тканей биообъекта составляет 50 %.

Указанные выше параметры оценки восприимчивости тканей биообъекта к действию ранящего снаряда обусловлены наличием допущения, что чем выше скорость метаемога элемента, тем выше вероятность пробития биообъекта при прочих равных условиях.

Рассматривая стойкость тканей биообъекта к повреждающим факторам с точки зрения теории вероятности и математической статистики,

исходя из уровня доверительной вероятности и в зависимости от числа опытов и числа пробитий, важно определить нижнюю границу вероятности пробития.

Характеристика стойкости тканей биообъекта к проникающему действию ранящего снаряда является статистической величиной. При экспериментальном определении параметра v_{50} нами проводилась экспериментальная стрельба приведенными зарядами, в ходе которой устанавливалась минимальная скорость метаемого элемента (пуля патрона 5,45 × 18 МПЦ) по схеме «вверх – вниз», т. е. уменьшение его скорости в следующем опыте после получения сквозного пробития тканей (поражения биообъекта) либо ее увеличение в результате непробития. Стрельба производилась на расстоянии 5 м от биообъекта с измерением скорости метаемого элемента из оружия с гладким каналом ствола длиной 12 калибров для исключения влияния прецессионно-нутационных колебаний на внедрение пули в преграду. Зачетными являлись попадания, при которых пуля внедрялась в ткани биообъекта под углом 90°.

При этом опытным путем были определены:

$v_{\max \text{ непр}}$ – максимальная величина скорости метаемого элемента, при которой пробитие тканей биообъекта не достигалось, а выше которой наблюдались только случаи пробития;

$v_{\min \text{ проб}}$ – минимальная скорость пробития тканей биообъекта, т. е. скорость, ниже которой пробитие в ходе проведения экспериментальной стрельбы не наблюдалось.

В результате проведения экспериментального исследования предполагалось получение зоны смешанных результатов (в которой наблюдается как пробитие, так и непробитие биоматериала).

Применительно к вышеуказанным условиям производства экспериментальной стрельбы обоснованным представляется умозаключение о непробитии тканей биообъекта при очень малой скорости метаемого элемента, а также достоверное пробитие при значительной его скорости.

При проведении эксперимента использовались биологический образец тканей передней брюшной стенки свиньи породы «большая белая» размерами 400 × 200 мм, толщиной 3–5 см, наиболее полно отвечающий предъявляемым с точки зрения достоверности получаемых результатов и соответствующий строению тканей человека.

Зона смешанных результатов (пробитие и непробитие) в указанном случае в полной мере соответствует теории вероятности и математической статистике используемых при обработке экспериментальных знаний. В указанном диапазоне следовало получить не менее пяти непробитий при скоростях меньше $v_{\min \text{ проб}}$ и соответственно не менее пяти пробитий при скоростях больше $v_{\max \text{ непр}}$.

Предполагалось, что в указанном случае значения пробитий и непробитий будет находится в некотором интервале значений скорости, при условии, что они не выходят за пределы диапазона ±10 м/с. Кроме того, при проведении экспериментальной стрельбы соотношение результатов экспериментальной стрельбы, в которых наблюдается сквозное пробитие тканей биообъекта, и опытов, в которых его не было в зачетном диапазоне скоростей, приближалось к 50 : 50.

Распределение частоты непробития в зависимости от скорости метаемого элемента определялось расчетным путем при использовании следующих допущений:

все испытания независимы;

результат каждого испытания альтернативен: пробитие или непробитие;

характер изменения вероятности непробития образца при изменении значений скорости – монотонный (при увеличении скорости поражающего элемента вероятность непробития уменьшается).

В интервале скорости метаемого элемента при проведении экспериментальной стрельбы от 58 м/с до 73 м/с наблюдалась зона смешанных результатов, соотношение пробитий и непробитий в которой составляет 50 : 50. В указанном интервале произведено 25 зачетных выстрелов. Ниже скорости 58 м/с наблюдалось 100%-е непробитие биообъекта, а при скоростях выше 75 м/с – его 100%-е пробитие. Требовалось определить параметр скорости снаряда в интервале от 58 м/с до 72 м/с, при котором происходит пробитие биообъекта, с доверительной вероятностью 0,95.

Первичными данными для расчета минимальной величины скорости метаемого элемента x , достаточного для поражения биообъекта, являлись полученные значения скорости и результат: пробитие (П) или непробитие (Н) (табл. 1).

Таблица 1

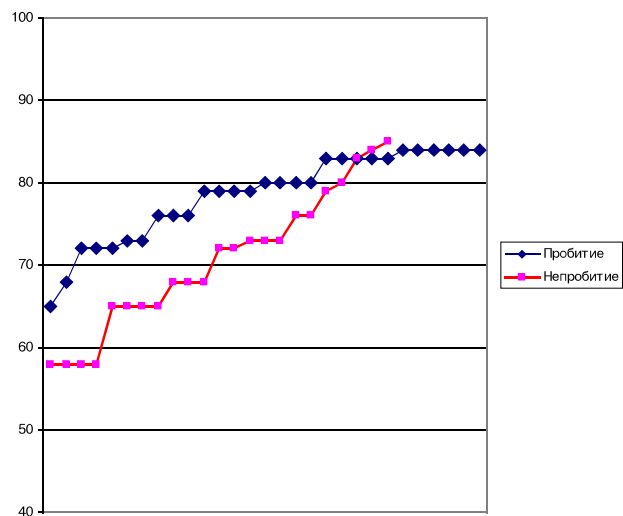
Экспериментальные данные для определения характеристики устойчивости биологического материала

Скорость, м/с	Результат	Количество пробитий	Количество непробитий	Накопленное количество непробитий	Накопленное количество пробитий	Общее количество накопленных результатов
46	Н	0	1	10	0	10
49	Н	0	1	9	0	9
54	Н	0	1	8	0	8

Окончание табл. 1

Скорость, м/с	Результат	Количество пробитий	Количество непробитий	Накопленное количество непробитий	Накопленное количество пробитий	Общее количество накопленных результатов
56	Н	0	1	7	0	7
57	Н	0	1	6	0	6
58	Н	0	1	5	0	5
65	П	1	0	4	1	5
68	П	0	1	4	1	5
72	П	1	0	2	3	5
73	П	0	1	3	2	5
76	П	1	0	2	3	5
79	П	1	0	2	4	6
80	П	0	1	2	4	6
83	П	1	0	1	5	6
84	П	1	0	1	6	7
85	П	0	1	1	6	7
90	П	1	0	0	7	7

Результаты экспериментальной стрельбы отражены на рисунке.

Данные экспериментальной стрельбы по биологическому материалу

Ввиду громоздкости и сложности расчеты величины скорости ранящего снаряда проводились в MS «Excel». Полученные в результате обработки данных значения приведены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели обработки данных величины скорости ранящего снаряда

Номер опыта	Скорость пули, м/с
1	65
2	68
3	72
4	72
5	72
6	73
7	73
8	76
9	76
10	76
11	79
12	79
13	79
14	79
15	80
16	80
17	80
18	80
19	83
20	83
21	83
22	83
23	83
24	84
25	84
26	84
27	84
28	84
29	84
Среднеарифметическое значение скорости	78,55
Среднеквадратическое отклонение	5,32
Доверительный интервал	1,93
Крайнее значение	65,00
Максимальное отклонение	2,55

Окончательный результат определения расчета минимальной величины скорости метаемого элемента при пробитии биологического материала: $x = (78,55 \pm 2)$ м/с, с доверительной вероятностью $\alpha = 0,95$.

Тогда в соответствии с принятыми в судебной баллистике формулами вычисления величины удельной кинетической энергии одиночного ранящего снаряда выглядит так:

$$E = \frac{mV^2}{2} = \frac{2,4 \cdot 10^{-3} \cdot 78,55^2}{2} = 7,4 \text{ Дж},$$

где E – кинетическая энергия пули (Дж); m – масса пули (кг); V – скорость пули (м/с).

Площадь поперечного сечения пули:

$$S = \frac{\pi D^2}{4} = \frac{3,14 \times 5,45^2}{4} = 23,32 \text{ мм}^2,$$

где S – площадь поперечного сечения пули (мм²); $\pi = 3,14$ (постоянная величина); D – диаметр пули (мм).

Удельная кинетическая энергия пули:

$$E_y = \frac{E}{S} = \frac{7,4}{23,32} = 0,32 \text{ Дж/мм}^2,$$

где E_y – удельная кинетическая энергия метаемого снаряда (Дж/мм²).

Таким образом, подтверждено суждение о том, что величина (E_y), принятая в судебной баллистической экспертизе равной 0,5 Дж/мм², должна быть снижена до величины 0,35 Дж/мм².

Таким образом, исследование, проведенное в данном разделе работы, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Для целей установления объективной величины минимальной поражающей способности патронов (боеприпасов), используемых для стрельбы из ручного стрелкового огнестрельного оружия, требуется всестороннее изучение свойств элементов системы «боеприпас – оружие – цель». В качестве детерминирующих условий необходимо рассматривать следующие: а) поражающую способность ранящего снаряда патрона (боеприпаса), применяемого для стрельбы; б) восприимчивость и уязвимость биологической цели к поражающим факторам ранящего снаряда; в) вид ручного стрелкового огнестрельного оружия в зависимости от действия механизма заряжания и количества зарядов – однозарядное (многозарядное), автоматическое (неавтоматическое).

2. Установленный в настоящее время методикой криминалистического исследования патронов ручного стрелкового огнестрельного оружия, их исправности и пригодности к использованию по целевому назначе-

нию к огнестрельному оружию, а также методикой решения вопросов о принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, их исправности и пригодности к стрельбе уровень минимальной удельной кинетической энергии равный 0,5 Дж/мм² является не в полной мере обоснованным.

УДК 343.98

В.Г. Лосева

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ДОКУМЕНТОВ НА ПРАВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ

В соответствии с пограничным законодательством и устоявшейся практикой к документам на право пересечения границы чаще всего относят: дипломатические, служебные, национальные (официальные) паспорта, проездные документы, свидетельства на возвращение. Существуют различные виды классификаций средств защиты данных документов. Среди большого разнообразия классификаций в органах пограничной службы считается целесообразным использовать трехуровневую систему защиты документов: технологическую, полиграфическую, физико-химическую [1].

Технологическая защита представляет собой визуально обнаруживаемые особенности (элементы), вносимые в отдельные составные части документов, ценных бумаг в процессе их изготовления. Такими элементами являются водяной знак бумаги, защитные волокна, планшеты, защитные нити, голограммы, кинеграммы и т. д.

Полиграфическая защита выражается в использовании определенного сочетания способов и приемов полиграфической печати, а также в нанесении различными полиграфическими способами на документ специальных элементов. К ней относятся способы полиграфической печати (высокая, в том числе орловская и типоофсет; плоская, в том числе офсетная; глубокая, в том числе металлографская, и т. д.), а также микропечать, скрытые изображения, графические элементы, фоновые сетки, графические ловушки и т. д.

Физико-химическая защита основана на использовании в составах материалов документов добавок химических веществ, наличие которых может быть определено специальными методами. В качестве таких материалов в ценных бумагах используют люминесцентные вещества (люминофоры), ферромагнитные компоненты, метамерные краски, оптически переменные (ОВИ) краски и т. д.

Некоторые также выделяют в качестве отдельного вида защиты документов защиту вносимых реквизитов (персональных данных владельца документа). Это мастичная и конгревная печати, защитная прокатка по фотографии, подпись и отпечаток пальца на ней, голограммы, кинеграммы, вторичные фотоизображения владельца документа, двойное изменяющееся изображение и т. д. [4, с. 20].

Средства защиты документов постоянно совершенствуются. К наиболее новым можно отнести:

1. Голографические микрочастицы – металлизированные плашки многогранной формы, внедренные в бумагу. На поверхность наносятся голограммы, содержащие наноизображение или нанотекст (например, паспорт ЮАР).

2. Дифракционный идентифицирующий элемент – оптически переменное изображение, элементы которого меняют цвет в зависимости от направления освещения и наблюдения (в паспортах чаще всего используется на странице с установочными данными (например, паспорт Франции)) [3].

3. Оптически изменяющееся печатное изображение, в котором изображение состоит из лентикюляра (лист прозрачного пластика, лицевая сторона которого имеет рельефную поверхность, состоящую из массива параллельных цилиндрических линз, а обратная сторона гладкая) и двух кодированных изображений, выполненных способом плоской печати. В зависимости от угла зрения скачкообразно меняются цвет, светлость и контрастность изображения (в паспортах используется на странице с установочными данными, изготовленной из поликарбоната (например, паспорта Литвы, Латвии, Азербайджана)).

4. Бескрасочное тиснение – новый элемент защиты, который используется на бумажных страницах документа (например, в паспорте РФ красочное изображение, напечатанное глубокой металлографской печатью, плавно переходит в бескрасочное тиснение).

5. Скрытое изображение. В современном полиграфическом производстве существует 4 варианта нанесения скрытого изображения в документ:

«KIPP-эффект». Графическое изображение, которое состоит из прямых рельефных штрихов. Визуализируется под острым углом зрения. Фон и изображения выполнены способом глубокой металлографской печати. При повороте документа вокруг вертикальной оси без изменения угла зрения скрытое изображение становится светлым либо темным по отношению к фону (в паспортах чаще всего выполняется на форзацных страницах (например, паспорта Черногории, РФ, Польши, Латвии)).

«PEAK-эффект». Изображение, образованное линиями бескрасочного тиснения и параллельными прямыми штрихами, выполненными способом

плоской печати. При вращении вокруг вертикальной или горизонтальной оси разные его участки поочередно становятся светлыми или темными по отношению к фону (в паспортах чаще всего выполняется на форзацных страницах (например, паспорта Ирака, Азербайджана, Латвии)).

Скрытое многокрасочное изображение. Изображение, образованное параллельными многоцветными штрихами, выполненными способом плоской печати, и рельефными линиями бескрасочного тиснения. В коспадающем свете визуализируется хроматическое изображение. При повороте без изменения угла зрения цвет каждого хроматического изображения изменяется (например, паспорт Косово).

Скрытый муаровый узор. Изображение, состоящее из параллельных прямых цветных линий (выполнены способом плоской печати) и параллельных линий бескрасочного тиснения (выполнены способом глубокой металлографской печати), расположенных под острым углом друг к другу. Под прямым углом выглядит однотонным, под острым углом в коспадающем свете видны многоцветные муаровые полосы (например, паспорт РФ).

«FUSE-ID технология». Комплексный элемент защиты, в состав которого входит изображение, выполненное OVI-краской, и изображение, получаемое при дальнейшей обработке данной зоны лазерным лучом. Лазер используется для осветления чернил темного цвета, т. е. изображение в зоне OVI-краски создается путем применения лазера на светлых участках, темные линии остаются нетронутыми (в паспортах чаще всего используется при воспроизведении вторичного фотоизображения на странице с установочными данными, выполненной из поликарбоната (например, паспорта Туркменистана, Латвии)).

Также к современным средствам защиты документов на право пересечения границы относится повсеместное внедрение биометрической паспортизации. Биометрический или электронный паспорт (E-PASSPORT) – документ с электронной бесконтактной схемой (чипом) и антенной, внедренной в обложку или во внутренние страницы. Микросхема содержит закодированную биометрическую информацию о владельце документа: цифровую фотографию, имя, данные машиносчитываемой зоны, изображения отпечатков пальцев или радужной оболочки глаза и др. Эта информация считывается специальными устройствами и сравнивается с данными персонализации документа, физическими данными владельца или с базой данных. Документы с биоинформацией помечены на обложке специальной меткой [4, с. 18].

Биометрические паспорта прошли стандартизацию ИКАО. В ее последних инструкциях рекомендуется сочетать изображение лица и дополнительно отпечатки двух пальцев в чипе, исключая какой-либо кон-

такт. Указанная последняя опция еще до стандартизации была взята на вооружение Европейским союзом. В Республике Беларусь начать выдавать биометрические паспорта планируется с 1 января 2019 г.

С учетом приведенных описаний современных средств защиты целесообразна разработка новых методических подходов к проведению проверки документов в органах пограничной службы и их криминалистическому исследованию.

1. Канторов Р.Б., Лосева В.Г., Ритвинская Т.Ю. Проверка документов : учеб. пособие. Минск, 2017.

2. Жучков Н.В., Канторов Р.Б. Виды документов для пересечения государственной границы : учеб. пособие. Минск, 2017.

3. Основы криминалистического исследования документов для пересечения границы : метод. пособие для экспертов и специалистов службы пограничного контроля / О.С. Бочарова [и др.]. Минск, 2016.

4. Документ ИКАО Doc 9303. Машинночитываемые проездные документы. В 2 т. Изд. шестое. Montreal, Quebec, Canada, 2006.

УДК 615.9

В.П. Максимчук

ПОДХОДЫ К ПРОФИЛАКТИКЕ СМЕРТЕЙ ОТ СЛУЧАЙНОГО ОТРАВЛЕНИЯ АЛКОГОЛЕМ

В последние два года в Республике Беларусь снова стала увеличиваться смертность граждан от случайного отравления алкоголем. Наибольший уровень смертности по этой причине в Республике Беларусь был зафиксирован в 2005 г. (3 249 случаев). Затем такая смертность стала ежегодно снижаться и в течение 10 лет уменьшилась на 53,9 %.

На уменьшение смертности от случайного отравления алкоголем нацелена в том числе Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы», утвержденная постановлением Совета Министров Республики от 14 марта 2016 г. № 200.

Нами было проведено исследование, целями и задачами которого были: изучение динамики изменения смертности от случайного отравления алкоголем в Республике Беларусь за последние годы, выявление основных причин роста, определение путей профилактики случаев смертности и формирование системы оптимального взаимодействия наркологической службы с другими ведомствами и прежде всего с МВД

Республики Беларусь по профилактике случаев смерти от случайного отравления алкоголем, разработка комплексных совместных подходов к снижению уровня смертности от случайного отравления алкоголем и его суррогатами.

В ходе исследования были изучены статистические сведения, полученные из Национального статистического комитета Республики Беларусь о числе случаев смертности от случайного отравления алкоголем, а также данные из областных (городских) наркологических учреждений здравоохранения Республики Беларусь о числе умерших пациентов от отравления суррогатами алкоголя. Был проведен анализ причин смертности пациентов от случайного отравления алкоголем.

Как показало проведенное исследование, смертность от случайных отравлений алкоголем является одной из причин высокой смертности населения; в Республике Беларусь количество смертей от случайного отравления алкоголем за последние пять лет уменьшилось на 10,3 % (1 670 случаев в 2013 г. и 1 497 – в 2017 г.). Если в 2014 и 2015 гг. произошло уменьшение числа таких смертей (1 509 случаев в 2014 г., 1 394 – в 2015 г.), то затем снова наблюдался их рост. В частности, за I полугодие 2018 г. смертность от случайного отравления алкоголем в целом по Республике Беларусь увеличилась на 1,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, среди городского населения – на 2,8 %, но среди сельского населения уменьшилась на 0,4 %.

Проведенный анализ позволил выявить ряд причин, определяющих показатель смертности от случайного отравления алкоголем, наиболее важными из которых являются:

высокий уровень потребления алкогольных напитков населением, вызывающего риск отравления не только фальсификаторами спиртных напитков, но и чрезмерными дозами алкоголя;

потребляемые виды спиртных напитков (более крепкие увеличивают возможность чрезмерного употребления алкогольных напитков).

Кроме того, проведенный анализ случаев смертности от случайного отравления алкоголем в различных регионах республики выявил и другие закономерности.

Так, в Витебской области за последние годы отмечается высокий уровень смертности по данной причине, несмотря на тенденцию в республике к ее снижению. Уровень смертей от отравления алкоголем составил 19,6 на 100 тыс. населения при уровне целевого показателя к 2020 г. 10,6 на 100 тыс. населения.

Анализ таких смертей показал, что только 42 человека из общего числа умерших (17,9 %) находились под наблюдением нарколога. Анам-

нестические сведения показали, что еще 79 человек (33,8 %) хотя бы раз в жизни обращались за наркологической помощью, в том числе анонимно. Эти пациенты были трудно излечимыми, так как находились на заработках в других регионах, по месту жительства постоянно не проживали, самостоятельно за медицинской помощью не обращались.

Из числа умерших обращались к медработникам (медсмотры, трудоустройство и т. д.) по месту жительства за два месяца и более до смерти 46 граждан (19,7 %), 32 страдали соматическими заболеваниями (13,7 %).

Таким образом, большинство умерших прижизненно у психиатров-наркологов не наблюдались, другими специалистами к ним не направлялись – диагноз алкогольной зависимости выставлен не был. Смерти происходили дома или в неопределенных местах, куда медицинские работники для оказания помощи не вызывались.

Более всего случаи смертельных отравлений произошли в 2017 г.: март – 22 случая, май – 23, октябрь – 27, ноябрь – 27. Значительно реже фиксируются смерти от случайного отравления алкоголем в июне и декабре. По дням недели наибольшее количество отравлений приходилось на субботние и воскресные дни (39 и 38 случаев соответственно), наименьшее – по вторникам (23 случая). Потерпевшие чаще всего умирали в вечерние часы (76 случаев), намного реже – в ночные (46 случаев). В утренние и дневные часы количество умерших было одинаковым (52 человека).

По оперативной информации, предоставленной управлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по Могилевской области, за 6 месяцев 2018 г. на территории области от отравления суррогатами алкоголя умерло 8 человек (7 мужчин, 1 женщина), из них в трудоспособном возрасте 5. Из 8 умерших пациентов 5 состояли на наркологическом учете (4 – диспансерный учет, 1 – профилактическое наблюдение).

Причинами смерти явились отравления: этиленгликолем (5 человек), метиловым спиртом (2 человека), изопропиловым спиртом (1 человек).

В Гродненской области за I полугодие 2018 г. зарегистрировано всего 13 случаев отравлений суррогатами алкоголя со смертельным исходом: метиловым спиртом – 10 человек, этиленгликолем – 3 человека. Пять человек находились под диспансерным наркологическим наблюдением врача-психиатра-нарколога.

В Минске за 6 месяцев 2018 г. учреждениями здравоохранения было отмечено 8 случаев отравлений суррогатами алкоголя со смертельным исходом, однако в результате проведенного анализа нашли подтверждение 4 из них, т. е. 0,2 случая на 100 тыс. населения.

Анализируя причины смертности от случайного отравления алкоголем можно выделить и другие основания, влияющие на ее уровень.

Фактором такой смертности является низкий уровень образования и культуры у некоторой части населения. Замечено, что больше всего употребляют алкогольные напитки люди с неполным или средним образованием. Среди них больше всего запойных пьяниц, любителей нелегального алкоголя.

Пациенты, стоящие на диспансерном наркологическом учете, уклоняются от посещения врача-психиатра-нарколога и от прохождения диспансеризации в организации здравоохранения по месту жительства, не соблюдают режим трезвости.

Нередко наблюдаются случаи, когда лица, употребляющие алкогольные напитки, путают этиловый и метиловый спирты. Этиловый спирт, используемый в изготовлении алкогольных напитков, не так токсичен, как метиловый, вызывающий в человеческом организме необратимые изменения. Симптомы отравления метиловым спиртом разнообразны, но часто человек начинает слепнуть, а потом проявляется поражение нервной системы. Если человеку вовремя не оказать помощь, он может умереть.

Смерть от алкогольной интоксикации связана с употреблением чрезмерной дозы алкоголя, с которой организм уже не может справиться из-за негативного воздействия этилового спирта. Смерть от передозировки у запойных пациентов встречается довольно редко, зато часто регистрируется у детей и подростков, которые более восприимчивы к алкоголю.

Для профилактики смертей от случайных отравлений алкоголем целесообразно работать над ограничением доступности алкогольных напитков и повышением их цены. Кроме того, целесообразно принять следующие меры:

сократить незаконное производство алкогольных суррогатов медицинского и парфюмерного назначения, самогонование, продажу и распределение алкогольных напитков, а также регулировать и контролировать алкогольную продукцию, произведенную негосударственным сектором (крестьянские подворья и др.);

ужесточить административную ответственность за незаконное производство и продажу алкогольной продукции, активизировать сотрудников правоохранительных органов на выявление фактов самогонования;

регулировать объемы производства, оборота, качества продукции, оптовой продажи и предоставления алкогольных напитков в сфере обслуживания, используя запреты на продажу и распитие спиртных напитков в общественных местах или в ходе официальных мероприятий, организуемых государственными организациями, на реализацию алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива в объектах розничной тор-

говли всех форм собственности на территории городов с 23.00 до 9.00, в иной местности с 22.00 до 9.00, а также в обеденное время в рабочие дни с 12.30 до 14.00.

Для ограничения доступности спиртных напитков предлагаем юридическим лицам осуществлять розничную торговлю такими товарами в отдельных залах продаж или в отдельно стоящих помещениях с видеонаблюдением только лицам, достигшим двадцатилетнего возраста.

В целях комплексного подхода к снижению уровня смертности от отравления алкоголем и его суррогатами целесообразно принять дополнительные меры:

проинформировать население о необходимости обращения за медицинской помощью в ситуации острой интоксикации алкоголем тяжелой степени;

провести разъяснительную работу с медицинскими работниками бригад скорой медицинской помощи о недопустимости отказа в госпитализации лицам, находящимся в острой интоксикации алкоголем тяжелой степени;

укрепить кадровый состав и материально-техническую базу реанимационных отделений;

организовать продажу алкогольной продукции в специализированных объектах розничной торговли и в отдельных секциях объектов розничной торговли;

рассмотреть вопрос о дальнейшем сокращении количества объектов розничной торговли, реализующих алкогольные напитки;

сократить места продажи слабоалкогольных напитков и пива;

организовать своевременное выявление, консультирование и лечение пациентов, страдающих зависимостью от алкоголя;

ввести в практику проведение класных, общешкольных и районных родительских собраний, направленных на профилактику вредных привычек и пропагандирующих здоровый образ жизни.

активизировать контроль по допуску работников транспортных и сельскохозяйственных организаций во избежание нахождения водителей механических транспортных средств в состоянии алкогольного опьянения;

ограничить продажу плодово-ягодных вин, спиртных напитков в вечернее и ночное время;

обеспечить бригады станций скорой медицинской помощи портативными приборами для определения паров этанола в выдыхаемом воздухе;

продолжить работу, направленную на недопущение продажи алкогольных напитков лицам в состоянии опьянения или не достигшим установленного законом возраста и на совершенствование механизмов возложения ответственности на продавцов и лиц, обслуживающих клиентов, в соответствии с законодательством (установление видеонаблюдения).

МЕТОДИКА МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ПРИЧИНЕННЫХ ОСТРЫМИ ПРЕДМЕТАМИ, С ПРОВЕДЕНИЕМ ЭКСПЕРТНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Проведение экспертных экспериментов в ходе производства медико-криминалистических экспертиз лишь «схематично» регламентируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Согласно п. 85.1 Приказа МЗиСР № 346 от 12 мая 2010 г. (далее – Приказ № 346) медико-криминалистические исследования в ходе экспертизы вещественных доказательств и объектов производят в случаях решения диагностических, идентификационных и ситуационных экспертных задач.

Так, п. 85.2 Приказа № 346 указывается, что на медико-криминалистическое экспертное исследование принимаются медицинские документы, биологические и небиологические объекты, образцы и другие материалы для сравнительных исследований, направляемые следственными органами, экспертами других подразделений государственных судебно-экспертных учреждений. В п. 85.3 Приказа № 346 указывается, что объектами трасологического исследования являются объекты со следами повреждений, в том числе полученных в ходе экспертных экспериментов.

В п. 85.15 определяется последовательность проведения судебно-медицинских трасологических исследований:

– исследование подлинных следов (идентифицирующих объектов), проводимое раздельно по документальным данным и на нативном материале, при этом изучают свойства каждого в отдельности следа всеми методами, определяют механизм его образования, устанавливают общие и частные признаки и выясняют пригодность его для дальнейшего отождествления;

– в процессе проведения сравнительного исследования подлинных следов в ходе медико-криминалистического исследования определяют повторяемость каждого признака в различных следах; устанавливают один или большее число следообразующих объектов, отобразившихся в следах, единообразии или разнообразии в механизмах следообразования и связи между исследуемыми следами;

– при наличии предполагаемых травмирующих предметов проводят их исследование раздельно, получают экспериментальные следы (образцы);

– по той же схеме, что и при исследовании подлинных следов, проводят раздельное и сравнительное исследования экспериментальных следов;

– проводят сравнительное исследование экспериментальных и подлинных следов с последующей оценкой полученных результатов;

– при проведении сравнительного исследования оценку проводят последовательно: от общих признаков к частным. При сравнении частных признаков устанавливают совпадения и различия, при сравнении по общим признакам выявляют и оценивают сходства и различия.

При производстве медико-криминалистических трасологических экспертиз и исследований, в том числе экспериментальных повреждений, согласно письму Главного судебно-медицинского эксперта МЗ РФ «О судебно-медицинской экспертизе колото-резаных повреждений» от 11 марта 1992 г. № 450/01-04, в обязательном порядке устанавливают морфологические особенности следов-повреждений, в которых отразились свойства травмирующих предметов, в том числе их форма, размеры, особенности поверхности; определяют не только последовательность численность, но и направление травмирующего воздействия (воздействий).

Основное значение для получения достоверных и перепроверяемых результатов имеют неизменные размерные и морфологические характеристики экспериментальных повреждений во время проведения медико-криминалистического исследования (в том числе на искусственной коже) и возможность дальнейшего хранения полученного экспериментального материала согласно положениям Федерального Стандарта от 30 декабря 2010 г. № 2010/438 «Судебно-медицинская диагностика эксплуатационных дефектов острия лезвия по морфологии колото-резаной раны», Федерального Стандарта от 16 августа 2011 г. № 2011/239 «Судебно-медицинская диагностика последовательно причиненных премортальных колото-резаных ран», Федерального Стандарта от 30 декабря 2010 г. № 2010/438 «Судебно-медицинская диагностика эксплуатационных дефектов острия лезвия по морфологии колото-резаной раны».

К настоящему времени при проведении медико-криминалистических экспертиз и исследований при проведении экспериментов в качестве следовоспринимающей поверхности используется картон, в качестве подложки – поролон. После нанесения повреждения под углом в 90° проводится визуальное сравнение повреждения на кожном покрове человека и полученного следа на картоне.

Основным недостатком используемого следовоспринимающего материала (картона) является его неэластичность и легкое образование разрывов, особенно в области обушкового конца, что обуславливает

невозможность нанесения повреждения при различных заданных условиях (например, при давлении в сторону обушка, повороте лезвия при извлечении). Повреждения наносятся только под углом в 90°, кроме того, при проведении экспертного эксперимента отсутствует алгоритм действий, в том числе этапов проведения исследования.

При проведении экспериментов в качестве имитатора кожного покрова человека на данный момент используются также различные материалы из искусственной кожи (кожзаменители): клеенка, кирза, полиацетат, поливинилхлорид, дерматин, но при этом все они достаточно поверхностно отображают свойства травмирующего предмета. В связи с обозначенным применение данных материалов нецелесообразно при проведении экспертного эксперимента.

Из существующих сегодня доступных кожзаменителей (клеенка, кирза, полиацетат, поливинилхлорид, дерматин и полиуретан) наиболее полно передает свойства травмирующего предмета полиуретан, уложенный на пенопластовую подложку.

Полиуретановая искусственная кожа по своему строению сходна с кожей человека, достоверно и информативно отображает свойства травмирующего предмета.

Все эксперименты выполняются в условиях лаборатории медико-криминалистического отделения.

Повреждения наносятся острым предметом, в момент нанесения повреждений находящимся в руке экспериментатора (врача судебно-медицинского эксперта), на предварительно подготовленные и закрепленные материалы.

В ходе нанесения экспериментальных повреждений нож наводится по отношению к поражаемой поверхности под прямым углом, под углом в 45° – по отношению к правой и левой боковым поверхностям клинка, под углом в 45° – по отношению к обушковой и лезвийной поверхностям клинка.

По скорости удара повреждение наносится со значительной скоростью, достаточной для одномоментного погружения клинка, медленным введением клинка.

Глубина погружения устанавливается равной длине раневого канала, на всю длину лезвия, до упора в рукоятку.

Количество наносимых экспериментальных повреждений не должно быть меньше трех, и этих экспериментальных повреждений достаточно, если в них стабильно и одинаково хорошо отобразились признаки клинка. Если этого не произошло, следует продолжить опыты до пяти и более раз до тех пор, пока не будут установлены закономерности отображения свойств орудия в большинстве экспериментальных повреждений.

Экспертиза с проведением экспертного эксперимента включает девять этапов (Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / под ред. В.В. Томилина. М., 2000).

1. Ознакомление с поступившими на медико-криминалистическое исследование материалами.

2. Исследование раздельное подлинных повреждений (идентифицирующих объектов).

3. Проведение сравнительное исследования подлинных повреждений (идентифицирующих объектов).

4. Исследование травмирующего предмета и получение экспериментальных повреждений.

5. Проведение раздельного исследования экспериментальных повреждений.

6. Проведение сравнительного исследования экспериментальных повреждений.

7. Исследование (сравнительное) подлинных и экспериментальных повреждений.

8. Проведение анализа и оценка полученных в ходе исследования результатов сравнения и последующее формирование выводов.

9. Формирование экспертного заключения.

Обособленное изучение экспериментальных повреждений – это определение характерных (общих и частных) признаков объекта исследования в следах при различных условиях и механизме следообразования.

В отличие от настоящих («натуральных») повреждений при исследовании экспериментальных повреждений эксперту заранее известны условия, угол, сила и участок следообразующей поверхности, которым наносился определенный след. По этой причине задача исследователя – точная фиксация морфологических проявлений в каждом конкретном экспериментальном повреждении общих свойств испытываемого орудия: определение точности передачи следом формы и размера предмета вплоть до его мелких деталей при конкретных условиях эксперимента; фиксация опосредованных повреждений (их объем и влияние на верность передачи идентификационных признаков, по механизму образования связанных с общими и групповыми признаками орудия, однако не передающими его узкогрупповые и индивидуальные свойства). Таким образом, в каждом экспериментальном повреждении разделяют признаки, полностью характеризующиеся условием и механизмом образования следа, и признаки, отображающие строение установленной части определенного предмета.

Каждый экспериментальный след должен проходить отбор на соответствие его как образца для идентификации. То есть если в данном

конкретном экземпляре следа переданся нужный комплекс общих и частных признаков исследуемого предмета, то экспериментальный след считается пригодным для распознавания единичного конкретного орудия; при недостаточной совокупности свойств след считается пригодным для идентификации только по групповым признакам.

Сравнение свойств образцов экспериментальных повреждений друг с другом проводят для определения закономерностей отображения признаков предполагаемого орудия.

Такие следы сопоставляют по выбранным при раздельном исследовании зафиксированным общим и частным признакам.

По совокупности результатов сравнительных исследований объектов по всему комплексу идентификационных признаков решается вопрос о наличии или отсутствии между ними тождества или о невозможности доказать его.

Сравнение настоящих («натуральных») повреждений с экспериментальными следами осуществляется по их идентификационным моделям и по каждому предмету отдельно.

При этом исследовании необходимо строго фиксировать сходства общих признаков (указать) сравниваемых повреждений, а также соответствие частных признаков (указать) и отличий признаков (указать).

Отличия расцениваются как несущественные (они объясняются разницей в механизме и условиях следообразования) или существенные (то есть те, которые этими причинами не объясняются).

Исходя из полученных данных эксперт вправе составлять следующие выводы:

1) категорично утвердить то, что исследуемые повреждения причинены клинком представленного ножа;

2) утвердить то, что повреждения причинены клинком представленного ножа, или клинком другого ножа со сходными конструктивными, технологическими и эксплуатационными признаками;

3) утвердить суждение о неисклужении представленного клинка представленного ножа как орудия травмы по групповым признакам;

4) категорическое исключение представленного ножа как орудия причинения исследованных повреждений;

5) дать ответ о невозможности проведения идентификационных исследований (из-за непригодности представленных объектов).

Таким образом, нами показана целесообразность проведения экспертных экспериментов (в ходе медико-криминалистических экспертиз острых предметов) на полиуретановой искусственной коже с подложкой из пенопласта с последующей оценкой проведенных исследований согласно приведенной методике.

О ФОРМАХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В раскрытии и расследовании преступлений часто используются современные достижения естественных, технических, гуманитарных и других наук, которые в уголовном процессе принято называть специальными знаниями. Особенности применения этих знаний посвящены научные труды ряда ученых-криминалистов (А.И. Алекешева, Г.И. Грамовича, А.В. Дулова, Ю.В. Кухарькова, В.Н. Махова, И.А. Мороза, Ю.В. Пономаренко, Ю.К. Орлова, А.С. Рубиса, М.К. Треушникова, А.А. Эйсмана и др.).

Одним из первых определение термина «специальные знания» сформулировал А.В. Дулов (1959 г.), назвав их знаниями, которыми недостаточно владеют судьи [1, с. 4].

Анализ учебной криминалистической литературы выявил характеристики традиционно специальных знаний:

систематизированные теоретические знания, практические навыки, умения в области конкретной науки, техники, искусства, ремесла;

приобретаемые при получении специального образования, в процессе практической деятельности по конкретной специальности;

используемые для собирания доказательств и ориентирующей информации о преступлении [2, с. 181; 3, с. 89; 4 с. 139; 5, с. 9; 6, с. 8].

Исследования сути специальных знаний важно для определения случаев их использования в целях собирания доказательств, а также для получения ориентирующей информации о преступлении. В связи с этим выделяют две формы использования специальных знаний: процессуальную и непроцессуальную.

Порядок применения процессуальной формы регулируется УПК Республики Беларусь, и результаты использования этих знаний имеют доказательственное значение. В связи с этим к процессуальным формам использования специальных знаний следует относить: производство судебных экспертиз; получение объяснения либо допрос эксперта; участие специалиста в следственных и иных процессуальных действиях; использование специальных знаний с целью проверки финансово-хозяйственной деятельности (ст. 103, 173 УПК Республики Беларусь).

1. Производство судебных экспертиз – основной вид процессуального использования специальных знаний. В УПК Республики Беларусь

используется термин «экспертиза», при этом в законодательстве не определяется его отличие от экспертизы в иных сферах деятельности, что вызывает некоторую путаницу в теории и практике. В настоящее время, учитывая научные концепции, практические подходы, зарубежный опыт предлагается на законодательном уровне закрепить термин «судебная экспертиза».

Так, в ст. 1 Модельного закона «О судебно-экспертной деятельности», принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 11 апреля 2013 г. № 15-6, предлагается определять судебную экспертизу как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом, судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Судебная экспертиза – это исследование, проводимое судебным экспертом (судебными экспертами) по постановлению (определению) органа (лица), уполномоченного процессуальным законодательством, в целях установления фактических данных и (или) обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовных дел, по результатам которого составляется заключение эксперта.

Из данного определения следуют признаки, характеризующие судебную экспертизу и отличающие ее от экспертиз, осуществляемых в иных сферах человеческой деятельности, и от специального исследования:

1) порядок назначения судебной экспертизы регламентируется процессуальным законодательством (гл. 26 ст. 334 УПК Республики Беларусь);

2) по субъектам, которые, согласно процессуальному законодательству, могут назначить судебную экспертизу. К ним отнесены: орган дознания и лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд (ст. 227, 334 УПК Республики Беларусь), которые выносят постановление (определение) о назначении судебной экспертизы;

3) по субъектам, которые имеют право согласно процессуальному законодательству проводить судебную экспертизу. Судебным экспертом является не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности, которому поручено производство экспертизы в порядке, установленном законодательством (ст. 61 УПК Республики Беларусь);

4) по процессуальному статусу документа, который составляется по результатам производства судебной экспертизы. По результатам про-

изводства судебной экспертизы составляется документ «Заключение эксперта» (ст. 95 УПК Республики Беларусь). Указанный документ сопровождается подпиской эксперта о том, что ему разъяснены его процессуальные права и обязанности, а также, что эксперт предупрежден об уголовной или административной ответственности по ст. 401, 402, 407 УК Республики Беларусь;

5) заключение эксперта является источником доказательств в уголовном процессе (ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь).

2. Получение объяснения либо допрос эксперта уголовно-процессуальным законодательством допускается только после представления им заключения. Следователь вправе получить объяснение от эксперта в случае проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела для разъяснения данного им заключения.

3. Участие специалиста в следственных действиях – достаточно распространенная процессуальная форма использования специальных знаний. Согласно ст. 200 УПК Республики Беларусь орган уголовного преследования вправе вызвать для участия в производстве следственного и иного процессуального действия специалиста, не заинтересованного в исходе уголовного дела. К специалистам также относятся педагог, психолог, переводчик, необходимость участия которых в следственных и иных процессуальных действиях прямо предусмотрена УПК Республики Беларусь.

В криминалистической литературе [2, с. 188; 3, с. 90; 6, с. 12] к процессуальной форме использования специальных знаний нередко относят непосредственное применение специальных знаний следователем, органом дознания, прокурором, судьей и иными участниками процессуальной деятельности, на которых возложена обязанность по сбору и оценке доказательств. Указанные участники уголовного процесса применяют профессиональные криминалистические знания, приемы, методы и средства криминалистической техники, подробно описывают их в протоколах следственных и иных процессуальных действий. Однако следователь вправе применять собственные специальные знания только в границах своих полномочий и в соответствии с требованиями процессуального законодательства о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела и собирании доказательств. При этом следователь не должен подменять судебного эксперта, так как следователь не обладает полномочиями эксперта. Например, если следователь обладает знаниями в области бухгалтерии, а по уголовному делу необходимо назначить судебно-бухгалтерскую экспертизу, то следователь, несмотря на свои специальные знания, назначает экспертизу. Оценивая заключение эксперта, следователь вправе применить свои специальные знания в области бухгалтерии, поскольку оценка доказательств входит в круг его полномочий.

Использование специальных знаний следователем преследует не только узкие цели по собиранию доказательств. Опираясь на свои специальные знания, привлекая к участию в следственных и иных процессуальных действиях специалистов, следователь изучает весь круг обстоятельств расследуемого преступления, собирает, проверяет и оценивает устанавливающие их фактические данные, определяет направления дальнейшего расследования, принимает решения по привлечению к ответственности виновных лиц, а также выявляет причины и условия, способствующие совершению преступления.

На практике используются специальные знания в непроцессуальной форме, получение которых не регламентируется УПК Республики Беларусь. Соответственно они чаще всего представляют собой ориентирующую информацию в раскрытии и расследовании преступлений. К ним следует относить следующие специальные знания:

1. Консультативно-справочная деятельность лиц, обладающих специальными знаниями. Такие консультации могут быть даны должностным лицам органа, ведущего уголовный процесс, и суду. Кроме того, консультативная помощь на основе гражданско-правового договора об оказании услуг может быть оказана любому участнику процесса, и по результатам специалистом может быть составлена справка (смета, акт и пр.). Такого рода документы следует отличать от заключения эксперта.

2. Предварительное исследование следов и других вещественных доказательств сведущим лицом для получения ориентирующей информации.

3. Использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности с целью выявления признаков преступлений, планирования оперативно-розыскных мероприятий и т. п. По результатам проведения такого исследования предметов и документов специалист составляет справку (ст. 24 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»).

4. Проведение опроса с использованием полиграфа. Проведение такого опроса следует отличать от судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа, которая проводится в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь и по результатам которой составляется заключение эксперта.

5. Использование криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений. Например, в ходе осмотра места происшествия обнаружен след руки. Данный след фиксируется при помощи мобильных технических средств и незамедлительно по защищенному каналу беспроводной связи изображения передается дежурным экспертам Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Эксперты круглосуточно осуществляют прием и проверку поступивших следов

рук по базе данных АДИС. Информация о том, кому предположительно принадлежит обнаруженный след руки, незамедлительно передается сотрудникам правоохранительных органов. Однако такое исследование не заменяет производство судебной дактилоскопической экспертизы.

6. Составление субъективного портрета (фоторобота).

Таким образом, перечень процессуальных форм применения специальных знаний ограничен требованиями уголовно-процессуального законодательства, но перечень непроцессуальных форм использования специальных знаний является открытым, что обусловлено отсутствием процессуальной регламентации. Отсутствие регулирования форм использования специальных знаний нормами уголовно-процессуального законодательства не означает отсутствие их регулирования как таковых. Порядок их проведения регулируется иными правовыми актами.

1. Дулов А.В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Минск, 1959.

2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М., 2007.

3. Грамович Г.И. О совершенствовании правового регулирования применения специальных знаний и научно-технических средств в расследовании преступлений // Пробл. криминалистики : сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.Н. Мухина. Минск, 2003.

4. Криминалистика : учеб.-метод. пособие / Г.А. Шумак [и др.] ; под общ. ред. Г.А. Шумака. Минск, 2017.

5. Россинская Е.Р. Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы : учебник ; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2009.

6. Анищенко И.А., Савич М.В., Маркова О.В. Участие специалиста в следственных действиях : учеб. пособие / под общ. ред. И.А. Анищенко. Минск, 2018.

УДК 343.985.4

О.В. Павлють

ЭТАПЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОСНОВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА ПРИ ЕГО ПРОВЕДЕНИИ

Важной особенностью науки криминалистики на современном этапе является целенаправленное, планомерное использование понятий, знаний, достижений и опыта различных отраслей юриспруденции, естественных, технических и других наук. Данный процесс интеграции носит закономерный характер по отношению ко всем направлениям криминалистических научных изысканий.

Все чаще в трудах ученых-криминалистов используется термин «технология», рассматривается деятельность субъектов уголовного судопроизводства с точки зрения технологичности процесса. Р.С. Белкин, подчеркивая важность применения знаний о технологии и внедрения данного термина в практическую деятельность, выделил технологические принципы при решении задач уголовного процесса: компетенции исполнителя, владение им необходимыми знаниями, умениями выполнения технологических операций; кооперирования труда; соответствия цели и усилий по ее достижению; наличия необходимых условий для осуществления деятельности; соответствия средств деятельности ее сущности и содержанию [1, с. 86]. Представляется, что данные принципы применимы и к деятельности эксперта-криминалиста, в том числе и при участии им в качестве специалиста в осмотре места происшествия. Также согласимся с мнением ученого, что технология – это наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления трудовых операций в должной последовательности [1, с. 85].

Ученые выделяют три аспекта осмотра места происшествия: процессуальный (указанное следственное действие является прямо предусмотренной Законом (ст. 203 УПК Республики Беларусь) формой познавательной деятельности); организационный (действия участников осмотра до выезда на место осмотра и непосредственно во время него); криминалистический (осмотр места происшествия относится к особому виду криминалистического исследования, направленного на изучение топографии места преступления, обнаружение, фиксацию и изъятие различного рода следов преступного деяния) [2, с. 294]. Представляется, что в своей деятельности эксперт-криминалист должен опираться на знания указанных аспектов, так как именно их учет помогает сориентироваться в определении как отдельных этапов работы, определив тем самым технологическую модель деятельности в процессе осмотра, так и их последовательности в каждом конкретном случае.

Таким образом, определение технологии деятельности эксперта-криминалиста во время осмотра места происшествия тесно связано с построением этапов и базируется на системе знаний и учета: процессуальных, организационных и криминалистических проблем. По причине того, что осмотр является одним из основных следственных действий, «дающих» материальную базу для дальнейшего исследования в рамках экспертизы, необходимо также выделять и учитывать знания о закономерностях осуществления экспертной деятельности в целом. Все обозначенные проблемы в своей совокупности составляют общие закономерности процесса осмотра места происшествия. Рассмотрим содержание указанных аспектов.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает общую процедуру следственного осмотра, указывая на основание и порядок его проведения, закрепляет основные права и обязанности субъектов данного следственного действия, в том числе регулирует порядок осуществления основных функций эксперта-криминалиста, участвующего в качестве специалиста в осмотре места происшествия (обнаружение, фиксация и изъятие следов и объектов, относящихся к событию преступления).

Знание организационных проблем при определении основных этапов деятельности предполагает наличие: 1) сведений об обстоятельствах происшествия, полученных при общем инструктаже следственно-оперативной группы до осмотра, от потерпевших и очевидцев непосредственно по прибытии. Данные знания позволяют эксперту-криминалисту наиболее точно моделировать границы осмотра, пути подхода и отхода преступников, определять точку начала осмотра, наиболее вероятные места локализации следовой информации, методы и средства для предстоящего осмотра; 2) умение определить, какие конкретно научно-технические средства необходимо использовать в ходе осмотра (с учетом сложившихся обстоятельств); 3) возможности налаживания собственной системы взаимодействия с участниками осмотра места происшествия.

Общепризнанно, что следователь является главным лицом, отвечающим за процесс взаимодействия. Однако в случае, когда в ходе осмотра участвует группа субъектов, обладающих специальными знаниями (специалист в области судебной медицины, взрывотехник и др.), в целях более эффективной работы по обнаружению, фиксации и изъятию следов, а также исключения дублирования каких-либо действий с их стороны эксперту-криминалисту (с разрешения следователя) целесообразно взаимодействовать с данными лицами лично.

Знание криминалистических аспектов осмотра включает: 1) после уяснения общих целей и задач осмотра, поставленных следователем, конкретизацию экспертом-криминалистом целей и задач собственной деятельности; 2) определение путей поиска следовой информации, а также обеспечение полноты ее изъятия с учетом представления о всей совокупности элементов криминалистической структуры преступления и их следовых отражений, присущих данному виду криминального деяния; 3) предварительное исследование обнаруженных следов и объектов по заданию следователя.

Знания о закономерностях осуществления экспертной деятельности применительно к рассматриваемой проблематике предполагает следующее. Уже в ходе осмотра места происшествия эксперт-криминалист обязан моделировать процессы будущего исследования в рамках экспертизы. Наиболее часто это требование касается получения образцов для сравнительного исследования. Согласно законодательству (ст. 234 УПК

Республики Беларусь) следователь вправе получить указанные образцы (в необходимых случаях с участием специалистов) с обязательным вынесением соответствующего постановления, а в случае, если данная процедура является частью экспертного исследования, она проводится экспертом лично с отражением этого в тексте заключения.

Представляется, что эксперт-криминалист, участвуя в осмотре места происшествия в качестве специалиста, обладая необходимым объемом специальных знаний и моделируя процессы будущего экспертного исследования, должен иметь право (по согласованию со следователем) самостоятельного отбора образцов в ходе указанного следственного действия в случае реальной возможности для их получения. Данное предложение позволит повысить качество образцов, что положительно отразится на эффективности и результативности экспертизы в дальнейшем.

Таким образом, проведенное исследование с учетом требований уголовно-процессуального законодательства и общепринятых тактических рекомендаций позволяет определить следующие этапы деятельности эксперта-криминалиста в ходе осмотра места происшествия, которые составляют ее технологическую модель:

- 1) понимание общих закономерностей осмотра места происшествия;
- 2) уяснение сведений об обстоятельствах происшествия;
- 3) определение необходимого перечня научно-технических средств и их исправность; разработка собственной системы взаимодействий с участниками осмотра места происшествия и т. д.;
- 4) осмысление целей и задач собственной деятельности в ходе осмотра;
- 5) моделирование границ осмотра места происшествия, путей подхода и отхода преступников, точки начала осмотра, комплекса методов для предстоящего осмотра и т. д. (этап моделирования);
- 6) техническая фиксация первоначально обнаруженной материальной обстановки места происшествия;
- 7) непосредственное обнаружение, изучение взаиморасположения и механизма образования следовой информации, последующего ее изъятия и фиксации (информационно-поисковый этап);
- 8) предварительное исследование обнаруженных следов и объектов;
- 9) предание следовой информации надлежащей процессуальной формы (этап оформления результатов осмотра);
- 10) моделирование процессов осуществления будущего исследования объектов и следов в рамках экспертизы.

Следует отметить, что указанные этапы деятельности эксперта-криминалиста в ходе осмотра места происшествия не имеют резкой границы между собой и отличаются своей динамичностью. На практике, исходя из сложившейся следственной ситуации, некоторые из них

могут наступать в иной последовательности, выпадать, а также дополняться иными. Выделение конкретных этапов деятельности эксперта-криминалиста, участвующего в качестве специалиста в осмотре, позволяет целенаправленно реализовать задачи данного следственного действия по достижению поставленных целей, обеспечивает осуществление функций указанного субъекта в полном объеме.

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.

2. Криминалистика : учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.] ; под ред. А.В. Дулова. Минск, 1996.

УДК 343.9

А.Л. Поскребка, К.Д. Тагунова

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Судебная экспертиза – специфическая форма человеческой деятельности, имеющая особый процессуально-правовой статус и направленная на исследование различных объектов с применением специальных познаний в науке, технике, искусстве и ремесле. Цель данной экспертизы – исследование и установление на основе специальных знаний в различных научных областях фактических данных (обстоятельств дела) в гражданском, административном, уголовном и хозяйственном судопроизводствах.

Говоря об истории судебной экспертизы, ученые обращаются к Древней Индии, Китаю, Римской империи. Именно в Римской империи возникли первоисточники судебной медицинской экспертизы: например, использовали специальные таблицы, позволяющие проводить судебно-медицинский осмотр, а законы Китая предусматривали послабление в наказании душевнобольных лиц [1, с. 5].

Сегодня судебная экспертиза – постоянно развивающаяся сфера деятельности, в которой появляются новые и совершенствуются уже имеющиеся методики исследования. В частности, большое распространение и развитие получили различные криминалистические экспертизы: дактилоскопическая, баллистическая, экспертиза холодного и метательного оружия, техническая экспертиза документов, трасологическая экспертиза.

Активно прогрессируют судебно-медицинская, судебно-психиатрическая и судебно-психологические экспертизы. Среди недавно появив-

шегося в области судебных экспертиз выделяют, например, психолого-лингвистические экспертизы, направленные на установление признаков проявления экстремизма, терроризма, вражды на расовой почве, а также комплексные психолого-физиологические экспертизы с использованием полиграфа [2].

К родам судебной экспертизы относят экспертные исследования, объединенные по предмету и объектам и различные по методикам экспертного исследования (например, трасологическая, дактилоскопическая, баллистическая, почерковедческая и др.).

Для вида судебной экспертизы характерна специфичность предмета в отношении общих объектов и методик. Например, в технико-криминалистической экспертизе документов выделяют: технико-криминалистическую экспертизу документов и их реквизитов (оттиски, печати, штампы); технико-криминалистическую экспертизу материалов документов (тип, марка и предприятие-изготовитель бумаги, клей и др.) [3, с. 11].

Преступная деятельность обозначена и нормативно описана в Уголовном кодексе Республики Беларусь, включает все роды, виды и группы преступлений, предусмотренные Законом. Преступные деяния могут совершаться индивидуально, группой субъектов и носить тщательно продуманный и организованный характер [4, с. 14]. Преступная деятельность также может быть связана с преступным воздействием на различного рода объекты, которые в последствии становятся объектами экспертного исследования, а его выводы содержатся в заключении эксперта. Это дает возможность собрать доказательственную базу.

Так, ст. 95 УПК Республики Беларусь регламентирует понятие «заключение эксперта». Это процессуальный документ, удостоверяющий факт и ход исследования экспертом материалов, представленных органом, ведущим уголовный процесс, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, находящимся в его компетенции.

Заключение эксперта является одним из видов доказательств, однако никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, поэтому и заключение эксперта не обладает какими-либо преимуществами перед другими доказательствами [5, с. 201].

Особая роль в противодействии преступности отводится профилактической и прогностической функциям судебной экспертизы [6, с. 76–77]. Если говорить простым языком, то существует ряд фактов, свойств предметов, явлений, разобраться в которых можно только в процессе экспертного исследования.

Например, в соответствии с законодательством, прежде чем отпечатать тираж какого-либо бланка документа с определенной степенью

защиты, путем экспертного исследования устанавливается степень защищенности этого бланка от подделки. Тем самым минимизируется возможность реализации воспроизведения документов в кустарных условиях [6, с. 360–365].

Представим ситуацию, когда в какой-то местности произошла череда проникновений в закрытые помещения путем взлома запорных устройств. Все запорные устройства попадают на исследование к одному и тому же эксперту. В процессе проведения экспертизы устанавливается, что все замки были открыты с помощью одного и того же предмета. На основании этого можно предположить, что проникновения были осуществлены одним и тем же лицом или группой лиц. Также возможно составить карту перемещения преступников и предположить следующие места их вероятного появления с целью совершения противоправных действий, а также объединить несколько уголовных дел в одно производство. При этом только эксперт, изучая механизм взлома, может дать рекомендации по усовершенствованию конструкции запорного устройства для усиления его защитных свойств от несанкционированного вскрытия.

Таким образом, значение судебной экспертизы в противодействии преступности не теряет своей важности, а только усиливается как при собирании доказательной базы в процессе расследования преступлений и правонарушений, так и для их профилактики и предотвращения.

1. Майлис Н.П. Научные основы института судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 030900.68 «Юриспруденция». М., 2016.

2. Швед А.И. Полномочия судебного эксперта должны быть расширены // сайт Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. 1 июля 2016 г. URL: http://sudexpert.gov.by/ru/news.html?news_id=2028 (дата обращения: 14.09.2018).

3. Кирвель В.К. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Тактика назначения и проведения судебной экспертизы : лекция. Минск, 2010.

4. Яблоков Н.П. Теория и методология криминалистики // Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

5. Горошко Е.Ю., Анищенко И.А. Оценка заключения судебного эксперта, экспертно-профилактическая деятельность // Теория судебной экспертизы : курс лекций. Минск, 2013.

6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник ; под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОДУЛЬНОГО РУЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

За многие годы своей истории человек накопил внушительный арсенал вооружений, который включает большое разнообразие типов и видов оружия, начиная от исторически первых – холодного, метательного и примитивного огнестрельного – и заканчивая самыми передовыми образцами ствольного газового, травматического и современного огнестрельного. На всех этапах развития ручного стрелкового огнестрельного оружия (далее – РСОО) его эволюция предопределялась рядом тенденций и закономерностей, к основным из которых можно отнести следующие: функциональная предназначенность; универсальность, портативность и маневренность; простота и совершенство конструкции, технологичность его производства; надежность и эффективность; усиление поражающей способности, его точность и скорострельность. Каждый вновь появившийся вид РСОО представлял собой результат развития технологии своего времени, воплощение передовых мыслей и научно-технических решений, отражал уровень накопленных в обществе знаний, характеризующихся при этом преемственностью [1, с. 23].

С уверенностью можно констатировать, что современные технологии производства РСОО достигли практически предельного уровня развития, о чем свидетельствует отсутствие за последнее десятилетие на мировом оружейном рынке каких-либо принципиально новых схем компоновки огнестрельного оружия и нетривиальных подходов в его конструировании, позволяющих существенно повысить боевые и тактико-технические характеристики таких образцов по сравнению с уже имеющимися аналогами. При этом время от времени производители РСОО заявляют о прорывах в конструировании оружия, представляя свои «революционные» разработки, напечатанные, например, на 3-D принтерах [2], или образцы с автоматикой без подвижных деталей и с электронной системой иницирования [3]. Однако полевые испытания такого оружия всякий раз подтверждают его нежизнеспособность и (или) нецелесообразность использования в условиях реального боя.

Сегодня действительность военно-промышленного комплекса такова, что декларируемые предприятиями-производителями РСОО новинки в большинстве своем сводятся к усовершенствованию эргономики класси-

ческих схем конструкции огнестрельного оружия; использованию «непривычных» материалов при его изготовлении (например, полимеры); достижению оптимального баланса элементов комплекса «боеприпас-оружие-цель»; повышению варибельной многофункциональности оружия при минимальных материально-временных затратах для пользователя (стрелка). Именно последняя из приведенных тенденций представляет особый интерес с позиций криминалистического исследования РСОО, изготавливаемого по принципам модульной технологии конструирования, являясь проблемой, с которой уже завтра с высокой степенью вероятности могут столкнуться эксперты при решении идентификационных, диагностических и классификационных задач судебной баллистики.

Идея модульности в конструировании РСОО не нова. Первыми зачатками данного принципа производства являлось применение взаимозаменяемости деталей в оружии различных моделей и введение единых калибров в первой половине XX в. Современные маркетинговые подходы ряда производителей, обусловленные стремлением предоставить покупателю возможность самостоятельного конфигурирования своего оружия, привели к появлению моделей, в комплект которых может входить большое количество дополнительных элементов и оборудования, начиная от сменных щечек рукоятки, магазинов увеличенной емкости и всевозможных тактических аксессуаров (фонари, лазерные целеуказатели, оптические прицельные приспособления, карабинные наборы и пр.) и заканчивая взаимозаменяемыми затворными группами, модулями ударно-спускового механизма и стволами различных калибров и длины. И это все в пределах одной единицы оружия, которая представляет собой «конструктор» широкого спектра действия, позволяющий путем проведения несложных манипуляций преобразовывать, например, оружие для спортивной стрельбы в боевое, охотничий карабин одиночного огня в скорострельную винтовку, а самозарядный или автоматический пистолет в карабин или пистолет-пулемет.

И если вести речь именно о таких, «продвинутых» моделях РСОО, предоставляющих его владельцу возможность самостоятельно изменять назначение и поражающие свойства оружия, то должна ли криминалистическая наука выработать действенные меры реагирования на данную ситуацию и адаптировать соответствующие методики экспертного исследования? Вопрос риторический.

Так, рассматриваемая проблема имеет комплексный характер, а ее решение предполагает и определенные способы законодательного реагирования, в первую очередь, в области регулирования оборота огнестрельного оружия и его компонентов (аксессуаров), а также в сфере уголовно-правой квалификации соответствующих деяний. Мы убежде-

ны, что эта важная тема со временем найдет отклик у законодателя, однако не меньшую актуальность и значимость представляет анализ складывающейся ситуации с криминалистической точки зрения.

Во-первых, классификация РСОО. В специальной литературе, посвященной вопросам судебной баллистики и криминалистического исследования оружия, можно встретить различные по объему, содержанию и структуре подходы к систематизации РСОО, однако ни одна из имеющихся классификаций не учитывает в полной мере особенности модульной технологии конструирования современного огнестрельного оружия. Появление модульного РСОО не только требует новых оснований для классификации (например, «по степени унификации конструкции»), но и внесения соответствующих коррективов в уже имеющиеся, особенно в отношении тех видов РСОО, градация которых становится в некотором смысле бесполезной для отдельных модельных групп огнестрельного оружия модульной конструкции (например, по калибру, длине ствола, способу управления и удержания, назначению и пр.).

С одной стороны, может показаться, что вопросы классификации РСОО – это проблемы исключительно теоретического порядка. Однако такое умозаключение было бы преждевременным. Действенная и рациональная конкретизация видов огнестрельного оружия необходима для законодательного установления порядка его оборота и правил использования, а также является обязательной предпосылкой формулирования достоверных выводов при производстве судебных баллистических экспертиз. Прямые указания на необходимость установления конкретной модели, типа и вида оружия содержатся в действующих экспертных методиках [4].

Во-вторых, диагностика РСОО. Установление состояния огнестрельного оружия, его исправности и пригодности к стрельбе является важнейшей и крайне востребованной задачей судебной баллистики, поскольку выступает необходимым условием для установления всех обстоятельств произошедшего, а также формы вины обвиняемого. Состояние оружия свидетельствует о возможности (невозможности) его использования при конкретных обстоятельствах, вероятности возникновения несчастного случая, а также в определенных ситуациях, непосредственно детерминирует принадлежность (непринадлежность) исследуемого объекта к той или иной категории оружия.

Действующие экспертные методики не в полной мере учитывают особенности диагностического исследования огнестрельного оружия модульной конструкции. В них остаются без внимания вопросы использования различных компоновочных схем модульного РСОО при изучении его материальной части, а также не учтены возможные алгоритмы проведения экспериментальной стрельбы из такого оружия с учетом полного

или частичного наличия (отсутствия) всей совокупности комплектующих узлов и деталей, особенно в части анализа проведенных исследований и формулирования соответствующих им выводов. Представляется, что формы пригодности оружия к стрельбе, содержащиеся в методике, также требуют соответствующей корректировки с учетом указанных выше обстоятельств как терминологически, так и содержательно.

В-третьих, идентификация РСОО. Так, решение идентификационных задач при производстве судебных баллистических экспертиз является надежным, достоверным и практически неоспоримым инструментом доказывания, когда необходимо установить факт выстрела из конкретного экземпляра оружия, определить его групповые и индивидуальные особенности, а также ответить на другие вопросы отождествления криминалистически значимых объектов. Проблема идентификации модульного огнестрельного оружия приобретает особую значимость при исследовании моделей, компоновочные схемы которых предусматривают наличие сменных деталей, являющихся следообразующими в процессе заряжания оружия, выстрела из него, а также извлечения стреляных гильз (неиспользованных патронов). С учетом модульной технологии конструирования в качестве таких деталей (узлов) могут выступать сменные стволы, кожух-затворы, модули (блоки) ударно-спусковых механизмов, магазины и пр.

Основной задачей идентификационных экспертных методик является установление тождества конкретного экземпляра огнестрельного оружия по следам частей этого оружия на гильзах, а также по следам канала ствола на пулях [5; 6]. При этом определение понятия «конкретный экземпляр» применительно к огнестрельному оружию в данных методиках не приводится, что вполне логично, если учесть, что на момент разработки данных документов (2008 г.) практически все известные к тому времени модели РСОО производились по принципу моноконструкции, которой не предусматривалось комплектование сменными наборами таких основных деталей и узлов оружия, как ствол, запирающий и стреляющий механизмы. Такой подход предопределил и соответствующий алгоритм экспертного исследования, а также порядок оценки его результатов и формулирования выводов. Очевидно, что действующие положения не в полной мере учитывают особенности модульной технологии конструирования современного РСОО, что требует внесения определенных корректировок.

Прежде всего, исследуя «конкретный экземпляр» оружия, эксперт должен иметь в виду его более широкое, распространенное толкование. Это означает, что на исследование может быть представлен образец, который укомплектован (мог быть укомплектован) сразу несколькими

сменными следообразующими узлами и деталями, которые в зависимости от их комбинации будут являться источниками различных картин следообразования, индивидуализирующих при этом весь исследуемый комплекс в совокупности как одну единицу оружия. И здесь принятие во внимание всех возможных вариантов компоновки может привести к ошибочным выводам о тождестве.

Кроме того, подлежат пересмотру и действующие подходы для установления модели огнестрельного оружия по следам на выстреленных пулях и стреляных гильзах. Анализ признаков, отражающих систему и образец огнестрельного оружия, должен также осуществляться с учетом всех допустимых компоновочных схем конструкции, если речь идет об исследовании модульного РСОО. Данные моменты напрямую связаны с вопросами классификации огнестрельного оружия, о чем говорилось выше, а также предусматривают внесение соответствующих справочных данных в специальную литературу.

Таким образом, приведенные особенности должны быть учтены повсеместно – на всех стадиях и этапах экспертизы, начиная от предварительного исследования представленных объектов, их детального изучения, проведения экспериментов и сравнений и заканчивая оценкой результатов исследования и формулированием выводов.

Вышеизложенное позволяет заключить, что современное модульное ручное стрелковое огнестрельное оружие – это не только модный тренд рынка вооружений и стремление повысить прибыльность производства, но и серьезный вызов криминалистической науке, которая должна работать на опережение складывающейся ситуации. Повсеместное распространение модульных принципов конструкции, предоставляющей пользователю возможность самостоятельного конфигурирования назначения и поражающих свойств оружия, в обязательном порядке должно быть учтено при разработке новых и совершенствовании имеющихся экспертных методик, направленных на решение идентификационных, диагностических и классификационных задач судебной баллистики.

1. Баллистика и судебная баллистическая экспертиза : учеб. пособие / Р.М. Ропот [и др.] ; под общ. ред. Р.М. Ропота. Минск, 2018.

2. Полякова А.В. Тенденции и перспективы развития ручного стрелкового огнестрельного оружия и боеприпасов к нему: оружие и патроны, распечатанные на 3D-принтерах // Теория и практика судеб. экспертизы в современных условиях : матер. VI Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19–20 янв. 2017 г. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина ; редкол.: Е.Р. Россинская (отв. ред.) [и др.]. М., 2017.

3. Развитие стрелкового оружия. Огневые тенденции нового века [Электронный ресурс]. URL: <http://lemur59.ru/node/437> / (дата обращения 01.10.2018).

4. Методика решения вопросов о принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, их исправности и пригодности к стрельбе : утв. Межведомств. науч.-метод. советом в обл. судеб. экспертизы при Межведомств. комиссии по вопросам судеб.-эксперт. деятельности при Совете Безопасности Респ. Беларусь. Протокол № 5 от 25 июня 2008 г. Минск, 2008.

5. Методика отождествления огнестрельного оружия по следам на гильзах : утв. Межведомств. науч.-метод. советом в обл. судеб. экспертизы при Межведомств. комиссии по вопросам судеб.-эксперт. деятельности при Совете Безопасности Респ. Беларусь. Протокол № 4 от 12 марта 2008 г. Минск, 2008.

6. Методика отождествления нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях : утв. Межведомств. науч.-метод. советом в обл. судеб. экспертизы при Межведомств. комиссии по вопросам судеб.-экспертной деятельности при Совете Безопасности Респ. Беларусь. Протокол № 4 от 12 марта 2008 г. Минск, 2008.

УДК 343.983.25

А.И. Семикаленова

СУДЕБНАЯ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЗАДАЧИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ¹

Сегодня судебная компьютерная техническая экспертиза прочно вошла в правоприменительную практику. Это обусловлено возросшим числом правонарушений, напрямую связанных с информационно-компьютерными средствами, и необходимостью применения специальных знаний для установления фактических обстоятельств произошедшего события. Если в начале 2000-х гг. к такого рода правонарушениям в основном относили правонарушения, связанные с распространением запрещенной информации, с налоговыми правонарушениями, реже с обманом потребителя, то сегодня копилка пополнилась правонарушениями в банковской сфере, сфере государственной службы. Если раньше объектами судебной компьютерно-технической экспертизы по делам уголовной направленности практически всегда была информация, содержащаяся в цифровом виде на внешних и внутренних компьютерных носителях, за редким исключением вставляли вопросы, связанные с аппаратными ресурсами, то сегодня основными объектами исследования компьютерно-технической экспертизы становятся программы. Таким образом, если

¹ Выполнено в рамках реализации ГРАНТ РФФИ 18-29-16003\18 «Концепция информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина».

раньше экспертами решались задачи информационно-компьютерной и аппаратно-компьютерной экспертизы [1], то сегодня на первый план выходят задачи программно-компьютерной экспертизы [2].

Самой востребованной группой задач программно-компьютерной экспертизы сейчас можно считать установление функциональных возможностей программного продукта. Здесь считаем необходимым отметить, что простая задача, на первый взгляд, на самом деле является составной и включает в себя ряд подзадач, требующих решения. Это связано в основном с тем, что современное программное обеспечение – не единичные программы, представляющие один исполняемый файл, как это было в начале 2000-х, а сложные продукты, включающие в себя большое количество как исполняемых, зависимых от основного модуля библиотек, базы данных, так и самостоятельных программ, включенных в сложную систему программного продукта, но при этом способных функционировать отдельно. Именно из-за того, что сегодня объект программно-компьютерной экспертизы является многосоставным, мы считаем необходимым для определения функциональности программы выделить ряд подзадач, без решения которых, на наш взгляд, невозможно решение основной.

В эту группу входят:

1. Анализ сопроводительной технической документации программного продукта.

На первый взгляд, данная задача не совсем вписывается в рамки программно-компьютерной экспертизы. Подсознательно ее хочется отнести к информационно компьютерной, но это не так. Техническая документация – это важная часть, сопровождающая программный продукт с момента его планирования (например, Техническое задание) до момента передачи заказчику (например, Методика и программа испытаний, Руководство оператора и др.). В ряде случаев для решения частных экспертных задач бывает достаточно проанализировать документацию и уже на этом этапе ответить органу, назначившему экспертизу, по каким причинам не работает программный продукт. Например, в случае базы данных (БД) важным документом является Эскизный проект БД, в данном документе прослеживаются все связи структурных элементов, так называемых сущностей, и элементы их сопряжения (индексы и атрибуты), и уже на этапе исследования этого документа бывает возможно дать ответ, могла ли данная БД использовать, хранить и обрабатывать конкретную информацию.

2. Определение фактического места положения программного продукта в компьютерной системе.

Казалось бы, банальное и всем давно известное правило «определи местонахождение исследуемого объекта на диске». Однако оно оказывается не столь очевидным, если вопрос касается сложных распределенных систем, и когда один программный продукт располагается на нескольких компьютерных средствах. В этом случае имеется реальная необходимость фиксировать не только логические диски и папки, в которых программный продукт находится, но и адреса в интернете (так называемые IP-адреса). Решение данной задачи в дальнейшем обезопасит эксперта от исследования «фейковых» программных продуктов, а в случае повторной или дополнительной экспертизы получить возможность исследовать тот же программный продукт, что и при производстве первичной экспертизы.

3. Определение фактического состояния программного объекта, состава соответствующих ему файлов, их параметров (объем, дата создания, атрибуты) и логического места положения в компьютерной системе.

Решение данной задачи является необходимой, на наш взгляд, в силу того, что позиционирование относительно носителей информации, имеющихся в компьютерной системе, определения логического пути доступа ко всем частям анализируемого продукта дает в дальнейшем возможность сделать вывод о причинах неработоспособности ряда задокументированных функций. Это связано с тем, что нарушение расположения на логических носителях файлов часто влечет невозможность их использования в дальнейшем системой. Она их попросту не видит. Установление и фиксация параметров, входящих в программный продукт файлов, нередко дает возможность увидеть присутствие посторонних компонентов, влияющих на работоспособность программы, или обнаружить недостачу файлов по сравнению с документально заявленной, что, в свою очередь, также влечет проблему реализации задокументированных функций.

4. Установление настроек программного обеспечения, времени его инсталляции (установки на машинный носитель).

Важным моментом для определения функциональных возможностей программного продукта является определение его настроек, не только тех, которые были установлены на момент проведения исследования, но и тех, которые должны были быть установлены в соответствии с технической документацией. Для определения функциональных возможностей программного продукта существенную роль играют сетевые настройки, особенно если анализируемая программа осуществляет взаимодействие с другими программами или со своими структурными компонентами, располагающимися на других компьютерных средствах. Например, в слу-

чае распределенной базы данных, когда информация хранится на разных компьютерах, при неправильных настройках возможно получение запрашиваемых сведений в неполном объеме или отказ в осуществлении поиска по запрашиваемому параметру. Сбои в такого рода настройках или их неправильная установка изначально влечет нарушение функционала исследуемого программного обеспечения при условии реализации его в самой структуре программы. Практически то же самое можно сказать и о настройках аппаратных составляющих системы. Например, неверная настройка сканера или принтера не позволит программе взаимодействовать с ними, хотя такие функции будут предусмотрены.

5. Выявление и исследование функциональных свойств продукта в целом, наличие или отсутствие каких-либо отклонений от типовых параметров (например, недокументированные функции).

Данная задача говорит сама за себя. Она по сути своей совпадает с задачей, вынесенной в название темы. Однако это ее более узкое изложение. Чаще всего современные эксперты довольствуются именно ее решением, что в корне неверно. Остановимся на этой задаче поподробнее. При ее решении основное, что выполняется, это тестирование программного продукта в соответствии с методикой испытаний, если такая присутствует. Если ее нет, то осуществляется проверка всех функций, до которых эксперт может добраться с использованием пользовательского интерфейса или специализированного программного обеспечения на уровне пользователя. Важным моментом здесь является то, что эксперт не просто должен на этом этапе исследования тестировать на выполнение определенного функционала систему, он еще и фиксирует ее отклики (экранные формы, формирования запросов, попытки соединений и т. д.). Именно обращая внимание на отклики системы, часто эксперт может сделать вывод о наличии недокументированных функций в программе. Однако это не единственный алгоритм действий, который необходимо совершить эксперту. Очень важным, но практически не реализуемым на практике сегодня является исследование функционала программного продукта на уровне.

6. Установление способов и форматов ввода-вывода информации.

Важным шагом определения соответствия функциональных возможностей программ является установление форматов и способов ввода – вывода данных. В чем особенность и необходимость установления этих параметров системы? Ответ на этот вопрос находится в современной структуре информационно-компьютерных систем. Сегодня программные продукты, разрабатываемые для решения различных задач, должны быть полностью интегрированы в ту аппаратно-программную

среду, в которой их собираются эксплуатировать. Особенно это касается тех компьютерных программ, которые реализуют такие программы, как электронное правительство, создание электронного документооборота в здравоохранении, в работе системы социального страхования и др. Неурегулированные процесс и форма ввода – вывода и объема данными в таких системах влечет несогласованную работу всей системы, в которую встраивается программный продукт и невозможность выполнения определенных ее функций. Следовательно, плохо отлаженный механизм ввода-вывода и обмена данными влечет неполную реализацию функциональных возможностей программного продукта. Ситуация может быть неочевидной при рассмотрении исследуемой программы отдельно от той системы, в которую она будет встраиваться, а может быть установлена либо при анализе всей системы в целом, что часто является проблематичным, либо при анализе способа и форматов ввода-вывода данных объекта исследования.

Диагностирование алгоритма программного продукта (представленного как в виде программного продукта, так и графического или текстового файла).

В п. 5 мы уже говорили об определении функциональных возможностей. Однако это не единственный алгоритм действий, который необходимо совершить эксперту. Очень важным, но практически нереализуемым на практике является исследование функционала программного продукта на уровне алгоритма. Мы говорим и об алгоритме, зашитом в тело уже готового программного продукта, и об алгоритмах, представленных в виде графических схем и текстовых файлов. Проанализированная нами экспертная практика говорит о том, что до данного этапа большинство экспертов никогда не доходят, а это неверно. Анализируя алгоритм программы с помощью трассировщиков программных продуктов, дизассемблирования и отладки, возможно установить большое количество значимой информации. Например, наличие незадокументированных функций, зашитых в программный продукт, наличие функций реализованных, но с которых по неосторожности забыли снять признак «комментарии», ошибки в самом алгоритме, не позволяют выполнять конкретные функции и ведут к «фатальной» ошибке. Анализ текстов алгоритмов программных продуктов и графических их исполнений (чаще всего можно обнаружить в сопроводительной документации) дает возможность проанализировать логику программного продукта этапы его реализации, что в дальнейшем дает возможность оценить функционал не только на этапе конкретного готового продукта, но и его версионное изменение.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, сегодня, анализируя компьютерную программу, нельзя останавливаться на стадии определения функциональности пользовательским методом (см. п. 5), необходимо учитывать все особенности современного состояния информационно-программной индустрии и анализировать ее с применением всех предложенных нами стадий.

1. Россинская Е.Р., Усов А.И. Классификация компьютерно-технической экспертизы и ее задачи // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. М., 2000.

2. Семикаленова А.И. Судебная программно-компьютерная экспертиза по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2005.

УДК 343.9

Э.Г. Хомяков

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАСОЛОГИИ И ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Одним из наиболее разработанных направлений в области криминалистической техники можно считать трасологию – учение о следах. Появившееся в трудах Г. Гросса упоминание следов как улики и вещественных доказательств нашло отражение в работах И.Н. Якимова. Э. Локар рассмотрел отдельные вопросы следообразования, связанные с совершением преступлений, а М.Н. Гернет и Б.И. Шевченко предложили и закрепили в отечественной криминалистике термин «трасология» (первоначально – «трассеология»). Советская криминалистика отметилась серьезной научной разработкой основных положений трасологии. Российская криминалистика подвергла серьезному анализу и синтезу все то, что было теоретически разработано и практически использовалось в этой области весь предыдущий период. Итогом можно считать появление серьезных фундаментальных источников, направленных на получение глубоких научных знаний в этой области, а также необходимых практических умений и навыков в рамках высшего образования [1–3]. Не менее значимым в плане закрепления трасологической терминологии явилась разработка государственного российского стандарта ГОСТ Р 57428-2017 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения».

Вместе с тем любая наука или ее отдельное направление не может считаться догмой, она требует постоянного развития и совершенствования. Так и трасология (трасологическая экспертиза) является одной из

популярных тематик в публикациях как молодых ученых, так и признанных мэтров криминалистики и судебной экспертизы. Многие подобные публикации, к сожалению, носят поверхностный реферативный характер, не несут характера прикладных исследований и не способствуют развитию трасологии; некоторые из них можно назвать «исследования уже исследованного».

Имея за плечами специализированную экспертную подготовку в области трасологической экспертизы и опыт практической работы в этом направлении в системе МВД России, а также опыт преподавания дисциплины «Трасология и трасологическая экспертиза» для студентов специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» в Удмуртском государственном университете, попытаюсь изложить свою точку зрения на отдельные направления развития трасологии и трасологической экспертизы, которые можно считать перспективными в ближайшее время.

Для начала следовало бы решить вопрос о связи двух разделов криминалистической техники – дактилоскопии и трасологии. Нет никаких сомнений в том, что у этих разделов общие научные основы и методология. При этом авторы упомянутых выше учебников по трасологии и трасологической экспертизе дактилоскопию в системе трасологии почему-то не выделяют, хотя говорят о следах рук человека как одних из объектов трасологического исследования. А в общих понятиях государственного стандарта ГОСТ Р 57428-2017 под номерами 39-68 раскрываются общие понятия экспертизы следов рук и босых ног человека, в том числе понятия «дактилоскопия» и «дактилоскопическая экспертиза». С учетом изложенного необходимо признать, что в российской криминалистике дактилоскопия является разделом трасологии, а дактилоскопическая экспертиза – одним из видов трасологической экспертизы. Отдельные проблемные организационные моменты, связанные с данным признанием, не должны повлиять на сложившийся факт.

Следующим направлением в развитии трасологии и трасологической экспертизы следует считать дальнейшее развитие методологии и, связанное с ней, развитие экспертных методик, технического и программного инструментария.

Применяемые в настоящее время экспертные методики отдельных видов и подвидов трасологического исследования в большинстве своем были разработаны в 60–90-х гг. XX в. При этом ведомственная разобщенность государственных экспертных учреждений России привела к определенным различиям и в экспертных методиках, ими используемых [5]. Аналогичная картина имеет место и в негосударственных экспертных учреждениях, при этом негосударственные эксперты более

свободны в выборе методик исследования, вследствие чего иногда имеют место «авторские», никому неизвестные экспертные методики.

В целом в системе экспертных учреждений России необходим критический анализ существующих методик экспертного исследования трасологических объектов с точки зрения их научности и достоверности. Подобная проблематика уже обозначена перед экспертным и судебным сообществами в США [6, 7]. Несомненно, что повторные научные исследования, направленные на пересмотр существующих экспертных методик как в трасологии, так и в других видах судебной экспертизы, требуют существенных временных и материальных затрат; необходима выработка критериев их научности и достоверности, использование в этих целях совместного потенциала как экспертных, так и научных учреждений. Все это представляется масштабной и кропотливой работой, требующей не только соответствующих ресурсов и стимуляции, но прежде всего осознания ее необходимости и государственного регулирования, а также привлечения к данной работе специалистов в области современных технологий.

Пересмотр экспертных методик должен происходить с учетом потребностей разных видов судопроизводства (уголовного, гражданского и т. д.) и оценки возможностей применения современного разнообразного инструментария для решения соответствующих экспертных задач. При этом экспертные методики должны быть унифицированы для всех субъектов судебно-экспертной деятельности, что позволит уберечь судопроизводство от «экспертного анархизма». Вместе с тем экспертные методики должны быть достаточно гибкими в плане возможности изменения (модификации) при появлении новых технологий, позволяющих более эффективно решать необходимые экспертные задачи. При этом современные экспертные методики должны быть наполнены и современным инструментарием, позволяющим их реализовывать. Однако в настоящее время мы наблюдаем определенную стагнацию в инструментальном и материальном обеспечении отдельных видов трасологических экспертиз.

Например, использование в качестве средства моделирования гипса было описано еще Гансом Гроссом в конце XIX в. [8, с. 680–686]. Около семи экспертных методик, связанных с трасологическим исследованием следов обуви, замков, зубов и т. д., предусматривают использование весьма проблемных синтетических смол (паст «К» и СКТН). Из-за отсутствия нормальных слепочных масс иногда предпринимаются попытки апробации подобранных экспериментальным путем нетрадиционных материалов для фиксации и изъятия объемных следов обуви [10].

Лишь отдельные экспертные методики исследования трасологических объектов, например, пломб и замков, разработанные 20–30 лет на-

зад, предполагают использование сложного лабораторного оборудования, например, рентгеновских установок и микроскопического оборудования.

С появлением новых технологий в распоряжении эксперта появляются такие средства труда, которые требуют нового подхода к исследовательскому процессу.

Так, на смену старым и сложным методам рентгеновского исследования пришли современные методы интроскопического анализа; установки (интроскопы) стали более компактными и мобильными, безопасными и экономичными. Вместо относительно простого оборудования для микроисследования созданы многофункциональные аппаратно-программные системы и комплексы, например, система АБИС «Арсенал» [11] ориентирована на работу с объектами как баллистической, так и трасологической экспертизы.

А сколько смежных областей науки и техники используют разнообразные технологии, которые могут быть востребованы в трасологической экспертизе?

Например, способы исследования объемных трасологических следов могут быть завязаны на перспективные технологии исследования трехмерных объектов. Традиционная фотосъемка или видеозапись подобных следов на месте происшествия может дублироваться, например, технологиями трехмерного сканирования и моделирования (3D-сканеры, 3D-принтеры и т. д.).

Надо активнее использовать возможности данного инструментария в развитии существующих экспертных методик.

И здесь стоило бы ориентироваться не на финансовую сторону вопроса, а на конкретные экспертные задачи, которые инструментальное оснащение позволяет решать.

Почему для видеозаписи следственных действий мы используем зарубежную видеотехнику? Да потому что отечественная не производится.

Что делать, если при использовании отечественных устройств для изъятия следов обуви электростатическим способом не получается сохранить достаточный комплекс частных идентификационных признаков, а сами устройства отличаются низкой надежностью?

Вывод очевиден: при разработке новых экспертных методик в целях производства экспертных исследований необходимо подбирать наиболее эффективный и современный отечественный и зарубежный инструментарий. Не секрет, что за рубежом создана целая индустрия криминалистической техники, расходных материалов, экспертного оборудования, в том числе в области трасологических исследований.

Поэтому следует активно и целенаправленно изучать опыт работы зарубежных коллег: направления и содержание научных исследований в области судебной экспертизы, экспертные методики, нормативные документы, примеры из практики и т. д.

А если вопрос упирается в финансирование, то необходимо решать, что важнее: финансовая сторона вопроса или эффективное и оперативное решение поставленной в ходе судопроизводства экспертной задачи.

Но даже при соответствующем обеспечении научная составляющая процесса экспертного исследования должна стоять на первом месте.

Необходима достоверность существующих экспертных методик как в области трасологии, так и в целом – во всех видах судебной экспертизы.

К сожалению, решение экспертных задач (идентификационных, диагностических, классификационных) по существующим методикам не обеспечено вероятностной оценкой (оценкой достоверности сделанного вывода). Например, когда эксперт-трасолог делает вероятный вывод, какой величины погрешность он в этот вывод закладывает? И всегда ли категорический вывод является безупречно обоснованным?

Так, в методике идентификационного исследования следов обуви не дается количественных критериев оценки пригодности следа для идентификации, также отсутствуют критерии сравнения частных признаков в данной экспертизе. Что происходит, когда эксперт обнаруживает и фиксирует в исследовании частные признаки обуви? Он, как правило, дает оценку данных признаков по обобщенной (примерной) форме и усредненным размерам, ссылаясь на различные условия следообразования следа, обнаруженного на месте происшествия, и экспериментальных следов, полученных в ходе экспертного эксперимента. А что, если контуры данных признаков визуальным образом просматриваются частично (фрагментарно), а разница в размерах составляет от одного до нескольких миллиметров? Как при подобных условиях возможен категорический вывод? А каково влияние идентификационного периода частных признаков следообразующего объекта на выводы эксперта и какие способы количественной оценки данного периода существуют? Интерес к данным вопросам существует и его необходимо поддерживать [12–14].

Тщательного пересмотра и дальнейшего развития требуют практически все направления трасологии.

Например, отдельные технологии в области стоматологии значительно меняют сложившееся представление о зубах человека, а также заменяющих их искусственных компонентах и требуют если не пересмотра, то существенного дополнения теории и методики зубной трасологии.

Запорно-пломбировочные устройства (ЗПУ) уже давно исследуются как многокомпонентные и сложные в техническом плане устройства. При этом новые виды ЗПУ, например, электронные пломбировочные устройства (ЭПУ), требуют разработки отдельной методики исследования с использованием соответствующего радиоэлектронного оборудования, перспективным является исследование ЭПУ в рамках комплексной экспертизы (трасологической и инженерно-технической). Такая же комплексная экспертиза становится необходимой при исследовании некоторых видов электронных замков.

Практически отсутствует методика проведения экспертного эксперимента при идентификационном исследовании следов шин транспортных средств.

Экспертное исследование частей разделенных предметов (установление целого по частям) давно требует программного обеспечения, созданного по типу игры «пазл» (как в двумерном, так и трехмерном вариантах).

Принимая во внимание вышесказанное о необходимости изучения зарубежного опыта, отмечу, что нам практически неизвестны экспертные методики исследования большинства видов трасологических объектов, используемые во многих развитых странах мира: США, Германии, Японии, Китае, Индии и др. Нет у нас в учебной литературе по криминалистике и трасологии данной информации.

Для примера, в США активно развивается судебная подиатрия, изучающая, в том числе, влияние строения ног человека на особенности его походки [16]. Несомненно, диагностические исследования в области походки человека, механизм образования следов обуви людьми, страдающими различными заболеваниями, также весьма актуальны.

К сожалению, формат доклада не позволяет более подробно остановиться на всех моментах, связанных с его тематикой, однако сказанное выше не оставляет сомнения в том, что соответствующие изменения и дополнения необходимы как в отдельных вопросах теории трасологии, так и в экспертных методиках исследования практически всех трасологических объектов.

1. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / И.В. Кантор [и др.]. М., 2002.
2. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / А.Г. Сухарев [и др.]. Саратов, 2009.
3. Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза : курс лекций. М., 2015.
4. Соколова О.А. Об унификации методик экспертного исследования трасологических объектов // Актуальные вопросы судебных экспертиз : сб. ст. М., 2017.

5. Strengthening Forensic Science in the United States: A Path Forward / Committee on Identifying the Needs of the Forensic Sciences Community, National Research Council. 228091. August 2009.

6. Report to the President. Forensic Science in Criminal Courts: Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison Methods / Executive Office of the President President's Council of Advisors on Science and Technology. September 2016.

7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.

8. Курин Г.И. Фиксация и изъятие объемных следов обуви с помощью строительно-монтажных пен и герметиков : метод. пособие. Волгоград, 2013.

9. АРСЕНАЛ. Автоматизированная баллистическая система идентификации огнестрельного оружия по следам на стреляных пулях и гильзах [Электронный ресурс]. URL: http://www.papillon.ru/files/file/booklets/arsenal_rus_04_2015.pdf (дата обращения 01.11.2018).

10. Китаев Е.В., Голубчикова В.А. Особенности установления идентификационного периода признаков подошвы обуви // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : материалы II Международ. науч.-практ. конф. (Волгоград, 21–22 мая 2014 г.). Волгоград, 2014.

11. Китаев Е.В. Смольяков П.П., Харламова О.А. Установление идентификационного периода признаков подошв обуви, изготовленных из различных материалов // Библиотека криминалиста. 2016. № 6.

12. Китаев Е.В. Особенности установления идентификационного периода в динамических следах орудий взлома // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. Волгоград, 2013.

13. Forensic Podiatry: Principles and Methods / D.W. Vernon [eds.]. 2nd edition. CRC Press, 2017.

УДК 343.98 + 581.52

А.Н. Хох

МОЛЕКУЛЯРНАЯ СПЕКТРОСКОПИЯ В БЛИЖНЕЙ ИК-ОБЛАСТИ – ПЕРСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ МЕСТА ПРОИЗРАСТАНИЯ СРУБЛЕННОЙ ДРЕВЕСИНЫ

Сегодня расследование правонарушений, связанных с незаконными вырубками леса, имеет ряд препятствий. В первую очередь это обусловлено дефицитом научно обоснованных подходов к проведению экспертных исследований, необходимых как для проверки соответствия задекларированного участка заготовки, так и для точной идентификации незаконно полученных лесоматериалов.

В качестве перспективного направления для решения указанной проблемы можно рассматривать привлечение сведений о химическом составе древесины. Это обусловлено тем, что деревья способны регистрировать все изменения, происходящие в окружающей среде, вследствие чего многие их свойства напрямую связаны с частными особенностями и характеристиками места произрастания. Вместе с тем традиционные методы такие как, например, атомно-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой или хромато-масс-спектрометрия, используемые для химического анализа, довольно дороги и трудоемки. Альтернативой им может служить метод молекулярной спектроскопии в ближней инфракрасной области (NIRS), который позволяет определять многие химические компоненты с высокой степенью точности при очень низкой стоимости. Его основные преимущества заключаются в неразрушающем характере измерений, минимальной пробоподготовке образцов и высокой скорости анализа. Так, например, время получения одного спектра составляет всего 10–12 мс.

Отметим, что развитие данного направления активно поддерживается международными научными фондами и сообществами. Так, начиная с 2013 г. при поддержке межправительственной программы COST (Cooperation in Science and Technology), выполняется сетевой проект фундаментальных и прикладных исследований COST Action FP1303 «Performance of Biobased building materials», еще один проект такого рода запущен в начале 2017 г. – COST Action FP1407 «Understanding wood modification through an integrated scientific and environmental impact approach (ModWoodLife)». Оба проекта объединяет использование NIRS для всестороннего исследования древесных объектов и в том числе для решения экспертных задач.

Использование технологии NIRS для решения экспертных задач, связанных с идентификацией места произрастания срубленной древесины, основано на том факте, что большинство функциональных групп органических молекул древесины имеют свои характеристические колебания, для которых присущи полосы поглощения в определенных областях ИК-спектров. Все измерения рекомендуется проводить в режиме диффузного отражения, так как древесина представляет собой неоднородный материал с микротрещинами, полостями сосудов, различной кривизной годичных слоев и др.

Проведенные нами исследования с помощью портативного БИК-спектрометра MicroNIR OnSite компании «VIAVI» (США), позволили построить модель для идентификации образцов древесины (буровых

кernов) сосны обыкновенной (*Pinus silvestris* L.) с 6 временных пробных площадей (ВПП), заложенных в 2015–2016 гг. на территории Гродненской области в рамках выполнения задания 3.2.01 «Разработка новых подходов к исследованию объектов растительного происхождения при проведении судебно-экспертных исследований» по ГПНИ «Информатика, космос и безопасность».

Таксационные показатели древостоев на ВПП

№ ВПП	Лесхоз	Лесничество	Квартал	ТУМ	Состав древостоя	Возраст, лет	Класс бонитета	Полнота
1	Лидский опытный	Первомайское	37	A2	9С1Б	90	2	0,6
2	Лидский опытный	Первомайское	101	A2	10Сед.Б	80	3	0,6
3	Щучинский	Зачепичское	56	A2	10Сед.Е,Б	80	2	0,5
4	Щучинский	Мальковичское	3	A2	10С	80	1	0,7
5	Волковысский	Волковысское	193	A2	10С	100	2	0,4

Обобщенные стандартизированные древесно-кольцевые хронологии с данных ВПП образуют один дендрохронологически однородный регион. Древесина сосны была выбрана объектом исследования по той причине, что сосновые лесоматериалы являются наиболее частыми объектами противоправных действий в республике.

Предварительно с буровых kernов ножом пистолетным с выдвижным трапецевидным лезвием в поперечном направлении была срезана верхняя часть толщиной 1–1,5 мм до образования максимально ровной плоскости без царапин и других изъянов на поверхности образца. Затем для каждого образца проводилось 20 последовательных измерений, которые в дальнейшем усреднялись.

Классификационная модель, позволяющая выявить различия между образцами, строилась методом главных компонент в программном обеспечении The Unscrambler X компании CAMO. В результате на графике счетов полученной модели отчетливо видны три группы образцов (по количеству исследованных ВПП).

При этом образцы с ВПП № 3–5 расположились в левой части графика счетов, а образцы с ВПП № 1–2 оказались в правой части. Графическое изображение результатов представлено на рисунке.

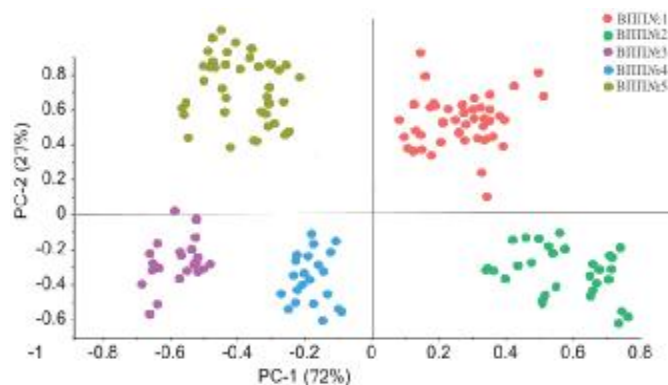

График счетов

Особо отметим, что образцы, полученные с ВПП № 1 и № 2, обладают максимальным количеством общих характеристик, в сравнении с остальными. Это может быть связано со схожим составом почвы на данных территориях. Многие авторы [1, с. 1; 2 с. 669; 3, с. 290] отмечают, что корреляция между содержанием подвижной формы химического элемента в почве и насыщенностью этим элементом растительной ткани обычно прямая и чаще всего значительная.

Проверку классификационной модели осуществляли с помощью метода кросс-валидации (cross-validation, CV) [4, с. 12]. Для этого из общего массива данных сначала изымали один образец, а затем перестраивали модель с учетом его изъятия. После этого образец снова вносился в модель (уже как контрольный) и вычислялась разница между его первоначальным положением в модели и положением после изъятия. Экспериментальные работы показали, что происхождение всех исследованных образцов древесины *Pinus silvestris* L. в ходе проверки было идентифицировано правильно.

Основными показателями качества построенной модели являлись: отсутствие грубых промахов (статистика Хоттеллинга, Hotelling's t -squared statistic (t^2)); использование 100 % полезной информации.

Все проведенные диагностические тесты были пройдены успешно, на основании чего модель можно считать адекватной. В дальнейшем ее классификационные характеристики могут быть улучшены путем добавления большего числа образцов, а также использования дополнительных способов коррекции рассеяния.

Таким образом, можно констатировать, что метод молекулярной спектроскопии в ближней ИК-области в сочетании со статистическими

методами анализа многофакторных зависимостей может эффективно использоваться для решения диагностических экспертных задач, связанных с установлением места произрастания древесины сосны различного географического происхождения.

В ряде случаев с помощью NIRS возможно получить уникальную информацию, которую с помощью других методов получить не представляется возможным. Однако необходимо помнить, что важным условием для правильной интерпретации полученных результатов является корректная предварительная обработка спектрометрических данных в сочетании со статистическими методами многофакторного анализа (факторный и кластерный анализ, проверка идентичности и др.).

1. Ibach R.E., Clemons C.M., Chen G.C. The use of new, aqueous chemical wood modifications to improve the durability of wood-plastic composites // Forty-eighth Annual Meeting of the International Research Group on Wood Protection, 2017 June 4–8. Ghent, 2017.

2. Physical, chemical and mechanical properties of *Pinus sylvestris* wood at five sites in Portugal / C. Fernandes [et al.] // *iForest-Biogeosciences and Forestry*. 2017. Vol. 10, № 4. – P. 669.

3. Chemical characterization of wood and extractives of fast-growing *Schizobolium parahyba* and *Pinus taeda* / B.D. Mattos [et al.] // *Wood Material Science & Engineering*. 2016. Vol. 11, № 4.

4. Cross R. *Principal Component Analysis Handbook*. NJ, 2015.

УДК 343.98

В.Н. Чаплыгина

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

В последнее время наблюдается отсутствие каких-то явных границ и пределов ятрогенных преступлений, которые остаются малоизученными в условиях современного этапа развития отечественного законодательства. В большинстве исследований основное внимание уделяется освещению отдельных вопросов, тогда как соответствующие общие положения являются недостаточно проработанными.

В настоящее время назревает тенденция к расширенному пониманию ятрогенных патологий и природы их возникновения, которые превратились в серьезную как медицинскую, так и социальную проблему.

В правовом аспекте преступления, совершенные медицинскими работниками, определяются как нарушение системы «врач – пациент» через несоблюдение медицинских стандартов оказания медицинской помощи.

Развитие медицины на современном этапе предполагает значительное увеличение патологии лечения и диагностики. Научные исследования, посвященные качеству оказания медицинской помощи в России, свидетельствуют о значительном увеличении заболеваний, развитие которых обусловлено последствиями оказания неквалифицированной медицинской помощи. В I полугодии 2018 г. в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации поступило 2 516 сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, по результатам рассмотрения которых было возбуждено 419 уголовных дел [1].

Анализ действующего законодательства, следственной и экспертной практики позволяет констатировать отсутствие в российской науке четкой методики расследования ятрогений, что обуславливает наличие проблемы в назначении и производстве судебных экспертиз по делам данной категории. На наш взгляд, именно эта сложившаяся ситуация вынуждает следователя перекладывать ряд своих функций на различные учреждения здравоохранения.

Бесспорно, доказать факт врачебной ошибки сложно, и трудно согласиться с тем, что сегодня именно результаты судебно-медицинской экспертизы являются основным доказательством вины или невиновности медицинского работника. Ведь с точки зрения данной позиции без тщательного рассмотрения остается вопрос наличия прямой причинно-следственной связи между деянием субъекта и причиненными последствиями [2, с. 56]. Проведенное нами исследование показало, что средний показатель установления прямой причинно-следственной связи по России составил 39,9 %, при этом основными предпосылками, способствовавшими длительному расстройству здоровья и наступлению смерти, являются: неадекватная терапия, поздняя госпитализация, недостаточный контроль и наблюдение за больными [3, с. 23–24]. Особо нашего внимания заслуживает тот факт, что в большинстве случаев медицинская помощь оказывается консилиумом специалистов, что влечет за собой назначение следователем комиссионной или комплексной экспертизы в целях объективной оценки деятельности специалистов и выяснения роли каждого в содеянном.

Проанализировав ст. 2 и 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», мы пришли к выводу, что Государственные бюджетные учреждения здравоохранения «Бюро судебно-медицинской экспертизы» (далее – бюро СМЭ) созданы для оказания помощи в

установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в соответствующей области науки. Сказанное позволяет выделить ряд проблем, возникающих при назначении и проведении судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений:

наличие врачебной корпоративной этики, способствующей сокрытию неправомерных деяний одних врачей другими. Кроме того, с целью противодействия данному явлению был выявлен факт поручения проведения экспертизы не местным бюро СМЭ, а экспертным учреждениям федерального подчинения. Как следствие, становится очевидным, что руководству бюро СМЭ конкретного субъекта элементарно невыгодно безвозмездно проводить исследования по постановлениям следователей из других регионов, так как в их бюджете отсутствует данная статья расхода [4, с. 360]. Полагаем, что частичным решением данной коллизии будет привлечение специалистов, правомочных давать заключения для установления фактических обстоятельств по уголовным делам данной категории. В то же время мы осознаем, что встречную сложность вызывает безвозмездное проведение комиссионной СМЭ с привлечением не состоящих в штате экспертных учреждений высококвалифицированных специалистов (ученых вузов, опытных врачей узкой специальности и т. д.);

отсутствие объективности в проведении экспертизы. Так как бюро СМЭ подчинены Департаменту здравоохранения и социального развития, вновь встает вопрос о присутствии солидарности врачей. Решение этой проблемы видится в создании федеральной экспертной службы, которая функционировала бы под руководством Министерства юстиции РФ;

отсутствие четкого перечня материалов, которые следователь должен предоставить в экспертное учреждение наряду с постановлением о производстве экспертизы. Дополнительным аспектом в данном явлении выступает критерий формулировки вопросов, который в современной ситуации характеризуется наличием шаблонности и отсутствием творческого подхода, вытекающим из уникальности уголовного дела [5, с. 37]. Считаем, что для решения данной проблемы необходимо оперативное изъятие всего медицинского материала, находящегося в распоряжении учреждения, что позволит в дальнейшем высказаться о наличии признаков преступления. Развивая данное положение, полагаем целесообразным разработать нормативный акт, в котором будут сформулированы обязательные для постановки вопросы при назначении экспертизы по ятрогенным преступлениям;

нарушение стабильности расследования вследствие неадекватного соотношения сроков производства экспертиз и сроков предварительного расследования. Важное значение приобретает вопрос законодательной

регламентации упорядочения сроков производства экспертиз путем внесения изменений в Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ;

отсутствие единого перечня правил оказания медицинской помощи по конкретным заболеваниям, обязательных для исполнения медицинскими работниками. В связи с этим необходима разработка методики расследования ятрогений, потому как грамотно и системно разработанные стандарты оказания помощи служат критериями экспертной оценки;

несформированность единого понятийного аппарата, используемого экспертами в заключениях, и как следствие – превышение пределов компетенции экспертов, подписавших заключение. Конкретизация и однозначность толкования терминов и понятий в выводах комиссионной экспертизы дает возможность органам следствия и суда объективно оценить существо неправомерных действий.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что устранение обозначенных нами проблем позволит разработать единую методику противодействия ятрогенным преступлениям, а также выработать действенный механизм защиты прав и интересов медицинских работников от необоснованного обвинения в совершении профессионального правонарушения.

1. URL: <http://www.interfax.ru/russia/530428>.
2. Сучков А.В. Проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в государстве и праве России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 29 апр. 2008. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского.
3. Томилин В.В., Соседко Ю.М. Медико-правовые проблемные вопросы в судебно-медицинской практике // Проблемы экспертизы в медицине. 2013. № 56.
4. Чаплыгина В.Н. Некоторые особенности назначения судебно-медицинских экспертиз по признакам ятрогенных преступлений // Вопр. эксперт. практики. 2017. № 1.
5. Чаплыгина В.Н. Базовые проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Юристь-правоведь. 2017. № 3.

УДК 343.982.3

В.А. Чванкин

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ СЛЕДОВ БОСЫХ НОГ ЧЕЛОВЕКА

В последние годы перед правоохранительными органами встает вопрос о необходимости расширения и совершенствования криминалистического исследования различных видов следов, в том числе и следов

босых ног человека. Это обусловлено необходимостью судебной практики, недостаточной разработанностью теоретических и методических положений и отсутствием должных практических рекомендаций по проведению криминалистических исследований таких следов.

Данная экспертиза выполняется на основе общих рекомендаций судебной дактилоскопической экспертизы. Вместе с тем она имеет и некоторые особенности. Одним из важных моментов является установление слеодообразующего участка подошвы и механизма отображения идентификационных признаков. Поэтому в постановлении о назначении экспертизы нужно указывать, где именно были оставлены следы и как они располагались на объекте.

Объектами такой экспертизы могут выступать: следы босых ног на различных объектах; копировальные материалы (липкие ленты, дактилоскопические пленки) со следами босых ног; слепки, полученные с объемных следов босых ног; сравнительные образцы и др.

На разрешение эксперту ставятся обычно следующие вопросы:

Имеются ли на предметах, изъятых (указывается, где были изъяты предметы), следы босых ног, пригодны ли они для идентификации?

Каким участком подошвенной поверхности стопы, какой ноги образованы следы?

Образованы ли они участками подошвенной поверхности стопы проверяемых лиц?

Образованы ли следы босых ног, изъятые с нескольких мест происшествий, одним и тем же лицом?

Отобразились ли в следах признаки, позволяющие установить пол и возраст человека?

Последовательность действий эксперта.

Предварительное исследование. На стадии предварительного исследования следов босых ног человека задачи, решаемые экспертом, сходны с задачами любой судебной экспертизы. Осуществляют следующее: ознакомление с поступившими на исследование материалами; изучение целостности упаковки объектов; установление соответствия представленных объектов перечню (описанию), приведенному в постановлении (определении) о назначении экспертизы, осмотр предметов исследования; визуальное исследование предметов с целью обнаружения видимых и слабовидимых следов ног; обработка предметов с целью выявления невидимых следов босых ног. В случае отсутствия следов босых ног на предмете, исследование на данном этапе завершается; фотографирование упаковки и представленных объектов.

Основная цель детального исследования состоит в установлении в следах и отгисках босых ног индивидуализирующих совокупностей признаков и сравнении их между собой.

Задачами стадии детального исследования являются: выявление идентификационных признаков в следах и сравнительных образцах, установление совпадений или различий между ними, синтез полученных результатов.

В дактилоскопической экспертизе детальное исследование складывается из двух этапов: раздельного и сравнительного исследования.

На этапе раздельного исследования необходимо:

провести изучение папиллярного узора в следе: выявить общие и частные признаки, установить механизм образования (при постановке соответствующего вопроса экспертизы);

оценить выявленные признаки и сформулировать вывод о пригодности (непригодности) следа для идентификации личности;

изучить образцы для сравнительного исследования, при этом необходимо оценить полноту и четкость отображения папиллярных узоров и сформулировать вывод о пригодности (непригодности) оттисков босых ног для сравнительного исследования.

В процессе изучения следа босой ноги наибольшую трудность вызывает установление механизма образования следа и какой ногой, каким участком подошвенной части ступни мог быть оставлен данный след. В частности, по форме следов пальцев ног эксперт может определить, оставлены ли данные следы при ходьбе (вид вытянутых овалов) или при стоянии (вид кругов).

Для определения, какой ногой и каким участком подошвенной части ступни мог быть оставлен след босой ноги, анализируются отобразившиеся в следе общие и частные признаки: размер и форма следа, направление и крутизна потоков папиллярных линий; строение папиллярных узоров и т. д.

Установление участка подошвы ступни ноги выполняют по особенностям строения каждой из основных зон подошвы. Локализация особенно важна в случае отображения небольшого по размеру участка папиллярных линий, когда высока вероятность ошибочного вывода. Для этого необходимо вначале установить наличие обязательных элементов узоров для различных участков подошвенной поверхности (так, обязательными элементами папиллярного узора плюсны являются трехлучевые образования под большим пальцем, мизинцем и в центре плюсны; папиллярные узоры, отображающиеся в следах пальцев ног, имеют, как правило, дугообразную форму; в следах больших пальцев ступней ног наблюдаются как петлевые, так завитковые узоры), а затем приступить к выявлению иных общих и частных признаков в следах.

Пригодность следа для идентификации устанавливают исходя из наличия (отсутствия) индивидуального комплекса общих и частных

признаков с учетом их количественных и качественных характеристик, а также их идентификационной значимости. Чем реже встречается признак, тем его идентификационная значимость выше. В качестве самостоятельной группы идентификационных признаков могут быть использованы как анатомические, так и иные особенности строения стопы.

Вывод о пригодности следа для идентификации формируется на основе количественной выраженности совокупности общих и частных признаков, в сочетании с их качественной характеристикой.

На основе оценки выявленных общих и частных признаков (количественного выражения в сочетании с качественной характеристикой), эксперт формулирует один из следующих выводов: след для идентификации личности пригоден; след для идентификации личности непригоден.

В случае если след (следы) непригоден (ны) для идентификации личности, исследование на данном этапе завершается.

Сравнительное исследование. Проводится методом сопоставления ранее установленных общих и частных признаков в следе босой ноги и в сравнительном образце (отпечатке босой ноги). Сравнение ведется от общих признаков к частным. При сравнении частных признаков подлежат сравнению не только они сами, но и их расположение и взаиморасположение. При проведении сравнительного исследования требуется соблюдать три условия: сравнение должно быть полным, совпадение должно быть реальным, а не мнимым, сравнительное исследование должно быть двусторонним. При сравнении и анализе признаков эксперт должен использовать данные об анатомическом строении ступней ног и их влиянии на отображение тех или иных признаков, например, в течение дня происходит некоторое изменение свода стопы, что приводит к уплощению и расширению ее подошвы на 3–5 мм; во время отдыха (ночной сон) обычная высота свода восстанавливается.

В результате сравнительного исследования эксперт устанавливает совпадения или различия по совокупности общих и частных признаков, на основе чего решается вопрос о тождестве или его отсутствии.

Следующая стадия экспертизы – оценка результатов исследования и формулирование выводов.

На данной стадии экспертом по результатам сравнительного исследования дается качественно-количественная оценка совпадающих общих и частных признаков, отобразившихся в следах и оттисках ног; определяется их достаточность; формулируется вывод об их индивидуальной совокупности.

При оценке различающихся признаков определяется их существенность и степень влияния на вывод об отсутствии тождества, определяется природа различающихся признаков.

Вывод о наличии тождества формулируется при установлении устойчивой и индивидуальной совокупности общих и частных признаков папиллярного узора, отобразившегося в следе ноги и соответствующем ему оттиске ноги. Такой вывод допустим при условии, что отсутствуют необъяснимые различия. Например, «след (указать зону ступни (ноги)) оставлен Ивановым И.И.».

Вывод об отсутствии тождества формулируется экспертом на основе установления существенной совокупности различающихся признаков в сравниваемых следе и оттиске в следующих случаях: при установлении различий совокупности общих признаков; при установлении совпадения общих и различия частных признаков. Например, «след ноги, (указывается размер), выявленный на поверхности (указывается конкретная поверхность), оставлены не Ивановым И.И., не Петровым П.П., а другим(ими) лицом(ами)».

Вероятный вывод формулируется при решении вопроса по установлению половозрастных характеристик и роста лица, оставившего следы, а так же невозможности решить в категорической форме вопрос, какими пальцами (участками) подошвенной поверхности стопы, какой ноги образованы следы.

Решить вопрос не представляется возможным. Такой вывод формулируется экспертом с обязательным объяснением причин, не позволяющих ответить на вопрос, поставленный на разрешение экспертизы:

несопоставимость зон папиллярных узоров либо их участков в сравниваемых следах (оттисках), в случае решения вопроса: «одним или разными зонами (участками) оставлены следы»;

невозможность проведения сравнительного исследования из-за низкого качества (непригодности) образцов для сравнительного исследования, а также из-за несопоставимости зон папиллярных узоров либо их участков в сравниваемом следе и оттиске ноги (в случае неудовлетворения ходатайства о предоставлении качественных образцов для сравнительного исследования);

непригодность следов ног для идентификации личности, если перед экспертом сформулированы следующие вопросы: «Пригодны ли для идентификации личности следы ног, представленные на исследование? Не оставлены ли они Петровым П.П.?».

Оформление материалов экспертизы включает два этапа:

составление текста заключения эксперта, сообщения о невозможности дачи заключения;

изготовление иллюстративного материала.

Результаты экспертизы оформляются в соответствии с УПК Республики Беларусь и нормативными правовыми актами экспертных учреждений.

Материалы экспертного исследования иллюстрируются в таблице фотографий, либо по тексту заключения эксперта в исследовательской части.

Каждая страница заключения эксперта (и таблицы фотографий) подписывается экспертом, заверяется печатью.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что учет вышеперечисленных особенностей и последовательности проведения позволит оптимизировать процесс исследования следов ног и сократить количество ошибок, которые возникают при проведении данных исследований.

УДК 343.9

Н.В. Шапель

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Рассмотрение структуры правовых актов, принимаемых различными органами в разных государствах, демонстрирует, что достаточно часто в них включаются положения, касающиеся принципов, базовых для соответствующей сферы. При этом привлекает внимание различная степень детализации, раскрытия сущности таких принципов, анализ которых позволяет оценить, что является значимым для законодателя на том или ином этапе развития общества, а также некоторым образом определить, на каких моментах сделан акцент. В этой связи предметом нашего рассмотрения стали правовые акты различных государств, посвященные вопросам судебно-экспертной деятельности, в которых определены тем или иным образом принципы, на которых должна основываться судебно-экспертная деятельность. При анализе данных актов нами обращено внимание на тот факт, что практически во всех актах принцип законности стоит на первом месте. Однако раскрытию его сущности и содержания законодателями уделяется различное внимание.

На постсоветском пространстве один из наиболее ранних актов по вопросам судебно-экспертной деятельности – Закон Украины «Про судебную экспертизу» 1994 г. Несмотря на то что в данный закон неоднократно вносились изменения и дополнения, его ст. 3 осталась неизменной и сегодня. Она закрепляет, что «судебно-экспертная деятельность осуществляется на принципах законности, независимости, объективности и полноты исследования». Однако каких-либо разъяснений, уточнений и иных положений, посвященных раскрытию сущности данного

принципа, в рассматриваемом законе не приводится. Данный подход следует признать наименее оптимальным, так как он дает достаточно мало для понимания того, на каких базовых предпосылках должна реализовываться законность в судебно-экспертной деятельности.

Если говорить о Российской Федерации, то в 2001 г. был принят Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Его особенность заключается в том, что он регламентирует деятельность только государственных судебно-экспертных учреждений и государственных судебных экспертов и только в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Деятельность частных экспертов находится вне сферы действия данного закона. Неоднократные попытки принять Федеральный закон о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в целом до настоящего времени не увенчались успехом.

Говоря о принципах государственной судебно-экспертной деятельности, Федеральный закон 2001 г. также поставил принцип законности на первое место (ст. 4). В ст. 5 законодателем дан ориентир относительно того, как следует понимать данный принцип: принцип законности означает, что государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Конституции Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

В принятом в 2010 г. Законе Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» в ст. 5 также первым принципом осуществления судебно-экспертной деятельности был указан принцип законности. В ст. 6 он раскрывался следующим образом: «судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Конституции Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности». При этом о возможной ответственности за нарушение данного принципа не упоминается.

Вопрос включения в правовые акты при раскрытии принципа законности такого аспекта, как ответственность за его нарушение, стал актуальным после принятия в 2013 г. Типового проекта законодательного акта «О судебно-экспертной деятельности» (утвержден постановлением Межпарламентской ассамблеи Евразийского Экономического Сообщества, 11 апреля 2013 г., № 15-6). Как и в ранее приведенных нами примерах, принцип законности в этом акте стоит на первом месте при перечислении принципов, на которых основывается судебно-экспертная

деятельность. Далее в ст. 7 данное положение раскрывается следующим образом: судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Модельного закона о судебно-экспертной деятельности страны, Конституции страны, законодательства о судебно-экспертной деятельности страны, Процессуальных кодексов, законодательства о здравоохранении, других законов, а также нормативных правовых актов органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы; нарушение законодательства при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой установленную законом ответственность.

Возвращаясь к регулированию соответствующих вопросов в Республике Казахстан, отметим, что Кодекс этики судебного эксперта, утвержденный Приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 27 марта 2017 г. № 304, при перечислении этических принципов деятельности эксперта (гл. 2) не содержит упоминания о принципе законности. Судебный эксперт при выполнении своих должностных обязанностей должен соблюдать следующие принципы: независимость; честность и объективность; порядочность; профессиональная компетентность; безупречное поведение; лояльность (не может быть вовлечен в ненадлежащую деятельность, которая способна дискредитировать его самого или учреждение, вызвать конфликт интересов, нанести прямой или косвенный ущерб деятельности органа судебной экспертизы); конфиденциальность информации. Необходимость же обеспечивать законность при осуществлении служебных обязанностей включена в число обязанностей судебного эксперта (гл. 3) наряду с обязанностями по соблюдению трудовой дисциплины, повышению профессионального уровня и квалификации и т. п.

Если говорить о Республике Беларусь, то в нашем государстве в настоящее время отсутствует комплексный нормативный правовой акт, посвященный судебно-экспертной деятельности в целом. Вместе с тем о необходимости обеспечения законности говорится в ряде правовых актов.

Так, в ст. 3 Закона «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» принцип законности указан первым в числе принципов, на которых основывается деятельность Государственного комитета судебных экспертиз.

Постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 17 апреля 2014 г. № 3 утверждены Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность. Перечень принципов, которыми должен руководствоваться эксперт в своей деятельности, закреплен в гл. 2 Правил. В их число входят принципы: независимости, объективности и беспристрастности; порядочности; профессиональной компетентности; безупречного пове-

дения; конфиденциальности. В отличие от казахстанского Кодекса этики, принцип законности в отечественном Кодексе прямо не прописан. Тем не менее в гл. 1 (общие положения) имеется упоминание о том, что судебный эксперт обязан руководствоваться Конституцией Республики Беларусь, иными актами законодательства, настоящими Правилами, а также общепринятыми нормами этики и морали.

При этом очевидно, что деятельность судебного эксперта и судебно-экспертная деятельность имеют различное содержание. Так, в ст. 2 представленного на общественное обсуждение (август 2018 г.) проекта разрабатываемого в настоящее время Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» указывается, что «Судебно-экспертной деятельностью является деятельность по организации проведения (контролю за проведением) и проведению судебных экспертиз, а также ведению криминалистических учетов и коллекций в соответствии с требованиями настоящего Закона и иных актов законодательства, которая осуществляется судебно-экспертными организациями и судебными экспертами».

В ст. 5 проекта Закона предложено закрепить принципы судебно-экспертной деятельности, среди которых первым назван принцип законности. Его содержание раскрывается в ст. 6: «судебно-экспертная деятельность осуществляется на основе Конституции Республики Беларусь, настоящего Закона и иных актов законодательства, а также международных договоров Республики Беларусь».

Таким образом, под реализацией принципа законности понимается в основном соблюдение норм права, зафиксированных в тех или иных актах законодательства. Такое понимание законности судебно-экспертной деятельности чрезмерно сужает понимание принципа законности и сводит его лишь к исполнению нормативных правовых актов. Принцип законности, по нашему мнению, должен иметь более широкое наполнение.

Как отмечает О.Ф. Скакун, законность является комплексным понятием и характеризуется единством двух признаков:

внешнего (формального) – обязанностью исполнять предписания законов и подзаконных правовых актов государственными органами, должностными лицами, гражданами и различными объединениями;

внутреннего (сущностного) – наличием научно обоснованных и соответствующих праву законов; качеством законов [1].

Он далее указывает, что понимание законности как требования соблюдения норм права всеми субъектами является однобоким, что в результате приводит к отождествлению права и закона, когда «любой нормативный акт, исходящий от государства (даже антигуманный, реакционный), является «правом» и соответственно требует неукоснительной реализации» [2].

Само по себе неукоснительное исполнение законов не означает наличие ситуации полного обеспечения законности. В этой связи принцип законности не может быть сведен лишь к исполнению нормативных правовых актов, а требует более широкого контекста, который может быть дан через рассмотрение концепции верховенства права.

К слову, ст. 7 Конституции Республики Беларусь начинается с указания на то, что в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права. Далее в этой же статье говорится о том, что государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства.

Как справедливо отмечает В. Подгруша, когда мы говорим о верховенстве права, то важно иметь в виду, что речь идет не о любых правилах, установленных властью; поскольку закон, декрет, указ, постановление – это лишь формы проявления права, то власть не может возводить в закон какой-либо свой произвол; верховенство права определяет баланс свободы, власти, закона [3]. То есть, верховенство права, в отличие от верховенства закона, предполагает не просто соблюдение норм независимо от их наполнения, но и обеспечение того, чтобы все правовые акты, независимо от их уровня, вся деятельность властных органов была подчинена защите достоинства, свободы и прав человека, что и позволяет говорить о наличии правового государства.

В этой связи представляется, что содержание принципа законности как одного из основополагающих принципов судебно-экспертной деятельности в законах о судебно-экспертной деятельности должно быть расширено и дополнено, ориентируя субъектов соответствующей деятельности и на безусловное исполнение предписания законов и подзаконных правовых актов, и на одновременное принятие необходимых действенных и требуемых мер, нацеленных на обеспечение должного уровня таких законов. Тем более, что судебно-экспертная деятельность не ограничивается только проведением экспертиз, но и охватывает весь комплекс действий по организации проведения судебных экспертиз.

1. Скакун О.Ф. Теория государства и права. URL: <https://lawbook.online/page/pvv/ist/ist-16--idz-ax308--nf-162.html> (дата обращения: 15.09.2018).

2. Скакун О.Ф. Теория государства и права. URL: <https://lawbook.online/page/tgpn/ist/ist-16--idz-ax310--nf-143.html> (дата обращения: 15.09.2018).

3. Подгруша В. Не исключают введение конституционной жалобы. URL: <https://www.sb.by/articles/verkhovenstvo-prava.html> (дата обращения: 15.09.2018).

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

С.И. Бординович, Д.В. Ковалевич

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) одной из задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) является обеспечение безопасности граждан, оказывающих или оказавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, их близких, а также сохранности их имущества от преступных посягательств, обеспечение безопасности иных граждан в соответствии с законодательными актами.

В настоящее время законодательство Республики Беларусь определяет несколько категорий граждан, подлежащих защите с применением ОРД.

В частности, гражданам, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, гарантируются правовая и социальная защита, обеспечение безопасности, в том числе применение мер по обеспечению безопасности, в соответствии с Законом об ОРД.

Согласно ст. 65 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества.

Закон Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 340-З «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных

и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» (далее – Закон о госзащите) устанавливает систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны, осуществляющих служебную деятельность, выполнение которой может быть сопряжено с посягательством на безопасность указанных лиц, их близких.

С целью обеспечения защиты каждой из вышеперечисленных категорий граждан соответствующими нормативными правовыми актами определены меры безопасности, а также органы, уполномоченные на их применение.

Так, в соответствии со ст. 6 Закона о госзащите для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и их близких, сохранности их имущества органами, обеспечивающими безопасность, с учетом конкретных обстоятельств могут применяться следующие меры безопасности:

- личная охрана, охрана жилища и имущества;
- выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- обеспечение конфиденциальности сведений;
- временное помещение в безопасное место;
- перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;
- переселение на другое место жительства;
- изменение данных документа, удостоверяющего личность, и замена документов;
- изменение внешности.

Применение и осуществление вышеуказанных мер безопасности Законом о госзащите возлагаются:

в отношении должностных лиц оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных в соответствии с законодательством Республики Беларусь осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и их близких (за исключением должностных лиц органов внутренних дел и их близких) – на соответствующие органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность;

в отношении сотрудников органа государственной охраны и их близких – на орган государственной охраны;

в отношении иных защищаемых лиц и их близких – на органы внутренних дел.

Статья 66 УПК Республики Беларусь содержит перечень процессуальных и иных мер безопасности, применяемых в отношении участни-

ков уголовного процесса, их близких родственников и членов их семей либо иных лиц, которых они обоснованно считают близкими, а также в отношении их имущества.

Процессуальные меры безопасности (неразглашение сведений о личности; освобождение от явки в судебное заседание; закрытое судебное заседание) принимает и самостоятельно обеспечивает орган, ведущий уголовный процесс. Применение иных мер безопасности (использование технических средств контроля; прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров; личная охрана, охрана жилища и имущества; изменение паспортных данных и замена документов; запрет на выдачу сведений) на основании мотивированного постановления (определения) органа, ведущего уголовный процесс, обеспечивается органом внутренних дел или органом государственной безопасности по месту жительства, работы или учебы защищаемого лица.

Для обеспечения защиты жизни, здоровья и сохранности имущества граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, и их близких Законом об ОРД предусмотрены следующие меры по обеспечению безопасности:

- обеспечение конфиденциальности сведений;
- личная охрана, охрана жилища и имущества;
- выдача специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- временное помещение в безопасное место;
- перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;
- переселение на другое место жительства;
- изменение данных документа, удостоверяющего личность, замена документов;
- перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

При наличии установленных в ст. 56 Закона об ОРД повода и основания для применения мер по обеспечению безопасности должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, выносит мотивированное постановление о применении мер по обеспечению безопасности, которое незамедлительно направляется для исполнения в территориальный орган внутренних дел или орган государственной безопасности (ОГБ) по месту жительства, работы (службы) или учебы гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осу-

ществляющему ОРД, и его близких, в отношении которых применяются меры по обеспечению безопасности.

Несмотря на некоторое различие в перечне и (или) наименовании закрепленных законодательными актами мер, а также уполномоченных на их реализацию государственных органов, в Республике Беларусь установлен единый порядок применения мер безопасности и мер по обеспечению безопасности в отношении всех вышеперечисленных категорий защищаемых лиц, который закреплен в соответствующем Положении, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2016 г. № 44. Вместе с тем реализация норм действующего законодательства по обеспечению безопасности одной из категорий защищаемых лиц вызывает определенные проблемные вопросы.

В частности, согласно норме Закона об ОРД из восьми государственных органов Республики Беларусь, наделенных правом осуществления ОРД и принятия решения о применении мер по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, только двум – территориальному органу внутренних дел и ОГБ предоставлены полномочия непосредственного применения этих мер.

На наш взгляд, подобный подход не в полной мере соответствует содержанию принципа конспирации, закрепленному в ст. 8 Закона об ОРД и предписывающему осуществление ОРД с сохранением в тайне сведений об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим ОРД, и непосредственно о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД.

Так, согласно п. 19 Положения о порядке применения мер по обеспечению безопасности в отношении защищаемых лиц, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2016 г. № 44, одновременно с постановлением о применении мер безопасности орган, осуществляющий ОРД, направляет в орган, обеспечивающий безопасность (территориальный орган внутренних дел или ОГБ) материалы, содержащие сведения о подлинных персональных данных защищаемого лица, его родственников и иных связях, а также об угрозах и характере существующей угрозы защищаемому лицу.

В ч. 2 ст. 55 Закона об ОРД особо оговаривается, что меры по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и их близких применяются с их согласия в письменной форме, что в целом соответствует установленным законодательно требованиям по защите сведений об ОРД.

Следует учитывать, что направляемые в орган, обеспечивающий безопасность, материалы будут отражать не только персональные дан-

ные нуждающегося в применении мер безопасности гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. Для определения и применения мер безопасности органу, обеспечивающему безопасность, потребуется информация о характере, формах и результатах участия в ОРД защищаемого гражданина, которая, в свою очередь, неизбежно будет содержать сведения о применяемых методах, организации и тактике осуществления ОРД органом, принявшим решение о применении мер безопасности.

Таким образом, одним из условий применения мер по обеспечению безопасности в отношении граждан, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, является необходимость передачи органу, обеспечивающему безопасность, сведений, составляющих государственные секреты, что может быть реализовано соблюдением отдельных процедур, определенных в Законе Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах».

В ситуации, когда возникает необходимость применения мер по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органу, не имеющему полномочий на обеспечение безопасности, реализация соответствующих норм законодательства на практике крайне затруднительна, поэтому решение указанной проблемы требует глубокой проработки, в том числе корректировки действующего законодательства.

На наш взгляд, для обеспечения соблюдения принципа конспирации, а также выработки более действенного механизма применения мер безопасности в отношении граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, необходимо законодательно наделить полномочиями для исполнения мер по обеспечению безопасности все органы, осуществляющие ОРД.

УДК 343.985

С.И. Бординович, С.В. Король

МОТИВАЦИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

На современном этапе развития оперативно-розыскной деятельности (ОРД) мотивации сотрудников уделяется большое внимание. На сегодня выделяются как целые группы, так и отдельные мотивы сотрудников уголовного розыска.

Классификацию мотивов служебной деятельности оперативных сотрудников по результатам своих исследований предложили К.К. Горяинов, В.С. Овчинский и Г.К. Синилов, разделив их на следующие группы: познавательные; социальные; романтики (внешняя привлекательность ОРД); психофизического напряжения; профессионального престижа; деловой карьеры; самовыражения (стремление к проявлению своих лучших качеств в сложных, опасных ситуациях, к власти); материальной заинтересованности [1, с. 255–256].

Следует уделить внимание классификации мотивов согласно работам И.А. Васильева и М.Ш. Магомед-Эминова. Так, данные авторы выделяют:

обобщенные устойчивые мотивы, которые выражаются в индивидуально-личностных особенностях;

конкретные устойчивые мотивы, которым свойственна систематически воспроизводимая активность;

общие неустойчивые мотивы, у которых имеется обобщенное предметное содержание, без дифференциации и иерархизации;

конкретные неустойчивые мотивы, которым свойственна узкая временная перспектива при наличии конкретной цели [2, с. 94].

Следует отметить наличие различных точек зрения по данному поводу. Так, некоторые авторы полагают, что мотивы далеко не полностью осознаются человеком, другие считают, что люди не отдают себе полного отчета о природе личной мотивации, третьи же отмечают, что мотивы актуально не осознаются.

Однако следует учитывать, что деление на различные виды мотивов носит достаточно условный характер. Как правило, деятельность человека побуждается не единственным, а многими мотивами, находящимися в различных взаимосвязях.

Служба уголовного розыска 5 октября 2018 г. отметила свой 100-летний юбилей. За время функционирования данного подразделения одним из важнейших мотивов в деятельности его сотрудников является восстановление справедливости, т. е. когда лицо осознанно хочет бороться с преступностью законными методами, желает целесообразного наказания лицу, совершившему противоправное деяние, стремится оказать помощь людям, в ней нуждающимся. Данный мотив заключается не толь-

ко в желании привлечения к ответственности виновного лица, но и того, чтобы ни к одному невиновному лицу не была незаконно применена та или иная мера ответственности.

Сегодня в специальной литературе большое внимание уделяется такому мотиву сотрудников уголовного розыска, как склонность к риску, в котором часто нуждаются люди, склонные рисковать в обычной жизни. Однако если рассматривать их жизнь вне службы, то в ней такие риски чаще всего не реализованы по каким-либо причинам. Именно поэтому такие люди выбирают деятельность, в которой риски будут легальны, осознанны и законны.

Не менее актуальна точка зрения, в которой указывается, что для многих сотрудников важным является мотив саморазвития как профессиональных, так и личностных свойств индивида, который предполагает стремление к совершенствованию знаний, умений и навыков в ОРД, познание человеческих отношений, изучение сильных и слабых сторон человеческой психики и иное.

Оперативно-розыскная деятельность не обходится без мотива самовыражения, который заключается в проявлении наилучшим образом своих личных качеств, умений и навыков в сложных, опасных ситуациях.

В литературе известны и мотив стремления к успеху, и мотив избегания неудачи – неважно, в какой деятельности или ситуации, здесь и успех и неудача выступают как абстрактные цели, одна со знаком «плюс», другая со знаком «минус».

Все вышеуказанные мотивы сотрудников УР можно отнести к положительным, т. е. тем, которые не несут в себе плохого подтекста. Однако такие мотивы у сотрудников возникают далеко не всегда, и вместе с ними присутствуют негативные мотивы, к которым можно отнести:

стремление использовать свое служебное положение в личных целях; материальные и иные выгоды, которые могут быть получены в процессе использования связей, установленных в ходе ОРД.

Из вышеизложенного следует, что мотивы любых поступков, выступают как побуждения к активности ради удовлетворения актуальной потребности и разрешения проблемной ситуации, затрагивающей личностные ценности и интересы индивида, и сотрудники уголовного розыска не являются исключением.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М., 2006.

2. Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действием. М, 1991.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Одним из дискуссионных вопросов в теории и практической деятельности правоохранительных органов является вопрос об освобождении от уголовной ответственности в связи с добровольным заявлением о даче взятки.

Изучение юридической литературы свидетельствует о том, что среди ученых нет единства мнений о необходимости наличия в уголовном законе указанного основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество. Одни ученые считают совершенно недопустимым наличие такого основания, так как создаются предпосылки для абсолютной безнаказанности взятодателей и посредников во взяточничестве. Другие ученые считают такие утверждения неоправданными, поскольку установление рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество полностью соответствует международному праву, помогает изобличить и привлечь к уголовной ответственности наиболее опасных преступников – взяточполучателей [1, с. 257; 2, с. 122].

Как нам представляется, наличие таких противоположных мнений по обозначенной проблеме обусловлено различными подходами к установлению правовой природы и содержания добровольного заявления о содеянном как основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество. Так, в юридической литературе содержатся различные оценки правовой природы указанного основания освобождения от уголовной ответственности: оно рассматривается и как добровольный отказ от совершения преступления, и как деятельное раскаяние, и как специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Полагаем, что в примечаниях к ст. 431 и 432 УК Республики Беларусь речь идет не о добровольном отказе от совершения преступления и не о деятельном раскаянии, а о специальном основании освобождения от уголовной ответственности, о котором говорится в ч. 2 ст. 88 УК Республики Беларусь. В уголовно-правовой науке «специальными» принято считать те основания освобождения от уголовной ответственности, которые предусмотрены Особенной частью УК Республики Беларусь.

Исходя из буквального толкования примечаний к ст. 431 и 432 УК Республики Беларусь, рассматриваемое основание освобождения от уголовной ответственности применяется только в случаях, когда преступное деяние уже совершено. Критикуя подобный подход и не соглашаясь с ним, ряд ученых считают, что исследуемое основание освобождения от уголовной ответственности должно распространяться и на случаи заявления о содеянном до совершения преступных действий, до возбуждения уголовного дела.

В целом не отрицая необходимость распространения данного основания освобождения от уголовной ответственности и на случаи сообщения виновным о содеянном до совершения им преступных действий, следует отметить, что в большинстве случаев подобное предложение по своей сути будет не верным, противоречащим закону. Ведь закон (ст. 82 УК Республики Беларусь) говорит об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Из этого следует, что освобождать от уголовной ответственности можно тогда, когда имелось основание для привлечения к ней. Таковым основанием является совершение преступления. Если же добровольное сообщение будет иметь место до совершения каких-либо преступных действий лицом, например, до передачи им взятки должностному лицу, предлагавшему сделать это, то в данном случае его не следует освобождать от уголовной ответственности, так как нет основания для его привлечения. Именно поэтому, полагаем, в примечаниях к ст. 431 и 432 УК Республики Беларусь правильно говорится об освобождении от уголовной ответственности, если лицо после дачи взятки или совершения других преступных действий, составляющих взяточничество, добровольно заявит о содеянном.

Как нам представляется, заявление о содеянном является недостаточным для освобождения от уголовной ответственности и предполагает оказание содействия правоохранительным органам в раскрытии (выявлении) указанных преступлений. Хотя УК Республики Беларусь и не содержит в качестве основания освобождения от уголовной ответственности оказание содействия в раскрытии (выявлении) преступлений, данное основание вместе с добровольным заявлением о даче взятки является необходимостью.

Заявляя о содеянном, лицо автоматически заявляет не только о том, что оно передало предмет взятки должностному лицу, но и о совершении этим должностным лицом тяжкого преступления – получение взятки. Указанные факты дачи и получения взятки подлежат проверке в порядке ст. 173, 174 УПК Республики Беларусь. Вместе с тем в абсолютном большинстве случаев по результатам проверки иных доказательств, кроме заявления лица о даче взятки при проведении процессуальных действий, получить

не представляется возможным. Данное обстоятельство в свою очередь влечет принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела и даче правовой оценки действиям лица, добровольно заявившего о даче взятки с позиции ст. 400 УК Республики Беларусь за заведомо ложный донос.

Подобные случаи имеют негативный общественный резонанс и ведут к утрате доверия со стороны граждан к правоохранительным органам, снижают эффективность применения уголовного закона.

С целью устранения возникающих противоречий предлагается примечания к ст. 431 и 432 УК Республики Беларусь изложить в следующей редакции: «виновный в даче взятки, посредничестве во взяточничестве либо в соучастии в даче или получении взятки освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно заявил о содеянном и активно содействовал раскрытию и (или) пресечению этих деяний». Это в свою очередь благоприятно скажется на эффективности раскрытия фактов взяточничества и участия в этом процессе граждан.

Кроме этого, в большинстве случаев проведение процессуальных действий в порядке ст. 173, 174 УПК Республики Беларусь не будет способствовать получению доказательств совершенных дачи и получения взятки, а документирование противоправных деяний возможно только оперативным путем. Таким образом, лицо, добровольно заявившее о даче взятки, может активно способствовать раскрытию преступления путем оказания содействия органам, осуществляющим ОРД. В практической деятельности наиболее эффективная фиксация фактов взяточничества и задержание виновных лиц с поличным осуществляется посредством проведения оперативного эксперимента. При этом проведение проверки в соответствии со ст. 173, 174 УПК Республики Беларусь не препятствует одновременному проведению оперативного эксперимента. В данном случае решение о проведении оперативного эксперимента может быть принято при условии, что активное проведение процессуальных действий не будет способствовать получению доказательств совершенного преступления при наличии оснований, содержащихся в ст. 34 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

К этим основаниям относятся:

наличие заявления, сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном в отношении его или его близких менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении – при условии участия в оперативном эксперименте гражданина, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление;

наличие предварительно проверенных органом, осуществляющим ОРД, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного гражданином либо группой граждан тяжкого или особо тяжкого преступ-

ления – при условии, что не имеется достаточных сведений для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и выполнение задачи ОРД невозможно или затруднительно без проведения оперативного эксперимента.

При добровольном заявлении лица о даче взятки целью проведения оперативного эксперимента будут являться получение и фиксация доказательств ранее совершенного преступления. Создаваемая в ходе проведения такого оперативного эксперимента обстановка воспроизводит обстоятельства ранее совершенных преступлений (дача и получение взятки) и при этом вызывает желание у лица, принявшего взятку, совершить действия, которые подтвердят факт получения им взятки.

В качестве примера такого оперативного эксперимента, целью которого является документирование факта уже совершенного противоправного деяния (дача и получение взятки), является обстановка, при которой лицо, давшее взятку под контролем должностного лица органа, наделенного правом на осуществление ОРД, потребует возврата предмета взятки или хотя бы ее части вследствие некачественного решения вопроса должностным лицом, либо оговорит новые условия за уже переданную взятку.

Завершая рассмотрение обозначенной нами проблематики следует отметить, что уголовный закон может выступать достаточно эффективной мерой правового характера в противодействии преступлениям, в том числе и указанных нами. Высказанные собственные суждения и рекомендации, по нашему мнению, будут способствовать более оптимальному проведению оперативного эксперимента, что позволит избежать трудностей, возникающих при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности лица, добровольно заявившего о даче взятки.

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.

2. Чашин К.В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве. М., 2015.

УДК 343

А.Е. Вытоштов

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В научной литературе неоднократно рассматривался вопрос о разнице между следственной и оперативно-розыскной деятельностью. Существует проблема понимания такой категории, как орган дознания. Применительно к понятию органа дознания С.Б. Россинский справедливо

отмечает, что «...содержащаяся в п. 24 ч. 1 ст. 5 УПК РФ нормативная дефиниция сконструирована весьма поверхностно и вместо привнесения какой-либо ясности, наоборот, приводит к еще большему недопониманию читателем (в том числе правоприменителем) заложенного здесь смысла» [1, с. 100].

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся ОВД РФ и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные, в соответствии с Федеральным законом, полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Из этого следует, что при определенных обстоятельствах дознавателем может являться как оперуполномоченный сотрудник ОВД, так и иные сотрудники ОВД. По этому поводу С.Б. Россинский пишет: «...законодатель, предоставляя органам дознания право проведения следственных действий, очевидно, не предполагает участия в их производстве того или иного государственного органа в полном составе» [1, с. 101], т. е. дознавателем может быть непосредственно дознаватель как должностное лицо, проходящее службу в отделе дознания ОВД, либо оперуполномоченный данного ОВД, либо участковый этого же ОВД, что, по нашему мнению, не совсем верно, так как стирается граница между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью.

В этой связи обратим внимание на органы дознания по УПК Республики Беларусь. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь дается перечень государственных органов, имеющих право на осуществление дознания. Это МВД Республики Беларусь, специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью ОВД, территориальные органы внутренних дел, иные государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание. Как видно, в белорусском законодательстве более четко регламентирован список органов и лиц, осуществляющих дознание. Кроме того, п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК Республики Беларусь возлагает на органы дознания и должностных лиц в зависимости от характера преступления проведение необходимых ОРМ и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений. Данная правовая норма не в полной мере сочетается с ч. 2 ст. 39 УПК Республики Беларусь, в которой сказано, что «лицо, производящее дознание, вправе самостоятельно производить неотложные следственные и другие процессуальные действия, выносить процессу-

альные решения», т. е. в данном случае отсутствует «разрешение» на проведение ОРМ. В ч. 3 ст. 39 УПК Республики Беларусь говорится о том, что лицо, производящее дознание, вправе обратиться к начальнику органа дознания с мотивированным ходатайством о даче им поручения соответствующим работникам органа дознания о проведении ОРМ. Данное положение не совсем корреспондирует с ч. 2 указанной статьи. Кроме того, под соответствующими работниками органа дознания, которым начальник органа дознания дает поручения о проведении ОРМ, подразумевается подразделение, наделенное соответствующими полномочиями Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности».

В тексте УПК РФ функции органа дознания, на наш взгляд, смешиваются с полномочиями оперативных сотрудников, что приводит к уравниванию функций дознавателя и оперуполномоченного. Это недопустимо, поскольку дознаватель имеет возможность производить только следственные и другие процессуальные действия, а оперуполномоченный – осуществлять ОРМ. Такая несогласованность и «неопределенность законодателя в отношении правового статуса органа дознания, должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, отсутствие ясности в соотношении форм предварительного расследования порождают существенные трудности на практике» [1, с. 103].

По мнению Н.А. Аменицкой, под органом дознания «подразумевается соответствующий круг органов, которые обладают уголовно-процессуальной компетенцией на производство расследования в форме дознания, неотложных следственных действий, иных процессуальных полномочий. Вместе с тем несложно заметить, что включаемые в этот круг органов субъекты серьезно отличаются по роду своей деятельности – дознаватель, имеющий право проводить расследование, и должностное лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность» [2, с. 51].

Так, например, при проведении проверки сообщения о преступлении, в соответствии со ст. 144 УПК РФ, следователь может давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении ОРМ, но ч. 3 ст. 41 УПК РФ указывает на производство органом дознания только следственных и других процессуальных действий, т. е. ограничивает возможное использование непроцессуальных инструментов должностным лицом. В ч. 4 ст. 157 УПК РФ указано, что при производстве неотложных следственных действий орган дознания может осуществлять по уголовному делу следственные действия и ОРМ

по поручению следователя. Возникает вопрос: входит ли в юрисдикцию органа дознания осуществление ОРМ? Если исходить из диспозиции статей УПК РФ, ответ будет дуалистичен (и да и нет), но в данном случае необходимо исходить из понимания субъекта уголовного судопроизводства и вопрос поставить несколько иначе: может ли дознаватель осуществлять ОРМ? В данном случае ответ будет категоричным – нет, не может, поскольку это прямо предписывается ч. 3 ст. 41 УПК РФ.

В свою очередь, оперативный сотрудник ОВД при проведении ОРМ руководствуется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», что не может относить его к органам дознания, так как последние функционируют только в процессуальном поле действия УПК РФ. Е.Н. Арестова в своей работе справедливо отмечает, что «...представляется недопустимым смешение понятийных аппаратов различных отраслей права и соответствующих им наук. Понятие „орган дознания“ следует рассматривать исключительно как уголовно-процессуальный термин, это участник уголовного судопроизводства, осуществляющий именно процессуальную деятельность. Уголовно-процессуальная функция является для органа дознания не просто основной, она является единственной» [3, с. 7].

Следует отметить, что по уголовно-процессуальному законодательству РФ, в отличие от уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, проведение органом дознания ОРМ влечет за собой недопустимость использования в доказывании по уголовным делам полученных результатов оперативно-розыскной деятельности. Об этом конкретно говорят правовые нормы УПК РФ, такие как ч. 3 ст. 41, ст. 89 УПК РФ.

Подводя итог, следует сказать, что законодателю необходимо упорядочить понятие органа дознания и закрепить понимание конкретного должностного лица – дознавателя в многослойной системе ОВД, которому делегировано право производства следственных и процессуальных действий.

1. Россинский С.Б. Следственные действия. М., 2018.

2. Аменицкая Н.А. Органы дознания и оперативно-розыскная деятельность: исторический аспект и современное состояние проблемы // Рос. юстиция. 2013. № 7.

3. Арестова Е.Н. К вопросу о понятии органа дознания // Рос. следователь. 2009. № 3.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ВЫДАЧУ,
ПОДДЕЛКУ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЦЕПТОВ
НА ПРИОБРЕТЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Незаконная выдача, подделка и использование рецептов на приобретение наркотических средств или психотропных веществ характеризуются общественной опасностью, так как создают условия для вывода из легального оборота и поступления в нелегальный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Вопрос противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, выявления, раскрытия таких преступлений и привлечения виновных лиц к ответственности непосредственно связан с глубоким пониманием уголовно-правовой характеристики таких деяний, пределов наказуемости и правильной квалификации.

В настоящее время Уголовный кодекс Республики Беларусь не содержит специальные нормы, предусматривающие ответственность за указанные преступления. В то же время ст. 30 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 г., предусматривает, что государства-участники этой конвенции должны обеспечивать соблюдение требования о предъявлении медицинских рецептов для выдачи наркотических средств отдельным лицам. Аналогичная норма содержится в ст. 9 Конвенции о психотропных веществах 1971 г.

В зарубежных странах имеется опыт реализации охранительных мер, касающихся данных положений. Так, в Молдове установлена ответственность за назначение наркотических или психотропных препаратов без необходимости либо фальсификацию рецепта или другого документа, позволяющего получить наркотические и психотропные препараты или вещества (ст. 218 УК Республики Молдова). Те же деяния, но совершенные из корыстных побуждений либо в других личных интересах, криминализованы в Республике Армения и Украине (ст. 270 и ст. 319 УК соответственно). Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, рассматриваются в качестве преступлений в Кыргызстане (ст. 253 УК), Туркменистане

(ст. 300 УК), Российской Федерации (ст. 233 УК). Незаконные получение или выдача наркотиков по поддельным рецептам запрещены УК Франции (ст. 222-37).

В связи с тем, что незаконные выдача, подделка или использование рецептов на приобретение наркотических средств или психотропных веществ в качестве самостоятельных составов в нашей стране не криминализованы, на практике могут возникать отдельные сложности в процессе квалификации данных деяний. Такие преступления следует квалифицировать следующим образом.

1. Незаконная выдача рецептов квалифицируется, как правило, по ст. 427 УК Республики Беларусь «Служебный подлог».

Под незаконной выдачей рецептов понимается их выдача в нарушение установленного порядка, например, без соответствующих медицинских показаний, с нарушением установленных правил оформления, увеличенными дозировками либо по просьбе пациентов и (или) одного из их родственников, без осмотра пациента и установления диагноза.

Субъектами незаконной выдачи рецептов на наркотические средства или психотропные вещества могут быть лишь медицинские работники, занимающие в установленном законодательством порядке должность врача-специалиста в организации здравоохранения, иной организации, имеющей специальное разрешение на осуществление медицинской деятельности.

Служебный подлог квалифицируется по ст. 427 УК Республики Беларусь при отсутствии более тяжкого преступления против интересов службы. В связи с этим служебный подлог, повлекший причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан, либо государственным или общественным интересам, либо повлекший тяжкие последствия, квалифицируется соответственно по ч. 2 или 3 ст. 424 УК Республики Беларусь как злоупотребление властью или служебными полномочиями. Такими последствиями, в частности, может быть признано, на наш взгляд, наступление смерти лица в результате потребления наркотических средств.

Если же незаконная выдача рецепта или иного документа, дающего право на получение наркотических средств или психотропных веществ, произведена должностным лицом за вознаграждение, то имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 427 и ч. 2 ст. 430 УК Республики Беларусь.

В случаях, когда поддельный рецепт предоставляется лицу, которое посредством его использования намеревается совершить или совершает

приобретение наркотических средств или психотропных веществ, о чем было известно виновному, требуется квалификация по совокупности преступлений: по ст. 424 и по ч. 6 ст. 16 и соответствующей части ст. 328 УК Республики Беларусь (как пособничество данному преступлению).

В случаях, когда лицо, имеющее право выписать рецепт, сбывает его незаполненным (без каких-либо необходимых реквизитов), такие деяния должны быть квалифицированы по ст. 379 УК Республики Беларусь «Незаконное приобретение либо сбыт официальных документов».

Так, в феврале 2017 г. вступил в законную силу приговор суда Ленинского района г. Могилева в отношении 33-летнего врача-терапевта, который на протяжении 2014–2015 гг., используя свои служебные полномочия, систематически выписывал рецепты лекарственных средств, содержащие наркотические средства и психотропные вещества, на имя пожилых женщин, которые обслуживались у него в поликлинике, а после выдавал данные рецепты неустановленным лицам с целью приобретения ими наркотических средств, за что получал денежное вознаграждение. Врач был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 16, ч. 1 ст. 328, ч. 1 и 2 ст. 430, ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь, и приговорен к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества, а также лишением права занимать должности, связанные с выполнением юридически значимых действий и учетом, хранением и распоряжением материальными ценностями [1].

2. Подделка рецептов на получение наркотических средств или психотропных веществ по общему правилу квалифицируется по ст. 380 УК Республики Беларусь «Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков».

Объективная сторона подделки рецептов или иных документов может выражаться в нескольких формах: 1) в полном изготовлении поддельного рецепта, включая бланк и все записи; 2) во внесении заведомо ложных сведений в подлинный бланк рецепта; 3) во внесении виновным в подлинный рецепт изменений и дополнений (изменение срока действия документа, вида, объема наркотического средства или психотропного вещества, фамилии лица, которому выдан рецепт, подписи и т. п. недостоверных данных) путем исправлений, подчисток, вытравливания и других действий.

Подделка рецепта для осуществления своего действительного права (например, в случае утраты, утери, порчи подлинного рецепта) также образуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 380 УК Республики Беларусь. При наличии условий, указанных в

ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь, содеянное может быть признано малозначительным деянием.

Получение лицом по поддельному рецепту наркотических средств или психотропных веществ подлежит дополнительной квалификации как незаконное приобретение таких средств или веществ по ст. 328 УК Республики Беларусь, если они приобретались по их стоимости. Если же лицо, подделавшее рецепт или иные документы, получило по ним наркотическое средство или психотропное вещество бесплатно или с частичной оплатой, то имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 380 и 327 УК Республики Беларусь.

В тех случаях, когда подделке предшествует похищение выданного в установленном порядке рецепта, дающего право на получение наркотических средств или психотропных веществ, действия по похищению таких рецептов следует дополнительно квалифицировать по ст. 377 УК Республики Беларусь «Хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков».

Подделка рецепта также может квалифицироваться по совокупности преступлений: за данное преступление (ст. 380 УК Республики Беларусь) и за приготовление или пособничество в незаконном приобретении наркотических средств или психотропных веществ (ст. 328 УК Республики Беларусь).

3. Использование поддельного или подложного рецепта квалифицируется по ст. 380 УК Республики Беларусь и соответствующей части ст. 328 УК Республики Беларусь.

В данном случае использование поддельного или подложного рецепта состоит в его предъявлении в аптеке в качестве основания для приобретения наркотического средства или психотропного вещества. Как использование заведомо подложного документа следует также расценивать умышленное предъявление подлинного документа, выданного другому лицу, с целью завладения наркотическими средствами или психотропными веществами.

Использование заведомо поддельного или подложного документа достигает стадии оконченного преступления с момента его предъявления независимо от факта получения лекарственного средства.

Так, 26 августа 2013 г. судебной коллегией по уголовным делам Минского городского суда было рассмотрено уголовное дело № 2-47/13 в отношении С., 1990 года рождения, гражданина Республики Беларусь, холостого, ранее не судимого, учащегося 5-го курса БНТУ. В ходе судебного разбирательства было установлено, что 22 февраля 2011 г. в аптеке по пр-ту Независимости, 87, в г. Минске посредством заведо-

мо поддельного и подложного для него рецепта на получение лекарственных препаратов незаконно с целью последующего потребления приобрел 10 капсул лекарственного препарата «Меброн», содержащего опасное наркотическое вещество – трамадол. В последующем С. был задержан, в ходе личного обыска был обнаружен еще один поддельный рецепт, который С. изготовил на струйном принтере и сам заполнил. Суд квалифицировал действия С. по ч. 1 ст. 328, ст. 13, ч. 1 ст. 328, ч. 2 ст. 380 УК Республики Беларусь и приговорил к 3 годам и 6 месяцам ограничения свободы [2].

4. Принятие сотрудником аптеки заведомо для него поддельного или подложного рецепта должно квалифицироваться по ст. 330 УК «Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами», а также как пособничество в незаконном приобретении наркотических средств или психотропных веществ по ст. 16 и ст. 328 УК.

Не менее интересна в уголовно-правовом смысле ситуация с получением по рецепту наркотических средств или психотропных веществ третьими лицами. Несмотря на то что положения постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь (в частности, «Инструкция о порядке выписки рецепта врача» от 31 октября 2007 г. № 99 и «Инструкции об утверждении Надлежащей аптечной практики» от 27 декабря 2006 г. № 120) не содержат указаний на необходимость личного приобретения наркотических средств и психотропных веществ лицом, указанным в рецепте, возникает вопрос о законности таких действий даже в случае добросовестного приобретения таких средств с целью последующей передачи в полном объеме больному. Аналогично имеются сомнения и относительно законности хранения соответствующих наркотических средств и психотропных веществ во время, например, их доставления больному, в пути от аптеки до дома и т. д. Формально такие действия содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 328 УК Республики Беларусь. Конечно, при определенных условиях можно вести речь о применении правил крайней необходимости или института малозначительности, однако, целесообразнее в принципе урегулировать подобные случаи.

Необходимо указать, что отсутствие обязанности у работника аптеки проверять личность приобретателя создает условия для реализации подложных (например, похищенных) рецептов и, соответственно, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Возможно, выходом из сложившейся ситуации станет дополнение правил

реализации наркотических средств и психотропных веществ указанием на возможность их отпуска только при предъявлении документа, удостоверяющего личность, лицу, указанному в рецепте, либо иному лицу, указанному в рецепте (в случае наличия заболеваний, делающих самостоятельное передвижение пациента затруднительным).

Как видно из приведенного анализа, в настоящий момент квалификация незаконной выдачи, подделки и использования рецептов на приобретение наркотических средств или психотропных веществ является довольно сложным процессом. Что представляется еще более важным – не всегда в процессе квалификации отражается главный объект, на который данные общественно опасные деяния посягают, а именно общественные отношения, обеспечивающие законный, безопасный для здоровья населения оборот наркотических средств и психотропных веществ. В том числе по этой причине в научной литературе уже ставится вопрос о введении специальной нормы, предусматривающей указанные выше признаки. Так, О.И. Бахур отмечает, что введение специального состава будет способствовать дифференциации уголовной ответственности, более полному уголовно-правовому регулированию анализируемой сферы, соблюдению принципа законности [3, с. 96].

В заключение стоит отметить, что с целью более полного выполнения положений международных договоров в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, отражения реального объекта посягательства и более очевидной квалификации следует рассмотреть вопрос о включении в УК Республики Беларусь специальной статьи, устанавливающей ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, а также введение квалифицированного состава незаконного приобретения наркотических средств и психотропных веществ, совершенного с использованием подложного или поддельного рецепта.

1. В Могилеве семь лет лишения свободы получил врач, который продавал рецепты на психотропы [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/society/530255.html?crnd=15013> (дата обращения: 11.12.2018).

2. Архив Минского городского суда. УД № 2-47/13.

3. Бахур О.И. Гармонизация норм уголовного законодательства стран Евразийского экономического союза об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2016. № 1.

ВОПРОСЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

С появлением возможности распоряжаться жилой недвижимостью, и, как следствие, широким распространением гражданско-правовых сделок по ее отчуждению, выросло количество мошеннических посягательств в указанной сфере. Преступления данного рода наиболее часто совершаются в отношении наиболее уязвимых слоев населения – лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, употребляющих наркотики, ведущих асоциальный образ жизни, одиноких и пожилых граждан.

Для эффективной профилактики мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости необходимо принятие комплексных мер, которые должны быть направлены как на преступников, так и самих потерпевших, ведя речь, в данном случае о виктимологической профилактике.

Мероприятия по виктимологической профилактике мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости целесообразно разделить на две группы: организационно-технические и информационно-воспитательные.

К данной группе мероприятий следует отнести создание в системе отчетности органов внутренних дел информационной базы потенциальных потерпевших, в отношении которых могут совершаться мошеннические посягательства. Указанную информационную базу целесообразней внедрять и использовать в подразделениях уголовного розыска, ГУБОПиК, непосредственно осуществляющих противодействие рассматриваемым преступлениям.

К критериям, позволяющим отнести лицо к потенциальной жертве рассматриваемого преступления и в последующем формирующим основу информационной базы необходимо отнести следующие:

- наличие в собственности у лица жилой недвижимости (основной критерий);
- отсутствие близких родственных связей, проживание по месту жительства в одиночестве;
- отсутствие у лица постоянного места работы, денежного дохода, антиобщественный образ жизни;
- наличие алкогольной, наркотической зависимости;
- наличие психических заболеваний.

Вторая группа включает в себя виктимологическую профилактику, которая должна проводиться также посредством информирования населения о порядке оборота жилой недвижимости.

На наш взгляд, информация должна быть следующего содержания:

- о видах сделок с жилой недвижимостью, процедуре оформления сделок и необходимых для этого документах;
- об отличительных особенностях поддельных правоустанавливающих и иных документов, посредством которых осуществляется отчуждение жилой недвижимости;
- об основаниях для отчуждения жилой недвижимости со стороны собственников;
- о порядке нотариального удостоверения, регистрации перехода права собственности на жилую недвижимость;
- о способах обмана со стороны преступников при совершении гражданско-правовых сделок, конкретных фактах преступной деятельности, и первоначальных мерах противодействия преступным посягательствам мошенников.

Положительный эффект виктимологической профилактики данного вида преступлений достигается, на наш взгляд, посредством осуществления разъяснительно-информационной работы с населением, в частности, среди лиц, отличающихся повышенной виктимностью поведения. В данном случае целесообразно использовать средства массовой информации, интернет. Одной из форм доведения информации до населения является выступление, проведение бесед сотрудниками органов внутренних дел с целью акцентирования внимания на основных обстоятельствах виктимного характера в поведении потерпевших, способствующих совершению преступлений, соблюдении предосторожности при заключении сделок по отчуждению жилой недвижимости, критичному отношению как к себе, так и к окружающим.

Для наиболее эффективной профилактики мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости необходима скоординированная организация взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел с социальными службами, общественными организациями и государственными органами. Органами внутренних дел должно быть налажено сотрудничество с агентствами недвижимости, которые обязаны информировать их о ставших известными сведениях о намерении или совершении заведомо незаконных и нарушающих права граждан сделок.

Таким образом, одним из эффективных направлений противодействия мошенничеству на вторичном рынке жилой недвижимости яв-

ляется виктимологическая профилактика данного преступления, осуществляемая посредством разработки и проведения организационно-технических и информационно-воспитательных мероприятий.

УДК 325.351.746.1

А.В. Казаков

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Эффективное противодействие незаконной миграции на государственной границе Республики Беларусь во многом определяется полнотой знаний об основных ее элементах, признаках, свойствах и формах проявления данного противоправного проявления. Без этих знаний в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений органов пограничной службы (ОП ОПС) сложно снизить опасность и количество неконтролируемых миграционных потоков через территорию нашего государства. Осмысление феномена незаконной миграции на государственной границе Республики Беларусь создает необходимые условия для разработки и использования оперативными подразделениями органов пограничной службы научно обоснованных практических рекомендаций, направленных на совершенствование их оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время проблема незаконной миграции для Республики Беларусь приобретает все более острый характер. Очевидна тенденция к тому, что в сферу этой противоправной деятельности будет втягиваться все большее количество лиц, в том числе представителей уголовной среды, государственных служащих, сотрудников различных правоохранительных и контролирующих органов. В то же время не следует исключать вероятности, что превращение стран транзита, включая Республику Беларусь, в перевалочные базы, «иммиграционные отстойники», рано или поздно дестабилизирует ситуацию в зарубежных странах, на территории которых будут формироваться очередные когорты незаконных мигрантов или базы для их приема.

Одним из ключевых условий для организации и осуществления деятельности оперативных подразделений органов пограничной службы по предупреждению, выявлению и пресечению незаконной мигра-

ции на государственной границе Республики Беларусь является разработка оперативно-розыскной характеристики (далее – ОРХ) этого общественно опасного деяния.

В условиях складывающейся оперативной обстановки на государственной границе, на которую существенное влияние оказывает незаконная миграция, знания оперативными сотрудниками ОП ОПС основных элементов, входящих в содержание ОРХ незаконной миграции, являются обязательным, прежде всего, с точки зрения формы, охватывающей содержание всей поступающей информации об этом виде преступления, предназначенной для повышения эффективности применения оперативно-розыскных сил и средств на государственной границе.

В процессе становления и развития теории оперативно-розыскной деятельности в рамках ОРХ того или иного преступления, использовались отдельные сведения. Специфика решения задач по противодействию преступлениям посредством ОРД объективно обуславливает необходимость сосредоточения в рамках какой-либо характеристики преступления такой информации о нем, которая способствовала бы распознаванию на практике преступления в разных периодах его проявления. Для успешного решения задач посредством ОРД по предупреждению, пресечению, раскрытию преступления необходим комплекс знаний об его зарождении, развитии, формах проявления, оставляемых следах, их поисковых признаках [2].

Практическая значимость выделения определенного количества элементов в ОРХ незаконной миграции обусловлена, в первую очередь, возможностью определения тех оперативных ситуаций, которые можно назвать типичными в условиях складывающейся оперативной обстановки на государственной границе. Это будет способствовать более эффективному построению оперативных версий при пресечении каналов незаконной миграции на государственной границе, а также решению других задач ОРД.

ОРХ незаконной миграции на государственной границе можно представить в виде системы поисковых данных о признаках, формах проявления, следах и источниках информации рассматриваемого вида преступлений. Основной целью раскрытия ОРХ незаконной миграции на государственной границе является не только описание главных элементов, входящих в ее содержание, но и выявление типичных связей и зависимостей между ними. Одними из основных можно выделить такие структурные элементы ОРХ незаконной миграции на государственной границе, как уголовно-правовая характеристика организации незаконной миграции на государственной границе и механизм преступления по организации и осуществлению незаконной миграции на государственной границе.

В Республике Беларусь за действия, связанные с организацией, руководством либо содействием незаконной миграции, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 371¹ УК. Общим объектом преступления, связанного с незаконной миграцией на государственной границе следует считать общественные отношения, складывающиеся в сфере порядка осуществления власти и управления в нашей стране. Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, в которых реализуется порядок управления, обеспечивающий законность миграции в пределах Республики Беларусь. Указанные общественные отношения регулируют правовое положение иностранных граждан в Республике Беларусь, в том числе порядок их въезда в страну, пребывания и выезда из Республики Беларусь. Примерами подобных незаконных действий могут являться въезд иностранного гражданина на территорию Республики Беларусь по недействительным документам, при отсутствии иммиграционной визы или незаконный транзит через территорию нашей страны.

В соответствии со ст. 371¹ УК объективная сторона рассматриваемого преступления предусматривает четыре способа совершения данного преступления, тем самым определяя содержание организации незаконной миграции:

- организацию незаконного въезда в Республику Беларусь;
- организацию незаконного пребывания в Республике Беларусь;
- организацию незаконного транзитного проезда через территорию Республики Беларусь;
- организацию незаконного выезда из Республики Беларусь.

В соответствии с законодательством организация незаконной миграции представляет собой деятельность одного лица или группы лиц, направленную на обеспечение незаконной миграции. При этом на практике совершение указанных действий может распределяться между различными лицами (соучастниками).

Рассматриваемое преступление имеет формальный состав. Согласно законодательству оно считается юридически оконченным с момента, когда организационная деятельность реализовалась в одном из действий, изложенных в диспозиции ст. 371¹ УК.

С позиции оперативно-служебной деятельности ОП ОПС незаконная миграция рассматривается как незаконное пересечение государственной границы. Вместе с тем следует выделить отличие между содействием в организации незаконной миграции и пособничеством в умышленном

незаконном пересечении государственной границы, которое предусмотрено ст. 23.29 КоАП, т. е. административным правонарушением [1].

Субъективная сторона преступлений, связанных с организацией незаконной миграции характеризуется прямым умыслом: виновный сознает общественную опасность организации незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь и желает осуществить такую деятельность. Мотивы совершения преступления могут быть различными (чаще всего – корыстные побуждения, личная заинтересованность) и не влияют на квалификацию.

Субъектом рассматриваемого преступления является физическое лицо, достигшее 16 лет. Необходимо отметить, что в указанных общественных отношениях в зависимости от причин будет один субъект, если он сам незаконно перемещается через государственную границу, либо две группы субъектов – лицо (группа лиц), которое является мигрантом, и лицо (группа лиц), перемещающее данных мигрантов. Наибольшую общественную опасность представляют деяния последней группы лиц.

Представляется, что на канале незаконной миграции через государственную границу наряду с исполнителями (незаконные мигранты, переправщики), соучастниками преступления должны признаваться организаторы, подстрекатели (вербовщики, комплектовщики) и пособники (проводники), т. е. все субъекты, участвовавшие в незаконном перемещении мигрантов через государственную границу.

Между членами преступной организации, как показывает практика деятельности ОП ОПС, происходит разделение ролей, связанных с использованием определенных знаний, направленных на достижение преступных целей.

Всех участников незаконного перемещения мигрантов через государственную границу можно классифицировать на группы, каждая из которых имеет свои функции. В ходе организации данной противоправной деятельности на государственной границе, в обязательном порядке совершаются действия, направленные:

- на организацию, в том числе руководство деятельностью групп по поиску, склонению и незаконному перемещению вынужденных мигрантов через одну или несколько границ;
- осуществление контактов с международными перевалочными центрами мигрантов;
- подготовку для будущих нарушителей государственной границы «легенды»;
- инструктирование незаконных мигрантов о линии поведения по маршруту следования и на случай задержания;

определение запасных вариантов и маршрутов передвижения к государственной границе, мест сбора и проживания.

Лицами, причастными к рассматриваемой противоправной деятельности (переправщиками) осуществляется незаконное перемещение мигрантов через государственную границу к определенному населенному пункту. Это, как правило, лица, проживающие в нашем приграничье или в приграничных населенных пунктах сопредельных с Республикой Беларусь государств. Кроме этого, переправщик может действовать с сообщником, который встречает незаконных мигрантов на сопредельной стороне и перемещает их к следующему пункту назначения [3].

В свою очередь другое лицо, осуществляющее данную противоправную деятельность (комплектовщик) встречает группу незаконных мигрантов, которую направляет организатор. В том случае, если группу мигрантов встречает переправщик, она сразу же переправляется через государственную границу по заранее подготовленному на данное время каналу незаконных мигрантов. Во втором случае мигранты проживают на территории Республики Беларусь, пока комплектовщик занимается поиском места перемещения незаконных мигрантов на государственной границе и готовит необходимые для этого условия. Группы незаконных мигрантов прибывают железнодорожным или автомобильным транспортом (рейсовые автобусы или частный транспорт) из г. Москвы или г. Санкт-Петербурга. Их перевалочными пунктами могут быть белорусские железнодорожные станции, откуда они сразу по прибытию выезжают на автомобильных транспортных средствах в приграничные районы или в г. Минск. Группы незаконных мигрантов могут до момента отправки к линии государственной границы проживать на частных квартирах от трех дней до года.

Незаконное перемещение мигрантов через государственную границу может осуществляться на автомобиле в объезд пунктов пропуска (украинский участок государственной границы) или в тайнике через пункт пропуска (польское, реже литовское направление), или в пешем порядке, используя условия местности (на всех участках государственной границы). В последнем случае группу мигрантов на сопредельной территории обязательно встречает транспортное средство.

1. Организация досудебного производства в органах пограничной службы. Особенности расследования преступлений, предусмотренных статьей 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь «Организация незаконной миграции»: учеб.-метод. пособие / Н.Н. Борейко [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Борейко, С.Н. Зеня. Минск, 2016.

2. Ермолович Д.В. Теоретико-прикладные аспекты оперативно-розыскной характеристики мошенничества / под общ. ред. И.И. Басецкого. Минск, 2006.

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РОЗЫСКУ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Причины безвестного исчезновения лиц могут носить как криминальный, так и некриминальный характер. В процессе розыскной работы перед оперативными подразделениями органов внутренних дел стоит задача определения причины исчезновения человека. При наличии признаков, свидетельствующих о криминальных обстоятельствах исчезновения, работу по розыску пропавшего без вести лица требуется строить на основании версии о совершенном в отношении его преступлении. Около 36 % пропавших без вести, пострадавших в результате преступлений, становятся жертвами своих близких родственников, 44,3 % – друзей, 5,5 % – сексуальных партнеров, и 14 % – посторонних лиц [1, с. 29]. При этом в процессе деятельности по осуществлению розыска лиц, пропавших без вести, в случае, если имеются признаки криминального исчезновения, нередко возникают ситуации противодействия.

Значительный вклад в изучение различных аспектов преодоления противодействия борьбе с преступностью внесли Э.У. Бабаева, А.И. Звягин, В.А. Ищенко, Р.Г. Мартыненко, А.Н. Петрова, А.Р. Рагинов, А.В. Краснощеков. В Республике Беларусь вопросам противодействия органам, осуществляющим ОРД, уделяется недостаточно внимания, а само противодействие не было предметом научного исследования.

Разные авторы основные способы противодействия в своих работах, как правило, подразделяли на активные и пассивные. К пассивным способам они относили те, которые имеют характер бездействия: неоказание помощи, невыполнение требуемых действий, несообщение запрашиваемых сведений, невыдача искомым предметов, неявка по вызову, умолчание и отказ от дачи показаний; к активным способам противодействия – дачу заведомо ложных показаний, обман, сокрытие и уничтожение нужных предметов, уклонение от явки, создание инсценировок и лжедоказательств, подстрекательство к даче ложных показаний, склонение к неповиновению и прямое сопротивление следователю [2, с. 11].

Кроме этого, противодействие может быть классифицировано по субъекту воздействия на три основные группы: а) противодействие расследованию путем оказания противоправного давления на лиц, осуществ-

вляющих розыск (следователей, работников органов дознания); б) противодействие путем оказания противоправного воздействия на лиц – носителей информации (свидетелей, потерпевших и др.); в) противодействие, оказываемое на материальные следы преступления [3, с. 9].

Классификация противодействия по субъектам не раскрывает всех форм, так как оно может выражаться такими действиями, как фальсификация, утаивание, подкуп, шантаж, клевета, угрозы, подготовка ложного алиби, инсценировка, уничтожение следов преступления, дача заведомо ложных показаний и др.

Принимая во внимание, что между гражданином, обладающим оперативно-значимой информацией, и оперативным сотрудником в ходе осуществления розыска лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах, происходит общение, а также учитывая те обстоятельства, что способы противодействия выделяются с позиции теории сокрытия информации, в которой оперативный сотрудник либо гражданин, оказывающий содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, являются основным объектом воздействия, представляет интерес классификация противодействия по типу коммуникаций. Иными словами, мы полагаем уместным придерживаться деления способов противодействия на активные и пассивные. Пассивные способы противодействия проявляются в умолчании, несообщении, отказе от дачи показаний, а активные в подаче заведомо ложного заявления, сообщения, заведомо ложных показаний, самооговоре, вербальной инсценировке. Рассуждая об активных способах противодействия, следует помнить, что цель противодействия заключается в воспрепятствовании установлению истины, оно может проявиться также в воздействии на оперативного сотрудника, в том числе в виде шантажа. При этом степень противодействия может увеличиваться по нарастающей, вплоть до угроз и подкупа, приобретая наступательный, агрессивный и массивный характер.

В основе классификации способов противодействия могут лежать существующие типы коммуникаций, также необходимо обратить внимание на отсутствие искренности, выражающейся в невербальных проявлениях. Это асимметричность мимики, ее длительность, диссоциация между выражением глаз, мимикой лба, губ, окраской лица, дыханием, которые являются не чем иным, как имитацией эмоций человека.

Другие поведенческие признаки, коррелирующие с ложью, могут свидетельствовать о попытках отстранить себя от сообщения ложной информации с целью свести к минимуму общение. Подобная стратегия может выражаться в уклончивости ответов, избегании смотреть пря-

мо в глаза, отклоненном положении тела и увеличении дистанции с собеседником, тем самым опрашиваемое лицо пытается отстраниться от ложной информации.

Большую часть информации человек воспринимает по невербальным каналам, а невербальные коммуникации оказывают воздействие на сознание оперативного сотрудника, усиливая или ослабляя его уверенность в причастности того или иного лица к событию преступления, необходимо знать признаки, которые позволяют оперативным сотрудникам подтвердить обоснованность выдвинутых версий, определиться с направлением оперативного поиска, оценить имеющуюся информацию, выявить существующие противоречия, изобличить в обмане и получить правдивые показания, выбрать тактические приемы проведения ОРМ, устранить причастность лица к совершенному преступлению.

Таким образом, с целью эффективного решения задач по розыску пропавших лиц оперативному сотруднику необходимо идентифицировать оказываемое противодействие, которое может быть не только на физическом, но и на интеллектуальном уровне, уметь нейтрализовать его, опираясь на специальные знания.

1. Букейханов П.Е. Розыск пропавших без вести : науч.-метод. пособие. М., 2006.
2. Мартыненко Р.Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2004.
3. Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2000.

УДК 343.985

А.А. Ковальчук

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕКВИЗИТОВ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК, И УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦ, ИХ СОВЕРШИВШИХ

Противодействие преступности на современном этапе развития информационных технологий тесно связано с использованием передовых достижений научно-технического прогресса, что обуславливает необходимость применения специальных знаний из различных отраслей на-

уки и техники. Данное обстоятельство в особенности касается борьбы с высокотехнологичными преступлениями, к которым, безусловно, относятся хищения, совершаемые с использованием реквизитов банковских платежных карточек (БПК).

Определяя понятие «специальные знания», наиболее точной нам видится формулировка Г.И. Грамовича: «систематизированные научные знания, умения, навыки в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания доказательственной и ориентирующей информации о преступлении, а также способствуют разработке технических средств и приемов работы с доказательствами» [1, с. 89].

Учитывая специфику и высокую степень латентности преступлений рассматриваемой категории, эффективность борьбы с ними во многом зависит от наличия у оперативных работников соответствующих специальных знаний, без которых выявление хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установление лиц, их совершивших, будет весьма затруднительно, а иногда и вовсе невозможно. Подтверждением данной позиции является то, что противодействие указанным преступлениям составляет компетенцию непосредственно подразделений по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (РПСВТ).

Анализ литературы показал, что позиции ученых на содержание перечня специальных знаний, необходимых для осуществления борьбы с хищениями, совершаемыми с использованием реквизитов БПК, в определенной степени схожи, но не являются одинаковыми. Каждый автор в некоторой степени расширяет указанный перечень, обоснованно добавляя в него знания из различных отраслей науки и техники. Учитывая это, становится очевидно, что отдельно взятому человеку в рамках процесса познания охватить весь объем знаний, потребность в использовании которых возникает при тех или иных обстоятельствах, не представляется возможным. Поэтому, резюмируя взгляды исследователей, мы полагаем рациональным разделять специальные знания на две категории: первоочередные и второстепенные. Первую из указанных категорий должны составлять знания, используемые оперативным работником постоянно при осуществлении своих непосредственных обязанностей. Ко второй категории знаний следует относить применяемые время от времени в тех или иных оперативно-тактических ситуациях.

Определяя содержание первой группы, необходимо понимать, что основу профессиональной деятельности оперативных подразделений составляет получение оперативно значимой информации. Исходя из от-

меченного, использование специальных знаний оперативным работником должно быть направлено на улучшение качества информационного обеспечения указанной деятельности. При этом важно также учитывать, что представители подразделений РПСВТ работают прежде всего с компьютерной информацией. Таким образом, по нашему мнению, эти сотрудники должны в первую очередь обладать знаниями о методах, приемах и особенностях обнаружения, фиксации, получения, передачи и хранения компьютерной информации.

Рассмотрим более подробно содержание вышеуказанных знаний. Нами уже отмечалось, что возможности сети Интернет активно используются кардерами для создания коммуникативных площадок – форумов, и осуществления своей преступной деятельности [2]. При этом информация, размещенная в глобальной сети, может быть как общедоступной, так и ограниченного характера. Учитывая указанное, а также опираясь на опыт, накопленный подразделениями РПСВТ, представляется возможным выделить следующие виды знаний, необходимых оперативным сотрудникам: о штатных возможностях и приемах работы с различными поисковыми системами; правилах и способах использования программного обеспечения, предназначенного для получения доступа к сети, осуществления поиска и анализа информации в «глубокой сети»¹ и «темной сети»² (например, «WebSite-Watcher», «Tor» и др.); об основах построения социальных сетей и кардерских интернет-форумов, особенностях размещения на них информации и обеспечения коммуникации пользователей.

Другой ситуацией, требующей применения специальных знаний, является необходимость работы с компьютерной информацией при возможности непосредственного доступа к какому-либо программно-техническому устройству злоумышленника. В данном случае сотрудник подразделения РПСВТ должен обладать знаниями: о функционировании различных операционных систем, особенностях и местах хранения информации, в том числе временной, служебной; программно-аппаратных методах и приемах поиска, восстановления интересующих сведений и файлов, а также обеспечения отсутствия следов своей деятельности.

¹ Глубокая сеть (от англ. «Deep Web») – множество веб-страниц сети Интернет, которые не индексируются (не обрабатываются) поисковыми системами. В глубокой сети находятся веб-страницы, не связанные гиперссылками с другими страницами, а также ресурсы, доступ к которым ограничен, например, паролем (частные форумы, частные сети и др.).

² Темная сеть (от англ. «Dark Web») – скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными участниками с использованием нестандартных протоколов и портов, посредством, как правило, специального программного обеспечения.

Мы убеждены, что к категории первоочередных специальных знаний, необходимых оперативным работникам для противодействия хищениям, совершаемым с использованием реквизитов БПК, следует относить знания в сфере устройства системы электронных платежей, эмиссии и обращения БПК. В случае реального кардинга сотрудник подразделения РПСВТ в первую очередь должен обладать знаниями о способах и особенностях изготовления и использования дубликата БПК; при виртуальном кардинге указанному сотруднику необходимы знания о механизмах функционирования различных электронных платежных систем и интернет-магазинов, а также правилах осуществления онлайн-платежей с использованием реквизитов БПК. Нам видится, что без применения указанных знаний установление обстоятельств, возможных способов совершения рассматриваемых преступлений, поиск следов и, соответственно, определение личности злоумышленников будет весьма затруднительным.

Обозначить окончательный перечень второй группы знаний не представляется возможным в силу некоторой случайности возникновения ситуаций, в которых может потребоваться их применение. Вместе с тем, учитывая специфику рассматриваемой категории преступлений, нелишними, как мы полагаем, для сотрудников подразделений РПСВТ будут любые знания в сфере устройства и функционирования средств компьютерной техники, различного рода программного обеспечения, в области информационной безопасности и др.

Практика показывает, что необходимость самостоятельного применения специальных знаний сотрудниками вышеназванных подразделений при выявлении хищений, совершаемых с использованием реквизитов БПК, и установлении лиц, их совершивших, возникает при осуществлении информационного обеспечения оперативного обслуживания сферы рассматриваемых преступлений, подготовке и проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, исследовании изъятых в ходе оперативно-розыскных мероприятий средств компьютерной техники и носителей компьютерной информации.

Таким образом, представляется уместным заключить, что применение специальных знаний является одним из основополагающих аспектов борьбы с преступлениями рассматриваемой категории. В свою очередь процесс их получения сотрудниками подразделений РПСВТ должен быть перманентным и носить достаточно интенсивный характер, что обусловлено стремительностью научно-технического прогресса.

1. Грамович Г.И. О совершенствовании правового регулирования применения специальных знаний и научно-технических средств в расследовании пре-

ступлений // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.Н. Мухина. Минск, 2003.

2. Ковальчук А.А. О применении возможностей сети Интернет при выявлении хищений, совершаемых с использованием реквизитов банковских платежных карточек, и установлении лиц, их совершивших // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 2 июня 2017 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017.

УДК 004.056.5:343.9.024

Е.В. Лизогубенко

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ – СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

Современное состояние развития телекоммуникационных, информационных и компьютерных технологий обуславливает появление и быстрое развитие общественных отношений в сфере их использования. Более того, информационные технологии и компьютерные сети сегодня представляют собой важную отрасль экономики, развитие которой выходит за пределы экономики одной страны и характеризуется наличием устойчивых международных связей.

Вместе с тем информационное пространство стало местом и в то же время непосредственно инструментом совершения преступлений. На сегодня преступление не требует предварительной обработки клиента и личного контакта с потенциальной жертвой. Главным инструментом преступника становится только компьютер и доступ к информационно-коммуникационным системам, где он с помощью компьютерных вирусов и других противозаконных технических средств получает доступ к базам данных, банковским счетам, автоматизированным системам управления.

Так, кражи данных платежных карт (банковских счетов) или данных доступа к системе Интернет-банкинга с целью завладения средствами клиентов банка, похищения персональных данных и коммерческой информации частных компьютеров или серверов, умышленное повреждение работы информационных систем или средств коммуникаций с целью создания убытков компаниям – это далеко не полный перечень возникших угроз, благодаря бурному развитию современных информационных технологий, и, соответственно, появилось такое понятие, как киберпреступность.

При этом киберпреступность приобретает мировой масштаб, новейшие технологии превращают реальных преступников в анонимных, а легкость быстрого обогащения обольщает все больше людей присоединиться к этой преступной деятельности.

Корпорация Microsoft опубликовала в апреле 2018 г. отчет об угрозах информационной безопасности Security Intelligence Report с февраля 2017 г. Он базируется на данных, полученных защитными программами и сервисами компании. Информация была предоставлена корпоративными и частными пользователями, которые согласились делиться ей с привязкой к геолокации.

Отчет посвящен трем темам: ботнетам, популярным методам хакерских атак и вирусам-вымогателям. Целью публикации отчета является повышение осведомленности корпоративных и частных пользователей о существующих угрозах и методах противодействия им.

Широко распространены ботнеты и вирусы-вымогатели. Самые высокие показатели были зафиксированы в Пакистане, Непале, Бангладеше и Украине (33,2 % или выше), самые низкие – в Финляндии, Дании, Ирландии и США (11,4 % или ниже).

Согласно данным Windows Defender Security Intelligence, самой часто встречающейся категорией нежелательного ПО стали трояны. Процент их распространения с февраля 2017 г. по январь 2018 г. вырос с 6 % до 10 %. Показатели других видов вредоносного ПО (дропперов, обфускаторов, вирусов-вымогателей и т. д.) составили менее 1 %.

В 2017 г. методы получения легкой добычи, такие как фишинг, использовались для того, чтобы получить учетные данные и другую конфиденциальную информацию от пользователей. Согласно данным Microsoft Advanced Threat Protection (ATP), фишинг был в числе самых серьезных угроз в почтовых ящиках пользователей Office 365 во втором полугодии 2017 г. (53 %), 180–200 млн фишинговых писем обнаруживались ежемесячно. В Украине, в частности, было обнаружено 7,01 фишинговых сайтов на каждую 1 000 хостов (в мире – 5,85). Следующими по распространенности угрозами стали загрузчики вредоносного ПО (29 %) и Java-бэкдоры (11 %).

Другой мишенью для злоумышленников являются облачные приложения с низким уровнем безопасности. В ходе исследования выяснилось, что 79 % SaaS-приложений для облачного хранения данных и 86 % SaaS-приложений для совместной работы не обеспечивают шифрование ни хранящейся, ни передаваемой информации. Для защиты корпоративной инфраструктуры организации должны ограничивать использование пользователями облачных приложений, не использующих шифрование,

и контролировать это с помощью брокера безопасности облачного доступа (Cloud Access Security Broker, CASB).

Еще одна тенденция второй половины 2017 г. – киберпреступники используют легитимные встроенные средства системы, чтобы распространить зараженный документ (например, документ Microsoft Office), содержащийся в фишинговом письме, и загрузить программу-вымогатель. Лучшим способом избежать такого вида угрозы является своевременное обновление операционной системы и программного обеспечения [1].

Убытки от киберпреступлений растут с каждым годом. Страховой концерн Lloyd's подсчитал еще в 2015 г., что ежегодно предприятия теряют \$400 млрд из-за кибератак. Другие страховщики называли цифру \$500 млрд и более.

Волна киберпреступлений, которая ожидается в ближайшие годы, может принести огромные убытки предприятиям по всему миру. Глава и президент IBM Джинни Рометти считает, что мошеннические действия в интернете являются самой большой угрозой для компаний по всему миру.

Затраты на реабилитацию после киберпреступлений с 2013 по 2015 гг. увеличились в 4 раза. Подобного роста стоит ожидать и в период между 2015 и 2019 гг.

Исследовательский центр компании Juniper проводит очевидную связь между всеобщей диджитализацией и ростом киберпреступлений. По оценкам Juniper, к 2019 г. убытки компаний по всему миру составят \$2,1 трлн, т. е. почти в 4 раза больше, чем в 2015 г.

Так, только последние две крупные кибератаки в 2017 г. программ-вымогателей Wanna Cry и Petya.A заразили компьютеры предприятий и пользователей по всему миру. От этих программ пострадало 150 стран. Вредоносные программы шифровали и уничтожали данные, требуя за их разблокировку от \$300 до \$600 в биткоинах.

Эксперты отметили, что убытки от кибератаки 27 июня 2017 г. Petya.A, которая началась на территории Украины, а потом распространилась по всему миру, оценили в \$8 млрд. При этом события признаны наиболее масштабной хакерской атакой за всю онлайн-историю Украины [2].

В Украине для противодействия киберпреступности создан Департамент киберполиции Национальной полиции Украины, к основным функциям которого относятся:

определять, разрабатывать и обеспечивать реализацию комплекса организационных и практических мероприятий, направленных на предупреждение и противодействие уголовным преступлениям в сфере противодействия киберпреступности;

проводить в пределах своих полномочий необходимые оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию причин и условий, которые приводят к совершению уголовных преступлений в сфере противодействия киберпреступности;

принимать предусмотренные действующим законодательством меры по сбору и обобщению информации по объектам, в том числе объектам сферы телекоммуникаций, интернет-услуг, банковских учреждений и платежных систем в целях предупреждения, выявления и пресечения уголовных преступлений;

проводить среди населения разъяснительную работу по вопросам соблюдения законодательства Украины в сфере использования новейших технологий, а также защиты и противодействия киберугрозам в повседневной жизни;

изучать положительный отечественный и зарубежный опыт борьбы с уголовными преступлениями в сфере противодействия киберпреступности и вносить предложения руководству Национальной полиции Украины по его внедрению;

вносить в установленном порядке предложения по совершенствованию законодательства в сфере противодействия киберпреступности, а также участие в разработке и обработке проектов законодательных и других нормативно-правовых актов в этой сфере;

создавать в соответствии с действующим законодательством и обеспечивать функционирование круглосуточной контактной сети для предоставления неотложной помощи при расследовании преступлений, связанных с компьютерными системами и данными, преследованием лиц, которые обвиняются в совершении таких преступлений, а также сбором доказательств в электронной форме;

анализировать и систематизировать данные об уголовных преступлениях, совершенных в сфере противодействия киберпреступности и с использованием высоких технологий, поступающих от граждан через каналы колл-центров, посредством электронных писем и терминалов обратной связи;

обеспечивать своевременное рассмотрение обращений и запросов граждан, предприятий, учреждений, организаций по вопросам, отнесенным к компетенции киберполиции, контроль за надлежащим соблюдением порядка их принятия, регистрации, учета и рассмотрения.

По данным начальника Департамента киберполиции Национальной полиции Украины С.В. Демедюка, ежегодно сотрудники выявляют киберпреступления, количество которых увеличилось в среднем на 2 500. В 2017 г. Департаментом киберполиции сопровождалось около 7 тыс.

уголовных производств, из них 4,5 тыс. исключительно киберпреступления. За 11 месяцев 2017 г. были направлены в суд обвинительные акты по 726 лицам [3].

Таким образом, распространенность и общественная опасность киберпреступлений в последние годы приобрела угрожающие масштабы, что диктует необходимость формирования адекватного ответа со стороны правоохранительных органов. Киберпреступность сегодня представляет угрозу не только национальной безопасности отдельного государства, а грозит человечеству в целом, поэтому указанной проблеме уделяется большое внимание во многих государствах. Учитывая современную ситуацию в государстве и мире, Украина должна постоянно совершенствовать методы борьбы с киберпреступностью, совершенствуя действующее законодательство, методы оперативных подразделений, учитывая опыт как отдельных зарубежных государств, так и международного сообщества в целом.

1. Киберпреступность в мире. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Киберпреступность_в_мире#Kaspersky_Cybersecurity_Index.

2. Убытки от киберпреступлений в 2019 году превысят \$2 трлн. URL: <https://forinsurer.com/news/17/07/18/35340>.

3. Количество киберпреступлений в Украине увеличивается на 2,5 тысячи в год. URL: https://zn.ua/UKRAINE/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-ukraine-uvlichivaetsya-na-2-5-tysyachi-v-god-272169_.html.

УДК 354.31:35.08:351.78(477)

А.В. Мельковский

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УКРАИНЫ

В перечне основных задач при создании в 1992 г. службы внутренней безопасности (СВБ) МВД Украины было определено предотвращение преступлений, противодействие проникновению на службу в подразделения МВД Украины лиц, преследующих преступные и корыстные намерения, а также противодействие попыткам втягивания работников системы МВД в противоправную деятельность. К сожалению, как показало время, данному направлению работы СВБ уделялось недостаточно внимания.

Нами усматривается, что низкая осведомленность о существующих в системе МВД Украины негативных явлениях в силу недостаточной квалификации кадрового состава подразделений СВБ является основной причиной слабой результативности деятельности службы по предотвращению преступлений и правонарушений.

В кадровой политике МВД Украины при отборе персонала используется в основном ценностно-ориентированный подход. Наличие отдельных положительных качеств и возможностей, важных для дальнейшей профессионализации, рассматривается как желаемый, но не обязательный критерий отбора. Следует отметить, что без психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности СВБ невозможно осуществлять формирование эффективной подсистемы предупреждения преступлений.

Основой данного вида деятельности должна стать концепция психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности СВБ, которая должна строиться на основании синергетической методологии психологического обеспечения ОРД, определять научно обоснованные основы отбора, подготовки и поддержки профессионализма сотрудников службы.

Первым шагом на этом пути должно быть формирование психогаммы и модели личности оперативного сотрудника СВБ, а также разработка типовых психолого-тактических алгоритмов действий по осуществлению оперативно-розыскного предупреждения преступлений в системе МВД Украины.

Проведенное анкетирование действующих и бывших сотрудников СВБ показало, что основными требованиями к личности сотрудника службы являются:

профессионализм (на 1-е место поставили 150 респондентов (47,1 %), на 2-е – 73 (22,9 %), на 3-е – 16 (5 %));

нравственные качества (честность, порядочность) (на 1-е место поставили 95 (29,8 %), на 2-е – 85 (26,7 %), на 3-е – 20 (6,2 %));

умение ориентироваться в сложной обстановке (на 1-е место поставили 2,5 %), на 2-е – 23 (7,2 %), на 3-е – 52 (16,3 %));

оперативное мышление (на 1-е место поставили 12 (3,7 %), на 2-е – 26 (8,1 %), на 3-е – 20 (6,2 %));

принципиальность (на 1-е место поставили 2 (0,6 %), на 2-е – 17 (5,3 %), на 3-е – 41 (12,8 %));

ответственность (на 1-е место поставили 4 (1,2 %), на 2-е – 11 (3,4 %), на 3-е – 52 (16,3 %));

высокий уровень интеллекта (на 1-е место поставили 1 (0,3 %), на 2-е – 7 (2,2 %), на 3-е – 20 (6,2 %));

стрессоустойчивость от негативного влияния (на 1-е место поставили 3 (0,9 %), на 2-е – 3 (0,9 %), на 3-е – 9 (2,7 %)).

К другим необходимым качествам опрошенные респонденты отнесли высокий уровень физической подготовки, дипломатичность, уважение к сотрудникам органов внутренних дел, честность, смелость, коммуникабельность, выдержку и самоконтроль, умение управлять своим поведением и перевоплощаться в зависимости от изменения ситуации, способность маскировать способ мышления.

Учитывая результаты проведенного нами исследования и анализ научной литературы, мы можем предложить один из вариантов модели личности сотрудника СВБ. Структурно эта модель состоит из социальной, реконструктивной, коммуникативной, организационной, поисковой, удостоверяющей сторон.

Социальная сторона деятельности сотрудника СВБ требует от него качеств, которые можно разделить на общие и специальные, которые присущи всем сотрудникам оперативных подразделений.

К общим следует отнести профессионализм, высокий уровень интеллекта, гуманность, дипломатичность, нравственность, честность, принципиальность, ответственность, смелость.

Специальные качества включают в себя бдительность, наблюдательность, стремление к истине, профессиональную этику и гордость.

Реконструктивная сторона включает в себя хорошую зрительную память, умение ориентироваться в сложной обстановке, оперативное мышление, хороший глазомер.

Организационная сторона состоит из инициативности, самостоятельности, решительности, умения предвидеть действия разрабатываемых.

Удостоверяющая сторона обеспечивается способностью четко излагать свои мысли, аккуратностью, способностью к синтезу, точностью в анализе и оценке информации, владением приемов применения технических средств.

Коммуникативная сторона деятельности включает в себя способность быть хорошим слушателем, коммуникабельность, выдержку и самообладание, умение управлять своим поведением и перевоплощаться в зависимости от изменения ситуации, способность маскировать способ мышления.

Поисковая деятельность заключается в способности сотрудника СВБ выявлять преступные действия разрабатываемых. Это достигается наличием у сотрудников бдительности, наблюдательности, внимания, настойчивости.

С учетом профессиограммы сотрудника СВБ необходимо разработать методику отбора кандидатов в службу. За базовую можно взять

существующую на сегодня методику, которую следует дополнить методиками психологического тестирования и провести следующие организационные мероприятия.

1. На уровне центрального аппарата СВБ и подразделений на местах с учетом ротации личного состава разработать перспективные планы потребности персонала.

2. Учитывая общую модель специалиста СВБ, следует разработать индивидуальные профиограммы по каждому направлению деятельности службы.

3. Разработать рекомендации о порядке и источниках комплектования кадров.

4. Создать в подразделениях группы психологического тестирования и диагностики, предоставив им права проведения психологического тестирования лиц, отобранных кадровыми аппаратами и прошедших военно-врачебную комиссию. На них также целесообразно возложить проведение регулярной психодиагностики подразделений. Учитывая сложность и специфику службы, что выражается в постоянном напряжении личного состава, создать кабинеты психологической разгрузки.

В связи со специфичностью деятельности СВБ отбор кандидатов в службу должен происходить в структурах, которые по своим функциям выполняют примерно аналогичные по форме задачи.

В ходе проведенного анкетирования действующих сотрудников СВБ было предложено ответить на вопрос, какими специалистами должна комплектоваться служба внутренней безопасности.

Согласно результатам анкетирования большинство респондентов считают, что в подразделениях СВБ должны работать выходцы из оперативных служб и следственных подразделений, среднего возраста 30–35 лет, с высшим юридическим образованием, со стажем практической работы не менее 10 лет.

Кроме этого, на наш взгляд, не последнюю роль для сотрудника СВБ играют возрастные критерии и стаж практической деятельности. Наличие достаточного профессионального и жизненного опыта является необходимым критерием для отбора кандидатов в СВБ. Это позволит, в первую очередь, повысить авторитет службы, благодаря улучшению качества отбора кандидатов.

Отбор кандидатов предлагается проводить по четырехэтапной схеме: первоначальное изучение кандидата для зачисления в резерв службы; изучение психологических качеств и личностных характеристик, физической пригодности кандидата в процессе прохождения военно-врачебной комиссии;

определение соответствия кандидата необходимым профессиональным качествам;

изучение кандидата в процессе выполнения практических заданий и определение его профессиональной пригодности.

На первом этапе необходимо установить формальную пригодность кандидата к службе в подразделениях СВБ, выяснить уровень его образования, соответствие возрастному и физическому цензу.

На втором этапе следует провести специальную проверку кандидата и выявить его личностные и психологические характеристики. Такое изучение должно осуществляться по линии кадрового аппарата и во время военно-врачебной комиссии на основе методики личного дифференциала.

На третьем этапе необходимо осуществить комплексное тестирование с целью выявления соответствия личностных качеств необходимым профессиональным качествам сотрудника СВБ.

Существующие сегодня тесты, которые проводятся во время прохождения военно-врачебной комиссии, не позволяют выявить этих качеств. На наш взгляд, целесообразно проводить отбор на этом этапе по следующей схеме.

1. Провести собеседование с представителями службы. Учитывая практический опыт, мы считаем, что ими должны быть руководитель или его первый заместитель, руководитель структурного подразделения, в котором предполагается использовать кандидата, один или два наиболее опытных сотрудника и психолог. Во время собеседования важно выяснить следующие вопросы: мотивация поступления на службу в подразделение, отношение семьи кандидата к будущей службе, мнение кандидата о службе и какую пользу он в состоянии принести.

2. Организовать тестирование с целью установления его интеллектуальных и эмоционально-волевых особенностей, коммуникативных характеристик и наличие необходимых профессиональных психологических качеств.

3. Учитывая современные тенденции развития психологических методов и технических средств, применяемых в деятельности оперативных подразделений, нами предлагается при принятии на службу в подразделения СВБ осуществлять проведение проверки кандидатов с использованием полиграфа и других нетрадиционных методов психологической оценки.

На четвертом этапе осуществляется окончательное определение пригодности кандидата на основании полученных результатов на третьем этапе. В ходе выполнения практических заданий на основе метода экспертных оценок и с учетом полученного нами ранжирования профессиональных качеств принимается решение о приеме на работу.

При назначении на должность в подразделения СВБ может быть уместным нормативное закрепление требования обязательного согласования с коллективом действующих и бывших сотрудников, советом ветеранов органов внутренних дел. Это обстоятельство дало бы возможность обеспечить необходимую преемственность кадрового состава и предупредить назначения лиц, не соответствующих установленным требованиям.

С целью формирования высокопрофессионального кадрового потенциала для подразделений СВБ мы считаем целесообразным ввести на базе одного из вузов МВД Украины подготовку специалистов для деятельности, связанной с обеспечением внутренней безопасности в системе МВД Украины. Этот шаг позволит в будущем значительно улучшить кадровые возможности и оперативные позиции подразделений внутренней безопасности системы МВД Украины и повысить доверие граждан к данной правоохранительной структуре.

УДК 343.9

А.А. Нуждин

ПРОФИЛАКТИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫМИ СРЕДСТВАМИ

В теории оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскная профилактика выступает организационно-тактической формой ее осуществления. Оперативно-розыскная профилактика способствует решению такой задачи оперативно-розыскной деятельности, как противодействие преступлениям в целом и совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы в частности [1, с. 45].

Профилактическая деятельность сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений направлена на реализацию положительного воздействия на оперативно-режимную обстановку в местах лишения свободы с целью ее контроля и при необходимости стабилизации, а также на непосредственно на осужденного с целью изменения внутренних побуждений и мотиваций.

Одной из отличительных черт оперативно-розыскной профилактики в исправительных учреждениях выступает то, что она осуществляется сотрудниками оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы с помощью сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности гласно и негласно, что выделяет ее в системе предупредительно-профилактической деятельности всей системы исполнения наказаний.

Использование оперативно-розыскных мероприятий в профилактической работе качественно выделяет оперативные подразделения среди других структурных подразделений уголовно-исполнительной системы. Это создает широкие полномочия для осуществления профилактической работы антипреступной направленности. Эмпирические исследования показывают, что часто оперативно-розыскная деятельность является одним из основных средств реального воздействия на криминальные явления в исправительных учреждениях.

Получение информации о готовящемся или совершенном преступлении, выявление фактов и способов сокрытия совершенных преступлений становится невозможным без применения информации, которую сотрудники получают из проверенных источников оперативно-розыскной деятельности гласным или негласным методом.

Анализ Концепции развития УИС России до 2020 г. позволил нам выделить основные направления профилактической деятельности уголовно-исполнительной системы:

дифференциация условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с целью обеспечения выполнения ими установленных правил режима содержания, создание системы изучения факторов, способствующих эксцессам со стороны осужденных, с целью выработки мер, стимулирующих правоупослушное поведение, а также усиления ответственности злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания;

повышение эффективности надзора за поведением лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, на основе внедрения современных технических средств надзора, повышения качества подготовки работников уголовно-исполнительной системы и улучшения условий несения службы;

совершенствование мер предупреждения и пресечения возможных неслужебных связей личного состава уголовно-исполнительной системы с осужденными, преступных связей осужденных между собой и осужденных с лицами, находящимися за пределами исправительного учреждения;

создание системы противодействия преступному поведению осужденных на основе применения современных инженерно-технологических средств охраны и надзора, новых технологий и подходов к организации безопасности объектов уголовно-исполнительной системы и оснащение всех учреждений уголовно-исполнительной системы современными интегрированными системами безопасности;

применение сотрудниками уголовно-исполнительной системы комплекса индивидуальных профилактических мер по предупреждению правонарушений, в том числе преступлений, совершаемых осужденными;

введение мониторинга за поведением осужденных с помощью технологий электронного контроля (видеонаблюдение, электронные браслеты, беспроводные технологии и др.);

использование спутниковых систем глобального позиционирования для мониторинга за передвижением специальных автомобилей современными средствами видеонаблюдения и связи.

Все перечисленные в Концепции направления деятельности содержат аспекты профилактической направленности, тем не менее ни в одном из них не указана важность и роль оперативно-розыскных способов и приемов, средств оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы.

Указанные выше факторы определяют необходимость и важность полноценного применения оперативно-розыскной профилактики в среде осужденных, направленной на противодействие преступности с их стороны.

К основным особенностям оперативно-розыскной профилактики преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, можно отнести следующие:

основная часть предупредительных мероприятий проводится в отношении осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях;

деятельность оперативных подразделений исправительных учреждений осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса России;

часто оперативно-профилактические мероприятия проводятся негласно, но всегда в тесном взаимодействии с гласными методами;

местность, на которой проводятся оперативно-профилактические мероприятия, чаще всего ограничена пределами конкретного исправительного учреждения (в исключительных случаях прилегающей режимной территорией);

проводить оперативно-розыскные мероприятия в исправительных учреждениях полномочны только сотрудники специальных структурных подразделений оперативных аппаратов [2, с. 125].

Правовая деятельность сотрудников оперативных подразделений уголовно-исправительной системы по предупреждению преступности в местах лишения свободы предполагает выявление причин, порождающих эти деяния, и условий им способствующих, с обязательным применением мер по их предотвращению. Иногда указанная деятельность способствует

выявлению сотрудников, которые способны допустить нарушение, предупредительного воздействия вплоть до уголовного наказания.

Оперативно-розыскная профилактика преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, выступает в качестве одного из средств достижения закрепленной в законе цели. Задачей, которая стоит перед сотрудниками уголовно-исполнительной системы, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в исправительных учреждениях, выступает выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений.

В то же время оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы выступают в качестве специальных субъектов в профилактике пенитенциарных преступлений. В связи с этим научная и эмпирическая разработка организационных, методических и тактических положений проводится чаще всего на основе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В задачи указанной деятельности можно включить:

выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Оперативно-розыскная профилактика преступности в уголовно-исполнительной системе в современных условиях должна быть ориентирована на нейтрализацию и устранение причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений в уголовно-исполнительной системе. Следовательно, необходимо сосредоточить основные усилия оперативных подразделений на своевременном их выявлении и устранении в условиях функционирования исправительных учреждений.

Можно определить, что оперативно-профилактическая деятельность оперативных подразделений исправительного учреждения по предупреждению и пресечению преступности чаще всего осуществляется в трех основных направлениях:

на личность осужденного, способного к совершению преступлений; внутренние процессы, происходящие в пенитенциарном учреждении; имеющиеся недостатки в деятельности конкретных сотрудников исправительных учреждений.

Оперативно-розыскная профилактика преступлений в уголовно-исполнительной системе может осуществляться в форме:

выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений в уголовно-исполнительной системе;

установления лиц, склонных к совершению преступлений;
нормативного регулирования указанной деятельности законами и подзаконными нормативными актами;
обязательного контроля за осужденными как в процессе профилактического воздействия, так и после его завершения;
оказания непосредственного воздействия на осужденного, который может совершить преступление в исправительном учреждении;
осуществления контроля путем использования технических средств надзора для предупреждения преступлений в исправительных учреждениях.

1. Кондратьев М.В. Оперативно-розыскная профилактика преступлений в местах лишения свободы // Вестн. Кузбас. ин-та ФСИН России. 2012 г. № 11.

2. Нуждин А.А. Структура тактических операций, проводимых в целях пресечения преступлений с использованием телекоммуникационных систем в исправительных учреждениях // Закон и право. 2016. № 10.

УДК 378.016:343.985

С.В. Пилюшин

НАЛИЧИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Одной из приоритетных задач оперативных подразделений органов внутренних дел является поиск информации о лицах, причастных к противоправной деятельности, а также иных сведений, способствующих своевременному выявлению и раскрытию преступлений.

Несмотря на то что организация оперативной работы в подразделениях криминального блока ОВД в основном носит общий характер, непосредственно проведение поисковых мероприятий в зависимости от конкретных задач, стоящих перед оперативными подразделениями, может иметь свои специфические черты, тем самым существенно отличаться подходами к их разрешению.

Отправной точкой в поисковой работе может являться как сам факт совершенного и зарегистрированного в установленном порядке преступления, так и организация планомерного и постоянного сбора сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, при анализе которых на определенном этапе можно судить о наличии противоправного деяния, возможной причастности тех или иных лиц.

Однако в большинстве случаев оперативные подразделения ОВД сталкиваются с дефицитом необходимой информации, способствующей решению задач, стоящих перед оперативными подразделениями ОВД.

В теории ОРД данную информацию аргументированно рассматривают в качестве оперативно-розыскной информации. В такого рода информации находят свое отражение взаимосвязи между людьми, факторы формирования преступного поведения, обстоятельства, облегчающие или затрудняющие получение этих сведений. При этом информация должна отображать не только явления, события, обстоятельства, изменения в среде, возникшие в результате преступлений, но и широкий круг категорий, порождающих и влияющих как на преступное поведение отдельных лиц, так и на преступность в целом. Многообразие оперативно-розыскной информации коррелирует с многообразием обстоятельств, детерминирующих преступность и индивидуальное преступное поведение.

Специфика деятельности оперативных подразделений требует постоянного наличия у оперативных сотрудников как активных, так и пассивных источников, позволяющих получать как гласную, так и негласную информацию. Следовательно, негласная информация может быть получена не только в результате оказания содействия лицами, сотрудничающими на конфиденциальной основе, но и в результате проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий. Гласная информация, как правило, поступает из открытых источников, при этом в преобладающем большинстве случаев для обеспечения ее поступления не требуется применения специальных сил, средств и методов ОРД (например, газеты, журналы, радио, телевидение, интернет).

В последнее время приобрело широкое развитие общение между различного уровня пользователями посредством социальных сетей и иных веб-сервисов, что позволяет оперативным сотрудникам получать разнообразную, актуальную, в определенном смысле в онлайн-режиме информацию о конкретных лицах, представляющих оперативный интерес.

Необходимо также понимать, что сам факт обладания оперативно-розыскной информацией еще не говорит о том, что задачи ОРД разрешены и, соответственно, в большинстве случаев по ней требуется проведение дополнительной проверки.

Представляется, что оперативных сотрудников необходимо обеспечить соответствующим программным обеспечением, функциональные возможности которого позволяют выделять по заданным критериям потенциально полезную информацию из общей массы.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим, что выполнению задач ОРД сотрудниками оперативных подразделений ОВД

на должном уровне напрямую зависит от наличия соответствующей информации, полученной как из различного рода источников, так и выделенной путем ее детального анализа, в том числе с использованием специализированных программных продуктов, способствующих существенно сократить временные затраты на изучение значительных по своему содержанию данных и в кратчайшие сроки получить необходимый результат. Это также позволит более взвешенно подходить к организации проведения дальнейших проверочных мероприятий, в том числе направленных на документирование преступных действий проверяемых лиц, планированию ОРМ и следственных действий, использованию полученных материалов в доказывании, принимать иные управленческие решения.

УДК 343

М.Е. Репин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ научной литературы и современной практики дают основания говорить о том, что вопрос о субъектах [1] оперативно-розыскной деятельности неоднозначен. Приведем несколько доводов авторитетных ученых, а затем сформулируем собственные представления по этому поводу.

Так, В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров к субъектам ОРД относят: органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность; оперативные подразделения этих органов; должностных лиц названных органов и подразделений; другие подразделения указанных органов и их должностных лиц; физических лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; иных субъектов [2, с. 12; 3, с. 16–18].

В свою очередь, А.Ю. Шумилов представляет таковых как совокупность двух основных групп физических и юридических лиц, в той или иной мере имеющих отношение к осуществлению ОРД:

собственно субъекты ОРД, или ее участники;
субъекты внешнего воздействия на ОРД [4, с. 76].

Одна группа авторов, основываясь на анализе практики и с учетом норм ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон

об ОРД) и ведомственных нормативных правовых актов, усматривает, что «субъектами ОРД являются преимущественно оперативные работники и конфиденты, специально отобранные и подготовленные для ведения такой работы», а также оперативные подразделения государственных органов, которым предоставлено право осуществлять оперативно-розыскную деятельность [5, с. 6].

Другая группа авторов, ссылаясь на ст. 13 Закона об ОРД, к субъектам ОРД относит лишь государственные органы и их оперативные подразделения, входящие в ограниченный перечень указанной статьи Федерального закона [6, с. 153–171].

Данные толкования, по нашему мнению, не отражают весь спектр субъектов ОРД. Открытыми остаются вопросы: являются ли субъектами ОРД Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, полномочные в соответствии со ст. 20 Закона об ОРД осуществлять контроль за оперативно-розыскной деятельностью? Кроме того, конкретно неопределенное лицо, лицо без гражданства, иностранный гражданин тайно и (или) анонимно оказавшие помощь в раскрытии преступления. Либо лицо, личность которого не установлена, в силу разных обстоятельств, предоставило информацию, представляющую оперативный интерес. По какому критерию следует определять субъект ОРД.

По нашим представлениям, необходимо различать субъект ОРД в широком и узком смысле.

В самом общем смысле, не обращаясь к законодательному определению, оперативно-розыскная деятельность – это деятельность конкретных индивидов, связанная с розыском, среди окружающих людей, совместно с ними и во взаимодействии с ними, или «с глазу на глаз» с окружающим предметным миром. В каких бы условиях и формах ни была деятельность человека, какую бы структуру она ни приобретала, в современном мире, она будет рассматриваться в системе отношений общества. Как осуществляется ОРД, определяется по формам и средствам материального и духовного общения конкретных людей в процессе розыска конкретного объекта. Как правило, таким объектом могут быть предметы материального мира, лица, чаще информация об этих предметах и лицах. Поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции РФ «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», то субъектом такого вида деятельности может быть каждый.

Как исторически преходящее явление, оперативно-розыскная (сыскная) деятельность является древнейшим видом деятельности человека

по применению розыскных приемов для установления лица по общему свойству следов на земле и определения места его нахождения. Писанные правила осуществления розыска в таких формах, как «свод» и «гонение следа» существовали уже во времена Древней Руси, о чем мы можем найти подтверждения в современных учебниках по ОРД [8, с. 14–15]. Тогда при отсутствии специальных органов сыска действовало правило – «куда приведет след, там и находится преступник». «Свод» и «гонение следа» являлись способами коллективной самопомощи и позволяли осуществлять розыск и изобличение последнего без участия государственной власти.

К сожалению, современное законодательное определение ОРД (ст. 1 Закона об ОРД) лишено исторически-преходящей сущностной основы – общественно-полезного деяния со стороны конкретно неопределенного субъекта, способствующего решению задач борьбы с преступностью. Данное обстоятельство в случае законодательного закрепления, как нам представляется, могло бы сыграть сильную профилактическую роль со стороны огромной армии добропорядочных лиц, населяющих Российскую Федерацию.

В этой связи субъектом ОРД по признаку осуществления социально полезных деяний можно признать конкретно неопределенное лицо или группу лиц, активно (в рамках правового поля) содействующее должностным лицам государственных органов, непосредственно уполномоченных осуществлять оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ). Главным отличительным признаком, отличающим субъекта ОРД от иных субъектов общественных отношений, следует признавать активное участие субъекта в общественно-полезном деянии, направленном на выявление и устранение причин, условий порождающих преступность. Важно такое участие в современных условиях разрастающейся террористической угрозы, защититься от которой возможно лишь всеобщими усилиями. Рассчитывать на ограниченные специализированные силы и средства государственных органов, как свидетельствует горький исторический опыт дореволюционной и современной России, не есть верная стратегия безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств.

Субъект ОРД в узком смысле различается по качественно-ролевому признаку, месту в системе уровней исполнения организационно-управленческих функций, объему полномочий в рассматриваемой сфере общественных отношений относительно осуществления ОРМ. В таком качестве они могут подразделяться на непосредственных и (или) опосредованных участников ОРМ, физических и (или) юридических лиц.

При толковании понятия «субъект ОРД» в рассматриваемой теории и практике на современном этапе их развития необходимо использовать комплексный подход, основываться и на достижениях обществознания. При таком подходе удастся уяснить всю многозначность и важность данного элемента в организационных процессах ОРД. В таком аспекте субъект (от лат. *subjectus* – лежащий в основе) – это:

индивид, познающий внешний мир (объект) и воздействующий на него в своей практической деятельности;

человек, консолидированная группа лиц (например, научное сообщество), общество, культура или даже человечество в целом, противопоставляемые познаваемым или преобразуемым объектам;

человек как носитель каких-либо свойств, личность;

в юридическом смысле – носитель прав и обязанностей, физическое или юридическое лицо;

предмет суждения, логическое подлежащее.

По нашему мнению, субъектом оперативно-розыскной деятельности может быть любое лицо, занимающее позицию противоборствующей стороны по отношению к криминалу. На законных основаниях осуществляет оперативно-розыскные мероприятия или выступает их участником, обладает соответствующими правами и подлежит ответственности в случае их ненадлежащего исполнения. Субъектами ОРД являются оперативно-розыскные органы, их должностные лица, а также иные физические и юридические лица, наделенные государственно-властными полномочиями на принятие соответствующих юридически значимых решений в ОРД и (или) проведение ОРМ либо участие в них, а равно изучаемые и защищаемые лица.

При этом необходимо различать понятия «общий субъект ОРД» и «специальный субъект ОРД» по качественно-ролевому признаку, месту в системе уровней исполнения организационно-управленческих функций, объему полномочий в рассматриваемой сфере общественных отношений относительно осуществления ОРМ.

Субъекты ОРД находятся под защитой государства. Так, при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество любого субъекта (участника) оперативно-розыскные органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством России. В целях обеспечения безопасности ряда субъектов ОРД и членов их семей допускается проведение специальных мероприятий по их защите,

а результаты ОРД не представляются в суд (следователю), если невозможно обеспечить безопасность их участников.

В системе субъектов оперативно-розыскной деятельности ведущая (организующая) роль в соответствии с Федеральным законом должна принадлежать физическим лицам, сотрудникам правоохранительных органов и спецслужб государства, которые в ходе своей служебной деятельности непосредственно профессионально применяют ОРМ, добывают, анализируют оперативную информацию, вступают во взаимоотношения с различными лицами, в том числе криминальной среды.

В целях совершенствования теории и практики оперативно-розыскной деятельности в рамках затронутого вопроса предлагается:

1. Статью 1 Закона об ОРД изложить в следующей редакции: «оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно лицами, в пределах полномочий, установленных Федеральным законом, посредством общественно-полезных деяний и (или) проведения оперативно-розыскных мероприятий под контролем государственных органов в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

2. Главу 3 Закона об ОРД изложить в следующей редакции: «органы и лица (субъекты), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность», так как существующая редакция – название указанной главы повторяется в названии ст. 13 Закона об ОРД [11].

1. Субъект – человек как носитель предметно-практической деятельности и познания. Различаются индивидуальный и групповой (коллективный) субъект [Электронный ресурс] // Философский словарь. Энциклопедия. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/subjekt.html> (дата обращения: 26.09.2018).

2. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. М., 2003.

3. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : тр. Акад. упр. МВД России. М., 2000.

4. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. М., 2006.

5. Оперативное внедрение : учеб.-метод. пособие / под ред. Б.Н. Блинов, О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Ю.В. Колташев. М., 2000.

6. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006.

7. Дубоносов Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. Г.К. Синилова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

УДК 343.985.8

В.Ч. Родевич

РАЗВИТИЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – НОВУЮ ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ОСНОВУ

Анализ оперативной работы ориентирует нас к человеку – людям, выступающим в данном виде деятельности основным и связующим звеном всех происходящих в ней процессов. Соответственно, достигнуть разрешения имеющихся сложностей в ОРД и вывести ее на новый уровень можно в результате использования комплексного подхода к формированию развитых межличностных связей.

В процессе становления оперативно-розыскной науки и дальнейшего формирования ее теоретических основ проблема субъектов и участников, начиная с советского периода, фактически не разрабатывалась, а лица, участвующие в указанной работе, рассматривались как силы ОРД, которые составляют ее интеллектуальный блок.

Однако в условиях множественности органов, осуществляющих данную деятельность, вовлечения все большего количества лиц в рассматриваемую работу без определенного правового статуса, выяснения их места и функций в ОРД, многие лица в этом процессе как субъекты права, остаются в теоретико-правовом плане недостаточно исследованными.

Сейчас оперативный контакт в ОРД определен через негласные отношения с лицами в форме их конфиденциального содействия оперативно-розыскным органам, но не через некую оперативную субъектность. Поэтому неясно, какой оперативный субъект появляется вследствие оперативного контакта. С формальной точки зрения – любой (Лобзов К.М. «Контакт», «оперативный контакт» и «психологический контакт» в теории и практике оперативно-розыскной деятельности (опыт методологического и теоретико-психологического анализа) // Правоохранительная деятельность в Российской Федерации: проблемы теории и практики : сб. материалов Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Калининград, 2015. С. 87).

Такое положение вещей не могло не сказаться на отсутствии фундаментальной научной концепции законодательного регулирования отношений всех субъектов ОРД и необходимости выработки рекомендаций для их борьбы с преступностью, так необходимых в условиях изменения характера общественно опасных деяний и личности криминального элемента. С этой целью возникла необходимость создания системы статусов и ролей в ОРД и дать прогностические выводы об их развитии в будущем.

На наш взгляд, в основе определения лиц, участвующих в ОРД, находится процесс познания, раскрывающий субъектно-объектные отношения. Специфика взаимоотношений субъекта и объекта связана с тем, что субъекты познания могут быть ограничены сведениями об объекте, т. е. оперуполномоченный, руководитель оперативного подразделения не всегда могут получить полную информацию об объекте, а в основном, как показывает практика, получают ее в ограниченном виде. Связано это с ухищрениями, к которым прибегают преступники, своей активностью в противоборстве с правоохранительными органами.

Еще одна сложность в практической реализации процесса познания в ОРД связана с тайными действиями преступников и конспиративным применением оперативно-розыскной тактики, которая выражается использованием отдельных лиц, способных проникать в преступную среду.

Таким образом, каждый из лиц, участвующих в ОРД осуществляет познание в рамках своих конкретных функций. Соответственно, гносеологический процесс в ОРД у всех лиц различный. В качестве субъектов, осуществляющих рассматриваемую работу, предлагаются органы, оперативные подразделения, их руководители; оперативные сотрудники, т. е. лица, наделенные властными полномочиями и непосредственно осуществляющие данную деятельность.

Следует констатировать, что ОРД осуществляется путем привлечения отдельных лиц (организаций) для решения конкретных оперативно-тактических задач. Связано это в известной степени с тем, что данная деятельность осуществляется в условиях противоборства и конфликта субъекта и объекта ОРД. В этой связи нами предлагается уточненная классификация участников ОРД:

должностные лица и органы Республики Беларусь, осуществляющие надзор и вневедомственный контроль за ОРД;

лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим ОРД;

К участникам ОРД относятся начальник следственного подразделения, следователь. Такое решение обусловлено не только возможностью ознакомления следователя с отдельными материалами ОРД, а случаями, когда руководствуясь специальными нормативными правовыми актами (например, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 февраля 2016 г. № 101 «О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции») организуют раскрытие преступлений, получение и обмен информацией для ее использования в борьбе с преступностью. В данном случае следователь выступает самостоятельным лицом в целостной структуре познания ОРД.

К самостоятельной группе относятся лица, появление которых в сфере ОРД связано с защитой их собственных интересов; лица, вовле-

ченные в сферу ОРД, в связи с необходимостью их проверки для работы на определенных объектах (сферах деятельности).

Предложенная система субъектов и участников позволяет совершенствовать правовое регулирование, решать проблемы подбора граждан для участия в ОРД, определять роль каждого участника при проведении ОРМ.

Особые отношения в ОРД, которые обусловлены тайным характером, а часто и отсутствием общественного контроля, вызывают необходимость построения новых теоретических конструкций развития нравственных отношений в ОРД. На наш взгляд, сейчас необходимо говорить о профессиональном долге субъектов и участников. Одним из направлений оперативно-розыскной деонтологии является должное (необходимое) поведение оперативника с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе.

На наш взгляд, оперативно-розыскная деонтология – правила должного поведения на основе морально-этических принципов субъектов, которые делегируют определенное поведение участникам для решения задач ОРД, основанное на разработке и подготовке процедуры обеспечения безопасности лиц, участвующих в ОРД, и соблюдения их прав и свобод.

Представленное должное поведение субъектов ОРД и лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, на наш взгляд, должно проявляться в нравственных поступках оперативного сотрудника. В данном случае должное поведение со стороны органов, осуществляющих ОРД, обязано заключаться в нравственно осознанном принятии мер по обеспечению безопасности участников и их близких, и с обязательным условием недопущения со стороны субъектов и участников провокации и подстрекательства к совершению преступлений.

Рассматривая должное поведение оперативника, мы говорим о необходимости формирования готовности у лиц, вовлеченных в ОРД, решать ее задачи. Здесь необходимо исходить из того, что мотивационная составляющая состоит не только из собственного желания или необходимости осуществления такой деятельности, а формирования его готовности вовлекать лицо в активные действия. Важно сформировать у лица волевые свойства, т. е. побудить его выполнить определенные действия в условиях тревожности, волнения и опасности разоблачения. Для таких действий лицо должно понимать, что находится в безопасности и под защитой. На основе норм нравственной регуляции лиц, участвующих в данной деятельности, необходим механизм участия граждан в ОРД (по принципу – не делай другим того, чего не желаешь себе), который выражается в соблюдении ряда условий при планировании и проведении ОРМ.

Теоретическая модель построения нравственных отношений между субъектами ОРД и лицами, оказывающими им содействие на конфиденциальной основе, на базе разработанного деонтологического знания, способствует выполнению регулятивной, предупредительной, познавательной, коммуникативной функций в деятельности лиц, участвующих в рассматриваемой работе, показывает формирование нравственных отношений в ОРД и позволяет представить содержание этой деятельности и направления ее развития.

Развитие ОРД возможно путем построения правовых институтов. Именно они отражают логику правового регулирования и позволяют ответить на вопрос, как в современных условиях функционирует ОРД. В качестве основ института субъектов и участников ОРД нами предлагается новая система и классификация субъектов и участников на основе выявленных закономерностей отнесения лиц к указанным группам. Исходя из этого, должны разрабатываться понятийно-категориальный аппарат деятельности указанных лиц, сформулированы дефиниции вновь определенных субъектов и участников, а также раскрываться требования для них в деонтологическом смысле.

Важным представляется показать к какому социально полезному результату мы стремимся в планируемых исследованиях по проблемам ОРД, как работает человек, находясь в состоянии изменения социальных структур. Ведь современный мир постоянно усложняется, и это приводит к росту неопределенности, снижению предсказуемости и управляемости всех процессов в ОРД.

Это вызывает необходимость изменения функционального характера работы субъектов и участников, что обязывает нас искать новые подходы в их работе. Прежде всего это разработка теоретических положений, определяющих тенденции изменения направлений использования человеческого потенциала в рассматриваемой деятельности путем: точного установления статусов и ролей в данном правовом институте; стимулирования их социально полезной активности, обеспечения безопасности и гарантий соблюдения их прав и обязанностей; построения модели поведения оперативного сотрудника при работе с конфиденциантами.

Если человек – главное звено в ОРД, то и все изменения должны быть направлены на улучшение его деятельности и создание условий по эффективному решению задач.

Совершенствование управления общественными отношениями в сфере ОРД должно проходить через выявленные закономерности, которые раскрывают «пойманную» наукой тенденцию в развитии рассматриваемой деятельности.

Реализация представленных теоретических основ позволит расширить представления о функционировании и развитии института субъектов и участников, совершенствовать правовое регулирование деятельности указанных лиц, определить роль каждого участника при проведении ОРМ, проводить перспективные исследования по организационно-тактическим аспектам деятельности конкретного субъекта и участника.

УДК 343.985

Л.И. Родевич, Н.И. Коконев, З.В. Корж

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ГРАЖДАН, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Оперативно-розыскная деятельность является одним из наиболее эффективных инструментов государства в противодействии преступности. С использованием форм и методов ОРД государственные органы, наделенные правом на ее осуществление, обеспечивают защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства. При этом успешное и качественное выполнение задач ОРД практически невозможно без участия граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) органам, осуществляющим ОРД, оказывают содействие на конфиденциальной основе граждане посредством участия в оперативно-розыском мероприятии или содействия в его подготовке и проведении по контракту либо по заявлению.

Таким образом, ключевыми условиями оказания такого содействия граждан является добровольность оказания помощи органам, осуществляющим ОРД, а также конфиденциальность оказания такой помощи.

В ст. 10 Закона об ОРД установлены права и обязанности граждан в связи с осуществлением ОРД, в том числе граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. Одним из наиболее важных требований к указанной категории граждан

является то, что они обязаны сохранять в тайне сведения об оказании ими содействия органам, осуществляющим ОРД. Они должны понимать, что сведения, которые они предоставляют органам, осуществляющим ОРД, имеют особое значение в противодействии преступности, и, следовательно, они должны оставаться вне поля зрения для преступного мира. Это же правило применимо к сохранению сведений, ставших известными им в связи с участием в оперативно-розыскных мероприятиях.

Граждане, оказывающие содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, должны указывать источник своей осведомленности при предоставлении сведений, необходимых для выполнения задач ОРД, что обусловлено необходимостью тщательной проверки объективности и достоверности полученной от них информации.

Уголовно-процессуальный кодекс наделяет правом орган уголовного преследования и суд по находящимся в их производстве материалам и уголовному делу вызывать любое лицо для проведения следственных и других процессуальных действий, требовать от органов, уполномоченных законом, осуществлять оперативно-розыскную деятельность, предоставлять предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. Материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, проверенные и оцененные в предусмотренном уголовно-процессуальном законом порядке, могут быть признаны в качестве источников доказательств.

Для выполнения задач ОРД граждане, оказывающие конфиденциальное содействие, могут быть допущены к государственным секретам в пределах, необходимых для их деятельности. Этот факт крайне важно учитывать при принятии решения о привлечении таких граждан к конфиденциальному содействию. Сотрудники органа, осуществляющего ОРД, должны быть уверены в том, что указанные граждане в полной мере осознают всю степень возложенных на них обязанностей и понимают, что нарушение этих обязанностей может повлечь последствия, связанные прежде всего с реальной угрозой жизни, здоровью, сохранности имущества как самого конфидендента, так и его близких.

В случае, если лицо, принимавшее участие на конфиденциальной основе в оперативно-розыскных мероприятиях, дает согласие на участие в предварительном расследовании по уголовному делу, например, в качестве свидетеля, то оно добровольно берет на себя и обязательство, вытекающие из его участия еще и в проведении следственных и других процессуальных действий с его участием, например, неразглашение данных предварительного следствия. Данные предварительного следствия или дознания могут быть преданы гласности лишь с разреше-

ния следователя, лица, производящего дознание, и только в том объеме, в каком ими будет признано это возможным, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного процесса. Следователь, лицо, производящее дознание, вправе предупредить свидетелей, эксперта, специалиста и других лиц, присутствующих при производстве следственных и других процессуальных действий, о недопустимости разглашения без их разрешения имеющихся в деле сведений. У этих лиц берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 407 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Вышеперечисленные лица предупреждаются об ответственности за разглашение сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, содержащихся в материалах уголовного дела, о чем у них берется подписка.

Должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия может привлекать граждан, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, иных граждан и (или) организации, использовать служебных животных, имущество граждан и организаций.

Органы, осуществляющие ОРД, за исключением таможенных органов Республики Беларусь, могут заключать контракты с привлеченными к сотрудничеству на конфиденциальной основе совершеннолетними гражданами независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, социального и должностного положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

Однако не каждый гражданин может привлекаться к сотрудничеству на конфиденциальной основе по контракту. Запрещается такая форма сотрудничества с депутатами всех уровней, следователями, судьями, адвокатами, священнослужителями и полномочными представителями религиозных организаций.

Закон об ОРД гарантирует правовую и социальную защищенность содействующих ОРД граждан и стимулирует к такому сотрудничеству предоставляя им право на получение вознаграждения и других выплат, а также на компенсацию затрат, понесенных при осуществлении ими оперативно-розыскных мероприятий. Сведения об оказании такого содействия сохраняются в тайне. Органами, осуществляющими ОРД, обеспечивается безопасность не только гражданина, оказывающего или оказывавшего им содействие на конфиденциальной основе, но также и его

близких родственников и членов семьи либо иных лиц, которых гражданин, оказывающий или оказывавший содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, обоснованно считает близкими.

Согласно ст. 19 Закона об ОРД одним из условий проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий является наличие специального задания гражданину, принимающему участие в его проведении. В частности, оперативный опрос, сбор образцов, оперативный осмотр, для проведения которых должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, привлекло граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе, могут проводиться по специальному заданию. В обязательном порядке по специальному заданию проводятся проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение и оперативный эксперимент.

Права и обязанности гражданина, принимающего участие в проведении оперативно-розыскного мероприятия по специальному заданию, определены в ст. 10 Закона об ОРД. Вместе с тем необходимо учитывать, что при выполнении специального задания указанный гражданин действует в интересах органа, осуществляющего ОРД, на которого, в свою очередь, Законом об ОРД возлагаются соответствующие обязанности.

В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 14 Закона об ОРД органам, осуществляющим ОРД, их должностным лицам запрещается:

осуществлять оперативно-розыскную деятельность для выполнения задач, не предусмотренных Законом об ОРД;

создавать обстановку (ситуацию), исключающую возможность свободного выбора гражданами, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, характера своих деяний, в том числе реализации права на добровольный отказ от преступления (провоцировать граждан на совершение преступления);

разглашать и (или) использовать во вред гражданам или организациям сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну граждан и (или) иные их права, свободы и законные интересы, права и законные интересы организаций, которые стали известны при проведении оперативно-розыскных мероприятий, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами; фальсифицировать результаты ОРД.

По нашему мнению, требования ч. 2 ст. 14 Закона об ОРД должны распространяться на граждан, принимающих участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий по специальному заданию органов, осуществляющих ОРД.

Таким образом, в целях создания необходимой правовой основы делегирования соответствующих запретов и ограничений для органов,

осуществляющих ОРД, закрепленных в ч. 2 ст. 14 Закона об ОРД, их в обязательном порядке необходимо излагать в специальном задании, объявляемом под подпись гражданам, оказывающим конфиденциальное содействие этим органам, посредством участия в оперативно-розыскных мероприятиях.

УДК 343.985.2

О.В. Савчук, Н.Д. Попков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Многие государства, проводя свою политику по борьбе с преступностью, используют различные методы и средства предупреждения, пресечения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. неотъемлемым инструментарием правоохранительных органов является наблюдение. В связи со стремительным развитием сферы высоких технологий способы совершения преступления также совершенствуются, что требует применения адекватных способов их выявления и раскрытия. Одним из путей совершенствования является использование различных технических средств при проведении наблюдения. В этой связи в научном и практическом обороте многих государств мира начал использоваться термин «электронное наблюдение». Определенный научный интерес представляет изучение подходов к содержанию электронного наблюдения деятельности полиции в ФРГ.

Под электронным наблюдением в ФРГ понимают наблюдение, осуществляемое на расстоянии посредством электронного оборудования или иных технических средств. К нему относят контроль телекоммуникации, акустический контроль жилища, видеонаблюдение, наблюдение с использованием технических средств, полицейское наблюдение [1, с. 233–234; 2, с. 148, 155, 166, 242; 3, с. 49].

Оперативно-розыскная деятельность в ФРГ регламентирована уголовно-процессуальным законом. Так, в § 100h Уголовно-процессуального кодекса ФРГ регламентируется наблюдение с использованием технических средств. Оно не охватывает мероприятия, связанные с фото-, видеофиксацией и запись переговоров. При его проведении могут использоваться чехолы со встроенной сигнализацией, датчики движения, приборы ночного видения и датчики местоположения, в том числе

глобальной системы позиционирования. Данное мероприятие охватывает совершение кратковременного перемещения автомобиля в мастерскую для установки на нем специальной техники. Следует отметить, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством ФРГ проведение наблюдения с использованием технических средств возможно только в отношении уголовно наказуемого деяния особой значимости (чего нельзя сказать о фото-, видеофиксации, которые могут проводиться по любым категориям дел) [1, с. 119–120; 2, с. 166–169].

Отметим, что при проведении указанного мероприятия должен соблюдаться принцип соразмерности, а именно: оно может быть проведено только в случае, если другими способами расследовать дело или установить обвиняемого невозможно или затруднительно. Наблюдение с использованием технических средств может быть проведено в отношении обвиняемого (а в случае соблюдения больших предпосылок соразмерности – в отношении других лиц). Однако данное мероприятие не может быть проведено в отношении адвоката, только если он не является обвиняемым по тяжкому преступлению. Материалы, отражающие ход и результаты данного вида наблюдения, хранятся в прокуратуре. По окончании проведения наблюдения с использованием технических средств лицо, в отношении которого оно было проведено, уведомляется об этом и о сроках подачи жалоб, после чего документы по проведению данного мероприятия могут быть приобщены к материалам дела [1, с. 121; 2, с. 169].

Разновидностью электронного наблюдения является установление данных о местоположении, номере и карточке мобильного телефона с использованием технических средств (далее – установление местоположения мобильного телефона). Для того чтобы установить местоположение мобильного телефона, принято использовать специализированные устройства определения международного номера идентификации пользователя IMSI (International Mobile Subscriber Identify), также называемые IMSI-Catcher. Мобильный телефон воспринимает устройство IMSI-Catcher в качестве базовой станции и после поступления от него стандартного запроса на идентификацию направляет в ответ идентификационный отклик, который содержит идентификационные номера SIM-карты IMSI и мобильного телефона IMEI (International Mobile Equipment Identify). Это позволяет устройству IMSI-Catcher зафиксировать идентификационные номера всех мобильных телефонов, которые находятся в определенной соте [1, с. 122; 4, с. 124].

При необходимости установления местоположения мобильного телефона нужного лица должностное лицо правоохранительных органов с помощью IMSI-Catcher фиксирует все идентификационные номера

IMSI – IMEI в окружении разрабатываемого лица в местах его постоянного пребывания, в результате чего образуется определенный массив данных. По результатам отработки данного массива с большой долей вероятности есть возможность установить идентификационные данные, которые принадлежат разрабатываемому лицу. Устройство IMSI-Catcher может быть использовано для установления перемещений лица. Следует отметить, что при использовании устройства IMSI-Catcher, которое может быть замаскировано под предметы обихода, мероприятия по установлению местоположения мобильного телефона проводятся в тайне от лица и сотовых компаний. Как и при наблюдении с использованием технических средств, по окончании его проведения уведомляется лицо о факте его проведения и сроках подачи жалобы [1, с. 123; 2, с. 169].

Под полицейским наблюдением понимается планомерное, негласное наблюдение за лицом или объектом в целях установления его профиля перемещения. Целью полицейского наблюдения является получение сведений для составления профиля перемещений наблюдаемого лица. Началом проведения полицейского наблюдения является ввод данных лица и его номерных знаков автотранспорта в контрольную систему. При пресечении данным объектом контрольного поста это событие фиксируется. Далее проходит объединение данной информации, в результате чего образуется профиль перемещений. Для составления профиля перемещений используются различные данные, например свидетельствующие о местоположении или действиях лица (свидетельствующие о местоположении абонента сотового телефона или объекта, оснащенного системой глобального позиционирования, о местах оплаты с использованием пластиковых магнитных карточек). Роль контрольной системы играет федеральная информационная система по розыску лиц и похищенного «Инпол» [6, с. 95–97; 7, с. 168–169].

При проведении указанного мероприятия ограничивается одно из основных прав – свобода лица, а также права на информационное самоопределение. В этой связи § 163e Уголовно-процессуального кодекса ФРГ регламентирует требуемые предпосылки проведения и прекращения полицейского наблюдения. Срок проведения полицейского наблюдения составляет один год и может быть продлен многократно на три месяца каждый раз. Распоряжение на проведение мероприятия выносит специально уполномоченное лицо – следственный судья, а при неотложности данное полномочие предоставляется прокуратуре. Однако следует отметить, что если следственный судья отдает распоряжение в письменной форме, то прокуратура вправе это сделать устно. В распоряжении должны быть указаны подлежащее наблюдению лицо или номерной знак. При утрате необходимости такого мероприятия данные,

полученные в ходе его проведения, должны быть незамедлительно стерты [1, с. 187–189; 2, с. 242; 7, с. 203–204].

Подводя итог рассмотрения отдельных аспектов электронного наблюдения в ФРГ, необходимо отметить, что оно имеет достаточно широкий спектр применения. В деятельности полиции ФРГ под электронным наблюдением понимают наблюдение, осуществляемое на расстоянии посредством электронного оборудования или иных технических средств. Наблюдение с использованием технических средств – это использование различного рода устройств для восприятия деятельности лица, явлений, событий, процессов опосредованно. Установление данных о местоположении, номере и карточке мобильного телефона с использованием технических средств включает в себя установление идентификационных номеров IMSI – IMEI мобильного телефона лица с использованием устройства IMSI-Catcher. Под полицейским наблюдением понимается планомерное, негласное наблюдение за лицом или объектом в целях установления его профиля перемещения с использованием контрольной системы «Инпол».

Мероприятия, которые охватываются электронным наблюдением, регламентированы уголовно-процессуальным законом и являются негласными. Однако негласность прослеживается только при иницировании их проведения и при самом осуществлении, а по итогу лицо, в отношении которого они проводились, уведомляется об этом. В этой связи представляется, что электронное наблюдение в ФРГ является негласным только отчасти, что в отдельных случаях может помешать более качественному и полному предупреждению, пресечению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

1. Харевич Д.Л. Негласное расследование в Германии ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск, 2010.

2. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012.

3. Харевич Д.Л. О толковании термина «электронное наблюдение» в применении к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности // Юстыця Беларусі. 2010. № 4.

4. Харевич Д.Л. Скрытое расследование в Германии: история и современность // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2006. № 2.

5. Харевич Д.Л. Особенности информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в выявлении и раскрытии наркопреступлений // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2004. № 2.

6. Гесснер Р., Херцог У. За фасадом права: методы новой тайной полиции / пер. с нем. Л.Ф. Маковин; отв. ред. Т.Г. Морщакова. М., 1990.

УДК 343.9

В.В. Стрежнев

ВИДЫ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В теории и практике оперативно-розыскной деятельности содействие граждан¹ ее субъектам рассматривается как один из основных институтов, определяющих содержание и сущностные характеристики данной деятельности, выделяя ее из числа иных видов социальной практики [1; 2].

Высокая общественная и собственно юридическая значимость данной проблемы во многом способствовала тому, что наиболее существенные изменения и дополнения в законодательстве, связанные с принятием в 2015 г. нового Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), посвящены детальной регламентации правоотношений, возникающих в ходе оказания гражданами содействия органам, осуществляющим ОРД. По сравнению с аналогичным законом 1999 г., они связаны, прежде всего, с понятийным аппаратом, определением прав и обязанностей участников отношений, возникающих в ходе оказания гражданами данного содействия, конкретизацией вопросов их правовой и социальной защиты.

Так, характеризуя данный институт, законодатель указывает, что «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, привлекают граждан к содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на конфиденциальной основе, а также к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий и (или) участию в них в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства».

Анализ норм нового закона в определенной мере позволяет сформировать целостное представление о содержании содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, его видах и формах оказания. В качестве правовых основ данного института следует рассматривать предоставленные субъектам данной деятельности таких прав, как:

привлекать граждан с их согласия к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий и (или) участию в них;

¹ Здесь и далее под гражданами понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства.

устанавливать на безвозмездной или возмездной основе сотрудничество с гражданами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, заключать с ними контракт;

получать от граждан на безвозмездной или возмездной основе сведения, необходимые для выполнения задач ОРД;

использовать по договору принадлежащие гражданам на праве собственности, находящиеся у них в пользовании помещения, транспортные средства, средства связи, иное имущество.

Кроме того, к участию в ОРМ могут привлекаться лица, обладающие специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, (специалисты) для проведения исследований по поставленным перед ними вопросам и иным входящим в их компетенцию обстоятельствам, что также следует рассматривать как оказание содействия субъектам ОРД.

Для практической деятельности субъектов ОРД принципиально важным является и понимание того, что не всякое содействие можно рассматривать как сотрудничество (на конфиденциальной основе) но сотрудничество в любой форме будет являться содействием граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [1, с. 215].

Обобщенный анализ прав и обязанностей граждан, содействующих оперативно-розыскным органам, в общем виде раскрывает содержание оказываемого ими содействия. В данном случае оно может оказываться путем:

предоставления органам, осуществляющим ОРД, на безвозмездной или возмездной основе сведений, необходимых для выполнения задач данной деятельности;

предоставления по договору принадлежащих им на праве собственности, находящихся у них в пользовании помещений, транспортных средств, средств связи, иного имущества для использования;

совершения конкретных действий в рамках выполняемого ими специального задания, в том числе связанных с использованием средств негласного получения (фиксации) информации (при оказании содействия на конфиденциальной основе);

проведения исследований по поставленным перед специалистом вопросам и иным входящим в его компетенцию обстоятельствам.

Вышеуказанные положения Закона об ОРД, раскрывающие содержание содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, позволяют выделить такие его виды, как:

деятельностное, предполагающее совершение лицом конкретных действий в рамках выполняемого задания либо связанных с подготовкой и (или) проведением ОРМ. Подобного рода действия могут совершаться как в рамках задания (специального), так и без него;

информационное, связанное с сообщением (предоставлением) гражданином информации, имеющей значение для решения задач ОРД;

имущественное, оказываемое путем предоставления имущества, необходимого как для осуществления ОРД в целом (создания необходимых условий), так и для проведения конкретных ОРМ;

интеллектуальное, связанное с проведением исследований (специалистом) по поставленным вопросам, имеющим значение для решения задач ОРД.

При рассмотрении содействия наиболее важным является выделение его видов, основанное на характере оказания. Это связано, прежде всего, с необходимостью выделения содействия гласного и негласного (его оказания в гласной и негласной форме).

В данном случае наиболее важным является понимание того, что содержание оперативно-розыскной деятельности и условия ее осуществления указывают на то, что именно негласное содействие позволяет субъектам ОРД с необходимой степенью эффективности решать стоящие перед ними задачи [1, с. 208–209]. При этом следует учитывать, что в Законе об ОРД термин «негласный» применяется лишь в характеристике таких понятий, как «средства негласного получения (фиксации) информации», «штатный негласный сотрудник» и «проведение оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно», а применительно к содействию во всех случаях используется такая его характеристика, как содействие «на конфиденциальной основе».

С учетом положений ст. 1 Закона об ОРД, определяющей содержание оперативно-розыскной деятельности как проведение оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, оказание содействия во всех случаях будет связано с гласным либо негласным участием граждан в их подготовке и (или) проведении (с установлением или без установления отношений сотрудничества на конфиденциальной основе). Кроме того, участвовать в подготовке и (или) проведении ОРМ (как правило, проводимых негласно) могут и лица, с которыми такие отношения уже поддерживаются, а также лица, по заявлению которых проводятся соответствующие ОРМ в случаях, предусмотренных Законом об ОРД. В последнем случае и первые и вторые будут являться гражданами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе.

Как в теоретическом, так и практическом плане необходимо четко различать такие понятия, как «негласное содействие» (содействие с сохранением конфиденциальности) и «содействие на конфиденциальной основе» и исходить из того, что негласное содействие как таковое может оказываться как в рамках поддержания отношений сотрудничества на конфиденциальной основе, так и без установления данных отношений. Как правило, в последнем случае может иметь место оказание кратковременного содействия, инициативное предоставление лицом соответствующей информации, оказание содействия специалистом, анонимное содействие и т. д.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что содействие на конфиденциальной основе является частным случаем по отношению к содействию негласному как таковому – оно всегда будет негласным, но негласное содействие не всегда будет являться содействием на конфиденциальной основе.

Нормы действующего законодательства, регулирующего соответствующую сферу правоотношений, позволяют в рамках содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, выделить такие его виды, как:

по характеру (форме) оказания: оказываемое на гласной либо негласной (в том числе конфиденциальной) основе. В свою очередь, содействие на конфиденциальной основе может оказываться с установлением либо без установления отношений конфиденциального сотрудничества;

по основе оказания: возмездное (связанное с реализацией прав на получение вознаграждения и другие выплаты, а также на компенсацию затрат, понесенных в связи с участием в оперативно-розыскных мероприятиях) и безвозмездное содействие;

по длительности оказания: кратковременное (эпизодическое) и длительное (систематическое);

по основаниям участия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий: по заявлению либо без заявления;

по характеру регулирования (закрепления) отношений: на договорной основе и без заключения договора (в случае содействия на конфиденциальной основе – с заключением или без заключения контракта).

С учетом вышеизложенного структура института содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, может быть представлена отдельными видами содействия, которые характеризуют содержание оказываемой помощи, ее основания и особенности.

Виды содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

В данном случае содействие на конфиденциальной основе следует рассматривать как негласное содействие, оказываемое в рамках поддержания отношений конфиденциального сотрудничества либо связанное с участием лица в подготовке и (или) проведении ОРМ по заявлению с сохранением конфиденциальности. При этом вопросы длительности, возмездности, оформления (закрепления) отношений и содержания оказываемого содействия, в котором гражданин участвовал, решаются сторонами на добровольной основе в зависимости от характера оперативной задачи.

Выделение соответствующих видов оказания содействия гражданами органам, осуществляющим ОРД, основанное на анализе норм нового оперативно-розыскного законодательства, позволяет не только сформировать целостное представление о данном институте, но и указывает на необходимость детализации в ведомственных нормативных правовых актах различных аспектов оказания данной помощи, учитывающих новые правовые реалии.

Прежде всего в данном случае следует говорить о необходимости определения в них порядка установления сотрудничества на конфиденциальной основе, привлечения граждан к подготовке и проведению ОРМ и (или) участию в них, оказания кратковременного (эпизодического) содействия, использования помощи специалистов, заключения договоров, связанных с использованием принадлежащих гражданам помещений, транспортных средств, средств связи и иного имущества и по иным вопросам, обеспечивающих правомерность и эффективность использования содействия субъектами ОРД с учетом разнообразия видов и форм его оказания.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова [и др.]. М., 2006.

2. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.

УДК 393.985

В.В. Сыромолот, В.В. Кравец

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Права и свободы граждан реализуются в обществе и часто нарушаются. Для того чтобы предупредить или пресечь данные нарушения, неизбежным является ограничение определенных прав и свобод со стороны органов, наделенных правом на осуществление ОРД. Ограничения обусловлены прежде всего необходимостью уважения таких же прав и свобод других граждан, недопущения произвольного обращения с ними, а также необходимостью нормального функционирования общества и государства.

Конституция Республики Беларусь допускает ограничение конституционных прав и свобод граждан только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону.

Основаниями для ограничения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД являются:

сведения о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь;

сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем, либо осведомленном о нем;

поручение, указание, постановление органа уголовного преследования по уголовному делу, рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении;

постановление органа уголовного преследования, определение, постановление суда об объявлении розыска обвиняемого;

постановление органа или учреждения, исполняющего наказание, об объявлении розыска в случаях, установленных законодательными актами, осужденного к наказанию;

сведения о гражданине, без вести пропавшем (безвестно исчезнувшем); сведения о гражданине, который погиб (умер) и персональные данные которого необходимо установить;

сведения о гражданине, который в силу состояния здоровья или возраста не может сообщить о себе сведения и персональные данные которого необходимо установить и т. д.

В Республике Беларусь ограничение прав и свобод человека и гражданина может выражаться в частичной отмене права (некоторые категории государственных служащих ограничены ст. 36 Конституции в свободе политических объединений, но могут создавать и быть членами общественных объединений, которые не преследуют политических целей); полной отмене права (недееспособные лишаются избирательного права, ст. 64 Конституции).

Права и свободы граждан ограничиваются для:

уважения прав, свобод и репутации других лиц;

охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права человека, проводятся с санкции прокурора, однако, согласно Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» в случаях, не терпящих отлагательств, для предупреждения, выявления, пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления санкции прокурора не требуется, однако в этом случае, лицо, осуществляющее ОРМ, в течении 24 часов обязано письменно уведомить прокурора о проведении данного мероприятия, а в течении 48 часов с момента начала проведения ОРМ предоставить материалы оперативно-розыскной деятельности, послужившие основанием для принятия решения о проведении оперативно-розыскного мероприятия, безотлагательно. Сведения, полученные при проведении ОРМ, проведение которого без санкции прокурора или его заместителя признано прокурором или его заместителем необоснованным, не могут быть использованы для выполнения задач ОРД.

При отказе прокурора или его заместителя в даче санкции на проведение ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, орган, осуществляющий ОРД, вправе обратиться по этому же вопросу к вышестоящему прокурору или его заместителю.

Руководители оперативных подразделений ОВД вправе отказать в проведении ОРМ, когда оперативные документы оформлены инициатором в нарушение установленных требований (например, выяснение указанных вопросов не входит в компетенцию сотрудников подразделений ОРД).

Общий срок проведения ОРМ составляет 90 суток. В необходимых случаях срок проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, осуществление слухового контроля, может быть продлен до 180 суток прокурорами областей, г. Минска или их заместителями. Продление срока проведения указанных ОРМ до 365 суток осуществляется заместителями Генерального прокурора Республики Беларусь, до 545 суток – Генеральным прокурором Республики Беларусь.

Руководители оперативных подразделений ОВД могут приостановить проведение указанных ОРМ, если разрабатываемое лицо не проявляет криминальной активности либо на объекте не происходят события, представляющие оперативный интерес, до принятия инициатором мер, искусственно побуждающих разрабатываемого к определенным действиям.

О прекращении ОРМ выносится постановление.

Под условиями ограничения конституционных прав и свобод человека при проведении ОРМ понимается закрепленная в Законе об ОРД совокупность принципов и правил, обеспечивающих баланс, с одной стороны, интересов личности, имеющей право на тайну личной жизни, а с другой – общества, заинтересованного в эффективной борьбе с преступностью, своевременном и эффективном выявлении, предупреждении и пресечении преступлений.

Анализируя перечисленные основания и условия ограничения прав и свобод граждан, необходимо отметить, что некоторые из них могут быть ограничены только по решению суда (например, назначение наказания в виде лишения свободы или смертной казни и т. д.).

Таким образом, стоит отметить, что конституционные права и свободы граждан содержатся в главном по юридической силе Законе страны – Конституции Республики Беларусь, которая соответствует нормам, содержащимся в международных правовых актах. Конституцией Республики Беларусь предусмотрены политические, социально-культурные, экономические и гражданские права человека и гражданина.

На основании Конституции Республики Беларусь, уважения ее норм, построена вся система законодательства в нашем государстве. Поэтому Следует отметить, что каждый из законодательных актов Республики Беларусь, в частности Уголовный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, содержат в себе нормы, которые направлены на

обеспечение прав и свобод человека. Следовательно, при любой деятельности, в том числе проведении ОРМ, следственных действий и т. д., конституционные права и свободы человека и гражданина должны обязательно уважаться компетентными органами, сотрудниками органов внутренних дел и т. д.

УДК 343.985.5

А.Р. Табаков

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии со ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств.

Аналогичные принципы нашли отражение в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности».

Однако в данной статье будет сделан акцент именно на принципы ОРД, установленные ФЗ об ОРД, среди которых только соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД раскрывается достаточно пространно в ст. 5 рассматриваемого закона.

Согласно ч. 1 ст. 5 ФЗ об ОРД, введенной 5 января 1999 г. № 6-ФЗ органы (должностные лица), осуществляющие ОРД, при проведении ОРМ должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции.

Таким образом, в ч. 1 ст. 5 ФЗ об ОРД перечислены конституционные права, которые не могут быть не ограничены при проведении ОРМ в силу самой специфики ОРД.

Соблюдение означает в данном случае пассивное поведение органов (должностных лиц), осуществляющих ОРД, т. е. они обязаны не нарушать порядок ограничения конституционных прав и свобод, установ-

ленный Конституцией Российской Федерации, ФЗ об ОРД, иными нормативными актами, составляющими правовую основу ОРД, указанными в ст. 4 ФЗ об ОРД. В этом смысле принцип соблюдения прав и свобод человека изложен в ст. 2 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о том, что соблюдение прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, которое представляют органы и должностные лица, в том числе органы и должностные лица оперативных подразделений государственных органов, осуществляющих ОРД, а также перекликается с принципом законности ОРД, который также означает соблюдение Конституции, законов и иных нормативных актов. Последнее обстоятельство противоречит теоретическим положениям о том, что «принцип как норма права должен находиться в определенном взаимоотношении с другими нормами-принципами, не дублируя друг друга и не вытекая друг из друга» [1, с. 53]. Справедливости ради, следует отметить, что в теории права существует и противоположная точка зрения о том, что «принципы права образуют стройную систему, где один принцип выводится из содержания другого» [2, с. 8].

В.А. Гусев отмечает, что недостатком ч. 1 ст. 5 ФЗ об ОРД является необоснованное ограничение прав человека и гражданина, подлежащих соблюдению в процессе ОРД [3, с. 9–13]. К сожалению, он в данной статье не указал на иные конституционные права и свободы, которые должны соблюдаться при проведении ОРМ.

В специальной литературе выражено также мнение о декларативности ч. 1 ст. 5 ФЗ об ОРД [4, с. 14].

В соответствии с ч. 2 ст. 5 ФЗ об ОРД не допускается осуществление ОРД для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным законом.

Целями ОРД в соответствии со ст. 1 ФЗ об ОРД являются: защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Задачи ОРД перечислены в ст. 2 рассматриваемого закона. К ним относятся:

выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

установление имущества, подлежащего конфискации.

При этом в абз. 4 ст. 2, в котором сформулирована задача добывания информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, дважды вносились изменения от 2 декабря 2005 г. № 150-ФЗ и от 21 декабря 2013 г. № 369-ФЗ.

Абзац 5 ст. 2, в котором сформулирована задача установления имущества, подлежащего конфискации, был введен Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ.

Таким образом, перечень задач ОРД уточняется и расширяется.

Действующая редакция ч. 2 ст. 5 рассматриваемого закона, на наш взгляд, лишь опосредованно относится к принципу соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД. Исходя из этого и из соображений юридической техники текст ч. 2 ст. 5 ФЗ об ОРД, по нашему мнению, следует перенести с некоторыми уточнениями в ст. 2 в качестве ее второй части.

В соответствии с ч. 3 ст. 5 рассматриваемого закона лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном порядке, т. е. в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и которое располагает фактами проведения в отношении его ОРМ и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. В случае, если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в судебном порядке. В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий орган, осуществляющий ОРД.

Указанные положения подверглись справедливой, на наш взгляд, критике судьями Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононовым, Т.Г. Моршачевой, В.И. Олейником, нашедшей отражение в особых мнениях при вынесении Конституционным Судом Российской Федерации определения от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке

конституционности отдельных положений Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ по жалобе гражданки И.Г. Черновой».

Так, А.Л. Кононов отметил следующее: «Возможность получения указанной информации предусмотрена ч. 3 данной статьи. Однако она в значительной степени ограничена».

Так, такое право предоставляется лицам, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном порядке, т. е., как пояснено в законе, в отношении которых в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Приведенная формулировка неопределенная и на практике дает возможность произвольного толкования круга лиц, имеющих право на указанную информацию. Неясно, о каком именно преступлении идет речь в законе, с невиновностью в совершении которого связано право получения информации. Неясно, относятся ли к этой категории лица, осужденные за иные преступления, чем те, по которым проводилась оперативная проверка. Остается неясным, каковы права лиц, в отношении которых уголовное преследование не возбуждалось совсем, а ОРМ проводились лишь ввиду мнимых или действительных, но непреступных связей с подозреваемым (осужденным). Формально из круга лиц, имеющих право на информацию, исключаются те, в отношении которых ОРМ проводились, но на момент запроса они не осуждены, хотя их виновность не доказана в установленном законом порядке.

Смысл рассматриваемой нормы заключается в том, что из числа лиц, имеющих право потребовать полученную о них оперативную информацию, исключаются лица, оправданные судом, лица, в отношении которых в возбуждении уголовного дела отказано или дело прекращено по иным, чем указано в законе, основаниям, в том числе в связи с недоказанностью в совершении преступления, а также подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные. Эти категории не только лишаются права на информацию, но и ограничены в праве на судебную защиту от необоснованного обвинения, поскольку в оперативной информации могут содержаться и реабилитирующие их факты. Такие ограничения не соответствуют вышеуказанным конституционным принципам.

По мнению Т.Г. Морщаковой, в ч. 3 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» законодатель признает право гражданина, в отношении которого оперативно-розыскные мероприятия закончились объективным подтверждением его невиновности, потребовать предоставления сведений о собиравшейся и собранной о нем ин-

формации, не относящейся к государственной тайне и конспиративным данным. Но и в этих случаях ФЗ об ОРД не обеспечивает равной защиты для всех граждан, виновность которых в совершении преступления не нашла подтверждения в установленном порядке. Право на получение соответствующей информации предоставляется лишь лицам, в отношении которых были вынесены решения либо об отказе в возбуждении уголовного дела, когда нет достаточных данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления, либо о прекращении дела в связи с отсутствием события или состава преступления.

Однако эти же основания (отсутствие данных о признаках преступления либо отсутствие события или состава преступления) могут иметь место и при прекращении дела оперативного учета в соответствии с ч. 4 ст. 10 ФЗ об ОРД, когда объективно подтверждается невиновность лица. Между тем такие лица не вправе потребовать ни вынесения в отношении их решений об отказе в возбуждении уголовного дела, ни предоставления им, в том числе по судебному решению, сведений о собранной в отношении их персональной информации даже в допустимых ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД пределах, обеспечивающих неразглашение государственной тайны и конспиративных данных. Это противоречит равному праву граждан на судебную защиту и ознакомление с материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы, что закреплено в ст. 19, 21 (ч. 1), 24 (ч. 2) и 46 Конституции Российской Федерации, и не согласуется со ст. 55 (ч. 3), исключающей введение ограничений, неоправданных и несоразмерных с точки зрения целей, указанных в данной конституционной норме».

В.О. Олейник, в частности, отметил: «в статье не прописано, имеет ли право требовать ознакомления с соответствующими сведениями лицо, в отношении которого вообще не возбуждалось уголовное дело. Представляется, что имеет, но при определенных условиях. А имеет ли такое право лицо, оправданное судом? По смыслу закона – нет».

Виновность или невиновность любого лица может быть доказана «в предусмотренном Федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Данное предписание ст. 49 (ч. 1) Конституции Российской Федерации представляет собой неразделимое единство двух условий. Между тем ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД сужает это правило, называя в качестве критерия невиновности лица отказ в возбуждении в отношении его уголовного дела либо прекращение уголовного дела в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, что допускает субъективное, не соответствующее Конституции (в том числе ст. 24, 49 и др.), толкование правоприменителем права лица на ознакомление со сведениями о полученной о нем информации.

На наш взгляд, положения ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД, а равно последующих ч. 4–6 данной статьи, носят процедурный характер и должны быть в отдельной статье рассматриваемого закона с необходимыми, по-видимому, изменениями.

В то же время положения ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД непосредственно относятся к принципу соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД. В ней установлено, что органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается:

проводить ОРМ в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения;

принимать негласное участие в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;

разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами;

подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация);

фальсифицировать результаты ОРД.

В соответствии с ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД при нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья, в соответствии с законодательством Российской Федерации, обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда.

Нарушения ФЗ об ОРД при осуществлении ОРД влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации (ч. 9 ст. 5 рассматриваемого закона).

Так, например, за фальсификацию результатов ОРД лицом, уполномоченным на проведение ОРМ, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации установлена уголовная ответственность (ч. 4 ст. 303 УК Российской Федерации).

Кроме того, ст. 304 УК Российской Федерации установлена ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, которая

в диспозиции данной статьи определяется как попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа.

Таким образом, принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД получил более или менее содержательное законодательное закрепление, чего нельзя сказать об иных принципах, указанных в ст. 3 ФЗ об ОРД.

Кроме отсутствия отдельных статей о принципах законности, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, необходимо отметить, что ФЗ об ОРД обходит стороной принцип уважения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД.

В качестве положительного опыта следует отметить наличие в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» отдельных статей, посвященных каждому из принципов ОРД, указанных в ст. 5 данного закона (ст. 6–9).

1. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). СПб., 2016.
2. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. Гусев В.А. Законодательный механизм соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: проблемы и пути решения // Рос. следователь. 2011. № 15.
4. Нагиленко Б.Я., Астишина Т.В., Косарева Т.В. Понятие оперативно-розыскной деятельности: содержание, организация и правовое регулирование. Ч. 1. Домодедово, 2012.

УДК 343.233 + 343.985

А.Н. Толочко, С.В. Шарипо

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Являясь юридической наукой, обеспечивающей потребности правоохранительной практики, теория оперативно-розыскной деятельности входит в систему юридических наук криминального цикла [1, с. 21–22; 2, с. 31]. Иногда науки криминального цикла (блока) называют уголовно-

правовыми науками. Мы полностью сходимся во мнении с авторами, которые отождествляют эти понятия [3, л. 52].

Р.Г. Домбровский считает, что к уголовно-правовым наукам относятся уголовное право, судебная этика, уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности, криминология, уголовная статистика, судебная медицина, судебная психология, судебная психиатрия, уголовно-исполнительное право [4, с. 73].

М.А. Шматов в докторской диссертации на тему «Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук» [3] рассматривает взаимосвязь и соотношение теории оперативно-розыскной деятельности с уголовным процессом, криминалистикой, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, криминологией.

Во многом сходную позицию занимает Е.В. Смахтин, сформулировавший тему своей докторской диссертации как «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика» [5]. К уголовно-правовым наукам этот ученый отнес криминалистику, уголовный процесс, уголовное право, криминологию, теорию оперативно-розыскной деятельности, судебную экспертизу и др.

Термин «уголовно-правовые науки» применительно к вышеперечисленным отраслям научного знания также активно используется С.П. Митричевым, А.А. Эйسمаном, А.Н. Васильевым, А.С. Подшибякиным, Г.А. Матусовским и многими другими авторами [6, с. 68; 7, с. 114].

А.И. Долгова к наукам криминального цикла относит криминологию, уголовное, уголовно-исполнительное право, уголовный процесс, криминалистику, оперативно-розыскную деятельность, судебную психологию и некоторые другие науки [2, с. 31].

Е.П. Ищенко также использует термин «науки криминального цикла» и в качестве основных из них выделяет криминалистику, уголовный процесс, уголовное право, криминологию и теорию оперативно-розыскной деятельности [1, с. 21–22].

В 2014 г. на базе Академии МВД Республики Беларусь и Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь было опубликовано информационное издание «Библиография научных дисциплин криминального цикла (1960–2010 гг.): Уголовное право. Уголовно-процессуальное право. Уголовно-исполнительное право. Прокурорский надзор. Криминалистика. Криминология» (составители: В.В. Бачила, А.Л. Савенок, В.Б. Шабанов, В.М. Хомич, А.Е. Гучок и др., ответственный за выпуск Н.А. Бабий). Данная работа является систематизированным изложением

библиографии указанных в ее названии научных дисциплин за полувековую историю страны начиная с введения «нового на тот период криминального законодательства, действовавшего вплоть до его полной замены ныне действующим». Издание охватывает научные труды (монографии, статьи и др.) по перечисленным отраслям правоведения. Его структура максимально приближена к тематическому делению соответствующих отраслей науки; внутри структурных единиц научные труды расположены в алфавитном порядке. Что касается теории оперативно-розыскной деятельности, то труды по ней в этой работе представлены в одном из разделов криминалистики – Методика раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений.

В.Я. Колдин и Н.П. Яблоков, как бы объединяя два рассматриваемых термина, вовсе используют термин «науки криминально-правового цикла», подразумевая под ним криминалистику, уголовный процесс, уголовное право и другие уже неоднократно упомянутые нами науки [7, с. 115].

Согласно номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь, утвержденной постановлением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, многие из перечисленных наук следующим образом отнесены к научным специальностям, по которым происходит защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата либо доктора юридических наук: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (шифр 12.00.08); уголовный процесс (шифр 12.00.09); судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (шифр 12.00.11); криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (шифр 12.00.12) [8].

Нам ближе термин «науки криминального цикла» нежели «уголовно-правовые науки». Вместе с тем далее по тексту наряду с терминами «науки криминального цикла» и «юридические науки криминального цикла» в качестве их синонимов будут встречаться понятия «уголовно-правовые науки», «науки уголовно-правового цикла», «юридические науки уголовно-правового цикла», особенно при цитировании источников, в которых авторы отдавали предпочтение именно данным формулировкам.

Наиболее часто встречаемым в литературе является следующий принцип определения системы уголовно-правовых наук (наук криминального цикла). Считается, что общность цикла уголовно-правовых наук определяется их относимостью к единой цели – борьбе с преступностью [9, с. 4–5]. Согласно более развернутому подходу система уголовно-правовых наук – это отграниченное множество взаимодействующих элемен-

тов определенного комплекса правовых наук, специальным предназначением которых является борьба с преступностью [3, л. 52].

Данного критерия по отнесению наук к уголовно-правовым («целью, предназначением которых является борьба с преступностью», «регулируют сферу борьбы с преступностью») придерживаются в качестве основного и зарубежные авторы.

Так, немецкими учеными был выдвинут тезис о том, что существует особый блок «криминальных» наук, в который входят все те дисциплины, знания которых используются в борьбе с преступностью. Этот блок делится на две части: «юридические криминальные науки» (уголовное право и уголовный процесс) и «неюридические криминальные науки» (криминология и криминалистика) [10, с. 36].

Принято считать, что общим объектом исследования уголовно-правовых наук является система «преступная деятельность – теоретические и организационно-правовые основы деятельности по обнаружению, пресечению, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений», состоящая из двух основных структурных элементов: «преступность и уголовно-правовая борьба с нею». При этом необходимо иметь в виду качественное различие указанных элементов. Первый из них – преступность – негативное социальное явление, связанное не только со стихийными процессами, но и целенаправленными действиями. Второй – уголовно-правовая борьба с преступностью – общественно-полезная, высокоорганизованная система деятельности государственных правоохранительных органов [3, л. 63–64].

Наличие общего объекта исследования не означает, что каждая из уголовно-правовых наук изучает его полностью. Но принадлежность той или иной науки к уголовно-правовой отрасли обязывает ее включать в сферу своего «внутреннего» изучения определенные «границы» объекта, составляющие предмет изучения этой науки [3, с. 64]. Каждая из уголовно-правовых наук при изучении общего для них объекта как бы абстрагируется от тех его сторон, которые для нее безразличны.

Провести абсолютную разграничительную линию между предметами юридических наук криминального цикла, изучающих преступность и уголовно-правовую борьбу с ней, практически невозможно, поскольку изучаемые процессы и явления органически связаны и взаимозависимы между собой, взаимодействуют и взаимопроникают в ходе своего развития. Вместе с тем вести речь про системную целостность научных дисциплин криминального цикла наук (уголовный процесс, уголовное право, криминалистика, криминология и др.), как составную часть еди-

ной юридической науки, можно только при четком определении предметной сферы каждой из них.

Для решения данной проблемы применительно к теории оперативно-розыскной деятельности необходимо уточнить ее взаимосвязь и соотношение с другими юридическими науками криминального цикла.

1. Криминалистика : учеб. для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова ; под. ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. М., 2006.
2. Криминология : учеб. для вузов / А.И. Алексеев [и др.] ; под ред. А.И. Долговой. М., 1999.
3. Шматов М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2001.
4. Домбровский Р.Г. Теоретические основы криминалистики. Рига, 2004.
5. Смахтин Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2010.
6. Матусовский Г.А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков, 1976.
7. Смахтин Е.В. Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом / под общ. ред. А.С. Подшибякина. М., 2009.
8. Краткие паспорта специальностей [Электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь. 2017. URL: <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=cat&id=14> (дата обращения: 22.02.2017).
9. Дулов А.В. Тенденции развития науки криминалистики // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017.
10. Кавалиерис А. О месте криминалистики в системе наук // Вестн. криминалистики. 2005. № 3.

УДК 343.985

А.Н. Тукало, Д.Н. Лахтиков

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Предложенные в новой редакции Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) новые правовые механизмы, посредством которых достигается регулирующее воздействие на отдельные виды общественных отношений, были основаны на анализе оперативно-розыскной практики. Любое теоретическое положение в юриспруденции представляется необходимым лишь при том условии, что оно отвечает нуждам практики и связано с

законотворческой и правоприменительной деятельностью государства, служит обеспечению правопорядка. Несмотря на то что новый Закон об ОРД вступил в силу с 25 января 2016 г., уже сейчас очевидно, что ряд его положений нуждается в совершенствовании.

Процесс совершенствования любого законодательства – естественный и закономерный, а с учетом того, что новое оперативно-розыскное законодательство Республики Беларусь является по многим своим положениям прогрессивным (по сравнению с аналогичными законами государств – участников Содружества Независимых Государств), то не все предложенные правовые механизмы получили эффективную реализацию в деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь.

С учетом изучения практики деятельности государственных органов, осуществляющих ОРД, а также теоретических разработок современных ученых, считаем целесообразным внести в действующую редакцию Закона об ОРД следующие изменения и дополнения.

Так, ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД обязывает должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, проводившее оперативно-розыскное мероприятие «оперативный осмотр», «проверочную закупку», «контролируемую поставку» вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, в течение 48 ч с момента окончания их проведения письменно уведомлять об этом прокурора или его заместителя. Независимо от объектов оперативного осмотра как при проведении данного ОРМ по решению должностного лица, так и при проведении ОРМ с санкции прокурора или его заместителя необходимо уведомлять прокурора. На наш взгляд, в указанной норме закреплено излишнее требование об уведомлении прокурора после проведения оперативного осмотра по решению должностного лица, например, общественного места, участка местности или общественного транспорта. Проведение оперативного осмотра указанных объектов не нарушает прав граждан и уведомление прокурора в данном случае не несет никаких правовых последствий. В связи с изложенным полагаем необходимым определить, что в соответствии с ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД, уведомление направляется после проведения оперативного осмотра с санкции прокурора или его заместителя, для чего указанную часть после слов «оперативный осмотр» дополнить словами «с санкции прокурора или его заместителя».

Изложить ч. 3 ст. 29 Закона об ОРД в следующей редакции: «о проведении контролируемой поставки через государственную границу Республики Беларусь должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, письменно уведомляет об этом

прокурора или его заместителя. Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, письменно уведомляет о проведении контролируемой поставки через участок государственной границы Республики Беларусь, на котором осуществляется пограничный контроль, органы пограничной службы Республики Беларусь, таможенный контроль – таможенные органы Республики Беларусь».

Необходимость изложенных изменений вызвана тем, что пограничный и таможенный контроль не осуществляются на российско-белорусском участке государственной границы, поэтому направление уведомлений в таможенные органы и органы пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через данный участок государственной границы, предусмотренное действующей редакцией указанной статьи, может привести к необоснованной расшифровке проводимого ОРМ и лиц, привлеченных к его проведению.

Статья 46 Закона об ОРД предусматривает вынесение постановления о прекращении ОРМ, при наличии одного из пяти оснований, в том числе при истечении срока проведения мероприятия, санкционированного прокурором, либо срока, указанного в постановлении (мероприятия, проводимые без санкции). Указание конкретных сроков для проведения мероприятия и является тем самым «ограничителем» в длительности проведения ОРМ. Объективно, что решение, принимаемое в постановлении о прекращении ОРМ в связи с истечением срока его проведения, формальное, так как мероприятие уже прекращено в связи с истечением сроков, указанных в постановлении о его проведении, и проводится сверх данного срока (без подготовки соответствующих документов) не может.

В ходе осуществления надзора за осуществлением ОРД сотрудники прокуратуры при изучении находящихся в производстве оперативных подразделений ОВД дел оперативного учета выявляют нарушения в виде несвоевременной подготовки постановлений о прекращении ОРМ в связи с истечением сроков их проведения. Указанное обстоятельство влечет вынесение актов прокурорского реагирования на нарушение законности при осуществлении ОРД.

В связи с изложенным предлагаем ч. 3 ст. 46 Закона об ОРД дополнить и изложить в следующей редакции:

«О прекращении проведения наблюдения, проверочной закупки, контролируемой поставки, слухового контроля, контроля в сетях электро-связи, контроля почтовых отправлений, оперативного внедрения и оперативного эксперимента до истечения срока их проведения, на который получена санкция прокурора или его заместителя, либо срока, указанного

в постановлении о проведении оперативно-розыскного мероприятия, выносятся постановления с указанием оснований для их прекращения».

Требует своей доработки ч. 10 ст. 50 Закона об ОРД в части четкого разъяснения порядка, объема и перечня сведений, представляемых органами, осуществляющими ОРД, для ознакомления граждан, располагающим сведениями о проведении в отношении их ОРМ. Статьей 34 Закона «О государственных секретах» определяется категория граждан, которым предоставляется допуск к государственным секретам. При этом ОРМ проводятся органами, осуществляющими ОРД в рамках дел оперативного учета, имеющих ограничительный гриф «Секретно». Проверка законности действий органов, осуществляющих ОРД, которые могли привести к нарушению или ограничению прав, свобод и законных интересов граждан, не дает основания гражданам знакомиться с государственными секретами, в том числе и материалами ОРД, находящимися в делах оперативного учета.

Считаем, что принятие указанных изменений и дополнений будет способствовать совершенствованию действующего оперативно-розыскного законодательства.

УДК 343.985

Д.Л. Харевич

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ УДАЛЕННОГО ОСМОТРА КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ ИЛИ СЕТЕЙ

В настоящее время наблюдаются качественные изменения в преступности, характеризующиеся все более частым использованием возможностей сетей передачи данных (Интернет и др.), высокотехнологичных средств и орудий совершения преступлений (средств компьютерной техники (СКТ) и др.) [1]. Законодателем осуществляется адаптация правовой регламентации тактических возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с целью эффективного противодействия такой преступности. Например, ряд мер был предусмотрен в новой редакции Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

Вместе с тем принятие вышеуказанных изменений лишь частично решило имеющиеся проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети Интернет, что часто обусловлено использованием преступниками алгоритмов стойкого шифрования дан-

ных. Изучение зарубежного опыта показывает, что решением вышеуказанных проблем во многих случаях может являться проведение негласных мероприятий, связанных с удаленным контролем того устройства, в котором создана или хранится представляющая оперативный интерес информация, в период времени, пока она не будет зашифрована или стерта. В последние годы соответствующие меры были предусмотрены в законодательстве Великобритании, России, Франции, ФРГ и предложены для рассмотрения в качестве законопроектов в Австрии, Швейцарии [2; 3, с. 127].

Обзор определений таких негласных мероприятий в зарубежном законодательстве позволяет выделить их следующие характерные черты:

негласный характер проведения, обусловленный необходимостью преодоления мер противодействия раскрытию (расследованию) преступления, состоящих в применении криптостойкого шифрования или приемов анонимизации пользователя;

способ осуществления – удаленное проникновение и осмотр (копирование), при которых инициатор не находится в месте расположения обследуемого СКТ;

средства получения информации – специальные программы, разработанные и используемые инициатором проведения мероприятия;

информация, представляющая оперативный интерес, – файлы или данные, хранящиеся на обследуемом СКТ, подключенных к нему носителях информации или удаленных ресурсах, к которым имеется доступ с указанного СКТ.

Какова же юридическая сущность действий, производимых при проведении вышеуказанных высокотехнологичных мероприятий (действий)? Как видно из вышеприведенного перечня характерных признаков, совокупность производимых действий образует тактический комплекс, имеющий определенное сходство с такими предусмотренными в Законе об ОРД оперативно-розыскными мероприятиями, как «контроль в сетях электросвязи», «оперативный осмотр», «сбор образцов». С ОРМ «контроль в сетях электросвязи» их объединяет направленность на получение хранящихся в цифровом виде данных, которые могут передаваться или передаются с использованием сетей передачи данных и иных сетей электросвязи; с ОРМ «оперативный осмотр» – содержание производимых действий, по аналогии с осмотром состоящих в обследовании и последующем изъятии объектов, представляющих оперативный интерес; последняя из названных операций указывает на сходство с ОРМ «сбор образцов».

Обратимся к различиям между указанными мероприятиями. Отметим, что в ходе обсуждения данной проблематики многие исследователи

высказывали точку зрения о том, что исследуемые высокотехнологичные мероприятия (действия) являются разновидностью ОРМ «контроль в сетях электросвязи». При доказывании тождественности указанных высокотехнологичных мероприятий (действий) и контроля в сетях электросвязи делалась ссылка на то, что в ходе таких мероприятий получение информации осуществляется с использованием сетей электросвязи и в отношении информации, хранящейся в таких сетях (ч. 1 ст. 31 Закона об ОРД). Однако если следовать этому аргументу, то к ОРМ «контроль в сетях электросвязи» следует также отнести разновидности оперативного опроса с использованием указанных сетей, а также слухового контроля, при которых информация передается по указанным сетям (в обоих случаях общим является как способ передачи информации, так и ее характер), что однозначно не соответствует подходу, отраженному в действующем оперативно-розыскном законодательстве (ч. 2 ст. 21 и ч. 2 ст. 30 Закона об ОРД). Полагаем, что причисление исследуемых высокотехнологичных мероприятий (действий) к контролю в сетях электросвязи будет идти вразрез тенденции к дифференциации отдельных понятий и институтов оперативно-розыскного права, ставшей лейтмотивом при разработке нового оперативно-розыскного законодательства Беларуси.

Как следует из определения ОРМ «контроль в сетях электросвязи», приведенного в ч. 1 ст. 31 Закона об ОРД, оно осуществляется в связи с передачей данных и сообщений по сетям электросвязи или ее хранением в инфраструктуре указанных сетей. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об электросвязи» к указанным данным и сообщениям относятся телефонные вызовы, телеграфные сообщения, служебные и информационные сообщения, сетевые пакеты сетей передачи данных. И хотя этот перечень является открытым, исходя из логики отнесения к нему отдельных элементов, можно утверждать, что хранящиеся на компьютере файлы не могут быть причислены к данным и сообщениям. Безусловно, многие из таких файлов могут предназначаться для последующей передачи по сетям электросвязи, однако подобный подход делает неправомерным сбор других данных (файлов и т. д.), не имеющих отношения или какой-либо взаимосвязи с сетью электросвязи или созданных на компьютере, не имеющем подключения к сети электросвязи. Например, если сеанс доступа к услугам электросвязи не осуществляется либо информация хранится локально на СКТ, не передается по сетям электросвязи и не предназначается для такой передачи, то обосновать возможность получения указанной информации путем проведения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» проблематично.

Рассматривая особенности исследуемых высокотехнологичных мероприятий (действий), следует подчеркнуть, что существующие спосо-

бы проведения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» не подразумевают установление контроля над самим СКТ, которым пользуется лицо, представляющее оперативный интерес; осуществляется лишь перехват информации, находящейся в сети операторов электросвязи в то время, когда она передается через указанные сети или хранится в них (например, ч. 4 ст. 31 Закона об ОРД). Установление непосредственного контроля над СКТ правоохранительным органом зарубежного государства, в законодательстве которого регламентирована возможность проведения исследуемых высокотехнологичных мероприятий (действий), значительно расширяет тактические возможности при их осуществлении данным зарубежным правоохранительным органом в сравнении с предусмотренными ОРМ «контроль в сетях электросвязи», поскольку позволяет такому правоохранительному органу проводить удаленное обследование аппаратной и программной конфигурации целевого СКТ и подключенных к нему устройств, перехват паролей шифрования и т. д. [3, с. 130–135]. Таким образом, определенная часть производимых действий связана с проведением обследования СКТ, что сложно рассматривать как составную часть ОРМ «контроль в сетях электросвязи».

Точку зрения о различии между данными мероприятиями разделяют и немецкие правоведы, обоснованно разделившие в собственном законодательстве аналоги данных ОРМ, допускающих использование программных продуктов для получения информации в интересах негласного расследования, на два самостоятельных действия: контроль телекоммуникации (в форме «онлайнного наблюдения», Online-Überwachung) и онлайнный обыск (Online-Durchsuchung) [4, s. 827].

В теории ОРД имеются теоретические основания для разграничения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» от исследуемых высокотехнологичных мероприятий (действий). Нетрудно заметить, что в оперативно-розыскном законодательстве Республики Беларусь одним из оснований деления ОРМ на виды выступает такой признак, как метод познания окружающей действительности, лежащий в основе соответствующего ОРМ. Если в основе ОРМ «контроль в сетях электросвязи» лежит метод, содержание познавательных действий которого составляет негласное восприятие, слежение, контроль за представляющими оперативный интерес лицами, их поведением, а также объектами и обстановкой на них [5, с. 37; 6, с. 24], то содержание познавательных операций, имеющих место при проведении второго из сравниваемых тактических комплексов, в большей степени отражает обследование материальных объектов с целью отыскания и фиксации следов преступной деятельности [6, с. 32]. Следует отметить, что в ранних трудах исследователей теории ОРД (Д.В. Гребельский, А.Ф. Возный, В.Г. Самойлов) приведенные познавательные действия рас-

смагивались как единое целое, однако в последующем А.Е. Чечетиним обоснована точка зрения относительно их самостоятельности. Аргументами в пользу этого являлись различия в целях (установление происходящих событий, изучение поведения лиц в первом случае; поиск и фиксация следов преступной деятельности во втором); пассивный познавательный характер, подразумевающий отсутствие непосредственного контакта с наблюдаемым объектом в первом случае в противовес активному, инициативному характеру действий во втором; более широкий пространственный охват в первом случае и ограниченная локализация поиска во втором [4, с. 38]. С учетом приведенных рассуждений представляется, что отделение ОРМ «контроль в сетях электросвязи» от исследуемых высокотехнологических мероприятий (действий) имеет под собой не только логическое, правовое, но и научное обоснование.

Указанные доводы позволяют сделать вывод о некоторой степени родства познавательных методов, лежащих в основе как изучаемых высокотехнологических мероприятий (действий), так и оперативного осмотра. Вместе с тем следует отметить и очевидные различия: удаленный характер обследования в первом случае и непосредственный – во втором. Согласно ст. 26 Закона об ОРД оперативный осмотр может осуществляться в отношении ограниченного перечня объектов (жилища и иного законного владения гражданина, помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, иных объектов и территории организации, участка местности), к которым при ограничительном толковании не относятся ресурсы сети Интернет, память СКТ или машинные носители компьютерной информации. Осмотр указанных ресурсов, памяти и носителей допускается лишь в случае, если они расположены в перечисленных осматриваемых объектах, например, СКТ находится в помещении, которое подвергается осмотру. Однако при проведении удаленного обследования данное условие не выполняется, поэтому ОРМ «оперативный осмотр» в отношении удаленных СКТ и сетевого ресурса проводиться не может.

Разграничение между ОРМ «сбор образцов» и рассматриваемыми высокотехнологическими мероприятиями (действиями) можно провести по признаку того, в какой степени инициатор ОРМ обладает информацией о местонахождении объектов, представляющих для него оперативный интерес. Нельзя произвести сбор образцов, если неизвестно их местонахождение. В этой связи в оперативно-розыскной практике сбору образцов предшествует проведение ОРМ «оперативный осмотр», направленное на решение названной задачи. Аналогичный подход использован в уголовном процессе и криминалистике для отграничения обыска от выемки. Таким образом, действия, составляющие ОРМ «сбор образцов», можно представить как содержание последующего этапа проведения изучаемых

высокотехнологических мероприятий (действий). Заметим, что аналогичный подход отражен законодателем в формулировке ч. 2 ст. 26 Закона об ОРД, допускающей копирование и изъятие предметов и документов в ходе оперативного осмотра.

При проведении ОРМ «оперативный осмотр» и «сбор образцов» Закон об ОРД допускает копирование и изъятие программных продуктов, выступающих в качестве разновидности «предметов и документов». Следует отметить, что под программным продуктом понимается набор машинных программ, процедур и связанных с ним документации и данных. Могут ли все данные, хранящиеся на СКТ, рассматриваться в качестве разновидности программного продукта? Полагаем, что положительный ответ на данный вопрос поставит знак равенства между средством обработки данных, в качестве которого выступают программные продукты, и результатом этой деятельности. Законодатель также разделяет данные понятия, используя в формулировке ст. 351 УК Республики Беларусь словосочетание «компьютерная информация или программа»; аналогичный подход отмечается в ст. 354 УК Республики Беларусь. Данные, хранящиеся на СКТ, подключенных к нему носителях и удаленных ресурсах в общем случае не входят в содержание понятия «программный продукт» и выступают самостоятельными объектами, частично охватываемыми понятием «компьютерная информация». В связи с этим можно сделать заключение о том, что существующие нормы Закона об ОРД не предусматривают проведение ОРМ «оперативный осмотр» и «сбор образцов» в отношении компьютерной информации как самостоятельного предмета.

Проведенное рассмотрение позволяет сделать обоснованный вывод о том, что в настоящее время в законодательстве отсутствуют нормы, явно регламентирующие проведение вышеназванных высокотехнологических мероприятий (действий). В этой связи наиболее последовательным решением задачи приведения тактических возможностей органов, осуществляющих ОРД, в соответствие с потребностями в эффективном раскрытии преступлений, совершаемых в сети Интернет, является дополнение оперативно-розыскного законодательства новым ОРМ, охватывающим описанные выше тактические приемы.

Это позволит решить такие потенциальные проблемы ведения ОРД в сети Интернет, выявленные в ходе интервьюирования практических сотрудников, как признание действий оперативных сотрудников незаконными и невозможность использования собранных таким образом материалов ОРД в уголовном процессе.

Выскажем ряд соображений относительно его наименования. С учетом проведенного выше рассмотрения относительно содержания и ха-

рактера познавательного процесса при проведении исследуемых высокотехнологичных мероприятий (действий) полагаем, что термин «осмотр» наиболее точно отражает суть производимых действий. В этой связи для обозначения нового ОРМ предлагаем использовать название «удаленный осмотр компьютерных систем или сетей» (сокращенно «удаленный осмотр»). Очевидно, что с учетом специфики рассматриваемого ОРМ практический смысл имеет лишь негласная форма его проведения.

По аналогии с ОРМ «оперативный осмотр», определение которого приведено в ч. 1 ст. 26 Закона об ОРД, соответствующее понятие можно определить как «негласное обследование компьютерной системы или сети и сбор хранящихся в них данных, при которых исполнитель не находится в месте расположения указанных системы или сети, проводимые с использованием специализированного программного обеспечения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, повышение эффективности решения задач ОРД в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием СКТ, современных средств телекоммуникации и компьютерных сетей, возможно путем дополнения перечня ОРМ, предусмотренных Законом об ОРД, новым мероприятием «удаленный осмотр компьютерных систем или сетей» («удаленный осмотр»). Содержание данного мероприятия можно определить как «негласное обследование компьютерной системы или сети и сбор хранящихся в них данных, при которых исполнитель не находится в месте расположения указанной системы или сети, проводимые с использованием специализированного программного обеспечения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД».

1. Харевич Д.Л. О перспективах совершенствования правового обеспечения борьбы со сбытом наркотиков в сети Интернет // Теоретические и прикладные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий : сб. материалов Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Могилев, 30 нояб. 2017 г. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2017.

2. Харевич Д.Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: А.Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2018. Т. 2.

3. Харевич Д.Л. Негласное расследование в Германии [Электронный ресурс] / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск, 2010. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29395139> (дата обращения: 22.09.2017).

4. Fox D. Realisierung, Grenzen und Risiken der „Online-Durchsuchung“ // Datenschutz und Datensicherheit. 2007. № 11.

5. Четин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. М., 2006.

6. Басецкий И.И., Гайдельцов В.С. Терминологический словарь к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности». Минск, 2009.

УДК 343.985

Д.Н. Хмель

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В МЯСОМОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ

Одним из элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в мясомолочной отрасли, является личность преступника.

Ю.М. Антонян отмечал, что без изучения личности преступника невозможно объяснить природу, причину и механизм преступного поведения и разработать эффективные меры выявления, раскрытия и предупреждения преступности [2, с. 41].

Анализ научной литературы показал, что исследователи используют различные элементы для описания личности преступника в оперативно-розыскной характеристике преступлений. Так, С.Н. Иванов при описании личности преступников оперировал такими данными преступников, как пол, возраст, национальность [3, л. 25].

А.М. Абрамов, раскрывая личность преступника, совершившего мошенничество, отнес к этим сведениям нравственно-психологические признаки, т. е. особенности личности преступников и потерпевших, осведомленность правонарушителей о приемах и методах оперативной работы органов внутренних дел. Настоящие признаки способствуют определению тактики оперативной работы в среде лиц, причастных к совершению преступления данного вида [1, л. 25].

По мнению В.Д. Ларичева, под личностью преступника следует понимать совокупность (комплекс, систему, модель) типичных, отличительных черт, качеств преступника, необходимых для решения оперативно-тактических задач [5, с. 59]. Он отмечал, что важное значение при изучении лиц, совершивших преступления, должно уделяться особенностям должностного положения лиц, совершивших преступления; использова-

нию возможностей этого положения для совершения преступления; возможности привлечения к совершению преступления подчиненных ему по службе лиц и влиянию на них при выявлении преступлений в целях дачи ложных показаний; знанию специфики проведения хозяйственных операций; взаимоотношениям между членами преступной группы, а также с другими лицами, местам их времяпрепровождения, совместного отдыха, посещению увеселительных мест и др. [6, с. 56].

В научной литературе при осуществлении описания личности преступника ученые пытаются использовать характеристики личности, объединенные в единую структурированную систему.

Так, Ю.В. Чуфаровский выделяет следующие элементы характеристики личности лица, совершившего преступление:

социально-демографические (пол, возраст, образование, социальное положение);

социально-психологические (интеллектуальные, волевые, нравственные качества);

психикофизиологические (темперамент) [8, с. 42].

Отличительной чертой преступников, совершающих преступления в сфере экономики, является наличие двух мотивов: желание лица за короткий промежуток времени занять высокое должностное положение; сохранение неизменными уже достигнутые результаты [4, с. 35].

Изучая личность преступника, совершающего уголовно наказуемые деяния в мясомолочной отрасли, анализу подвергается его служебное (должностное) положение. Осуществляя трудовую деятельность, преступник приобретает определенные знания, умения, навыки, определенные социально-бытовые и иные возможности и способности, заводит знакомства с другими людьми, овладевает профессиональным мастерством, осуществляя какие-либо действия, что в последующем может им небезуспешно применяться и использоваться при подготовке, совершении и сокрытии преступлений, прежде всего в отрасли, где и осуществляется его трудовая деятельность. Сведения о служебном (должностном) положении и трудовом стаже могут помочь оперативному сотруднику выявить наиболее типичные способы совершения преступлений в данной отрасли, установить сведения о возможных лицах, вовлекаемых в противоправную деятельность, а также определить характеризующие личность иные личностно-деловые качества и способности.

Важной характеристикой лица является его возраст, который позволяет получить необходимые сведения о жизненном опыте лица, о возможности обладания им какими-либо определенными знаниями, умениями или навыками.

По статистическим данным МВД Республики Беларусь за 2015–2017 гг., лиц, совершающих преступления в мясомолочной отрасли, можно дифференцировать по возрастным особенностям: 18–30 лет, что составляет 19 %, 30–45 – 43 %, 45–60 – 32,8 %, от 60 лет и более – 5,2 %. Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что основную долю лиц, совершивших преступления в мясомолочной отрасли, составили преступники в возрасте от 30 до 60 лет (75,8 %).

Представляющей наибольший интерес для характеристики личности преступника является такая категория, как мотив совершения преступления. Под мотивом совершения преступления следует понимать устойчивое психическое образование, которое, будучи актуализированным, побуждает человека конкретизировать общую цель и выбрать тот или иной тип поведения в рамках удовлетворения одной и той же потребности [7, с. 90]. Мотивом в большинстве случаев для данной категории преступлений выступает корыстная заинтересованность, выражающаяся в желании лица удовлетворить свои материальные потребности, повысить свой социальный статус в обществе, избежать материальной ответственности за совершенный проступок, лишиться каких-либо денежных преференций по работе. В данном случае для преступников главным является приоритет личных интересов и нужд со стремлением к незаконному обогащению и реализации своих корыстных целей, который связан негативным отношением к общественным и государственным интересам.

Проведенный анализ возбужденных уголовных дел в мясомолочной отрасли за 2015–2017 гг. показал, что преступления в данной отрасли совершаются практически в одинаковом количестве как женщинами (48,3 %), так и мужчинами (51,7 %).

Среди лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния в мясомолочной отрасли, высшее образование имели 45 % преступников, среднее специальное – 40 %, среднее либо неполное среднее – 15 %. Учет оперативным сотрудником уровня и вида образования преступника позволяет ему выдвинуть предположения о выбранном способе подготовки, совершении и сокрытии преступлений и в последующем спланировать наиболее эффективные меры выявления и противодействия преступлениям, совершаемым в мясомолочной отрасли.

Проведенный анализ характеристик личности преступника, совершающего преступления в мясомолочной отрасли, показывает, что основными фигурантами данной преступной деятельности являются должностные и материально-ответственные лица, которые обладают

профессиональными знаниями и опытом работы, знакомы с условиями и особенностями осуществления трудовой деятельности на предприятии, наделенные правом управления людьми и распоряжения имуществом. Последние, став на путь совершения преступлений, используют имеющиеся знания и опыт для совершения преступлений и сокрытия своей противоправной деятельности.

Так, заместителями директоров предприятий совершено 51,5 % преступлений, выявленных в мясомолочной отрасли; директорами предприятий, начальниками (руководителями) среднего звена (начальниками торговых отделов, цехов, производственных лабораторий, главными инженерами) – 23,4 %; главными бухгалтерами (бухгалтерами) – 14,6 %; заведующими складами – 5,6 %; сторожами, водителями, экспедиторами, приемщиками складов, разнорабочими предприятия – 4,9 %.

Практика показывает, что наиболее часто совершают преступления в мясомолочной отрасли следующие лица:

занимающие руководящие должности на предприятии (директора, начальники и мастера цехов, заведующие складами и т. д.), а также материально-ответственные лица предприятий, начальники и мастера цехов, заведующие складами и т. д.);

имеющие непосредственный доступ либо к уже готовым товарно-материальным ценностям либо занимаются его производством, а также лица, которые в силу занимаемого служебного положения, занимаются оформлением бухгалтерских и служебных документов, с использованием которых совершается преступление. Данная категория лиц занимается неоприходованием поступающего на перерабатывающее предприятие сырья, созданием излишков сырья, полуфабрикатов с последующим изготовлением неучтенной продукции и ее реализацией в дальнейшем, созданием излишков сырья, полуфабрикатов и их реализацией (без изготовления готовой продукции), а также составлением бестоварных накладных либо иных документов;

оказывающие содействие противоправной деятельности, выражающейся в вывозе похищенной продукции с территории склада либо предприятия, беспрепятственном пропуске через КПП, переклеивании бирок с продукции на более дешевую и т. п. (охранники, водители, экспедиторы сторонних организаций).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что без учета сведений о личности преступника (ее характеристики) нельзя разработать методику и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые в наибольшей степени способствуют успешности выявления (раскрытия) преступления в мясомолочной отрасли.

1. Абрамов А.М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2002.
2. Антонян Ю.М. Проблемы изучения личности преступника (соотношение социального и биологического) // Профилактика правонарушений / Акад. МВД СССР. М., 1976.
3. Иванов С.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2001.
4. Карпов А.Г. Личность преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики нецелевого расходования бюджетных средств и средств негосударственных бюджетных фондов // Оперативно-розыскная характеристика преступлений: понятие, сущность и содержание : материалы круглого стола. М., 2009.
5. Ларичев В.Д. Понятие и содержание оперативно-розыскной характеристики личности экономического преступника // Науч. портал МВД России. 2008. № 3.
6. Ларичев В.Д., Милякина Е.В., Орлова Е.А. Проблемы борьбы с экономической преступностью в сфере внешнеэкономической деятельности. М., 2001.
7. Склиаров, С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004.
8. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности. М., 2006.

УДК 343.985

Н.Н. Хмель

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Президентом и Правительством Республики Беларусь коррупция рассматривается как прямая угроза обеспечения национальной безопасности республики, являясь препятствием на пути реализации белорусской экономической модели развития государства, поддержания стабильности и согласия в стране.

В этой связи вопрос противодействия коррупции по-прежнему является одним из самых актуальных в деятельности государственных органов Республики Беларусь, осуществляющих борьбу с коррупцией.

Под коррупцией понимается умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества

или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей.

Коррупционные проявления могут иметь место в виде коррупционных преступлений, коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции.

Перечень коррупционных преступлений (ст. 210; ч. 2, 3 ст. 235; ч. 2, 3 ст. 424; ч. 3 ст. 425, ч. 2, 3 ст. 426; ст. 429–432; ст. 455 УК Республики Беларусь) определен в Приложении к постановлению Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274.

С криминологической точки зрения коррупционные преступления имеют высоко латентный характер, в связи с чем абсолютные цифры и динамика коррупционных преступлений не могут в полной мере отражать реальное распространение коррупции в обществе.

К примеру, согласно исследованиям, проведенным российской общественной организацией «Национальный антикоррупционный комитет», объем российского рынка коррупции составляет порядка 300 млрд долл. в год (для сравнения, рынок незаконного оборота наркотиков оценивается порядка 10–15 млрд долл. в год).

Анализ коррупционных преступлений, выявленных в 2013–2018 гг., свидетельствует о том, что в настоящее время в республике более 80 % регистрируемых фактов взяточничества относятся к так называемой бытовой коррупции, совершаемой должностными лицами, не обладающими значительными властными и распорядительными полномочиями и, как правило, не принимающими серьезных мер по конспирации противоправной деятельности.

В свою очередь, материалы оперативно-розыскной деятельности и уголовных дел о взяточничестве, имевших широкий общественный резонанс, свидетельствуют о том, что в случаях, когда предмет взятки исчисляется тысячами долларов США, имеют место многоуровневые схемы получения взяток и такие же способы решения вопросов для лиц, передающих взятку. В данных ситуациях оперативные сотрудники имеют дело с гражданами, наделенными значимыми распорядительными функциями, имеющими полномочия в рамках своей компетенции принимать решения, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью

субъектов хозяйствования и государственных органов, при этом имеющими широкие связи и сильную команду адвокатов.

В целях придания видимости законности совершаемых деяний либо их маскировки под правонарушения, не влекущие уголовную ответственность, вышеуказанные граждане достаточно часто используют такие приемы, как написание расписок, что деньги принимаются в долг (с последующим написанием документов о возврате долга при отсутствии фактической передачи денежных средств).

Участились случаи передачи предметов взятки за пределами Республики Беларусь, что затрудняет как процесс документирования указанного факта, так и квалификацию деяния с точки зрения уголовного законодательства.

При задержании с поличным при получении денежных средств граждане заявляют о том, что полученные средства принимаются ими не в личных целях, а для расходования на нужды возглавляемого предприятия. Указанная практика с учетом возможных вариаций направления денежных средств на благотворительные цели может привести к отсутствию возможности привлечь к ответственности лиц, получивших денежные средства, так как установить цели, на которые планировалось расходовать предмет взятки, в большинстве случаев не представляется возможным, как и опровергнуть доводы заявителя.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствуют какие-либо четкие толкования по вопросам разграничения провокационных действий от создания искусственной обстановки, что может привести к нежеланию оперативных сотрудников использовать предоставленное законодательством право на проведение оперативного эксперимента.

Ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что документируется, как правило, факт получения взятки, аналогичный предшествующим.

С учетом отсутствия в большинстве случаев свидетелей предшествующих событий (обе стороны понимают противоправность своих деяний и возможные правовые последствия) суд не находит достаточных оснований для предъявления обвинения даже при полной аналогичности ситуаций. В основу, как правило, берутся наличие предмета взятки и возможность его идентификации, что в случае с денежными средствами представляется невозможным. В то же время документирование системности передачи взяток не допускается, так как в этом усматривается бездействие правоохранительных органов по пресечению преступления.

В складывающейся ситуации возникает необходимость в реализации дополнительных профилактических мер антикоррупционного характера, которые позволят существенно повысить эффективность борьбы с противоправными деяниями в рассматриваемом направлении.

1. Законодательное закрепление обязанности должностных лиц, в том числе руководителей государственных органов и иных организаций, своевременно информировать правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, о случаях обращения к ним или подчиненным работникам каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений.

Указанная норма присутствует в законодательстве ряда государств, имеющих высокие позиции в международном рейтинге «свобода от коррупции».

Закрепление в законодательстве указанных требований исключит какие-либо спорные ситуации, связанные с проведением оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», наличием либо отсутствием провокационных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Уровень профилактики коррупционных проявлений повысится в том числе и в связи с привлечением к ответственности лиц, инициировавших коррупционные предложения.

2. Установление запрета для должностных лиц на совершение сделок (включая займы) от имени физических лиц (непосредственно или членов их семьи и близких родственников) с контрагентами (их аффилированными лицами) при наличии договорных отношений между организациями, в которых работают должностные лица, и указанными субъектами хозяйствования.

Реализация данной меры исключит коррупционные правонарушения в виде установления скидок на предоставляемые товары, работы, услуги, отсрочек платежей, возможности покупки у лица имущества по завышенным ценам, а также случаи, когда коррупционное вознаграждение получается под видом займов (долга), и т. п.

3. Закрепление на законодательном уровне норм, предусматривающих лишение лица, признанного виновным в совершении коррупционного преступления, права на пользование различными видами государственной поддержки, например, установление обязанности досрочно погасить льготный кредит, возратить полученный займ, полностью выплатить стоимость имущества, по которому предоставлена рассрочка оплаты, лишение возможности получать доплаты и бонусы по акциям, пользоваться преимуществами медицинского и санитарно-курортного обслуживания, предусмотренными нормативными актами либо коллективными договорами, и т. п.

Реализация данной меры повысит мотивацию к законопослушному поведению, так как выгоды, получаемые от коррупционных деяний, будут значительно меньше потерь в случае применения предлагаемых мер.

4. Установление конкретизированной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства, в том числе за несоблюдение нормы об обязательном информировании руководства о наличии конфликта интересов.

Законом Республики Беларусь от 22 декабря 2011 г. № 332-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» введено понятие конфликт интересов и предусмотрена обязанность государственного должностного лица в письменной форме информировать своего руководителя, в непосредственной подчиненности которого оно находится, о возникновении конфликта интересов или возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно.

Вместе с тем в законодательстве отсутствует ответственность за несоблюдение названной нормы, что создает условия для коррупционных проявлений и делает введенную норму неэффективной.

Например, в Законе Российской Федерации «О противодействии коррупции» предусмотрена ответственность в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия в случае непринятия должностным лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является.

5. В целях профилактики коррупции и минимизации предпосылок для коррупционного поведения полагается целесообразным законодательно закрепить обязанности должностных лиц при назначении на руководящие должности, пройти проверку на полиграфе на предмет установления фактов противоправного поведения, сведений, дискредитирующих интересы службы, и т. п.

УДК 343.985.8

В.Н. Цынкевич

НЕОБХОДИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В СФЕРЕ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Обеспечение экономической безопасности является важнейшей функцией государства. Ведущая роль в этом направлении отводится оперативным подразделениям правоохранительных органов, которые при помощи специальных методов работы выявляют хорошо законспирированные преступные схемы. Их общественная опасность проявля-

ется, прежде всего, в высокой латентности, что создает предпосылки к существованию преступной деятельности в течение длительного периода времени, тем самым причиняя ощутимый материальный ущерб организациям различных форм собственности.

Одной из главных технологически сложных отраслей производства, требующих пристального внимания со стороны правоохранителей, следует считать легкую промышленность. Это обусловлено тем, что указанная отрасль имеет как высокий экономический потенциал, в связи с чем на системной основе разрабатываются планы по модернизации и переоснащению предприятий, внедрению инновационных технологий, так и стратегическое значение по удовлетворению основных материальных потребностей населения, созданию рабочих мест, а также пополнению бюджетного фонда за счет уплаты налогов от реализации товаров.

Так, по данным Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности – объединения государственных и иных юридических лиц, продукция легкой промышленности по уровню потребления населением стоит на 3-м месте после продовольственных товаров.

Не вызывает сомнений, что нарушение такого баланса преступлениями отрицательно сказывается на общих экономических показателях страны и ведет к ухудшению уровня жизни граждан.

Статистические сведения информационного центра МВД Республики Беларусь за 2015–2017 гг. показывают, что в промышленности зарегистрировано 2 105 преступлений, из которых большую часть – 55,8 % составляют хищения, в том числе 20,4 % путем злоупотребления служебными полномочиями. Таким образом, создавшееся положение свидетельствует о том, что вышеуказанный вид хищений является самым распространенным преступлением, которое совершается в промышленности. Отдельный учет общественно опасных деяний в сфере легкой промышленности не осуществляется и вызывает некоторые сложности при их подсчете и выделении доли в процентном эквиваленте из всей массы преступлений, регистрируемых в промышленном производстве.

Вместе с тем анализ оперативно-розыскной и следственной практики показывает, что наибольший общественный резонанс вызывают хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенные на предприятиях легкой промышленности. Это обусловлено в первую очередь категорией лиц, причастных к вышеуказанным преступлениям: руководители высшего звена – директор, заместитель директора, главный инженер, главный бухгалтер либо руководители среднего звена – начальники отделов, заместители начальников отделов, являющиеся депутатами местных исполнительных и распорядительных органов, ко-

торые в силу занимаемого должностного положения обязаны выступать эталоном соблюдения норм законодательства для подчиненных работников и вести с последними идеологическую работу с целью профилактики противоправного поведения.

Кроме того, рассматриваемое хищение в сфере легкой промышленности имеет устойчивый многоэпизодный характер, как правило, выявляются два и более факта преступной деятельности, могут совершаться группой лиц и причиняют материальный ущерб предприятиям в крупном или особом крупном размере, и попадает в категорию тяжких преступлений, что представляет наибольшую общественную опасность.

Выявление хищений путем злоупотребления служебными полномочиями затрудняется в связи с особенностями технологического процесса в легкой промышленности, который нарушается преступниками различными способами, исходя из предметов преступного посягательства: денежные средства, готовая продукция, сырье, оборудование и расходные материалы к нему и т. д. Незнание способов совершения преступления не позволяет обнаружить следы оставленные расхитителями, а также выбрать эффективную тактику для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по их закреплению.

Ретроспективный анализ специальной юридической литературы по избранной тематике показывает, что научный интерес к подобного рода хищениям зародился еще в СССР в 70–80-х гг. Это отмечается в научных трудах В.М. Антонова, А.И. Бузина, Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина, Е.Г. Коваленко, И.А. Копылова, В.И. Куликова, Э.Д. Курановой, Н.Д. Лукьянчикова, Н.Н. Лысова, Г.А. Матусовского, Н.И. Николайчика, А.П. Резвана, В.Г. Танасевича, Н.М. Тищенко, А.Д. Трубачева, М.А. Шматова и других авторов. В настоящее время нам неизвестно ни одного исследования, затрагивающего проблемы оперативно-розыскного противодействия хищениям в сфере легкой промышленности.

На наш взгляд, устоявшаяся тенденция совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в указанной сфере с учетом особенностей должностного положения личности преступника, размера причиняемого материального ущерба, требует от оперативно-розыскной науки разработки и внедрения типовых практических рекомендаций по выявлению и пресечению вышеуказанных общественно опасных деяний, которые способны отвечать современным реалиям технологического процесса и позволить более эффективно решать задачи оперативно-розыскной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, представляется важным сформулировать следующие выводы:

оперативно-розыскная характеристика рассматриваемых общественно опасных деяний включает в себя такие элементы, как способ со-

вершения преступления, личность преступника и предмет преступного посягательства;

изученные дела оперативного учета позволяют привести классификацию типичных оперативно-розыскных ситуаций и выработать оптимальный перечень тактических решений для каждой из них;

разработанные тактические рекомендации по выявлению лиц, совершающих хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в сфере легкой промышленности, определяют направления по предупреждению и пресечению данных преступлений;

затрагиваемые проблемы способствуют выработке мер по обеспечению возмещения материального ущерба, причиняемого преступлениями.

УДК 343.982.323

Д.Д. Чемерис, В.Д. Никифорчук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РОЗЫСКА БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЛИЦ

Глобализация и динамизм, усложнение общественных процессов, неожиданное и непредсказуемое развитие событий, стремительное усовершенствование информационно-коммуникационных систем и технологий – эти общемировые тенденции наряду с изменениями в законодательстве и реформированием Национальной полиции Украины требуют от сотрудников полиции, занимающихся розыском без вести пропавших лиц, адаптации к этим условиям.

Так, согласно приказу МВД Украины от 7 июля 2017 г. № 575 в случае подачи заявления, т. е. сообщения о безвестном исчезновении лица при обстоятельствах, которые свидетельствуют о возможности совершения в отношении его преступления, в течение 24 часов сведения об этом обязательно вносятся в Единый реестр досудебных расследований с предварительной квалификацией умышленного убийства и предпринимаются все предусмотренные УПК меры для всестороннего, полного и непредвзятого исследования обстоятельств уголовного производства. Как показывает практика, начальная стадия досудебного расследования по делам данной категории является решающей. От максимальной активности проведения первоочередных следственных (розыскных) действий зависит успех розыска. Поэтому особое значение имеют уровень информатизации как конкретного органа полиции, так и умение

полицейских использовать имеющиеся в наличии информационно-коммуникационные средства для установления местонахождения без вести пропавшего.

Как показывает практический опыт авторов статьи, в первую очередь целесообразно проверить без вести пропавшего через информационные ресурсы полиции с обязательным использованием сети Интернет, т. е. воспользоваться доступом авторизованных сотрудников (следователь, оперативник, патрульный полицейский) к данным интегрированной информационно-поисковой системы (ИИПС) через имеющиеся аппаратные средства (бортовой компьютер, ноутбук, планшет, мобильное устройство).

Согласно приказу МВД Украины от 12 октября 2009 г. № 436 ИИПС содержит объективно структурированный набор информации об определенных лицах, криминальных и административных правонарушениях, которая накапливается в процессе служебной деятельности в объеме и порядке в соответствии с заданиями, возложенными на полицию Украины согласно действующему законодательству. В состав информационных ресурсов входят следующие сведения:

о лицах, задержанных по подозрению в совершении криминальных преступлений, взятых под стражу или административно задержанных; лицах, скрывающихся от органов досудебного расследования, суда или уклоняющихся от отбытия уголовного наказания, без вести пропавших;

лицах, в отношении которых осуществляется профилактическая работа; лицах, совершивших административные правонарушения, на которых составлены протоколы и вынесены постановления согласно ст. 284 КВоАП;

лицах, решением судов привлеченных к ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

иностранцах и лицах без гражданства, нарушивших установленные законодательством правила въезда, выезда, пребывания в Украине и транзитного проезда через ее территорию, которые выявлены сотрудниками полиции;

зарегистрированных преступлениях, административных правонарушениях, событиях, которые представляют угрозу личной или общественной безопасности, чрезвычайных ситуациях;

украденных вещах, документах, ценностях и другом имуществе;

найденных, изъятых у граждан и служебных лиц предметах и вещах, в том числе запрещенных или ограниченных в обороте, а также о документах с признаками подделки, которые имеют индивидуальные (заводские) номера;

оружии, находящемся в пользовании граждан, предприятий, учреждений и организаций, хозяйственных объединений, которым дано согласно законодательству разрешение на его приобретение, хранение, ношение, перевозку, и подучетном разрешительной системой полиции;

украденном, утерянном, изъятом, найденном, а также добровольно переданном незарегистрированном оружии.

Для документирования и предупреждения противоправных действий, раскрытия правонарушений проводится фотофиксация лиц (вещей, ценностей), фотоизображения которых входят в структуру учета объектов ИИПС.

Умение оперировать возможностями ИИПС и использовать полученные данные способствует быстрому установлению местонахождения без вести пропавшего лица.

Как нами отмечено ранее, важно при подготовке к проведению следственных действий, получению различного рода информации, представляющей следственный (оперативный) интерес, использовать возможности сети Интернет. При помощи данного общедоступного ресурса можно не только получать данные об интересующих полицию лицах и фактах, но и устанавливать связи без вести пропавшего в социальных сетях Facebook, Twitter, LinkedIn, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники», их абонентские номера, получать информацию о различных объектах, их фотографии и т. д.

Грамотное использование имеющихся в распоряжении полиции современных технических средств способствует своевременному получению интересующей следствие информации и быстрому установлению местонахождения без вести пропавших лиц.

УДК 343.9

И.А. Шаматульский, Д.В. Грузинский

ОПЫТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из граней национальной безопасности выступает правоохранительная сфера, ведущая роль которой принадлежит Министерству внутренних дел, которое является одним из основополагающих правоохранительных органов. Вместе с тем в целях наиболее полного

анализа деятельности подразделений органов внутренних дел считаем целесообразным обратиться к международному опыту осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также законодательству, регламентирующему ее. Для большей наглядности обратимся к опыту дальнего зарубежья – Соединенных Штатов Америки.

Основополагающим законодательным актом, заложившим современные принципы оперативно-розыскной деятельности США, является Закон «О национальной безопасности», принятый в 1947 г. (National Security Act of 1947) [1, с. 42–68]. 1 июня 1968 г. Конгресс принял Закон № 90351, которым регламентирована деятельность Федерального бюро расследования (далее – ФБР) в условиях новейшего времени. В нем, кроме того, предусматривается и порядок назначения директора ФБР – он назначается Президентом США с согласия Сената, но на срок не более 10 лет для одного и того же лица. Это связано с опытом деятельности предыдущего директора ФБР – Джона Эдгара Гувера. Возглавив Бюро расследований, которое в 1935 г. переименовано в ФБР, в возрасте 29 лет, Гувер пережил на этом посту Великую депрессию, реформы Рузвельта, Вторую мировую войну, первые этапы Холодной войны, Корейскую и Вьетнамскую войны. При этом Гувер всегда был одной из самых влиятельных фигур в США. Отмечая заслуги Гувера перед страной, многие обвиняли его и в многочисленных злоупотреблениях полномочиями, в связи с чем срок службы в должности главы ФБР был ограничен [2, с. 15].

Следует отметить, что в Республике Беларусь нет четкого ограничения срока службы на посту Министра внутренних дел или, например, начальника Департамента обеспечения оперативно-розыскной деятельности МВД Республики Беларусь. Ограничения службы в органах внутренних дел в связи с наступлением предельного срока службы предусмотрены в Положении о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь.

19 июня 1968 г. Конгресс США принял Закон «Об установлении контроля над уличной преступностью» (Omnibus Crime Control and Safe Streets Act of 1968) [3, с. 69]. В соответствии с указанным законом полицейские органы в США впервые получили право проводить подслушивание для получения доказательств в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также в целях предупреждения преступлений – на основании материалов оперативного контроля, в том числе прослушивания телефонных переговоров, что в полной мере соответствует оперативно-розыскным мероприятиям, предусмотренным и в Беларуси.

Американскими судами осуждается значительное количество преступников, в том числе и обладавших особым статусом. Одним из наи-

более ярких примеров является осуждение 16 февраля 2012 г. на 14 лет тюремного заключения бывшего губернатора штата Иллинойс Рода Благоевича, пытавшегося продать в 2008 г. за сумму не менее 300 000 долл. освободившееся место сенатора от своего штата. Место освободилось в связи с инаугурацией Президента США Барака Обамы. Род Благоевич имел неосторожность упомянуть об этом в обычном телефонном разговоре, который был записан агентами ФБР и явился, по сути, единственной, но вполне достаточной для суда присяжных уликой [4].

15 октября 1970 г. Конгресс одобрил Закон «О контроле за организованной преступностью» – RICO. В некоторых научных источниках постсоветского пространства его еще называют Актом по борьбе с организованной преступностью и коррупцией – РИКО. Закон «О контроле за организованной преступностью», по сути, стал очень эффективным инструментом для привлечения к уголовной ответственности членов и глав организованных преступных сообществ. Этот большой по объему и сложный по содержанию Федеральный закон, ставший основой для законодательства во многих штатах, был до конца понят и начал эффективно применяться в полном объеме, по собственному признанию ФБР, только с 1982 г. [5, с. 60–64].

Из представленного опыта можно сделать вывод о недостатках англосаксонской системы права, в связи с которыми понимание правовых актов общегосударственного уровня оставляет желать лучшего, что обусловлено большим количеством относительно хаотичных прецедентов, составляющих законодательство данных государств. В Республике Беларусь такого опыта не имеется.

Закон «О контроле за организованной преступностью», кроме возможности вынесения приговоров отдельным подсудимым до 20 лет тюремного заключения, имеет эффективные механизмы конфискации всех доходов преступной группы или отдельных преступников. Это происходит следующим образом. При предъявлении обвинения все имущество подозреваемых и их активы замораживаются, а после вынесения обвинительного приговора это имущество подлежит конфискации, что позволяет пострадавшим подавать гражданские иски на возмещение убытков. Гражданский процесс может повлечь за собой почти в полном объеме повторное использование улик и свидетелей обвинения.

В Республике Беларусь в качестве мер обеспечения возмещения ущерба, в том числе в рамках гражданского иска, имеется возможность наложения ареста на имущество. После вынесения приговора и вступления его в законную силу арестованное имущество может быть реализовано, а полученные доходы идут на возмещение ущерба.

В 1980 г. на совещании руководящих работников Министерства юстиции США Роберт Блейки – один из авторов Закона «О контроле за организованной преступностью», профессор Школы права Нотр-Дам по борьбе с организованной преступностью заявил, что тактика ФБР и полиции, ориентированная на отдельных преступников, когда целые бригады агентов расследуют отдельные преступления, обречена. Таким образом, удар необходимо направить против всей организации – если уничтожить структуру, то мафия развалится. «С помощью Закона «О контроле за организованной преступностью» ФБР удастся сосредоточить силы и средства для ликвидации всей семьи, а не горстки солдат», – заключил Р. Блейки. Он же провел специальные занятия с руководящим составом ФБР и объяснил новую методику.

Изменение тактики деятельности ФБР очень быстро дало впечатляющие результаты: уже 9 апреля 1984 г. предъявлены обвинения, а в 1986 г. были осуждены на 20 лет лишения свободы каждый из 18 лидеров организованной преступности США, в том числе главы 5 семейств – члены так называемой «комиссии» – органа, руководящего преступностью в национальном масштабе. 24 июля 1992 г. осужден судом в Нью-Йорке на пожизненное заключение без права помилования новый глава самого мощного преступного клана США – семьи Гамбино – Джон Готти.

Многочисленные судебные процессы, завершившиеся осуждением к длительным срокам лишения свободы как главарей, так и рядовых членов Коза ностры, прошли за последние 30 лет в Кливленде, Канзасе, Сент-Луисе, Филадельфии и Нью-Йорке, что является объективным показателем успешности борьбы с организованной преступностью в США и представляет определенный интерес для теории оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, опыт дальнего зарубежья имеет как общие черты, так и отличительные. Основные отличия заключаются в том, что США придерживаются англосаксонской системы права, что обусловило сложившуюся систему законодательства и устоявшуюся практику деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем данная система также имеет положительные черты. Следовательно, тщательно проанализировав их и должным образом адаптировав под деятельность белорусских правоохранительных органов, есть реальная возможность дальнейшей оптимизации органов внутренних дел, направленной на укрепление национальной безопасности Республики Беларусь.

1. Николайчик В.М. США: полицейский контроль за обществом : учеб.-метод. пособие. М., 1987.

2. Чернер, Ю.Я. ФБР: история и реальность : учеб.-метод. пособие. М., 2003.

3. Быков А.В., Кикоть-Глуходедова Т.В. Полицейская система современного демократического государства. М., 2015.

4. National Governors Association [Электронный ресурс]. URL: <http://www.web.archive.org/> (дата обращения: 28.09.2018).

5. РИКО (влияние рэкета и коррумпированные организации) – теория расследования // Информ. бюл. НЦБ Интерпола в России. 1994. № 11.

УДК 343.985

С.В. Шарипо, А.В. Скоробогатый

ГРУППОВОЙ ХАРАКТЕР СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью во многом определяется полнотой знаний об объекте приложения своих усилий, в качестве которого выступают отдельные виды преступлений. Они же, в свою очередь, рассматриваются науками уголовно-правового цикла в преломлении к собственному предмету, целям и задачам.

Обзор специальной литературы, посвященной изучению оперативно-розыскной характеристики показывает, что наибольший интерес исследователей представляет информация, отражающая уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, криминологический, криминалистический, оперативно-тактический аспекты [1, с. 69–75; 2, с. 8; 3, с. 72–73].

Сама по себе ОРХ – это основанная на анализе негласной и гласной информации о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях и причастных к ним лицах информационная модель, использующая значимые в оперативно-розыскной деятельности сведения с целью определения наиболее оптимальных направлений противодействия отдельным видам преступлений с учетом особенностей оперативно-розыскных сил, средств и методов [4].

К свойствам оперативно-розыскной характеристики относятся динамичность и зависимость от вида описываемой преступности. Это особенно важно для организованной преступности, затрагивающей самые разнообразные стороны общественной жизни. На этот счет Д.В. Гребельский высказывал мнение о том, что оперативно-розыскная характеристика зависит от характера преступлений и поэтому «может дополняться или обходиться без некоторых элементов [3, с. 73].

При определении структуры оперативно-розыскной характеристики организованной преступности, основываясь на исследованиях отечественных [4; 5, с. 10–31] и российских ученых [6, с. 269–285], мы можем предложить следующие ее элементы: способ подготовки и совершения преступления, сокрытия его следов и уклонения преступников от уголовной ответственности; следы (как материальные, так и идеальные) совершенного преступления, подлежащие фиксации оперативно-розыскным путем, их носители (материальные объекты, люди) и места обнаружения; обстановка приготовления, совершения преступления (время, место), а также после его окончания; особенности личности преступника; групповой характер преступления, распределение ролей; личность потерпевшего (характеристика жертвы); мотивы и цели совершения преступлений; закономерные взаимосвязи между перечисленными компонентами.

Учитывая свойство зависимости оперативно-розыскной характеристики от вида описываемой преступности, практический интерес будет представлять такой элемент ОРХ организованной преступности, как групповой характер преступления и распределение ролей, который будет рассмотрен на таких сферах организованной преступности, как торговля людьми с вывозом жертв за пределы государства и торговля наркотиками через интернет.

Роли в организованных преступных группах, занимающихся торговлей людьми и незаконным оборотом наркотиков в сети Интернет можно разделить на вспомогательные и основные. При этом распределение основных ролей составляет пятиуровневую модель [7; 8].

К первому уровню относится организатор, который осуществляет как руководство деятельностью группы в целом, так и ее отдельных звеньев, создает благоприятные условия для ведения преступного бизнеса, имеет отработанную систему конспирации. Организатор торговли людьми располагает коррумпированными связями, устанавливает связи с несколькими владельцами заведений (мест), где осуществляется эксплуатация, расширяя таким образом сферу преступной деятельности [9, с. 80–105]. Организаторы крупных преступных организаций создают сеть филиалов в разных странах, обеспечивая для себя возможность перенаправления жертв при изменении условий ведения преступной деятельности или разоблачении в одном государстве. Данные лица редко с кем контактируют напрямую [10, с. 16–37].

В наркобизнесе организатор координирует работу одного или нескольких интернет-магазинов, осуществляет оплату услуг интернет-площадки, заказ и поставку оптовых партий наркотиков, руководит

совершением незаконного сбыта и часто располагает существенными денежными средствами, которые расходует на расширение преступного бизнеса и приобретение коррумпированных связей [8].

Второй уровень представлен изготовителем и вербовщиком, которые выполняют сходные задачи: изготовить (найти) предмет преступления (наркотики, эксплуатируемое лицо). Вербовщики жертв торговли людьми осуществляют поиск потенциальных жертв [10, с. 16–37; 11, с. 199–200; 12, с. 395], а изготовители наркотиков полностью отвечают за изготовление и производство наркотиков, которые позже передаются оптовому курьеру через тайники [13].

Третий уровень занимают оптовый курьер и перевозчик, занимающиеся перемещением предмета (жертвы) преступления для обеспечения дальнейшего совершения с ним преступных действий. Непосредственно перевозчики жертв торговли людьми обеспечивают отправку и сопровождение завербованных лиц к месту назначения, а также контроль за ними в процессе перевозки [10, с. 16–37; 11, с. 199; 12, с. 393–395], а оптовый курьер наркотиков перевозит крупные партии, полученные у изготовителя, передавая их адресату путем помещения данных партий в тайники и сообщая места расположения закладок диспетчеру [8; 13].

Четвертый уровень занимает диспетчер, о котором можно утверждать, что именно он является особым структурным элементом, который осуществляет слежение, управление перемещением предмета преступления от третьего до пятого уровня и является посредником между заказчиком и соучастниками, расположенными на следующих уровнях иерархии. В торговле людьми диспетчеры осуществляют прием заказов на оказание услуг по телефону, передачу жертв сутенеру. Диспетчер является посредником между лицами, осуществляющими эксплуатацию жертв и покупателями, контактируя с ними напрямую [10, с. 16–37]. В наркобизнесе, в свою очередь, диспетчер координирует передачу наркотиков из тайников с оптовыми партиями розничным курьерам, принимает заказы от покупателей, координирует размещение розничных партий наркотика в тайники (клады, мины), контролирует поступление денег за наркотики, а также является посредником между розничными курьерами (минерами) и покупателями, контактируя с ними напрямую [8; 13].

Пятый уровень объединяет функции розничного наркокурьера и лица, осуществляющего эксплуатацию жертв торговли людьми. Данные лица осуществляют преступную деятельность на низовом уровне и чаще всего непосредственно реализуют преступный результат, подготавливаемый соучастниками более высоких уровней преступной иерархии, тем самым является элементом, который наиболее часто задерживают

правоохранительные органы и с которого непосредственно начинается оперативно-розыскная работа по установлению иных уровней данных преступных групп. В сфере торговли людьми это будут лица, которые осуществляют эксплуатацию жертв [7; 10, с. 16–37; 11, с. 199; 12, с. 394–396], а в наркобизнесе – розничный курьер (минер, закладчик), который забирает наркотик из тайника с оптовой партией, делит ее на розничные партии, размещает их в тайники, фотографирует и направляет фотографии с координатами диспетчеру [8, с. 136].

Вспомогательные функции в сфере торговли людьми будут выполнять помощники в виде охранников, лиц, обеспечивающих документами, необходимыми для получения виз, получение виз на въезд в иностранное государство; лица, обеспечивающие незаконное пересечение границ; лица, выполняющие вспомогательные функции в месте эксплуатации; держатели кассы, осуществляющие сбор материальных средств с жертв в месте эксплуатации и их передачу хозяину учреждения; лица, осуществляющие отмывание денег [7]. Для преступных групп, занимающихся наркобизнесом, характерны вспомогательные ролевые функции, которые в интернет-магазине выполняют следующие категории соучастников: посредники, за вознаграждение предоставляющие оформленные на свое имя реквизиты электронных кошельков, совершающие от своего имени различные юридические значимые действия «дропы»; лица, отыскивающие «дропов», организующие совершение ими юридически значимых действий, а также продающие оформленные на посторонних лиц реквизиты, банковские и сим-карты «дроповоды»; лица, осуществляющие финансовые операции с деньгами, электронными деньгами, криптовалютой, полученными от продажи наркотиков, вывод денег на пластиковые карточки (финансисты) [8, с. 135–136].

Исследование структуры организованных групп позволяет более целенаправленно осуществлять противодействие их преступной деятельности, установление лиц, занимающих более высокий уровень, а также определять наиболее эффективный комплекс мер в зависимости от конкретной ситуации. Если же данные преступные виды деятельности осуществляются не на уровне группы, а на уровне сообщества, то, несомненно, будет более правильным выяснить, кто занимает роли сверху данной структуры, и только затем производить разоблачение и задержание всех лиц, состоящих в данном преступном сообществе одновременно. В противном случае, при задержании низшего уровня участники более высоких уровней скроются и не будет возможности установить их местонахождение, а также известно, что при исключении из низшего уровня участника, он в скором времени будет заменен новым, что в дальнейшем приведет к

тому, что данная деятельность правоохранительных органов не принесет тех результатов, которые ожидалось изначально.

Таким образом, для принятия основных решений, совершенствования существующих и выработки новых эффективных оперативно-розыскных мер борьбы с организованной преступностью важно знание оперативно-розыскной характеристики и ее структурных элементов. Именно знание элементов оперативно-розыскной характеристики, в том числе такого элемента, как групповой характер и распределение ролей, по нашему мнению, позволяет оперативным подразделениям, во-первых, выделять новые способы и виды совершенных преступных посягательств; во-вторых, наряду с применением устоявшихся форм и методов борьбы с преступностью активно использовать арсенал нетрадиционных мер; в-третьих, это дает возможность выйти на более качественный уровень организации и управления силами и средствами оперативно-розыскной деятельности. К тому же в зависимости от уровня организованной преступной группы или сообщества, мы можем определять эффективность тех либо иных мер противодействия организованной преступности.

1. Басецкий И.И., Родевич В.Ч. Квартирные кражи: теория и практика борьбы / под ред. И.И. Басецкого. Минск, 1999.
2. Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел. Общая часть / под ред. В.М. Аتماжитова. М., 1986.
3. Гребельский, Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. / под ред. Л.Н. Викторова, В.А. Образцова, А.А. Эйсмана. М., 1984.
4. Харевич Д.Л. Актуальные вопросы оперативно-розыскной характеристики преступлений // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2005. № 1.
5. Ермолович В.Ф. Расследование преступлений, связанных с наркотическими средствами : учеб. пособие. Минск, 1998.
6. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учеб. для высш. и сред. учеб. заведений МВД России / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997.
7. Харевич Д.Л. О распределении ролей в преступных группах, занимающихся торговлей людьми с вывозом за пределы государства // Формирование правовой культуры в современном обществе : сб. материалов Междунар. заоч. науч. конф., г. Могилев, 16 мая 2018 г. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Республики Беларусь. Могилев, 2018.
8. Харевич, Д.Л. О распределении ролей при сбыте наркотиков в сети Интернет // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохрани-

нительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018.

9. Шруб М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Минск, 2007.
10. Калинин Л.Н., Петрик И.Л. Торговля людьми в Республике Беларусь ; Междунар. организация по миграции. Минск, 2005.
11. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Асоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). Минск, 2017.
12. Харевич Д.Л. О различиях между торговлей людьми и организацией незаконной миграции // Пограничная безопасность: теория и практика : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. ГУО «Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь» / редкол.: В.Д. Гришко [и др.]. Минск, 2018.
13. Харевич Д.Л. Об особенностях функционирования торговой интернет-площадки и интернет-магазина по сбыту наркотиков и распределении преступных ролей // Современные технологии обеспечения пограничной безопасности : материалы науч.-практ. конф., Минск, 29 нояб. 2017 г. / редкол.: В.В. Герасименко, В.Д. Гришко. Минск, 2018.

УДК 343.985.8

А.М. Шинкевич

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Функционирующие в различных странах мира системы закупок обращены на удовлетворение наиболее важных потребностей граждан, общества и государства. Правовое регулирование указанной сферы направлено на рациональное, прозрачное и эффективное расходование бюджетных и собственных денежных средств субъектов хозяйствования с долей государственной собственности, снижение уровня коррупции при заключении сделок. Принимаемые государствами меры по совершенствованию механизма заключения сделок, перевода их в электронную форму, динамичного правового регулирования системы закупок, юридической ответственности за правонарушения, совершаемые в ней, должны отвечать современным тенденциям противодействия преступности в указанной сфере.

Стремительное развитие информационных технологий вооружило злоумышленников новыми средствами маскировки и сокрытия противо-

правных действий, доходов, полученных преступным путем. Современные преступники осведомлены о негласных методах работы и предполагаемых возможностях правоохранительных органов, поэтому целенаправленно в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступлений при общении между собой пользуются зарубежными мессенджерами (Jabber, Skype, Telegram, WhatsApp и др.), применяющими технологию шифрования end-to-end, а также программами-анонимайзерами, менеджерами паролей, приложениями для защиты и шифрования хранящейся и передаваемой информации, виртуальными частными сетями (VPN), SSH-тоннелями, защищенными браузером, облачными сервисами хранения данных, расположенными за рубежом. Все чаще при совершении преступных деяний, сокрытия преступных доходов преступники используют различные анонимные криптовалюты (Bytecoin, Dash, Zcash, Monero и др.), операции с которыми не раскрывают персональные данные владельцев кошельков, суммы платежей и их происхождение.

Применительно к сфере закупок большую опасность и сложность для выявления совершаемых в ней преступлений представляют взятки в криптовалюте. На сегодня в Республике Беларусь лицо, получающее взятку, – представитель заказчика, имеет возможность беспрепятственно в течение десяти минут с помощью смартфона анонимно через сеть Интернет создать онлайн-выкуп хорошо защищенный электронный криптокошелек, предназначенный для получения вознаграждения в виде криптовалюты. При этом удаленно отследить дальнейшее движение криптовалюты, процесс вывода в фиатные (реальные) деньги со счета электронного кошелька без доступа к нему практически невозможно. Используемые преступниками технические средства для защиты информации не позволяют без согласия и участия злоумышленников получить доступ к управлению электронным кошельком, поэтому дальнейшая негласная работа правоохранителей при установлении фактов незаконного приобретения криптовалюты утрачивает всякий смысл. Следует принять к сведению еще тот факт, что злоумышленники посредством подкупа должностных лиц заказчика закупки завладевают безналичными денежными средствами, которые переадресовываются в адрес юридических лиц, при этом обогатившиеся юридические лица к ответственности за это не привлекаются, даже в случае выявления и привлечения к ответственности взяточников и взяткополучателей.

В сфере закупок криптовалюта используется для сокрытия полученных преступных доходов, например, при хищении безналичных денежных средств с использованием служебных полномочий, замаскиро-

ванное приобретение на них криптовалюты по фиктивным договорам с фирмами-однодневками и т. п.

Криптовалюта стала не только предметом преступления, но и средством совершения противоправных деяний. За криптовалюту неофициально в «черном» интернете на территории Беларуси можно анонимно приобрести запрещенные наркотические средства, распространяемые через закладки, оружие и другие ценности, расплатиться за запрещенные услуги. В отличие от безналичных денежных средств, отследить движение криптовалюты, а также установить лиц, которые используют ее в преступных целях очень сложно, а в большинстве случаев невозможно.

С декабря 2017 г. до января 2023 г. в целях развития цифровой экономики белорусам разрешили обменивать, дарить, завещать, майнить, продавать и покупать токены за белорусские рубли, иностранные валюты и электронные деньги. Деятельность по майнингу, покупке и продаже криптовалют не является предпринимательской. Криптовалюта, доходы от операций с ней не декларируются, налоги не уплачиваются. Сегодня в Беларуси криптовалюта приобретается и продается бесконтрольно: через иностранные криптобиржи, электронные деньги и с рук.

Все это способствует активному внедрению криптовалюты в повседневную жизнь общества и государства, применению для совершения противоправных деяний в сфере закупок, заключению нелегальных анонимных сделок, активному развитию теневого сектора экономики.

Отсутствие у правоохранителей надежных и достаточных инструментов по отслеживанию, приостановлению операций с криптовалютой, контролю за созданием анонимных криптокошельков, отсутствие технических возможностей контроля за удаленным анонимным общением, передачей файлов пользователей иностранных мессенджеров, отсутствие механизма привлечения к ответственности юридических лиц, с использованием которых совершалось преступление, недостаточный уровень квалифицированных кадров, способных противостоять современной преступности, способствует росту латентной организованной преступности, снижению качественного уровня предупреждения, выявления и раскрытия преступлений в сфере закупок, росту теневой экономики, а также невозможности возврата и конфискации реальных доходов, полученных преступным путем.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамович Олег Анатольевич – заместитель начальника отдела анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования управления Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской области.

Алекперов Руслан Ракбер оглы – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Алексина Яна Петровна – старший следователь Октябрьского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Алехин Анатолий Николаевич – декан факультета клинической психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор медицинских наук, профессор.

Антонюк Полина Евгеньевна – профессор кафедры криминалистики и судебной медицины Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук.

Ахраменко Татьяна Викторовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Байдак Жанна Васильевна – студентка 4-го курса Криворожского факультета Национального университета «Одесская юридическая академия».

Бесчастный Виктор Николаевич – ректор Донецкого юридического института МВД Украины, доктор юридических наук, профессор.

Благуа Роман Игоревич – профессор кафедры уголовного процесса факультета № 1 Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Божченко Александр Петрович – профессор кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова Министерства обороны России, доктор медицинских наук, доцент.

Бординович Святослав Иванович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Борисенко Николай Александрович – начальник отделения организационной работы Академии МВД Республики Беларусь.

Бородич Дмитрий Анатольевич – старший следователь криминалистического отдела управления Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской области.

Васильев Эдуард Анатольевич – главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Веремеенко Виталий Михайлович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Веселов Николай Юрьевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Криворожского факультета Национального университета «Одесская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Власов Дмитрий Алексеевич – магистр юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Власова Светлана Владимировна – профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Войтович Евгений Михайлович – доцент кафедры уголовного права и правосудия юридического факультета Запорожского национального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Выговтов Александр Евгеньевич – адъюнкт кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.

Галяшина Елена Игоревна – заместитель заведующего, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор.

Гвоздева Ирина Сергеевна – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Горенская Елена Владимировна – ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Гридюшко Павел Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Гришин Дмитрий Алексеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.

Грузинский Дмитрий Владимирович – курсант 4 «Б» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Гусенцов Александр Олегович – заместитель начальника кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат медицинских наук, доцент.

Дрозд Александра Николаевна – инспектор информационного центра МВД Республики Беларусь.

Дьяконова Оксана Геннадьевна – доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса юридического факультета Государственного социально-гуманитарного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Егоров Владимир Петрович – старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Егоров Климент Степанович – научный сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Ерышева Светлана Борисовна – преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Ефременко Николай Васильевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Желобкович Александр Геннадьевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Заика Сергей Олегович – доцент кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент.

Зайцев Владимир Петрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Зайцева Людмила Львовна – заведующая кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Зубарев Максим Юрьевич – адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, кандидат юридических наук.

Иванова Елена Витальевна – директор Национальной книжной палаты Беларуси.

Иванова Елена Вячеславовна – заведующая кафедрой криминалистики и уголовного процесса юридического факультета Государственного социально-гуманитарного университета (Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент.

Каац Марина Эвальдовна – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казаков Андрей Викторович – начальник цикла оперативно-розыскной деятельности кафедры оперативно-розыскного и правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

Кайбелев Павел Андреевич – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Капустин Евгений Викторович – заместитель начальника филиала – врач судебно-медицинский эксперт Филиала № 1 федерального государственного казенного учреждения «111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз» Министерства обороны России.

Катарага Ольга Семеновна – директор Национального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Республики Молдова.

Кашинский Михаил Юльевич – начальник научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Кильдюшов Евгений Михайлович – заведующий кафедрой судебной медицины лечебного факультета Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор.

Кирдун Алла Анатольевна – старший преподаватель кафедры белорусской филологии Белорусского государственного технологического университета, кандидат филологических наук.

Климович Юрий Сергеевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Ковалевич Денис Викторович – курсант 3 «А» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Ковальчук Александр Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Колесникова Ольга Владимировна – преподаватель-методист отделения организации образовательного процесса факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

Колоколов Никита Александрович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Кононов Никита Игоревич – курсант 3 «А» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь.

Корж Захар Витальевич – курсант 3 «А» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Король Сергей Владимирович – курсант 4 «В» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Костенко Константин Анатольевич – заведующий кафедрой уголовного процесса 5-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Кравец Владислав Владимирович – курсант 4 «В» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Красильникова Елена Валерьевна – доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук.

Кудряшова Елена Семеновна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Кузьмин Александр Сергеевич – заведующий кафедрой судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Кунтий Андрей Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса факультета № 1 Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук.

Лазарева Лариса Владимировна – профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Лаппо Егор Александрович – начальник кафедры криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Лахтиков Дмитрий Николаевич – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Лизогубенко Евгений Витальевич – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук.

Локтевич Ольга Игоревна – ведущий инспектор по организационно-кадровой работе Ленинского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Лосева Виктория Геннадьевна – старший преподаватель кафедры пограничного контроля Института пограничной службы Республики Беларусь.

Максимчук Владимир Петрович – заведующий сектором наркологии Республиканского научно-практического центра психического здоровья, кандидат медицинских наук, доцент.

Марцынкевич Наталья Анатольевна – преподаватель кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Масюк Вадим Иванович – следователь по особо важным делам следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь по Минской области.

Мелешко Валерий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Мельковский Александр Викторович – доцент кафедры юридического факультета Запорожского национального университета, кандидат юридических наук.

Мытник Петр Васильевич – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Назаров Юрий Викторович – доцент кафедры судебной медицины лечебного факультета Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова, доктор медицинских наук (Российская Федерация).

Назарова Наталья Евгеньевна – врач – судебно-медицинский эксперт медико-криминалистического отделения Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Бюро судебно-медицинской экспертизы».

Никифорчук Вадим Дмитриевич – старший инспектор Департамента киберполиции Национальной полиции Украины.

Николаева Татьяна Анатольевна – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Нуждин Андрей Александрович – старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.

Одерий Алексей Владимирович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз Донецкого юридического института МВД Украины, доктор юридических наук, доцент.

Орехова Екатерина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ошеев Алексей Владимирович – преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Павловец Галина Александровна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Павлють Ольга Вячеславовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Петкович Петр Петрович – заместитель директора Национального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Республики Молдова.

Пилюшин Святослав Викторович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Письменный Дмитрий Петрович – профессор кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, профессор.

Попаденко Елена Викторовна – доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Попков Никита Дмитриевич – курсант 4 «В» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Поскребка Андрей Львович – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Репин Максим Евгеньевич – начальник смены дежурной части отдела полиции № 5 Управления МВД России по г. Нижнему Новгороду.

Родевич Валерий Чеславович – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Родевич Людмила Ивановна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Рожко Олег Валерьевич – начальник следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Рожнова Виктория Васильевна – профессор кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент.

Рокач Илья Александрович – старший следователь Центрального (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Ропот Руслан Михайлович – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Савчук Олег Владимирович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Самко Андрей Викторович – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Семикаленова Анастасия Игоревна – доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук.

Скоробогатый Александр Витальевич – курсант 4 «В» курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Соркин Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Стрежнев Виктор Васильевич – профессор цикла оперативно-розыскной деятельности кафедры оперативно-розыскной деятельности и правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

Сыромолот Виктор Васильевич – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Табакон Алексей Рудольфович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Тагунова Ксения Дмитриевна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Толочко Андрей Николаевич – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Тукало Алексей Николаевич – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Туманов Эдуард Викторович – доцент кафедры судебной медицины лечебного факультета Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова Минздрава России, кандидат медицинских наук, доцент.

Харевич Дмитрий Людвигович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Хмель Денис Николаевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Хмель Николай Николаевич – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Хомяков Эдуард Геннадьевич – доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук.

Хох Анна Николаевна – научный сотрудник лаборатории исследования материалов, веществ и изделий научного отдела технических и специальных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Цынкевич Владимир Николаевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Чаплыгина Виктория Николаевна – доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент.

Чванкин Вадим Аркадьевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Чемерис Дмитрий Дмитриевич – адъюнкт Национальной академии внутренних дел (Украина).

Черкасова Елена Сергеевна – доцент кафедры криминалистики 3-го факультета повышения квалификации Института повышения квалификации (с дислока-

цией в г. Новосибирск) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук.

Чигрина Галина Леонидовна – доцент кафедры финансовых расследований Университета государственной фискальной службы Украины, кандидат юридических наук, доцент.

Шакель Надежда Валентиновна – заместитель начальника организационно-инспекторского управления главного управления координации служебной деятельности центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шаматуйский Игорь Александрович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Шарино Сергей Владимирович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Шинкевич Андрей Михайлович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Южанинова Алла Леонидовна – доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии, кандидат психологических наук, доцент.

Якубель Мария Михайловна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Адамович О.А.</i> Перспективы внедрения в уголовный процесс элементов электронного уголовного дела	3
<i>Алекперов Р.Р.</i> Сравнительно-правовой анализ применения меры пресечения в виде заключения под стражу в Республике Беларусь, Российской Федерации и Азербайджанской Республике	9
<i>Алексина Я.П.</i> Институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности с учетом современных реалий	15
<i>Байдак Ж.В., Веселов Н.Ю.</i> Некоторые проблемы регламентации процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессуальном законодательстве Украины	19
<i>Благута Р.И., Кунтий А.И.</i> Отдельные аспекты совершенствования применения временного доступа к вещам и документам согласно Уголовному процессуальному кодексу Украины	23
<i>Богданович Н.А.</i> Прекращение предварительного расследования и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий	24
<i>Борисенко Н.А.</i> Копии документов: понятие, виды и возможности использования их в уголовном процессе	28
<i>Бородич Д.А.</i> Использование систем видеоконференцсвязи при производстве следственных действий	33
<i>Васильев Э.А., Горенская Е.В.</i> О декриминализации рыбной отрасли России	37
<i>Веселов Н.Ю.</i> Проблемы корреляции правовой регламентации журналистской деятельности с уголовным процессуальным законодательством	41
<i>Власов Д.А.</i> О механизме уголовно-процессуального регулирования	47
<i>Власова С.В.</i> Некоторые размышления о порядке выдвижения обвинения	50
<i>Войтович Е.М.</i> Обзор и тенденции развития института судебного контроля в уголовном процессе Украины	53
<i>Горенская Е.В.</i> Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство в России и Беларуси	56
<i>Гридюшко П.В.</i> Друг суда (amicus curiae) – новый участник уголовного процесса?	60
<i>Гришин Д.А.</i> Проблемы стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве	66
<i>Ершова С.Б.</i> Обеспечение возмещения ущерба лицам, пострадавшим от преступлений, как одна из задач уголовного судопроизводства	72

<i>Заика С.О.</i> О некоторых позитивных тенденциях проведения досудебного расследования по уголовному процессуальному кодексу Украины 2012 г.	77
<i>Зайцев В.П.</i> О теоретико-правовой неточности в ч. 1 ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь «Наложение ареста на имущество»	81
<i>Зайцева Л.Л.</i> Влияние гражданского судопроизводства на упрощение уголовно-процессуальной формы	84
<i>Каац М.Э.</i> Основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации	89
<i>Климович Ю.С.</i> Об отдельных полномочиях прокурора в контексте реформы досудебного производства	93
<i>Колесникова О.В.</i> Назначение проверок в уголовном процессе Республики Беларусь	96
<i>Колоколов Н.А.</i> Современная уголовная политика в России: в поисках концепции	100
<i>Конюк А.В.</i> О практике осуществления прокурорского надзора за законностью действий и решений органов предварительного следствия	107
<i>Костенко К.А.</i> О перспективах совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в современных условиях	111
<i>Кудряшова Е.С.</i> Некоторые вопросы, связанные с соблюдением прав граждан на разумный срок уголовного судопроизводства	117
<i>Лазарева Л.В.</i> Присутствие участников уголовного судопроизводства при проведении судебной экспертизы	120
<i>Локтевич О.И.</i> Исследование проблем участия защитника в предварительном расследовании в контексте разделения научных специальностей	124
<i>Марцынкевич Н.А.</i> Условия отнесения расходов к процессуальным издержкам	128
<i>Масюк В.И.</i> Темпоральное действие уголовно-процессуального законодательства государств бывшего СССР	132
<i>Мелешко В.В.</i> Орган дознания как участник уголовного процесса: проблемы законодательного регулирования	136
<i>Мытник П.В.</i> Имплементация международных стандартов по обеспечению прав потерпевших в уголовном процессе Республики Беларусь	141
<i>Николаева Т.А.</i> Состояние защищенности прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется досудебное уголовное преследование	146
<i>Одерий А.В., Бесчастный В.Н.</i> Открытие уголовного производства (теоретический аспект)	150
<i>Ошеев А.В.</i> Организационно-тактические аспекты осуществления мер безопасности: временное помещение в безопасное место и личная охрана в отношении защищаемого лица	153
<i>Павловец Г.А., Зубарев М.Ю.</i> Адвокат в уголовном процессе Республики Беларусь	155
<i>Письменный Д.П.</i> Проблемные вопросы охраны прав и законных интересов участников уголовного производства по Уголовному процессуальному кодексу Украины	159
<i>Попаденко Е.В., Красильникова Е.В.</i> Институт amicus curiae в свете модернизации российского уголовного судопроизводства	165

<i>Рожко О.В.</i> О разграничении реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения производства по уголовному делу	170
<i>Рожнова В.В.</i> Перспективы развития института допустимости доказательств в уголовном процессе Украины	173
<i>Рокач И.А.</i> Перспективы внедрения электронного уголовного судопроизводства в Республике Беларусь на примере зарубежных стран	178
<i>Самарин В.И.</i> Конвергенция доказательственного права в уголовном процессе в рамках Европейского союза	183
<i>Самко А.В.</i> О перечне органов дознания Республики Беларусь	188
<i>Соркин В.С.</i> О цели доказывания в уголовном процессе (дискуссионные положения)	190
<i>Чиррина Г.Л.</i> Идеальная модель процесса использования документов в уголовном производстве	195
<i>Шостак М.А.</i> Понятие, поводы и основания досудебного соглашения о сотрудничестве	198
<i>Якубель М.М.</i> Проблемные аспекты реализации права на защиту лицом, совершившим общественно опасное деяние	202

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Алехин А.Н., Черкасова Е.С.</i> Актуальные возможности участия клинического психолога в комплексных экспертизах по девиантному противоправному сексуальному поведению	205
<i>Антонюк П.Е.</i> Судебная экспертиза: трансформация понятий	209
<i>Ахраменко Т.В.</i> Возможности экспертного исследования электронных документов	211
<i>Божченко А.П., Капустин Е.В., Назаров Ю.В.</i> Дерматоглифический метод исследования в судебно-медицинской и криминалистической практике	215
<i>Галяшина Е.И.</i> Проблемы судебной лингвистической экспертизы по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях	220
<i>Гвоздева И.С., Южанинова А.Л.</i> Использование специальных психиатрических и психологических знаний в виде судебных экспертиз при расследовании доведений до самоубийства	226
<i>Гусенцов А.О., Кильдишов Е.М., Туманов Э.В.</i> Влияние преграды на характеристику огнестрельных повреждений, возникающих в результате выстрела из гладкоствольного оружия и последующего рикошета пули и дроби	231
<i>Дьяконова О.Г.</i> Ответственность эксперта – участника различных видов судопроизводства	236
<i>Егоров В.П.</i> Особенность подготовки экспертных кадров	241
<i>Егоров В.П., Кузьмин А.С.</i> Понятийный аппарат в судебной экспертизе	244
<i>Егоров К.С.</i> Разработка новых элементов экспертных технологий для объективизации решения основных задач криминалистической экспертизы цифровых речевых фонограмм	247
<i>Ефременко Н.В.</i> Подготовка сообщения о невозможности дачи заключения эксперта	251

<i>Иванова Е.Вяч.</i> Процессуальные формы комплексного экспертного исследования	254
<i>Катарага О.С., Петкович П.П.</i> Некоторые проблемы современной практики производства судебных экспертиз	259
<i>Кашинский М.Ю.</i> О необходимости уточнения медицинского критерия формулы невменяемости	263
<i>Кирдун А.А., Иванова Е.Вит.</i> Проблемные аспекты экспертизы информационной продукции на предмет присутствия в ней нацистской символики и атрибутики	267
<i>Лаппо Е.А.</i> О минимальной величине удельной кинетической энергии одиночного ранящего снаряда в судебной баллистической экспертизе	273
<i>Лосева В.Г.</i> Современные средства защиты документов на право пересечения границы	279
<i>Максимчук В.П.</i> Подходы к профилактике смертей от случайного отравления алкоголем	282
<i>Назаров Ю.В., Божченко А.П., Назарова Н.Е.</i> Методика медико-криминалистических экспертиз повреждений, причиненных острыми предметами, с проведением экспертных экспериментов	287
<i>Орехова Е.П.</i> О формах специальных знаний в процессе расследования преступлений	292
<i>Павлють О.В.</i> Этапы осмотра места происшествия как основа технологической модели деятельности эксперта-криминалиста при его проведении	296
<i>Поскребка А.Л., Тагунова К.Д.</i> Значение судебной экспертизы в противодействии преступности	300
<i>Ропот Р.М.</i> Проблемы криминалистического исследования современного модульного ручного стрелкового огнестрельного оружия	303
<i>Семикаленова А.И.</i> Судебная компьютерно-техническая экспертиза: задачи определения функциональных возможностей компьютерных программ	308
<i>Хомяков Э.Г.</i> Некоторые направления развития трасологии и трасологической экспертизы	313
<i>Хох А.Н.</i> Молекулярная спектроскопия в ближней ИК-области – перспективный метод для диагностики места произрастания срубленной древесины	319
<i>Чаплыгина В.Н.</i> Противоречия в проведении экспертных исследований в ходе расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками	323
<i>Чванкин В.А.</i> Особенности проведения экспертизы следов босых ног человека	326
<i>Шакель Н.В.</i> Принцип законности при осуществлении судебно-экспертной деятельности (сравнительно-правовой анализ)	331

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Бординович С.И., Ковалевич Д.В.</i> Некоторые проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности по обеспечению безопасности отдельных категорий защищаемых лиц	336
--	-----

<i>Бординович С.И., Король С.В.</i> Мотивация служебной деятельности сотрудников уголовного розыска	340
<i>Веремеенко В.М., Савчук О.В.</i> Повышение эффективности проведения оперативного эксперимента посредством совершенствования уголовного закона	343
<i>Вытовтов А.Е.</i> Осуществление органом дознания оперативно-розыскных мероприятий	346
<i>Дрозд А.Н.</i> Уголовная ответственность за незаконную выдачу, подделку или использование рецептов на приобретение наркотических средств или психотропных веществ	350
<i>Желобкович А.Г.</i> Вопросы виктимологической профилактики мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости	356
<i>Казаков А.В.</i> Оперативно-розыскная характеристика незаконной миграции на государственной границе Республики Беларусь: уголовно-правовой аспект и механизм преступления	358
<i>Кайбелев П.А.</i> Некоторые способы преодоления противодействия розыску лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах	363
<i>Ковальчук А.А.</i> Структура и содержание специальных знаний, необходимых для выявления хищений, совершаемых с использованием реквизитов банковских платежных карточек, и установления лиц, их совершивших	365
<i>Лизогубенко Е.В.</i> Киберпреступность – современный вызов правоохранительным органам	369
<i>Мельковский А.В.</i> Некоторые вопросы кадрового обеспечения деятельности подразделений внутренней безопасности Министерства внутренних дел Украины	373
<i>Нуждин А.А.</i> Профилактика пенитенциарной преступности оперативно-розыскными средствами	378
<i>Пиллюшин С.В.</i> Наличие информации как один из факторов, способствующих совершенствованию деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел	382
<i>Ренин М.Е.</i> Некоторые особенности и характеристика субъекта оперативно-розыскной деятельности	384
<i>Родевич В.Ч.</i> Развитию оперативно-розыскной деятельности – новую теоретическую основу	389
<i>Родевич Л.И., Коконев Н.И., Корж З.В.</i> Некоторые аспекты прав и обязанностей граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	393
<i>Савчук О.В., Попков Н.Д.</i> Некоторые аспекты регламентации электронного наблюдения в деятельности полиции Федеративной Республики Германии	397
<i>Стрежнев В.В.</i> Виды содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	401
<i>Сыромолот В.В., Кравец В.В.</i> Основания и условия ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина	406
<i>Табакон А.Р.</i> Актуальные проблемы законодательного закрепления принципов оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации	409

<i>Толочко А.Н., Шарипо С.В.</i> Некоторые аспекты исследования междисциплинарных связей теории оперативно-розыскной деятельности	415
<i>Тукало А.Н., Лаштиков Д.Н.</i> Необходимость совершенствования действующего оперативно-розыскного законодательства	419
<i>Харевич Д.Л.</i> Юридическое содержание удаленного осмотра компьютерных систем или сетей	422
<i>Хмель Д.Н.</i> Личность преступника как один из элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в мясомолочной отрасли	429
<i>Хмель Н.Н.</i> Дополнительные профилактические меры антикоррупционного характера	433
<i>Цынкевич В.Н.</i> Необходимость исследования проблем выявления лиц, совершающих хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в сфере легкой промышленности	437
<i>Чемерис Д.Д., Никифорчук В.Д.</i> Использование информационных технологий для розыска без вести пропавших лиц	440
<i>Шаматкульский И.А., Грузинский Д.В.</i> Опыт Соединенных Штатов Америки в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности	442
<i>Шарипо С.В., Скоробогатый А.В.</i> Групповой характер совершения преступления как элемент оперативно-розыскной характеристики организованной преступности	446
<i>Шинкевич А.М.</i> Современные угрозы преступности в сфере закупок	451
<i>Сведения об авторах</i>	454

Научное издание

**I Минские
криминалистические
чтения**

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 20 декабря 2018 г.)

В двух частях

Часть 2

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 27,20. Уч.-изд. л. 27,55.
Тираж 130 экз. Заказ 396.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.